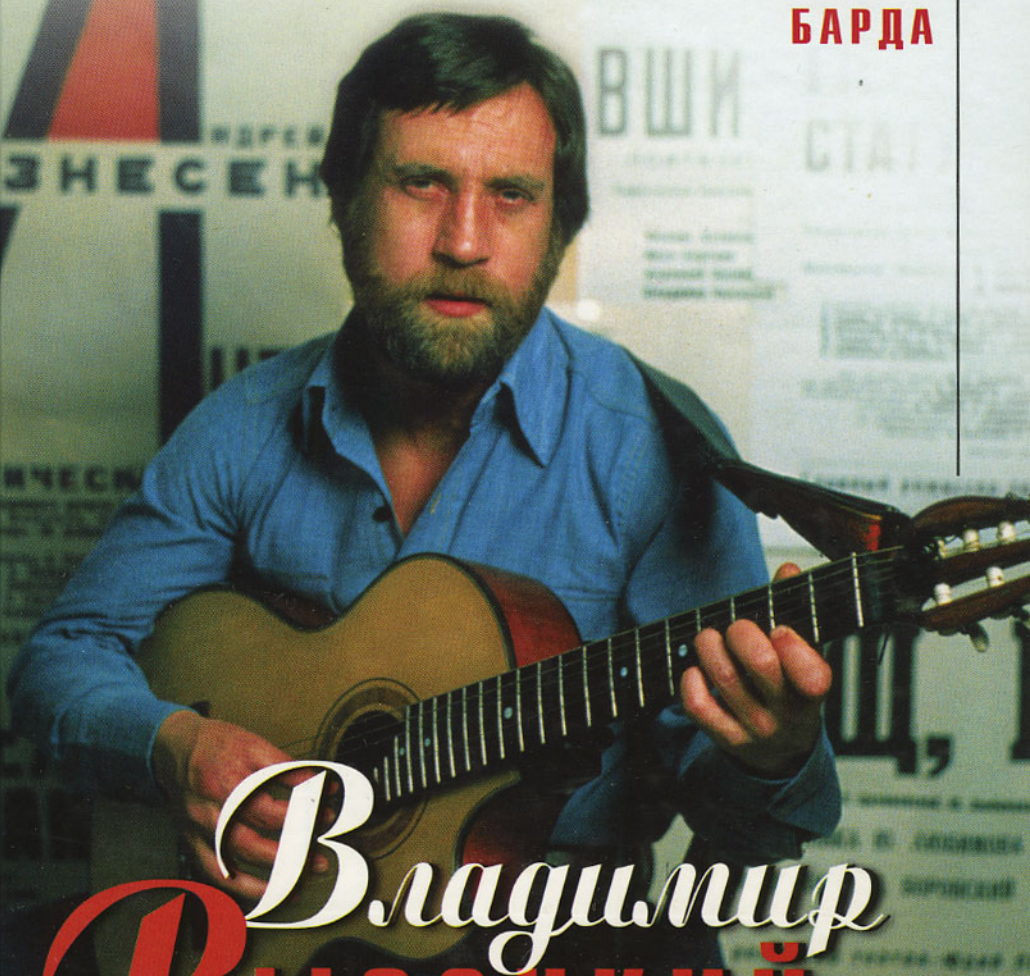

Ф. Раззаков

САМАЯ ПОЛНАЯ
БИОГРАФИЯ
ВЕЛИКОГО
БАРДА

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ

Федор Раззаков

*С*АМАЯ ПОЛНАЯ
БИОГРАФИЯ
«ШАНСОНЬЕ
ВСЕЯ
*Р*УСИ»

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

По лезвию бритвы

Пресском

2004

УДК 882
ББК 85.364.1
Р 17

Оформление художника *Н. Кудря*

Жене и дочери посвящаю

Часть первая

Жизнь и смерть Владимира Высоцкого

От автора

Наверное, в сто первый раз, с тех пор как я уехал отсюда на отдаленную окраину Москвы, ноги вновь несут меня в эти места. Станция метро «Курская», длинный подземный переход, и вот она — родная, незабываемая улица Казакова, старожилам Москвы больше известная как Гороховская. Здесь я родился, здесь прошло мое детство. Если, выйдя из подземного перехода, дойти до развилки дороги у Театра имени Гоголя и Института землеустройства, а затем по правой стороне улицы пройти еще метров сто пятьдесят, то за металлической оградой можно увидеть фасад знаменитого дворца графа Алексея Разумовского, а на другой стороне улицы ваши глаза безразлично скользнут по большому пустырю, который некогда мы гордо именовали — «наш двор». На том месте, где сегодня разбита детская площадка, и стоял мой двухэтажный, много повидавший за сто с лишним лет дом.

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном...

Мои же, только не семнадцать, а пятнадцать мальчишеских лет, прошли здесь, на Казаковке. Летом мы гоняли в футбол, играли в «казаков-разбойников», в лапту и «расшибалочку» на те деньги, что выдавались нам родителями на кино и мороженое. Зимой пустырь заливался водой из ведер

Раззаков Ф. И.
Р 17 Владимир Высоцкий. По лезвию бритвы. — М.: Изд-во Яуза, Пресском, 2004. — 480 с., илл.

ISBN 5-699-05788-9

Имя Владимира Высоцкого не нуждается в представлении. Популярность замечательного барда, поэта, актера еще при его жизни перешагнула все мыслимые пределы. Хриплый голос певца был знаком любому жителю страны, звучал с магнитофонных пленок и в столице, и в малой деревеньке. На спектакли Таганки с участием В. Высоцкого ломались толпы зрителей. Но его жизнь отнюдь не была гладкой и благополучной. Номенклатурная власть, высокие чиновники боялись чрезмерной популярности барда и всячески старались «не пущать» его в массы. В скольких фильмах он не снялся, сколько стихов осталось в столе поэта, не увидев света при его жизни... Да и сам бард изрядно осложнял свое существование роковыми пристрастиями... Обо всем этом — книга Ф. Раззакова. В ней, как и во всякой честной книге, — и свет, и тень...

УДК 882
ББК 85.364.1

ISBN 5-699-05788-9

© Ф. И. Раззаков, 2004
© ООО «Издательство «Яуза», 2004

и служил отличным местом для хоккейных баталий; из снега строилась настоящая снежная крепость, которая затем нами же по нескольку раз в день подвергалась азартному штурму.

Теперь же ни в одном московском дворе, будь то центр города или его окраина, нет ни тех игр, в которые мы когда-то играли, ни тех крепостей, которые мы когда-то строили.

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь...

Вглядываясь назад, порой поражаешься тому, как много событий и впечатлений смогли вместить в себя те годы. Так много друзей и знакомых подарил мне наш двор, из которых кто-то уже погиб, кто-то спился, кто-то угодил в тюрьму, но большинство разлетелось в разные края, и теперь вряд ли судьба когда-нибудь сведет нас всех вместе... Поэтому любая весточка из тех времен (будь то показ по телевидению «Неуловимых мстителей» или песни «Битлз») сразу переносит меня в мой родной двор, к моим друзьям.

Но самой, пожалуй, крепкой связующей нитью с тем временем для меня навсегда останется Владимир Высоцкий, его голос, его песни, его судьба. Я впервые услышал о нем году в 68—69-м, когда ребята постарше всю мусолили сплетни о том, как он сидел за изнасилование, как он беспробудно пьет и классно играет на гитаре. Причем говорилось это с таким восторгом и завистью, что не влюбиться в этого человека было невозможно. Вскоре я услышал и песни Высоцкого, среди которых сразу запомнились «На нейтральной полосе» и «В королевстве, где все тихо и складно».

Мы не были шпаной в том смысле, как это понимают все. Истинная шпана нашего района в основном группировалась возле сада имени Баумана и в Сыромятниках, и верховодили ею весьма сомнительные личности с не одной судимостью за плечами. Мы же были просто дворовой шантрапой, которую до серьезных дел и разборок никогда не допускали, да и сами мы вряд ли бы когда согласились в них участвовать. И хотя в душе каждый из нас опасался встреч с настоящей шпаной, в то же время нас почему-то необъяс-

нимо тянуло к этим ребятам, мы тайно завидовали их смелости, риску и силе. Может быть, поэтому мы и не знали ничего о песнях Булата Окуджавы, так как единственным человеком, кто пел тогда нашим дворовым языком, был Владимир Высоцкий.

Уже потом, много лет спустя, повзрослев и собрав о Владимире Высоцком массу всевозможного устного и печатного материала, я старался понять: почему он так сильно пил, чего ему не хватало в жизни? Почему из молодого человека, когда-то принявшего в компании стакан вина, получился законченный алкоголик?

...никто не гибнет зря.
Так лучше, чем от водки и от простуд...

Так пел Владимир Высоцкий за четырнадцать лет до своей смерти. Он не желал себе гибели от водки, но все равно пил, с каждым годом уходя «в пике» все сильнее и сильнее. Его никогда не признавали официальные власти, но в народе любовь к нему была безгранична. Но даже эта любовь и слава не смогли удержать его от гибели. И кто знает, может быть, смерть эта, ставшая для миллионов людей трагедией, для самого Владимира Высоцкого была избавлением от одному ему известных мук и терзаний.

1938—1964

Владимир Семенович Высоцкий родился 25 января 1938 года в Москве. Его родители — Нина Максимовна (Серегина) и Семен Владимирович Высоцкий прожили вместе совсем немного и вскоре расстались. Маленький Володя остался с мамой, которая вскоре вышла замуж за Георгия Бантоша, с которым у Володи так и не наладились настоящие человеческие отношения. По этому поводу вторая жена В. Высоцкого Людмила Абрамова позднее скажет: «Володя про Жору рассказывал. Со злостью и хохотом. Рассказывал как про преодоленное. Терпеть он его, конечно, не мог. Но

опять же как рассказывал? Как Жора Бантош боялся Гисю Моисеевну (соседка Высоцких по Первой Мещанской). Как весь дом содрогался при виде Жоры Бантоша, а Гися Моисеевна, бросив котлету, которую она в этот момент валяла в сухарях, бежала, кричала на него, махала кулаками, тряпками, приходила обратно, поднимала котлету и продолжала дальше ее валять. То есть не без смеха рассказывал. Я от него никогда не слышала, что «вот, бедная мама...» Надо сказать, что отчим оставил в душе юного Володи Высоцкого непроходящую зарубку на всю жизнь. Именно присутствие этого чужого человека в доме духовно отдалило В. Высоцкого от родного очага, которого, впрочем, у него тогда по-настоящему и не было. Истинным домом для него стал двор, сначала на Первой Мещанской, а позднее и в Большом Каретном. Не имея никаких духовных связей со своим отчимом, предоставленный самому себе (мама с утра до вечера работала), маленький Володя целыми днями пропадал во дворе, где взрослые пили, резались в карты, стучали в домино, пели блатные песни и не стеснялись выражать свои чувства смачной бранью.

В 1946 году отец Володи Семен Владимирович (на фронте он познакомился с Евгенией Степановной Лихолатовой, и они поженились) как офицер Советской Армии получил назначение в Германию и перед отъездом заехал к своей бывшей жене и 8-летнему сыну. Зная, в каких условиях они живут (у Нины Максимовны была мизерная зарплата, и они с трудом сводили концы с концами), Семен Владимирович предложил ей на время отпустить с ним в Германию Володю. И Нина Максимовна согласилась. Так в 1946 году 8-летний Володя Высоцкий оказался в далекой и чужой для него стране, в городе Эберсвальде. К сожалению, и это трехлетнее пребывание в Германии не принесло Володе Высоцкому настоящей радости. И хотя отношение к нему отца и Евгении Степановны (Володя называл ее «мама Женя») было самым благожелательным, несмотря на то, что впервые в своей жизни Володя получил настоящий велосипед и обучился игре на рояле, несмотря на это, жизнь в закрытом во-

енном городке для энергичного московского мальчишки была скучна и однообразна. Позднее он расскажет об этом Марине Влади, и та напишет в своей книге воспоминаний: «Ты в Германии, в маленьком городке, где стоит гарнизон советских оккупационных войск. Тебе 7 лет... В своем замкнутом кругу десятков офицерских семей живет под перекрестным наблюдением. От них несет лицемерием и водкой... Все, что разрешалось бы русскому мальчику в твоей стране, тебе совсем или почти совсем запрещено. Ты не можешь сам себе выбирать товарищей для игр — только приятелей из твоей касты, равных тебе по привилегиям. Никаких прогулок в одиночку, контролируется каждый твой шаг, тебя ежеминутно проверяют, опасаясь покушения или детских шалостей, которые всегда плохо кончаются».

Так пишет о том времени Марина Влади, последняя жена Владимира Высоцкого, человек, который прожил с ним более двенадцати последних лет его жизни и которому поэт доверял более чем кому-либо.

Вырвавшись из этого ограниченного высоким забором мирка и попав вновь в Москву, на Большой Каретный, Высоцкий не мог не окунуться с головой в это состояние пьянящей свободы. В той компании он был самым младшим, и, чтобы не чувствовать разницы в возрасте, ему пришлось наравне со взрослыми ребятами и пить, и курить, и ухлестывать за девушками. Да и утрата душевного понимания в семье вынуждает его искать понимания вне стен родного дома.

«Гораздо позже я поняла, — пишет в своей книге Марина Влади, — из-за всего этого — отца, матери, обстановки и уже тогда изгнания — ты начал с тринадцати лет напиваться».

Надо сказать откровенно, что немалое значение (если не первостепенное) в столь раннем приобщении В. Высоцкого к алкоголю играла и унаследованная им от предков болезнь головного мозга. Это неблагоприятное генное наследие пришло к В. Высоцкому от родного деда (тетки со стороны матери умерли от туберкулеза). Дед В. Высоцкого — Максим Иванович Серегин — был уроженцем села Огарева Тульской губернии, в 14-летнем возрасте он приехал в Москву.

на заработки и сначала подносил чемоданы на вокзалах, а позднее устроился швейцаром в гостиницу. Его чрезмерное увлечение алкоголем передалось через поколение внуку.

«Скажу откровенно, я никогда не относился к нему (Высоцкому) с благоговением, — вспоминает Анатолий Утевский, друг Высоцкого с юношеских лет. — Для меня он всегда был тем Володькой, который звал меня Толяном и приходил в наш дом, когда ему заблагорассудится. Он мог позвонить в дверь и рано утром, и поздно вечером, и ночью. Молча усесться в углу комнаты или завалиться спать, тем паче что места в квартире было достаточно. Вспоминая то время, понимаю, он был одинок. Родители, бабушки, друзья, любимые женщины, работа — все это маленькие норки, в которые он на время прятался, а потом «вылезал» и стремительно мчался куда-то, словно хотел убежать от самого себя...»

Высоцкий приехал в Большой Каретный в 1949 году, а первый стакан вина друзья налили ему в 1951-м. О тех временах вспоминает все тот же А. Утевский: «Володька появился в нашем дворе в 1949 году... Разница в возрасте у нас была довольно солидная — четыре года. Но надо отметить, что ни тогда, ни впоследствии «возрастной ценз» нашей дружбе не мешал. Повторюсь: у Володи была удивительная тяга к взрослым и старшим по возрасту. В нашей компании он не был «шестеркой», «мальчиком на подхвате». С ним держались на равных, и он отвечал тем же... Володя в нашей компании имел прозвище «Шваник» (хвостик), поскольку всюду за нами бегал. Но это было не обидное прозвище, а скорее домашнее, ласкательное, как бывает в добрых семьях, где в шутку дают подобные прозвища. Я не помню, чтобы кто-то из нас мог обидеть Володю. Он же не допускал амигошества, фамильярности и всегда держался с достоинством».

В 1956 году на Большой Каретный в квартиру своей молодой жены Инны Крижевской переехал однокашник А. Утевского по учебе в МГУ Левон Кочарян. Утевский об этом вспоминает так: «Итак, Лева переехал к Инне, на Боль-

шой Каретный, в ее трехкомнатную квартиру на четвертом этаже. В то время это было роскошью, большинство москвичей жили в коммуналках, в одной комнате. Дом Кочарянов — гостеприимный, хлебосольный, душевный, можно сказать, открытый для всех — обладал удивительным притяжением. И даже после рождения Олечки вся наша компания продолжала там собираться. Привел я туда и Володю Высоцкого, потом там появились и его самые близкие школьные друзья — Володя Акимов, Игорь Кохановский, Яков Безродный, Аркадий Свидерский».

К моменту знакомства с Леоном Кочаряном Высоцкий уже пять лет как употреблял спиртное. Много интересного об этом могли бы поведать упомянутые А. Утевским школьные друзья Высоцкого, но они этой темы в своих воспоминаниях, впрочем, по вполне понятным причинам, старательно избегают.

Заставший те времена Василий Аксенов вспоминал: «Пьянство вообще-то не особенно возбранялось, если ему предавались здоровые, концентрированные люди в свободное от работы или отпускное время. Напитки были хорошего качества и имелись повсюду, вплоть до простых столовых. Даже глубокой ночью в Охотном ряду можно было набрать и водок, и вин, и закусок в сверкающем чистотой дежурном гастрономе. К началу пятидесятых годов полностью возродились московские рестораны, и все они бывали открыты до 4 часов утра».

В пяти минутах ходьбы от дома № 15, в котором жил В. Высоцкий, в 1-м Колобовском переулке раскинул свои владения построенный еще при последнем российском монархе винный завод. В компании, где проводил свое время В. Высоцкий, вино было естественным атрибутом застолий, таким, как гитара и карты. Не случайно поэтому первые эпиграммы, посвященные лучшим друзьям, Высоцкий называл: «Напившись, ты умрешь под забором» (написана в 1962 году и посвящена Игорю Кохановскому, с которым Высоцкий сидел за одной партией), «Кто с утра сегодня пьян?» (написана в 1962 году и посвящена лидеру компании Лео-

ну Кочаряну), «В этом доме большом раньше пьянка была» (написана в 1963 году и посвящена однокурснику Высоцкого по Школе-студии при МХАТ Георгию Епифанцеву, в 1968 году сыгравшему роль Прохора в телефильме «Угрюм-река»).

Артур Макаров позднее вспоминал: «В нашей компании было принято — ну как вам сказать? — выпивать. Сейчас я пью немного, но не только по причине того, что я старше и болезненнее, а по причине того, что редко наступает в тебе такой душевный подъем, такое созвучие души с компанией, когда хочется это делать дольше, поддерживать в себе, дабы беседовать, развлекаться и для этого пить, иногда ночи напролет.

Мы не пили тупо, не пили для того, чтобы пить, не пили для того, чтобы опьянеть. Была нормальная форма общения, подкрепляемая дозами разного рода напитков».

Но как бы романтично ни звучали слова А. Макарова об идейной основе прошлого питания, все же факт остается фактом: именно те шумные застолья приучили Высоцкого к спиртному. Ведь в той компании он и еще Акимов были самыми младшими, и желание подражать, ни в чем не уступать старшим товарищам толкало Высоцкого в объятия спиртного. Даже за вином в ближайшую «Бакалею» на углу Каретного и Садовой бегали именно они, младшие в компании, — Высоцкий и Акимов.

Впервые ощутив в себе приятный хмель, позволивший ему на время забыть о собственных внутренних терзаниях и осознать себя равным среди равных, Высоцкий ощутил легкое влечение к спиртному, которое довольно скоро переросло в стойкую привычку, а затем в болезнь. А в те годы для Высоцкого главным было (и в этом А. Макаров был прав) не напиться, а почувствовать легкий хмель, создать себе, по определению Л. Леви, «искусственный, химический темперамент». И хотя А. Утевский называет Большой Каретный того времени «центром нашей юности, причем нравственно чистым», несмотря на это, юный Высоцкий так и не смог в полной мере избежать соблазнов улицы, со-

блазнов Лихова переулка с его хулиганскими компаниями, с его почти уголовным миром, где правили всякие Мясо, Бармалеи, Фары, братья Долбецы. Ведь окрестности вокруг Каретных улиц Малюшенка, Косая, Бутырка были буквально нашпигованы подобного рода блатными компаниями.

Вспоминая о знакомых самого Левона Кочаряна, А. Утевский пишет: «Круг Левушкиных знакомств был весьма пестрым, полярным и многоплановым. Некоторые его приятели составляли далеко не самую интеллектуальную часть его общества. Скорее, они примыкали к криминогенной, авантюрной его части. Со многими из них я был знаком. Кое-кого знал и Володя, которому тогда весьма импонировал их авантюрный образ жизни, возможность разными путями легко зарабатывать деньги и так же лихо, с особым шиком и куражом прокутить их. Днем они занимались какими-то сомнительными делишками, а вечером собирались в модных тогда ресторанах «Спорт», «Националь», «Астория», «Аврора». Эти ребята, несмотря на принадлежность к блатной среде, были фигурами весьма своеобразными, добрыми по своей натуре и обладавшими чертами справедливых людей. Авторитет Левы был у них огромен».

Касаюсь отношений Высоцкого и Кочаряна, следует отметить, что со временем они претерпели значительные изменения. В воспоминаниях друзей это выглядит так. О. Савосин вспоминает: «Кочарян умер в 70-м... Вы знаете, что на Высоцкого ребята очень обиделись? Он же не был на похоронах Левы... И, честно говоря, не думаю, что это произошло потому, что Володя зазнался... Это я заметил абсолютно! Но с его занятостью, с неожиданными поворотами в жизни — все могло быть. Но тогда мы немного отдалились друг от друга».

Зная по воспоминаниям многих, каким преданным другом мог быть Высоцкий, трудно представить себе причину, которая могла удержать его от присутствия на похоронах одного из лучших своих друзей.

И последнее воспоминание — В. Нисанова: «Однажды

Володя зашел ко мне домой, это было в конце мая 80-го... А у меня на стене висят фотографии, на одной из них я снят вместе слевой Кочаряном. Володя остановился перед этой фотографией и долго-долго стоял и смотрел. Не знаю, что между ними когда-то произошло, но у Володи началась истерика, самая настоящая истерика».

Таким образом, двор в Большом Каретном сформировал все его привычки. Чувство товарищеского локтя, чувство справедливости, смелость, душевную щедрость. Первая сигарета, первый стакан вина, первая женщина — это тоже Большой Каретный с его глухими подвалами и подворотнями.

В своем, по многим приметам, автобиографическом «Романе о девочках» Владимир Высоцкий писал: «Особых, конечно, вольностей не было, потому что стеснялись девичества девушки, и юноши боялись ударить в грязь лицом и опозориться, да некоторые просто и не знали, что делать дальше после объятий. На практике и не знали, хотя теоретически давно изучили все тонкости из ботаники, зоологии и анатомии, которая в 9-м классе преподается под хихиканье и сальные шуточки. Знали они про первородный грех Адама и Евы и последующие до нынешних времен, ибо жили они по большей части в одной комнате с родителями, и родители думали, что они спят, конечно же... но они не спали и все слышали. Справедливо все-таки замечено древними: во всем виноват квартирный вопрос».

Желание познания сексуальной практики в каждом мальчишке-подростке возникает гораздо раньше условий, могущих это желание удовлетворить. В случае с Высоцким все обстояло несколько иначе. В той компании, где находился он, хватало места и девушкам, бывшим на несколько лет старше Высоцкого. И хотя тот не отличался ни отменным ростом, ни какой-то особенной красотой, но девушкам нравился его веселый, темпераментный характер и дар отменного рассказчика-юмориста. Многие из этих девушек были даже более раскованны, чем ребята, и свой богатый сексуальный опыт передавали легко. Ведь многие из них

росли в таких семьях и дворах, где все было проще и грубее, чем писалось в книгах и показывалось в кино.

Но для Высоцкого приобретение практического сексуального опыта пока выражалось в пассивном наблюдении за действиями старших товарищей. В откровенных воспоминаниях двоюродного брата Высоцкого Павла Леонидова есть строчки и об этом: «Однажды потащили на моей первой «Победе» шестнадцатилетнего Володю в Машкино: Гена, Володя, я, трое девочек. Заехали куда-то в кусты, расположились. Володя застенялся. Мы с Геной занялись делом, а Володя «смотрел телевизор». Так мы называли процесс «глядеть и не участвовать». «Смотрение телевизора», когда плоть подростка-зрителя переполняет жгучее желание, но естественный, первородный страх и стеснение не позволяют это желание выплеснуть из себя, может в дальнейшем по-разному сказаться на психике молодого человека. Он может напрочь отбить сексуальное желание вообще (как это произошло с Майклом Джексонем, на глазах которого происходили сексуальные оргии его старших братьев), а может, наоборот, сделать из человека полового извращенца (как это произошло с Элвисом Пресли).

Для Высоцкого, по всей видимости, это завершилось довольно скоро обыкновенным в дворовых компаниях групповым сексом. И, может быть, было это так, как описано в том же «Романе о девочках»: «Их (женщин) было много в Колькиной бесшабашной жизни. Совсем еще пацаны, брали его ребята к гуляющим женщинам. Были девицы, всегда выпившие и покладистые. По несколько человек пропускали они в очередь ребят, у которых это называлось — «ставить на хор». Происходило это в тире, где днем проводили стрельбы милиционеры и досафовцы, стреляли из положения лежа. Так что были положены на пол спортивные маты, и на них-то и ложились девицы и принимали однодневных своих ухажеров пачками, в очередь. Молодых пьяноватых ребят, дрожавших от возбуждения и соглядатайства...

Запомнил ее Колька — первую свою женщину и даже потом расспрашивал о ней у ребят, а они только смеялись,

да и не знали они — кто она такая и откуда. Помнил ее Колька благодарно, потому что не был он тогда молодцом и так... ни черта не понял от волнения и нервности, да еще дружки посмеивались и учили в темноте: не так надо, Коля, давай покажем, как...»

И все же грубое дворовое воспитание, через которое прошел Владимир Высоцкий, так и не убило в нем мужского благородства. И если одна из любимых женщин Сергея Есенина Галина Бениславская в 25-м году написала в своем дневнике: «Сергей — хам. При всем его богатстве — хам. Под внешней выложенной манерностью, под внешним благородством живет хам. И ведь с него больше спрашивается, нежели с какого-либо простого смертного. Если бы он ушел просто, без этого хамства, то не была бы разбита во мне вера в него. А теперь, чем он для меня отличается от Приблудного? — такое же ничтожество, также атрофировано элементарное чувство порядочности», — то ни одна из женщин, которых любил Владимир Высоцкий, не захотела сказать о нем ни одного дурного слова, хотя всякое бывало в их отношениях с ним.

Иза Высоцкая: «Мне просто повезло: в моей жизни было большое счастье. И когда мы расстались, у меня было такое ощущение, что женщины должны быть с ним очень счастливы. Потому что у него был такой дар — дарить! Из будней делать праздники, причем органично, естественно».

Людмила Абрамова: «Пусть меня найдет и плюнет мне в лицо тот, кто сможет доказать, что Володя когда-нибудь за глаза плохо говорил о женщинах. Уверена, что этого не было! Никогда никому не поверю, если кто-то будет это утверждать».

Когда вода Всеминого потопа
вернулась вновь в границы берегов,
из пены уходящего потока
на сушу тихо выбралась Любовь...
Я поля влюбленным постелю —
пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!

(1975)

Будучи внешне контактным и общительным, внутренне Владимир Высоцкий был человеком скованным и порой мало уверенным в своих силах. Он и пить начал именно потому, что хотел подавить в себе эту неуверенность и внутреннюю скованность. Об этом можно судить хотя бы по такой его фразе из письма жене Людмиле Абрамовой, помеченного августом 64-го: «...люблю, когда вокруг весело, — мне самому тогда тоже, это разбивает мое собственное о себе мнение — будто я только под хмельком веселюсь». Внутренняя неуверенность Высоцкого, его духовная неудовлетворенность окружавшими его людьми и обстоятельствами и толкали его чаще всего на поступки, с точки зрения стороннего наблюдателя, безрассудные и малообъяснимые. Это отталкивало его от старых друзей и кидало к новым, порой не лучше, а хуже первых; только это отдаляло его от родных и близких, включая в первую очередь родную мать и отца. Внутреннее одиночество, которое не смогли разрушить ни родители, ни женщины, ни друзья, так и осталось пожизненным крестом Владимира Высоцкого.

Не находя должного понимания в собственном доме, искал его у других. А. Утевский, у которого он бывал в те дни чаще, чем у других, вспоминает, что «Володю наш дом привлекал уютом, теплом и добрым к нему отношением моих родителей... В наших семейных походах иногда участвовал и Володя. Обычно это случалось тогда, когда мне было лень одному ехать за билетами. Он охотно соглашался, выторговывая порцию мороженого. После кино мама обычно приглашала Володю на чашку чая. И это была ее маленькая хитрость. Дело в том, что мы с отцом пытались под разными предлогами улизнуть от обсуждения увиденного фильма. Володя же с радостью принимал участие в таких разговорах. Они подолгу сидели в столовой, несколько раз подогревали чайник, добавлялось варенье в вазочки... Я удивлялся терпению друга и пытался вытащить его из столовой. Он отмахивался, а потом сердито выговаривал: «Не суйся, твоя мама дело говорит...» Теперь я понимаю, почему они находили общий язык. Оба принадлежали искусству — два романти-

ка, два мечтателя... Володя сказал как-то с восторгом: «Господи, какая же у тебя мама!» В семье Владимира Высоцкого, видимо, не было такого взаимопонимания между взрослыми и детьми. И хотя мачеха Высоцкого, Евгения Степановна Лихолатова, по словам Марины Влади, «нежная и любящая», но она была человеком чужим, как и отец, всегда мало разбиравшийся в душевных терзаниях своего сына.

Зимой 1956 года, когда Высоцкий бросил МИСИ, куда его заставил пойти отец, он, по словам А. Утевского, «много времени стал проводить у меня, поскольку хотел избежать неприятного разговора с отцом, но все же объяснение состоялось, о подробностях писать не буду».

Друг семьи Высоцких Н.М. Киллерог, жившая в 50-х годах в Киеве, позднее вспоминала: «Вдруг зимой звонит мне Евгения Степановна и говорит: «Неля, мы в отчаянии! Приезжай!!!» — «Что случилось?» — «Вова бросает строительный институт, хочет поступать в театральный!»

Близкие Володи были в ужасе, пытались отговорить его от этого, как нам тогда казалось, безрассудного поступка. Когда все аргументы были исчерпаны, я нанесла ему «удар ниже пояса»: «Да посмотри ты на себя в зеркало — какой из тебя артист!»

При этих словах Володя густо покраснел, глаза его наполнились слезами, и в ответ я услышала: «Вот посмотришь, ты еще будешь мной гордиться!» Сам Владимир Высоцкий, вспоминая об этих событиях, в январе 80-го признался: «Потом были конфликты между родственниками. Они хотели, чтобы я стал простым советским инженером. Я поступил в строительный институт на механический факультет, учился там. Но потом почувствовал, что совсем не вмоготу».

Бросив МИСИ в начале 1956 года, Владимир Высоцкий летом того же года поступил в Школу-студию при МХАТ, уже не будучи жителем Большого Каретного. За год до поступления он переехал к матери, Нине Максимовне, на Первую Мещанскую, по всей видимости, из-за конфликта с

отцом. Но, уехав с Большого Каретного, не забывал его и по-прежнему часто навещался к своим друзьям. В тот год в судьбе Владимира Высоцкого произошло еще одно знаменательное событие: в Школе-студии он встретил девушку, которой вскоре суждено будет стать его первой женой. Девушку звали Иза Жукова. Была она на год старше Высоцкого и к тому времени уже училась на третьем курсе. Знакомство их состоялось в тот момент, когда Высоцкий был приглашен для участия в курсовом спектакле третьекурсников «Гостиница «Астория» И. Штока, в котором Высоцкому досталась бессловесная роль солдата с ружьем. Высоцкий был очень захвачен этой работой и ходил на все репетиции. Одним словом, довольно быстро он стал среди третьекурсников своим парнем, что при его общительном характере было и не столь сложно. Тогда и произошло его близкое знакомство с Изой Жуковой. Они стали встречаться, а осенью 57-го Высоцкий окончательно уговорил Изу переехать из общежития, где она жила, к нему на Первую Мещанскую. Из всего добра у девушки и было что небольшой чемоданчик, так что переезд этот не доставил молодым особых хлопот.

Осенью 57-го Иза переехала к Высоцкому, а свадьбу они сыграли только в мае 58-го, когда Иза закончила учебу в студии и получила на руки диплом. Свадьбу, по настоянию родителей Высоцкого, сыграли на Большом Каретном.

Иза к тому времени была уже вполне самостоятельной девушкой. Поэтому семейная жизнь для нее не была чем-то обременительным. Про 20-летнего Владимира Высоцкого этого сказать было нельзя. Даже женившись и став семейным человеком, он не изменил своим старым привычкам и продолжал посещать шумные мужские компании, в которых ему было гораздо интереснее, чем в четырех стенах собственного дома. По словам его сокурсницы М. Добровольской: «Изе в то время часто бывало с ним трудно».

По признанию многих, да и самой Изы, Высоцкий в то время был душой любого общества, много балагурил и хохмил. Но в глубине души он по-прежнему оставался одинок

и замкнут. И единственным средством вырваться за пределы этого одиночества, забыть хотя бы на время о нем для Высоцкого оставалось спиртное. Даже в своих первых песнях конца 50-х он не забывает об этой теме:

Если бы я был физически слабым —
я б морально устойчивым был,
ни за что не ходил бы по бабам,
алкоголю б ни грамма не пил!..
Ну а если я средних масштабов —
что же делать мне, как мне быть?
Не могу игнорировать бабов,
не могу и спиртного не пить!

...Нет, жить можно, жить нужно и — много:
пить, страдать, ревновать и любить, —
не тащиться по жизни убого, —
а дышать ею, петь ее, пить!..
Надо так, чтоб когда подытожил
все, что пройдено, — чтобы сказал:
«Ну а все же неплохо я прожил, —
Пил, любил, ревновал и страдал!..»

К концу 50-х Владимир Высоцкий уже несколько лет как играл на гитаре и понемногу сочинял собственные песни. Началось это в 1955 году, когда к 17-летию мама подарила ему первую в его жизни гитару. Одноклассник Владимира Высоцкого Игорь Кохановский позднее вспоминал: «Когда я учился в 8-м классе (1953 год), кто-то из соседей по квартире показал мне пять-шесть аккордов. Варьируя их, можно было вполне сносно подыграть любой песне. Довольно быстро я набил руку и исполнял почти весь репертуар Александра Вертинского... Через два года Володя — тогда мы оканчивали 10-й класс — попросил меня научить его струнным премудростям. Он тоже довольно быстро освоил нехитрую музграмоту, но до моих «технических изысков» ему было тогда далеко».

Сам Владимир Высоцкий в одном из интервью свое увлечение гитарой объяснил тем, что, услышав однажды Булата Окуджаву, решил переложить собственные стихи на нехитрую гитарную музыку. К тому же гитара в те годы была

самым распространенным и доступным музыкальным инструментом, и без нее не обходилась ни одна молодежная вечеринка. Под нее в те годы пели свои песни и любимые киногерои в исполнении Николая Рыбникова и Юрия Белова.

Булат Окуджава стал исполнять свои песни публично с 1956 года. Вспоминая те годы, К. Рудницкий писал: «В комнаты, где пел Окуджава, тесной гурьбой набивались слушатели. Юноши и девушки приходили с магнитофонами системы «Яуза». Его записывали, его переписывали. Записи Окуджавы быстро расходились по стране. Люди приобретали магнитофоны по одной-единственной причине: хотели, чтобы дома у них был свой Окуджава.

Вот это было внове. Раньше-то поклонники Утесова или Шульженко собирали пластинки, чтобы под звуки очередного шлягера скоротать субботний вечерок, а то и потанцевать. В этом же случае возникла совсем иная потребность: певец понадобился как собеседник, как друг, общение с которым содержательно, волнующе, интересно. Слушали не песню, не отдельный номер — слушали певца... Он еще ни разу не появился на концертных подмостках, а его уже знали повсюду».

А. Утевский, на глазах которого Высоцкий впервые взял в руки гитару, вспоминал: «Петь Володя начал еще мальчишкой. Садился на диван, брал гитару и тихонечко, чтобы не мешать присутствующим, что-то пел, подыгрывая себе. Мне его занятия на гитаре были неинтересны, к тому же он подбирал по слуху чужие, где-то услышанные мелодии. Пытался он сочинять и что-то свое, но получалось невразумительно — жизни он не знал, словарный запас был невелик... И тем не менее Володя упорно терзал гитару, учился посредством слова выражать мысли...»

Все песни Владимира Высоцкого того периода подражательные. Написаны они были только для того, чтобы исполнять их в кругу близких друзей под вино и закуску. А так как Высоцкий был с детских лет воспитан на блатной московской романтике, песни те писались им в определенной манере, хорошо знакомой им и любимой. Причем это совсем не

значило, что Высоцкий сам был таким блатным, вхожим в хулиганские компании парнем. Ведь он и летчиком никогда не был, и моряком, однако это не мешало ему сочинять замечательные песни о них. Просто Высоцкий с детских лет был настоящим романтиком, наделенным уникальным даром воображения и поэтическим талантом. Но вернемся в год 1958-й, к молодому Владимиру Высоцкому и его жене.

Не успело стихнуть эхо застолья на Большом Каретном, как подоспело распределение студентов, закончивших Школу-студию. Изу Высоцкую распределили в Киев в Театр имени Леси Украинки, а Владимир Высоцкий еще целый год должен был доучиваться в студии. Теперь их связывали друг с другом только почта и телефон.

В 1959 году, еще будучи студентом, Высоцкий совершенно случайно сыграл роль в крошечном эпизоде в фильме В. Ордынского «Сверстницы». Это был его дебют в кино, хотя, в сущности, ничего играть в этом эпизоде Высоцкому и не понадобилось: его лицо всего на несколько секунд мелькнуло среди таких же, как и он, студентов-статистов.

Сам Высоцкий о тех съемках вспоминал: «Моя первая работа в кинофильме «Сверстницы», где я говорил одну фразу: «Сундук и корыто». Волнение. Повторял на десять интонаций. А в результате сказал ее с кавказским акцентом, высоким голосом и еще заикаясь. Это — первое боевое крещение».

А главную роль в том фильме исполнила ровесница Владимира Высоцкого Лида Федосеева, впоследствии ставшая женой Василия Шукшина.

Примерно на это же время выпадает и дебют Владимира Высоцкого на концертной сцене. Случилось это в студенческом клубе МГУ по протекции не кого-нибудь, а самого Сергея Юткевича, который посоветовал директору клуба Савелию Дворину пригласить к себе на концерт «одного студентика с последнего курса Школы-студии при МХАТ, кажется, из класса Массальского».

Свидетель того концерта двоюродный брат Владимира Высоцкого Павел Леонидов позднее вспоминал: «Дней за

пять до того концерта позвонили Дворину из 9-го управления КГБ и сообщили, что будет на концерте сам Пospelов (62-летний Петр Пospelов в те годы был не кем-нибудь, а кандидатом в члены Президиума (Политбюро) ЦК КПСС и секретарем ЦК по идеологии, лауреатом Сталинской премии и Героем Социалистического Труда. Управление КГБ просило у Дворина места для охраны и план зала, фойе, закулисной части и т.д. и т.п.

Заканчивать концерт должен был жонглер Миша Мещеряков, работавший в ритме и темпе пульса сошедшего с ума... Перед Мещеряковым вышел на сцену парнишка лет восемнадцати на вид, подстриженный довольно коротко. Он нес в левой руке гитару. (Это и был Владимир Высоцкий.) Сел опасно и как-то боком, потом миновал микрофон и встал у края рампы, как у края пропасти. Откашлялся. И начал сбивчиво объяснять, что он в общем-то ни на что не претендует, с одной стороны, а с другой стороны, он претендует и даже очень на внимание зала и еще на что-то. Потом он довольно нудно объяснял, что в жизни у человека один язык, а в песне — другой и это — плохо, а надо, по его мнению, чтобы родной язык был и в жизни, и в книгах, и в песнях — один, ибо человек ходит с одним лицом... Тут он помолчал и сказал нерешительно: «Впрочем, лица мы тоже меняем... порой»... и тут он сразу рванул аккорд, и зал попал в вихрь, в шторм, в обвал, в камнепад, в электрическое поле. В основном то были блатные песни и что-то про любовь, про корабли — не помню песен, а помню, как ревел зал, как бледнел бард и как ворвался за кулисы, где и всего-то было метров десять квадратных, чекист и зашипел: «Прекратить!» С этого и началась Володина запретная-перезапретная биография...

Володю после концерта караулили иностранные студенты часа два, а мы с Двориным улизнули через аудиторию. Дворин благодарил Володю, жал ему руку, а на меня косил смущенный, добрый и перепуганный глаз...»

В июне 1960-го Владимир Высоцкий с успехом окончил Школу-студию, и перед ним встала проблема выбора места

работы. Сам он о тех днях вспоминал: «Я закончил училище и в числе нескольких лучших учеников имел возможность выбирать театры... Была масса неудач, тут уже я не хочу разговаривать, потому что приглашали туда и сюда... Я выбрал самый худший вариант из всего, что мне предлагалось. Я все в новые дела рвусь куда-то, а тогда Равенских начинал новый театр, наобещал сорок бочек арестантов, ничего не выполнил, ничего из этого театра не сделал, поставил несколько любопытных спектаклей, и все».

Так Владимир Высоцкий оказался в Театре имени Пушкина, работа в котором не принесла ему никакой радости. Главный режиссер театра Равенских предложил ему роль в спектакле «Свинные хвостики», причем роль — возрастную, 22-летний Владимир Высоцкий должен был сыграть на сцене театра 50-летнего председателя колхоза. Это предложение повергло Высоцкого в настоящее смятение, но отказаться он не мог. А режиссер, видя сомнения молодого актера, назначил на эту же роль еще одного актера-дублера. В конце концов в процессе работы Высоцкого полностью вытеснили из этой роли, и он был занят лишь в массовке. Точно такая же история произошла с ним и в следующем спектакле, что, естественно, не прибавляло молодому актеру веры в собственные силы. У Высоцкого начались срывы, и он стал все чаще пропадать из театра по неуважительным причинам: Его несколько раз увольняли за это, но затем вновь возвращали, учитывая его раскаяние и молодой возраст. Немалую роль во всех этих возвращениях играла Фаина Георгиевна Раневская, артистка того же театра, что и Высоцкий. Вспоминая о ее роли в судьбе молодого Владимира Высоцкого, Иза Высоцкая рассказывала: «В театре у него была заступница — великая женщина и великая актриса, единственная женщина, к которой я по молодости ревновала Володю. Это — Фаина Георгиевна Раневская. Они обожали друг друга. И как только его увольняли, Фаина Георгиевна брала его за руку и вела к главному режиссеру. Видимо, она чувствовала в этом, тогда еще, по сути, мальчишке, который в театре-то ничего не сделал, большой неординарный талант».

Хотя к концу 60-го года Владимир Высоцкий был занят в шести спектаклях, но настоящими ролями это назвать было трудно, так как все ограничивалось несколькими, часто бессловесными, выходами на сцену. Единственным светлым эпизодом в тогдашней творческой биографии Высоцкого было его приглашение осенью 60-го на съемки фильма «Карьера Димы Горина», в котором он получил роль гораздо шире и интереснее, чем в фильмах «Сверстницы» и «Ждите писем». А попал на эту роль Высоцкий, можно сказать, случайно. По словам режиссера фильма Л. Мирского, актер, который должен был играть роль Софрона, на первую же пробу пришел нетрезвый. В результате этого его тут же с роли сняли, а его дублера Высоцкого в роль ввели.

Тем временем тесная мужская компания на Большом Каретном продолжала существовать — и даже более того — расширяла круг своих завсегдатаев. По словам А. Утевского, дом Кочарянов почтили своим присутствием многие известные в то время и ставшие известными позднее люди, такие, как Иван Пырьев, Эдмонд Кеосаян, Алексей Салтыков, Алексей Габрилович, Михаил Туманишвили, Григорий Поженян, Кирилл Лавров, Олег и Глеб Стриженовы, Анатолий Солоницын, Нонна Мордюкова, Юлиан Семенов, Василий Шукшин, Андрей Тарковский, Евгений Урбанский, Аркадий Вайнер, Михаил Таль. Правда, большинство из названных нельзя было назвать завсегдатаями дома Кочарянов, многие заходили туда просто «на огонек», приводимые кем-то из старожилов компании. Надо отметить, что после смерти Сталина наше общество заметно раскрепостилось, люди, сбросившие с себя липкий, гнетущий страх, потянулись друг к другу. В считанные годы скованная страхом молодежь обрела небывалую по тем временам уверенность и жажду жизни. Большим прорывом в этом отношении явился состоявшийся летом 1957 года в Москве Всемирный фестиваль молодежи и студентов, опрометчиво разрешенный властями и впоследствии здорово напугавший их.

Но таково, видимо, устройство российского человека, что вкус свободы он частенько перемешивал со вкусом водки. Спиртное давно превратилось в необходимость, в образ

жизни российского человека. Оно буквально сопровождало его «от купели до могилы», пили все от мала до велика, от Московского Кремля до затерявшегося в глуши сибирской тайги поселка. Новая власть же по мере своих сил и возможностей пыталась бороться с тем, что свалилось на ее голову в конце 50-х. 15 декабря 1958 года увидело свет постановление Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками». Вслед за этим постановлением произошло немедленное закрытие большинства ларьков, палаток, торгующих спиртным, было запрещено продавать спиртные напитки в розлив. Правда, меры эти не принесли желаемого результата, а лишь переместили проблему в иную плоскость: у кого не было возможности собраться в компании (как это было на Большом Каретном), те пили на троих в темных подъездах и подворотнях, благо в Москве их было огромное количество.

Но Советская власть не была бы Советской властью, если бы не стремилась охватить своим вниманием всех: как празднующих по улицам одиночек, так и тех, кто собирался компаниями на квартирах. Поэтому 4 мая 1961 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

А. Утевский вспоминает: «Конечно же, обывателю наша своеобразная коммуна на Большом Каретном представлялась сборищем чуть ли не тунеядцев. Представьте: обычные люди идут утром на работу, вечером домой, а здесь — поздно встают, поют песни, бегают с пустыми бутылками. В общем, непорядок. И раз так, надо доложить, «стукнуть» куда следует. Доброжелателей было достаточно, и Артура Макарова с его заработками «неизвестного происхождения» решили выселить из Москвы. Слава богу, вступился «Новый мир», во главе которого в то время был Александр Твардовский. Помнится, именно тогда Высоцкий в соавторстве с Артуром написали юмористический «Гимн тунеядцев», который исполнялся на весьма известную мелодию.

И артисты, и юристы
Тесно держим в жизни круг,
Есть среди нас жиды и коммунисты,
Только нет среди нас подлюг!

Сам Артур Макаров впоследствии так комментировал «Гимн тунеядцев»: «Я был и остаюсь убежденным интернационалистом... Это сейчас я пообмялся, а тогда при мне сказать «армяшка» или «жид» — значило немедленно получить по морде. Точно так же реагировали на эти вещи все наши ребята. Так вот, в этой компании подлюг действительно не наблюдалось. Крепкая была компания, с очень суровым отбором».

Но если до компании на Большом Каретном власть так и не добралась, это вовсе не значило, что и другие сумели счастливо избежать карающей десницы советского правосудия. Летом 1958 года на даче летчика Эдуарда Тарханова собралась веселая компания молодых людей, среди которых был и восходящая звезда советского футбола Эдуард Стрельцов. Всю ночь компания веселилась, а на следующие сутки одна из девиц, присутствовавшая там, заявила в милицию, что Стрельцов ее изнасиловал. Все это казалось каким-то бредом для присутствовавших на вечеринке, кошмарным сном или недоразумением, но «самый гуманный суд» приговорил Эдуарда Стрельцова к 12 годам лишения свободы. Говорили, что приговор этот санкционировал сам Никита Хрущев, в сердцах воскликнувший: «Чтоб другим неповадно было!»

Мудрая и справедливая власть, преследуя тех, кто, по ее мнению, вел антиобщественный паразитический образ жизни, сама собиралась совсем в иные компании, молва о которых уже и тогда широко гуляла в народе.

17 июня 1960 года на 120-м километре Каширского шоссе у совхоза «Семеновское» состоялась встреча руководителей партии и правительства с деятелями науки и культуры. Присутствовавший на встрече писатель В. Тендряков описал ее так: «Правительство появилось, и сразу вокруг него возникла кипучая, угодливая карусель. Деятели искусства и ли-

тературы, разумеется, не все, а те, кто считал себя достаточно заметными, способными претендовать на близость, оттирая друг друга, со счастливыми улыбками на потных лицах начали толкучку, протискиваясь поближе... К Хрущеву лезли и лезли, заглядывали в глаза, толкались, оттирали, теснились и улыбались, улыбались...»

Как видно, в этих компаниях суровым отбором и не пахло. Недаром завсегда их отличали хилым здоровьем и слабым характером. Например, когда в октябре 1961 года, после завершения работы XXII съезда партии, участники его сформировали Президиум (Политбюро) ЦК и в него не вошла секретарь ЦК Екатерина Фурцева, та в перерыве заседания покинула зал и, уехав на дачу в Барвихе, попыталась покончить с собой, вскрыв себе вены.

В тот раз кремлевские врачи спасли впечатлительную женщину от смерти, которая через три года стала не кем-нибудь, а министром культуры СССР. Хотя и питала Екатерина Алексеевна слабость к «зеленому змию», но учел, видимо, новый руководитель партии Леонид Брежнев впечатлительность ее натуры.

По злой иронии судьбы Фурцева пыталась наложить на себя руки в тот день, когда из Мавзолея вынесли тело Иосифа Сталина. Хотя в то же время желание предать забвению имя «отца всех народов» не мешало властям предрержащим пользоваться его же методами в своих практических делах.

Несмотря на победу советской космонавтики в апреле 1961 года, тот год был отмечен заметным ожесточением властей по отношению к собственным гражданам. В феврале у писателя Василия Гроссмана, во время тщательного обыска у него на дому, сотрудниками КГБ был полностью изъят текст романа «Жизнь и судьба». В то же время произошло наделавшее много шума не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами дело валютчиков Я. Рокотова и В. Файбышенко, поразившее даже издавших многое на своем веку советских юристов масштабами своего беззакония. В момент пресечения их преступной деятельности арестованным валютчикам грозило наказание от 3 до 8 лет лишения

свободы без конфискации имущества. Но 24 февраля Указом Президиума Верховного Совета СССР ответственность «за валюту» была усилена. Срок остался такой же, но имущество уже конфисковывалось. А 25 марта выходит новый Указ, где предельный срок лишения свободы вырос уже до 15 лет. Но и этим дело не завершилось. В июне этого же года состоялся суд, приговоривший валютчиков к 15 годам лишения свободы. Казалось бы, можно поставить точку в этом явно затянувшемся деле. Но 1 июля выходит новый Указ, где оговаривается, что в ряде случаев может быть применена и смертная казнь. И 21 июля генеральный прокурор СССР, неггибаемый Руденко, вносит в Верховный Суд РСФСР кассационный протест на мягкость приговора Мосгорсуда. В результате всего этого беззакония Я. Рокотова и В. Файбышенко расстреливают.

В том же 61-м году во время гастролей во Франции стал невозвращенцем артист Ленинградского театра балета Рудольф Нуриев. Журналист Андрей Караулов позднее изложил подробности этого «побега»: «Нуриев не раз рассказывал, как он остался во Франции. Это была поездка Кировского театра в Париж. Нуриев жил как хотел, весело проводил время в самых значных местах французской столицы. В итоге на аэродроме к нему подошли двое «в штатском» и сказали, что он едет не в Лондон, а в Москву — распоряжение Хрущева, правительственный концерт. Он все сразу понял, сделал «гранжете» через ограду, вскочил в машину, и больше в тот вечер его никто не видел. А ведь оставаться он не собирался, накануне гастролей долго рассказывал Львову-Анохину, с которым был дружен, как он будет танцевать «Легенду о любви», какой костюм ему нужен, даже сам собирался что-то купить...» В то время, как Рудольф Нуриев искал творческих свобод на далеком Западе, Владимир Высоцкий самовыражался как актер в Москве. Правда, получалось у него это очень плохо.

Первые месяцы этого года не принесли ни Высоцкому, ни его молодой жене ни творческого, ни душевного облегчения. Приехав зимой в Москву, Иза ждала приглашения

для работы в Театре имени Пушкина, рядом с мужем, но вопрос этот волокитился до такой степени, что, не выдержав этого, Иза в марте уехала в Ростов-на-Дону работать в местном театре. После ее отъезда и Владимир Высоцкий решил уехать из опустылевшей Москвы вслед за женой в Ростов-на-Дону. Но прежде чем сделать это, Высоцкий отослал туда свои документы и вскоре получил известие, что принят в ростовский театр заочно и даже авансом получил роль в спектакле «Красные дьяволята». Все шло к скорому отъезду Высоцкого в Ростов-на-Дону, но судьба распорядилась иначе. В мае Высоцкий, по старой привычке, снялся в массовке в телеспектакле «Орлиная степь» (в главной роли Евгений Урбанский), а в июле на целый месяц укатил на Черное море, где шли съемки фильма «Увольнение на берег» (в главной роли снялся Лев Прыгунов). Эта поездка оказалась весьма плодотворной для Владимира Высоцкого, причем в большей мере как автора песен, чем киноактера: именно там им была написана самая знаменитая песня того времени «Татуировка». Хотя по версии самого В. Высоцкого эта песня была им написана позднее.

В 1967 году Владимир Высоцкий рассказывал: «Я первую свою песню написал в Ленинграде. Ехал однажды в автобусе и увидел впереди себя человека, у него была распахнута рубаха — это летом было, — и на груди была татуировка: женщина нарисована была, красивая женщина. И внизу было написано: «Люба, я тебя не забуду». Я написал песню, которая называется «Татуировка», правда, вместо «Любы» для рифмы поставил «Валя».

8 мая 1961 года на экраны страны вышел фильм «Карьера Димы Горина», в котором Владимир Высоцкий сыграл одну из самых больших своих ролей того периода. Правда, в многочисленных публикациях в печати, появившихся после премьеры фильма, имя Высоцкого ни разу упомянуто не было. Другие фильмы в тот период «делали погоду» на экранах страны, о других актерах писали. В тот год вышли: «Чистое небо», «Битва в пути», «Друг мой Колька», «Про-

шайте, голуби», «Девчата», «Полосатый рейс», «Человек-амфибия», «Девять дней одного года».

Пока Иза Высоцкая ждала мужа в Ростове-на-Дону, он, отснявшись в «Увольнении на берег», в августе уехал на новые съемки в фильме «Грешница» режиссера Ф. Филиппова, где, как обычно, получил эпизодическую роль. На подходе были съемки в фильме «713-й просит посадку» режиссера Г. Никулина. Это был сентябрь 61-го, время, внесшее в личную жизнь 23-летнего Владимира Высоцкого новые перемены.

Друг Владимира Высоцкого Михаил Туманишвили, вспоминая ту осень, пишет: «В конце 61-го меня пригласили попробовать в картину «713-й просит посадку». В этой же картине пробовался и Володя. Мы оба претендовали на одну и ту же роль морского пехотинца. И Володя был утвержден. На съемку надо было ехать в Ленинград, и я пришел на вокзал проводить его. В одном вагоне с ним ехала очень красивая девушка. А в то время ни одну симпатичную девушку оставить без внимания мы не могли. Я говорю Володе: «Ты эту девушку потом обязательно приведи к нам!» И он: «Обязательно приведу!» Этой девушкой оказалась молодая киноактриса Людмила Абрамова, в свое время удостоенная почетного титула «Мисс ВГИК» за свою красоту. Сама она о той осени вспоминает так: «Мне предложили — практически без проб — войти в картину «713-й просит посадку»... Я поехала в Ленинград... Оформить-то меня оформили, но пока поставят на зарплату, пока то, пока се... А я уже самые последние деньги истратила в ресторане гостиницы «Европейская», в выставочном зале.

Поздно вечером я поехала в гостиницу, ребята меня провозжали. У каждого оставалось по три копейки, чтобы успеть до развода мостов переехать на трамвае на ту сторону Невы. А я, уже буквально без единой копейки, подошла к гостинице — и встретила Володю.

Я его совершенно не знала в лицо, не знала, что он актер. Ничего не знала. Увидела перед собой выпившего человека. И пока я думала, как обойти его стороной, он попросил у меня денег. У Володи была ссадина на голове, и, несмотря

на холодный дождливый ленинградский вечер, он был в расстегнутой рубашке с оторванными пуговицами. Я как-то сразу поняла, что этому человеку надо помочь. Попросила денег у администратора — та отказала. Потом обошла несколько знакомых, которые жили в гостинице, — безрезультатно.

И тогда я дала Володе свой золотой перстень с аметистом — действительно старинный, фамильный, доставшийся мне от бабушки.

С Володей что-то произошло в ресторане, была какая-то бурная сцена, он разбил посуду. Его собирались не то сдать в милицию, не то выселять из гостиницы, не то сообщать на студию. Володя отнес в ресторан перстень с условием, что утром он его выкупит. После этого он поднялся ко мне в номер, там мы и познакомились...»

Через несколько дней после этой встречи Высоцкий отбил телеграмму в Москву другу Анатолию Утевскому: «Срочно приезжай. Женюсь на самой красивой актрисе Советского Союза».

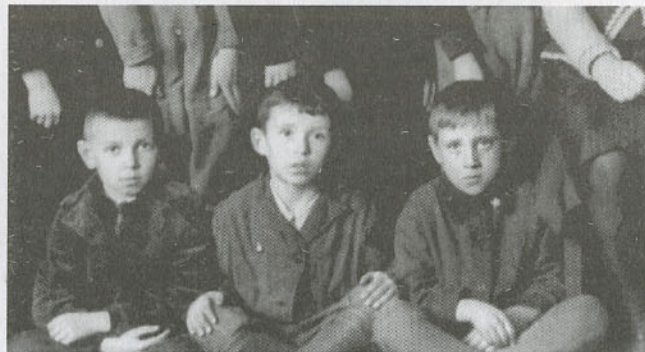
О том, что муж изменил ей с другой женщиной, Иза Высоцкая узнала от своих друзей, позвонивших ей в Киев, где она теперь жила. Иза тут же позвонила в Москву Высоцкому, и между ними произошел последний и очень тяжелый разговор. После него Иза на целых три года порвала всякие отношения со своим бывшим мужем, он все это время даже не знал ее точного адреса и местопребывания.

Людмила Абрамова в своем рассказе о встрече с Владимиром Высоцким замечает, что она тогда ничего о нем не знала. Между тем в тот год имя Высоцкого, автора и исполнителя собственных песен, было уже хорошо известно молодой молодежи Москвы. Правда, сам он старался скрывать свое имя под псевдонимом. Г. Внуков по этому поводу вспоминает: «В начале 1962 года мы с ребятами завалились в ресторан «Кама». Ресторанчик второго класса, но там всегда все было: любые мясные и рыбные блюда, сухие вина двух десятков сортов, не говоря уже о крепких напитках...

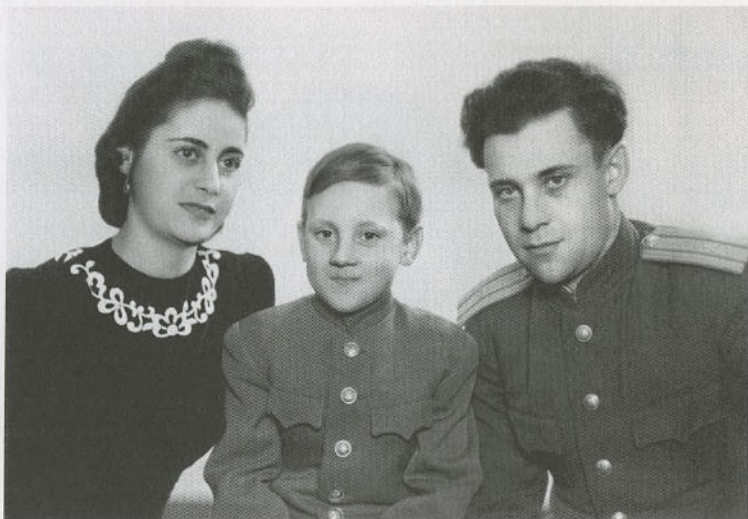
И вот однажды я слышу, поют рядом ребята под гитару:

Маленький Володя. Конец 1938 года.

Володя с одноклассниками.

Володя с отцом Семеном Владимировичем и его женой Евгенией Степановной Лихолатовой. 1947 год.

Володя с матерью.

Володя в черкеске.
Начало 50-х годов.

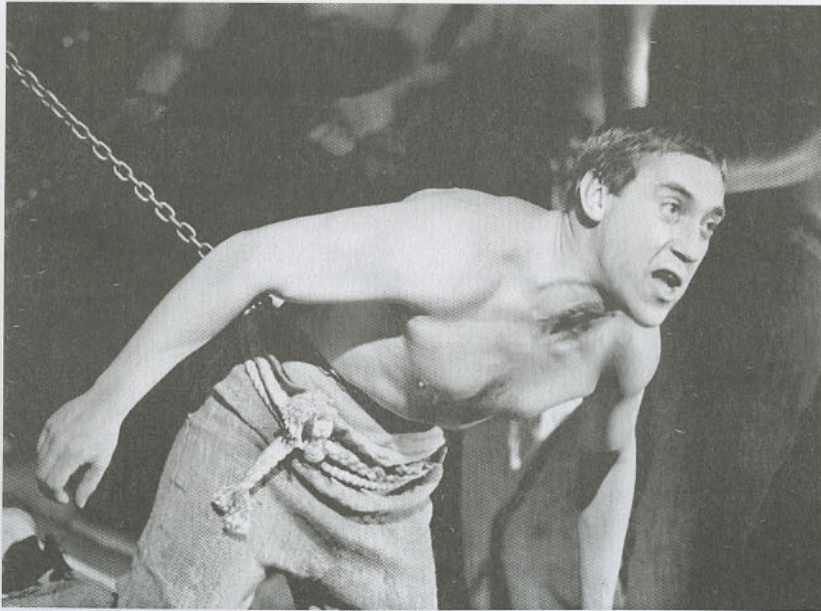
Володин класс.

Владимир – студент МИСИ. 1955 год.

Высоцкий и Зинаида Славина в спектакле «Добрый человек из Сезуана». Конец 60-х.

Высоцкий в роли Хлопуши в спектакле «Пугачев». 1967 год.

«Рыжая шалава, бровь себе подбривала...», «Сгорели мы по недоразумению...» Я — весь внимание, напрягся, говорю своим: «Тише!» Все замолчали, слушаем. Я моментально прокрутил в памяти все блатные, все лагерные, все комсомольские песни — нет, в моих альбомах и на моих пленках этого нет. Нет и в одесской серии. Спрашиваю у ребят, кто эти слова сочинил, а они мне: «Ты что, мужик, вся Москва поет, а ты, тундра, не знаешь?» Я опять к ним: «Когда Москва запела? Я только две недели тут не был». Они: «Уже неделю во всех пивных поют «Шалаву», а ты, мужик, отстал. Говорят, что какой-то Сережа Кулешов приехал из лагерей и понавез этих песен, их уже много по Москве ходит».

Это случилось в самом начале января 1962 года, и так я впервые услышал имя Сережи Кулешова. Я попросил у ребят слова, мне дали бумажку, я переписал слова и вернул бумажку обратно. Как я сейчас об этом жалею: это был Высоцкий со своей компанией, а той бумажке, исписанной его рукой, сейчас бы цены не было. Высоцкий мне позднее признался, что тогда, в начале 60-х, он всем говорил, что эти песни поет не он, а Сережа Кулешов».

Изменения в личной жизни Владимира Высоцкого подвигли его и к изменению своей творческой судьбы: в конце 61-го он уходит из Театра имени Пушкина и переходит в Театр миниатюр. Правда, и этот переход не принес ему особой творческой радости. Уехав в феврале 1962 года с театром на гастроли на Урал, Высоцкий пишет Людмиле Абрамовой в Москву: «Все было как обычно: пьянь у мужиков (кроме меня), вязание у баб, гитара с песнями у меня. Все пленились блатными песнями, особенно «Татуировкой», звали выпить, но я придумал грандиозную версию: сказал, что у меня язва, печень, туберкулез, астения и перпетуум мобиле. Отстали. Сосед мой по койке напился и ходил все утро больной. И я ему рассказал, как прогоняют колотунов. Прогнал и воспыдал ко мне уважением. Спесивый я, правда?»

Что касается ситуации в театре, то здесь Высоцкий по-прежнему находится в состоянии далеко от благоприятного и пишет жене 23 февраля из того же Свердловска: «Я поч-

ти ничего не делаю и отбрыкиваюсь от вводов, потому что все-таки это не очень греет, и уйти уйду обязательно. А чтобы было то безболезненно, — надо меньше быть занятым...

Репетируем «Сильное чувство», «Рычапова», а недавно дали мне Зоценко и «Корни капитализма»... Это уже репетировал парень, но у него не выходит. Так что кому-то наступаю на мозоль. Уже есть ненавистники. Но мне глубоко и много плевать на все. Я молчу, беру суточные и думаю: «Ну, ну! Портите себе нервишки. А я маленько повременю! И вообще, лапик, ничего хорошего и ничего страшного. Серенькое...»

Спасаясь от этого «серенького», Высоцкий сразу же после гастролей по Уралу уходит из Театра миниатюр. Кажется, все в его жизни идет наперекосяк: он живет с новой женщиной, не расторгнув своего официального брака с первой женой; он уходит из второго театра, не проработав в нем и месяца; он, кажется, ловит свою птицу удачи, не имея представления, что она из себя представляет и где обитает. Главный режиссер Театра миниатюр В.С. Поляков, отчисляя Владимира Высоцкого из театра, выводит в приказе лаконичное резюме: «Отчислить Владимира Высоцкого из театра за полное отсутствие чувства юмора».

Давая определение тем годам в жизни Владимира Высоцкого, его жена Людмила Абрамова с горечью отметит: «...начало 60-х — такое время темное, пустое в Володиной биографии... Ну нет ничего — совершенно пустое время».

Об этом же и слова Олега Стриженова: «До Таганки оставалось еще почти два с половиной года безработицы, скитаний по киностудиям с униженным согласием играть любые мелкие роли, какие-то кошмарные изнурительные гастролы на периферии...»

Да и сам Владимир Высоцкий запечатлел свое тогдашнее состояние в песнях:

Так зачем мне стараться?
Так зачем мне стремиться?
Чтоб во всем разобраться,
Нужно сильно напиться!

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю,
А теперь порвали серебряные струны.

(1962)

И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже.
И нельзя мне солнца, и нельзя луны!

(1963)

Уйдя из Театра миниатюр, Владимир Высоцкий решил попытать счастья в театре «Современник», самом знаменитом в те годы театре страны. В марте Высоцкий пришел в «Современник» и сыграл в нем по договору ничем не примечательную роль в одном из спектаклей. Талант Владимира Высоцкого не приглянулся Олегу Ефремову, и Высоцкий приглашения для дальнейшей работы в театре не получил. Судьба вновь толкает его в стены Театра имени Пушкина, куда он возвращается в мае. В начале июля вместе с театром Высоцкий отправляется на гастролы, и вновь по Уралу. Края эти явно не прельщают Высоцкого, и он откровенно пишет жене: «До чего же здесь гнусно. Кто может жить здесь, — тот ежеминутно совершает подвиг». Но даже несмотря на печаль и тоску, нахлынувшие на него в тех краях, Высоцкий старается держаться молодцом: «Я не пью совсем и прекрасно себя чувствую». Сей правильный образ жизни Высоцкого не замедлит сказаться и на его творческих успехах, о чем он тут же сообщает жене: «Был дебют в «Дневнике женщины». Играл! Сказали, что я так и буду играть и в Москве тоже. Поздравляли, Гриценко тоже вчера глядела, обрелась вся, как всегда, а роль комедийная. Поздравляла тоже. Вроде и народу, то есть зрителям, тоже не очень противно...»

Но судьба-злодейка и на этот раз не дала Высоцкому вкусить плодов успеха. После гастролей по Уралу произошел очередной конфликт с главным режиссером Б.И. Равенских, и Высоцкого вновь уволили из театра. Опять безработица и нищенское прозябание на случайные заработки.

Осенью подвернулась работа в фильме А. Столпера «Живые и мертвые», это подсутился Левон Кочарян, с болью наблюдавший уже который год за житейской и творческой неустроенностью своего младшего друга. В сентябре — октябре Высоцкий обитал под Истрой, где проходили съемки фильма, и вроде бы неплохо там себя чувствовал. Отснявшись в трех эпизодах, вернулся в Москву к жене, а в ноябре у них родился первенец — сын Аркадий.

Пока Владимир Высоцкий находился в Истре, в сентябре на экраны страны вышел фильм «Грешница», где он играл эпизодическую роль. Ни сам фильм, ни тем более игра в нем Высоцкого не привлекли к нему внимание ни широкой общественности, ни критики. В тот год спорили о других фильмах и ролях. На экранах шли картины: «Гусарская баллада», «Иваново детство», «Коллеги», вышел первый номер михалковского «Фитиля».

Между тем страна уже изрядно устала от хрущевского самодурства. К этому времени люди успели забыть страх сталинских застенков, их теперь больше интересовал хлеб насущный, который из магазинов стал почему-то исчезать.

Зревшее в народе недовольство прорвалось в далеком Новочеркасске. 2 июня 1962 года, в тот день, когда Никита Хрущев торжественно открывал в Москве новое здание Дворца пионеров и школьников, в Новочеркасске возмущенные толпы людей, после очередного повышения цен на мясо и молоко, вышли на улицы города. Против безоружных людей были применены войска, которые открыли огонь на поражение. В результате более двадцати человек было убито. Позднее по этому делу из числа демонстрантов, но не из солдат, открывших огонь, были осуждены 105 человек, семеро из них были расстреляны, в их числе и одна женщина.

К октябрю 1962 года мудрая политика партии и правительства чуть не ввергла не только нашу страну, но и весь мир в третью мировую войну. Разразился карибский кризис, спровоцированный советской стороной и лично Н. Хрущевым.

Тем временем советский народ продолжал уголять свои

радости и печали вином и водкой. Как объяснит статистика несколько позднее своим гражданам, алкогольная ситуация в 60-е годы еще более обострилась: за одно десятилетие прирост алкогольного потребления (с 3,9 литра в 1960 году до 7,6 литра в 1970-м) превысил общий уровень дешевого потребления алкоголя 1913 года. Между тем за шесть последних лет страна потеряла двух именитых алкоголиков.

Весной 1956 года на своей даче в Переделкине покончил жизнь самоубийством известный советский писатель и общественный деятель Александр Фадеев. Это роковое событие было связано в первую очередь с тем душевным надломом, что произошел с писателем после разоблачений преступлений сталинской эпохи, к которым и он приложил руку. Немалую роль в решимости писателя свести счеты с жизнью сыграл и давний его алкоголизм. Как рассказывал своим друзьям сам Фадеев, он приложился и к самогону еще в 16 лет, когда был в партизанском отряде на Дальнем Востоке: «...Я не хотел отставать от взрослых мужиков в отряде. Я мог тогда много выпить. Потом я к этому привык. Приходилось. Когда люди поднимаются очень высоко, там холодно, и нужно выпить. Хотя бы после. Спросите об этом стратосферников, летчиков или испытателей, вроде Чкалова. Мне мама сама давала иногда опохмелиться. Мама меня понимала больше всех...»

По словам близко знавшей Александра Фадеева В. Герасимовой: «Фадеев по 4—5 месяцев находился на лечении в Кремлевской больнице. После такого заточения он вновь пускался в запой и вновь попадал в «кремлевку». В последние годы это приняло характер спокойной неприкосновенной системы.

А лечили его зверски, бюрократически. Был раз навсегда заведенный порядок: его где-либо обнаруживали, появлялась санитарная машина с двумя служителями в белых халатах — на случай, если бы «сам не пошел». Саша исчезал. Исчезал в стенах Кремлевской больницы на три, четыре, пять месяцев. Странно, что подобный метод не применялся к иным хроническим алкоголикам. Думается, что была в этом

узость мышления тех, кто лечил, и некоторая, может быть, неосознанная мстительность со стороны «правильных», хороших, из тех, кто расправлялся с неправедным (особенно по их канонам) человеком...

Фадеев как-то поведал мне: «Знаешь, я однажды так захмелел, что упал прямо на улице и проснулся наутро там же на мостовой». В Переделкине говорили, что его многие видели лежавшим пьяным в грязной луже...»

Если Александра Фадеева алкоголиком сделали Гражданская война и трудное детство, то вот сына Иосифа Сталина Василия к этому привели причины прямо противоположного плана: он запил от сытой и веселой жизни. Как писала позднее его сестра Светлана Аллилуева, «у него была большая печень, язва желудка и полное истощение всего организма — он всю жизнь ничего не ел, а только заливал свой желудок водкой».

Бывший в то время шефом КГБ Александр Шелепин вспоминал: «Москвичам Василий Сталин был известен как алкоголик, развратник, допускавший хулиганские действия. Когда мы встретились с ним, он поклялся, что будет вести себя достойно... Его выпустили из тюрьмы.

Однако уже на второй день откуда-то появились дружки и организовали пир в честь освобождения. Опынев, он сел за руль автомобиля и на огромной скорости сбил пешехода. Я доложил об этом Хрущеву. Он страшно разгневался. Решено было положить Василия в больницу. А подлечив, отправить его в Казань, где он впал в беспробудное пьянство, от которого вскоре и скончался».

Отметим, что смерть застала Василия Сталина 19 марта 1962 года, когда было ему всего 41 год.

В начале тех же 60-х неумеренное пристрастие к спиртному преждевременно свело в могилу и три заграничные знаменитости. В 61-м году выстрелом в себя из охотничьего ружья свел счеты с жизнью Эрнест Хемингуэй; в августе 62-го ушла из жизни Мэрилин Монро, и в октябре 63-го в возрасте 47 лет от цирроза печени умерла великая Эдит Пиаф, начавшая пить еще в трехлетнем возрасте!

Знал ли об этих случаях Владимир Высоцкий? Наверняка знал, но сознание молодого 24-летнего человека не допускало мысли о том, что и его может ожидать столь роковая развязка. В молодости мы совсем не думаем о смерти. А ведь у Владимира Высоцкого еще в детстве были неполадки с сердцем, недостаточность митрального клапана.

В январе 1963 года Высоцкий улетает в Алма-Ату на съемки фильма «Штрафной удар». Ему вновь предложена эпизодическая роль, роль гимнаста, но он соглашается ради того, чтобы хоть что-нибудь подработать на стороне. В этот период он совсем не пьет, о чем с удовольствием пишет жене в своих письмах:

«Тут проходит съезд кинематографистов Казахстана. Приехал Райзман и всякие артисты: Румянцева, Ливанов и т.д. Пьют! А я — нет! И не хочется».

Высоцкому «не хочется», хотя, как он пишет 13 января: «когда нет съемки — абсолютно нечего делать».

Тогда же, в начале 63-го, Высоцкий устроился работать в театральную студию, что располагалась в клубе МВД имени Ф. Дзержинского на мизерную ставку 50 рублей в месяц. И хотя деньги эти и по тем временам были маленькие, рассчитывать на помощь родителей Высоцкий не хотел. Его гордый характер не позволял ему этого. И кто знает, какие мысли посещали Высоцкого в те невеселые для него годы. Может быть, и закрадывались в его сердце сомнения относительно давнего спора с отцом и дедом по поводу выбора профессии. Ведь, поступив вопреки воле родителей в театральную студию и получив актерскую профессию, Высоцкий к 63-му году ничего, кроме житейской неустроенности и душевного разлада с самим собой, так и не приобрел. И жена его, Людмила Абрамова, вспоминая те годы, горько констатирует: «Работы нет, денег ни гроша. Я потихоньку от родителей книжки таскала в букинистические магазины... Володя страдал от этого беспросвета еще больше, чем я. Скрипел зубами. Молчал. Писал песни. Мы ждали второго ребенка». Когда в конце 63-го Людмила Абрамова сообщила Высоцкому, что у них будет второй ребенок, Высоцкого это

известие мало обрадовало. «Денег нет, жить негде, а ты решила рожать!» — пытался он увещевать свою жену. Разговор этот происходил на квартире Кочарянов, и вмешательство Левона предопределило его концовку. «Кончай паниковать! — сказал Кочарян другу. — Ребенок должен родиться, и весь разговор!»

Что касается песенного творчества Владимира Высоцкого, то к этому времени большинство его песен уже распевалось по всей Москве и области. По рукам повсюду ходили магнитофонные записи, сделанные на разных квартирах, где выступал Высоцкий. На одной из таких вечеринок, на Большом Каретном, 15, побывал знаменитый шахматист Михаил Таль, оставивший об этом свои воспоминания: «С Высоцким мы познакомились весной 1963 года... Тогда имя молодого артиста Владимира Высоцкого было уже достаточно известным. Естественно, с прибавлением уймы легенд, но имя было у всех на слуху... Нас представили друг другу, и через две минуты у меня сложилось впечатление, что знакомы мы с ним тысячу лет. Не было абсолютно никакой назойливости...

Там было очень много людей... Хотел Володя этого или нет, но он всегда был в центре внимания. С настойчивостью провинциала практически каждый входящий на третью, пятую, десятую минутах просил Володю что-то спеть. И Володя категорически никому не отказывал».

О тех же самых временах начала 60-х оставил свои воспоминания и артист Л. Трещалов, знакомый миллионам советских мальчишек прежде всего как атаман Лютый из фильма «Неуловимые мстители»: «Я договорился со звукооператорами телевидения, и эти ребята в аппаратном цехе студии Горького записали Высоцкого. Тогда Володя пел почти час. Это было в самом начале лета 63-го. Запись эта довольно быстро распространилась, и песни Высоцкого пошли гулять по Москве».

К этому времени репертуар песен Владимира Высоцкого был уже достаточно внушителен, но самыми знаменитыми были песни: «Красное, зеленое, желтое, лиловое» (1961), «Та-

туировка» (1961), «У тебя глаза как нож» (1961), «Рыжая шалава» (1961), «В тот вечер я не пил, не ел» (1962), «Где твои 17 лет?» (1962), «Серебряные струны» (1962), «Это был воскресный день» (1962), «В Пекине очень мрачная погода» (1963), «Антисемиты» (1963), «Катерина» (1963), «Кучера из МУРа укатали Сивку» (1963), «Сегодня в нашей комплексной бригаде» (1963).

Надо отметить, что до сего дня не утихают споры вокруг блатного репертуара Владимира Высоцкого. Многие из тех, кто поверхностно знает творчество поэта, считают, что те ранние, блатные песни — это не что иное, как пустая трата времени, занятие несерьезное и не стоящее особого внимания. Мол, и тексты в них бестолковые, и музыка примитивная. Между тем уже и тогда, в начале 60-х, у этих песен Владимира Высоцкого были горячие почитатели из среды, весьма далекой от блатной. По словам однокурсницы Высоцкого М. Добровольской, большим поклонником поэта был их преподаватель по Школе-студии Андрей Данатович Синявский.

«Синявский весьма ценил эти первые песни Володи: «Это был воскресный день» или «Татуировка»... Да, ведь Андрей Данатович вместе с женой Марией Розановой сами прекрасно пели блатные песни!

Синявский был большим знатоком и ценителем такого рода народного творчества, и именно это он ценил в Володе. Как мне кажется, именно Синявский заставил Высоцкого серьезно этим заниматься... Он считал, что Володино раннее творчество ближе к народному. И до сих пор — мы недавно с ним разговаривали — Андрей Данатович думает, что это у Володи самое главное, настоящее».

Синявский безусловно прав, отдавая дань ранним песням Владимира Высоцкого. Ведь все в творчестве Высоцкого взаимосвязано, и не будь тех ранних блатных песен, не было бы и позднего Высоцкого с его военными и сатирическими циклами. Сам же поэт, за два года до своей смерти, говорил: «Я начал со стилизации так называемых «блатных» песен. Они мне очень много дали в смысле формы. Меня

привлекала в них несложная форма с весьма незатейливой драматургией и простой идеей — без хитрого и сложного подтекста. Эти песни окрашены тоской по человеческой близости. Окуджава, который писал иные песни, выражал эти чувства другими средствами. Я же (сам, кстати, выросший на задворках) отражал в песнях «псевдоромантику» и брожение беспокойного духа пацанов проходных дворов».

Но наиболее точно и верно охарактеризовала раннее творчество Владимира Высоцкого и дала ему объяснение его вторая жена Людмила Абрамова:

«А почему он начал писать песни, которые — Володя Высоцкий? А что делать актеру, когда ему нечего играть? А что делать Актеру с самой большой буквы — Великому Актеру! — когда ему нечего играть? Он сам себе начал делать репертуар. То есть не то чтобы он делал его сознательно: «Дай-ка я сяду и напишу себе репертуар...» Так не было. А вот когда есть потребность себя высказать, а негде: в «Свиных хвостиках», что ли, или в «Аленьком цветочке»? Вот он и зазывал своих друзей, придумывал всякие штучки-дрючки, чтобы актеры поохотали. Это не уровень актерского творчества, это уровень актерских забав. А кто бы ему написал такую пьесу, да еще гениальную, про то, как шли в Монголию, про двух «зека»? Кто? Да еще дал сыграть одного «зека», да другого, да повара с половничком? Кто бы ему тогда написал пьесу про штрафников?»

Безусловно, Владимир Высоцкий искал самовыражения как актер, но на сцене этого не находил. В Театре миниатюр были задумки поставить спектакль по его песне «Татуировка», но дальше проекта дело так и не пошло. Поэтому единственным средством самовыражения для Высоцкого оставалось его песенное творчество, ведь песни его были не чем иным, как своеобразными мини-спектаклями. А то, что тогда это были в основном блатные песни, неудивительно: Высоцкий пел о том, что ему было хорошо знакомо, ведь он сам был не кем иным, как одним из «пацанов проходных дворов». К тому же судьба не только бросила его в одно из самых романтических мест Москвы, из благополучной Гер-

мании на Большой Каретный, но вдобавок ко всему наградила и самым «блатным» голосом из всех, что можно было только себе представить, — голосом с «трещинкой». Человек с таким голосом; кажется, был просто рожден для того, чтобы петь «Нинку» или «На Большом Каретном». И не зря поэтому сам Высоцкий, отвечая в июне 70-го на вопрос анкеты: «Чего больше всего боитесь в жизни?» — ответил: «Потери голоса».

А мы-то думали в конце 60-х, слушая песни Высоцкого, что голос его не иначе как «пропитой». Да и сам Высоцкий как-то искренне рассказывал: «Я со своим голосом ничего не делаю, потому что у меня голос всегда был такой. Я даже был когда-то вот таким маленьким пацаном и читал стихи каким-то взрослым людям, они говорили: «Надо же — какой маленький, а как пьет!» То есть у меня всегда был такой голос — как раньше говорили, «пропитой», а теперь из уважения говорят — с «трещинкой».

Когда Высоцкий в 56-м поступал в Школу-студию, о нем говорили: «Это какой Высоцкий? Хриплый?» И Высоцкий тогда пошел к профессору-отоларингологу, и тот выдал ему справку, что голосовые связки у него в порядке и голос может быть поставлен. А то не видать бы Владимиру Высоцкому актерской профессии как собственных ушей.

Между тем, создавая ранние свои песни, Высоцкий вряд ли стремился к тому, чтобы выйти с ними в официальный свет. Он прекрасно понимал, что подобными песнями слух начальствующих особ не услаждают. Последние решения партии и правительства в области литературы и искусства в то время были у всех на слуху.

В начале декабря 1962 года Н.С. Хрущев и его соратники посетили Выставку произведений московских художников, устроенную в Центральном выставочном зале и посвященную 30-летию Московского отделения Союза художников. Подстрекаемый руководителем Союза художников СССР В.А. Серовым, мало смыслившим в искусстве, Хрущев набросился с криками на художников-абстракционистов и «прочих формалистов» как на опасность, грозившую всему

советскому искусству. Обругав молодых художников и в заключение назвав их всех «педерасами», Хрущев потребовал немедленно убрать все произведения, вызвавшие его гнев. Это посещение, ловко спровоцированное отделом пропаганды ЦК КПСС, стало очередным сигналом к борьбе с творческим инакомыслием.

Через три месяца неугомонный Никита Сергеевич бросился в новую атаку на творческую интеллигенцию. 8 марта 1963 года в Свердловском зале Кремля проходила встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. На этой встрече Хрущев обрушил свой высочайший гнев на Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Илью Эренбурга, Марлена Хуциева, Виктора Некрасова и еще на добрый десяток художников, композиторов и кинематографистов. Потрясая кулаками и брызгая слюной, руководитель партии и правительства учил поэтов, как им писать стихи, художников — как рисовать картины, а композиторов обучал нотной грамоте.

До смещения Никиты Сергеевича Хрущева оставалось еще полтора года. В 1963 году начались регулярные закупки нашей страной зерна за границей. После карибского кризиса Запад не желал делать нам никаких поблажек, и поэтому, когда в конгрессе США начались слушания по этому вопросу, было заявлено: если со стороны СССР это единовременная акция — зерна не продавать! Но если это будет постоянный торговый канал — тогда нет проблем, пусть покупают. Вот тогда американские консультанты-экономисты дружно заявили: не сомневайтесь, господа конгрессмены, у русских эти осложнения надолго!

До объявленного Хрущевым коммунизма оставалось еще целых 17 лет, а врагов народа в стране развелось почти как при Сталине. С ноября 1962-го по июль 1963 года (то есть за 9 месяцев) в стране прошло более 80 «хозяйственных» процессов в десятках городов Союза, и на них было вынесено 183 смертных приговора. В светлое коммунистическое будущее мы должны были войти, искоренив всех преступников.

К началу 1964 года единственным местом работы Владимира Высоцкого по его основной профессии был клуб МВД имени Ф. Дзержинского, где он играл в спектакле «Белая болезнь». Символичное название для человека, у которого в трудовой книжке была лаконичная надпись, что он не имеет права работать по профессии из-за систематического нарушения трудовой дисциплины, то есть из-за пьянок.

В дни, когда Высоцкий маялся от тоски и творческой неудовлетворенности, руководители партии и правительства, наоборот, пребывали в состоянии радостного возбуждения. 20 апреля 1964 года Никите Сергеевичу Хрущеву исполнилось 70 лет, и по этому поводу был дан роскошный банкет. По словам очевидцев, будущий генсек, а тогда Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Брежнев переборщил с крепкими напитками и, извергая из себя приветствия в честь юбиляра, упал с лестницы. Говорят, что на его трудовой книжке этот инцидент никак не отразился.

В том же апреле 64-го судьба Владимира Высоцкого вновь пересеклась с Театром имени Пушкина: его пригласили в этот театр сыграть по договору роль в хорошо знакомом ему спектакле «Дневник женщины». Высоцкий, естественно, согласился.

Между тем состояние здоровья Владимира Высоцкого вызывает у его родных и близких законную тревогу: его загулы стали систематическими. В конце концов по настоянию отца Высоцкий в мае ложится в больницу. Тогда всем еще верилось, что таким способом можно вылечить его от тяжелого недуга.

По выходе из больницы Высоцкий уезжает в Айзкрауле (Латвийская ССР) на съемки фильма «На завтрашней улице» режиссера Ф. Филиппова, у которого он еще в 61-м снимался в фильме «Грешница». Посылая жене длинные письма оттуда, обязательно хвастает своим примерным поведением: «Я живу экономно и не принимаю. У нас четверых общий котел, но я это дело кончаю и из шараги со сканда-

лом выхожу, потому что они все жрут и иногда пьют и мне выгоды нету» (13 мая).

«Позвони отцу — расскажи, какой я есть распрекрасный трезвый сын В. Высоцкий» (15 июля).

Столь длительное воздержание от спиртного не преминет сказаться и на творческих успехах Высоцкого. 18 июля он пишет в письме жене: «А вообще скучно... Читать нечего. Дописал песню про «Наводчицу». Посвятил Яловичу (друг по Школе-студии). Ребятам нравится, а мне не очень...»

Как и положено истинным творцам гениальных произведений, им обычно не нравятся именно те произведения, которые в народе обретают неслыханную популярность. Я лично из своего глубокого детства помню полутемный подъезд старого пятиэтажного дома, нас, ребят-малолеток, и ребят чуть постарше, один из которых, ударяя по струнам «шаховской» семиструнки, поет:

Ну и дела же с этой Нинкою,
Она ж спала со всей Ордынкою,
И с нею спать — ну кто захочет сам?
А мне плевать, — мне очень хочется.

И вот это последнее — «а мне плевать, — мне очень хочется» — разнеслось потом среди московской ребятни со скоростью холеры. Мы щеголяли этой фразой к месту и не к месту, картинно закатывая глаза и во всем стараясь сохранить интонацию оригинала.

Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные,
Всегда одета как уборщица, —
Плевать на это — очень хочется!

Сам того не подозревая, Владимир Высоцкий в июле 64-го создал гениальную вещь, которая стала своеобразным гимном дворов и подворотен 60-х, своеобразную «Мурку» того времени. В тех дворах и подворотнях не пели песен Александры Пахмутовой, там пели «Нинку», «которая спала со всей Ордынкою». Да и сам Высоцкий в одном из писем июля 64-го писал жене: «...писать как Пахмутова я не буду, у меня своя стезя, и я с нее не сойду».

Хотя, появившись как певец блатной романтики, Владимир Высоцкий своим появлением в немалой степени был обязан и той советской эстраде, которая тогда существовала. Звучавшие на той эстраде песни, такие, как «Мишка» В. Нечаева, «Ландыши» О. Фельцмана, «Тополя» Г. Пономаренко, «Старый клен» А. Пахмутовой и другие, были прекрасными шлягерами, которые пела буквально вся страна. Но слух певца дворов и подворотен Владимира Высоцкого они резали своей слащавостью, где все вращалось вокруг вопроса «любишь — не любишь» и превращалось в элементарное сюсюканье. Проведшему детство среди шпаны Самотеки Высоцкому была чужда подобная любовная лирика, впрочем, как чужд ему был и «академизм» Булата Окуджавы. Поэтому, будучи как бы ответом на эти эстрадные шлягеры тех лет, и появлялись на свет сочиненные Высоцким «Нинки» и «Шалавы».

Высоцкий, оторванный от дома, продолжает с честью и гордостью нести бремя непьющего человека. 29 июля в длинном письме жене внозь звучит радость за себя: «Я расхвастался затем, чтобы ты меня не забывала, и скучала, и думала, что где-то в недружелюбном лагере живет у тебя муж ужасно хороший, — непьющий и необычайно физически подготовленный».

Я пью это поганое лекарство, у меня болит голова, спиртного мне совсем не хочется, и все эти экзекуции — зря, но уж если ты сумлеваешься — я всегда готов...

Было вчера собрание... Впервые ко мне нет претензий, — это подогревает морально.

Я, лапочка, вообще забыл, что такое загулы, но, однако, от общества не отказываюсь...»

3 августа Владимир Высоцкий написал эти строчки, а 8 августа в Москве у него родился второй сын — Никита. И счастливый отец пишет 15 августа своей жене: «Я тебя очень люблю. А я теперь стал настоящий отец семейства (фактически, но не де-юре — это ближайшее будущее), я и теперь чувствую, что буду бороться за мир, за счастье детей и за нравственность».

В это же самое время судьба готовила Владимиру Высоцкому тот самый крутой поворот, который должен будет серьезно изменить всю его творческую жизнь.

К 1964 году Московский театр драмы и комедии, что на Таганке, исчерпал все свои творческие возможности и практически дышал на ладан. Назначенный в ноябре 1963 года новый директор театра Николай Дупак предпринимал все возможные меры, чтобы вдохнуть в старые мехи новое свежее вино. В конце концов судьба послала ему удачу на этом поприще. Актер Театра имени Е. Вахтангова Юрий Любимов был в то время и режиссером курса в Щукинском училище. Силами студентов этого курса он поставил спектакль по произведению Б. Брехта «Добрый человек из Сезуана». Увидев этот спектакль, Н. Дупак пригласил Любимова к себе в театр, и тот, недолго думая, согласился. В феврале 64-го бывшего главного режиссера театра А.К. Плотникова отправили на пенсию и на его место назначили Юрия Петровича Любимова.

Могли ли тогда представить себе чиновники от культуры, сколько хлопот доставит им в скором будущем человек, которого они привели к руководству нового театра? Ведь им казалось, что лояльность этого человека предопределена всей его прошлой деятельностью: работа в ансамбле НКВД, съемки в таких официозных фильмах, как «Молодая гвардия» и «Кубанские казаки».

23 апреля состоялось первое представление спектакля «Добрый человек из Сезуана» на сцене Таганки. Отныне это число стало датой официального рождения нового московского театра.

В августе, вернувшись в Москву со съемок, Высоцкий узнал о появлении нового молодежного театра. Возникшее в нем жгучее желание попробоваться и попасть в этот коллектив имело удачное продолжение: Станислав Любшин пригласил Владимира Высоцкого на Таганку к Юрию Любимову.

Вспоминая тот день, Юрий Любимов позднее рассказывал: «Показался он так себе... можно было и не брать за это. Тем более за ним, к сожалению, тянулся «шлейф» — печаль-

ный шлейф выпивающего человека. Но я тогда пренебрег этим и не жалею об этом».

Почему же Юрий Любимов взял к себе посредственного артиста Высоцкого, да еще с подмоченной репутацией? Сыграла ли здесь свою роль интуиция большого режиссера или было что-то иное? Людмила Абрамова объясняет это так: «Любимову он был нужен для исполнения зонгов. Он хотел перенести «Доброго человека из Сезуана» на сцену театра, чтобы театр потерял студийную окраску, чтобы он стал более брехтовским... Снять эту легкую окраску студийности, которая придавала спектаклю какую-то прелесть, но не профессионально-сценическую. Вместо этой свежести Любимов хотел высокого профессионализма. И он искал людей, которые свободно поют с гитарой, легко держатся, легко выходят на сцену из зала... Искал людей именно на брехтовское, на зонговое звучание. Как раз это делал Володя. Это никто так не делал, вплоть до того, что брехтовские тексты люди воспринимали потом как Володины песни...

Володя пришел на Таганку к себе домой. Все, что он делал, — весь свой драматургический материал, который он к этому моменту наработал, — все шло туда, к себе домой. И то, что они встретились, что их троих свела судьба: Любимова, Губенко и Володю... — это могло случиться только по велению Бога».

Рождение второго сына, встреча с Юрием Любимовым — все эти события на какое-то время привели Высоцкого в то душевное равновесие, которого он, быть может, давно не имел. Результатом этого состояния можно, наверное, считать и то, что именно в это время из-под его пера появилась одна из первых песен о войне — «Штрафные батальоны». Л. Абрамова по этому поводу очень точно сказала: «Эти выходы вне человеческого понимания, выше собственных возможностей: они у Володи были, и их было много. И происходили они совершенно неожиданно. Идут у него «Шалавы», например, и потом вдруг — «Штрафные батальоны». Тогда он этого не только оценить, но и понять не мог. А это был тот самый запредел. У интеллигентных, умных, взрослых людей, таких, как Галич и Окуджава, — у них

такого не было. У них очень высокий уровень, но они к нему подходят шаг за шагом, без таких чудовищных скачков, без запрдела». Вполне вероятно, что материалом к песне «Штрафные батальоны» для Высоцкого послужили рассказы участкового милиционера Гераскина, который, посещая по долгу службы их компанию на Большом Каретном, иногда участвовал в их застольях и в подпитии рассказывал ребятам о своей нелегкой фронтовой судьбе, о своей службе в штрафбате.

В том году это был не единственный прорыв Владимира Высоцкого в запрдел. Именно тогда он впервые всерьез отталкивается от своего блатного репертуара и расширяет его за счет военных песен, таких, как «Высота», «Братские могилы», «Падали звезды», «Павшие бойцы», и песен политического содержания. Среди последних две были написаны по следам происшедших в тот год событий, имевших большой резонанс в народе. Песня «Жил-был дурачина-простофиля» была посвящена Хрущеву, которого в октябре 64-го насильно отправили на пенсию:

Но был добрый этот самый простофиля,
Захотел издать указ про изобилие.
Только стул подобных дел не терпел,
Как тряхнет, и, ясно, тот не усидел.
И очнулся, добрый малый простофиля,
У себя на сеновале в чем родили.

Вторая песня «Отберите орден у Насера» была посвящена тогдашнему президенту Египта, которому Хрущев со своего «барского» плеча в мае 64-го года даровал не шубу даже, а Звезду Героя Советского Союза. Журналист Игорь Беляев спустя четверть века после этого события писал: «Сам Насер, получив уведомление о намерении высокого советского гостя (в мае 64-го Хрущев был в Египте на открытии Асуанской ГЭС) наградить его столь почетной, но весьма специальной наградой, очень тактично дал понять, что ему не хотелось бы, чтобы эта высшая советская военная награда была вдруг вручена ему. Однако попытки президента уговорить советского лидера отказаться от задуманного не привели к желаемому результату.

Тогда Насер решил обратиться к Н.С. Хрущеву с другой просьбой, которая, как он рассчитывал, должна была удерживать его от намеченного шага: вручить такую же награду одновременно и маршалу Амеру, вице-президенту Египта. Расчет был прост: тот явно не заслуживал высшей награды, а раз так, то ее не получит и президент Египта.

Однако Н.С. Хрущева ничто не удержало от задуманного. Так в Египте появилось сразу два Героя Советского Союза».

Подобное беззастенчивое разбазаривание знаков национальной гордости вызывало у простых советских людей, к которым относился и Высоцкий, чувство глубокого недоумения и горечи. «Потерю истинную веру», — пел Владимир Высоцкий, выражая тем самым мнение 200-миллионного советского народа:

Потерю истинную веру —
Больно мне за наш СССР —
Отберите орден у Насеру —
Не подходит к ордену Насер!
Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом, —
Но давать Героя — это брось!
Почему нет золота в стране?
Раздарили, гады, раздарили!
Лучше б давали на войне, —
А Насеры после б нас простили.

Песня довольно смелая по тем временам, за исполнение которой к Высоцкому вполне могли бы применить меры устрашающего характера. Но к тому моменту Хрущева, инициатора вручения Насеру звания Героя, уже сместили, и песня эта оказалась даже как бы к месту. Может быть, Владимир Высоцкий это и сделал специально? Допустить его боязнь властей предержавших вполне можно: кому хотелось бы быть привлеченным к ответственности не за аморалку, а по политическим мотивам? Не такими ли чувствами тогда было продиктовано написание Высоцким песен «китайского цикла»: «В Пекине очень мрачная погода» (1963), «Мао Цзедун — большой шалун» (1964), «Возле города Пекина»

(1965), «Как-то раз цитаты Мао прочитав» (1965)? В одной из песен («В Пекине очень мрачная погода») заключительными строчками были:

...Мы сами знаем, где у нас чего
Так наш ЦК писал в письме открытом, —
Мы одобряем линию его!

Будучи принятым в труппу Театра на Таганке, Владимир Высоцкий был сразу же введен в спектакль «Добрый человек из Сезуана», в котором получил роль Второго Бога, роль комедийную. Затем он играл роль Мужа и только позднее, после ухода из театра Николая Губенко, получил роль Янг Суна. История рождения этого спектакля на сцене Таганки, как и вся последующая судьба театра, была драматичной. После первых же представлений ретивые чиновники от культуры попытались закрыть эту постановку. Но за театр вступился сам Константин Симонов, который опубликовал статью в защиту молодого театра не где-нибудь, а в самой «Правде». Чиновники отступили.

В сентябре 1964 года Владимир Высоцкий был официально зачислен в труппу Театра на Таганке с окладом в 70 рублей, а 14 октября был смещен со своих постов и отправлен на пенсию Никита Сергеевич Хрущев. Человек, без которого, может быть, не было бы ни Театра на Таганке, ни певца и поэта Владимира Высоцкого. И, несмотря на всю противоречивость личности этого человека, Высоцкий в душе сохранил к нему самое доброе и благодарное отношение. Через четыре года судьба еще сведет их вместе с глазу на глаз на уютной даче отставного пенсионера.

1965 год

Начало нового, 1965 года запомнилось Л. Абрамовой очередями. «За хлебом — очереди, мука — по талонам, к праздникам. Крупа — по талонам — только для детей».

Помнится, и мне родители рассказывали об этих очере-

дах, а я все думал, в какую же зиму это было? Оказывается, в 65-м. Родители вставали к магазину с раннего утра по очереди, пока один стоял, другой был со мной дома. Магазин — старая булочная, известная еще с дореволюционных времен, — находился на знаменитом Разгуляе, напротив МИСИ, того самого, где Владимир Высоцкий проучился полгода. Затем на месте этой булочной стояло здание Бауманского райсовета.

И вновь воспоминания Л. Абрамовой: «И вот кончилась зима, и Никита выздоравливал, но такая досада — в этих очередях я простудилась, горло заболело. Как никогда в жизни — не то что глотать, дышать нельзя, такая боль. Да еще сыпь на лице, на руках. Побежала в поликлинику — думала, ненадолго. Надолго нельзя — маму оставила с Аркашей, а ей на работу надо, она нервничает, что опоздает. Володя в театре. Причем я уже два дня его не видела и мучилась дурным предчувствием — пьет, опять пьет...

Врач посмотрела мое горло. Позвала еще одного врача. Потом меня повели к третьему. Потом к главному. Я сперва только сердилась, что время идет, что я маму подвожу, а потом испугалась: вдруг что-то опасное у меня? И болит горло — просто терпеть невозможно. Врач же не торопится меня лечить — позвали процедурную сестру, чтобы взять кровь из вены. Слышу разговор — на анализ на Вассермана. Я уже не спрашиваю ничего, молчу, только догадываюсь, о чем они думают. Пришел милиционер. И стали записывать: не замужем, двое детей, не работает, фамилия сожителя (слово такое специальное), где работает сожитель... Первый контакт... Где работают родители... Последние случайные связи... Состояла ли раньше на учете... Домой не отпустили: мы сообщим... о детях ваших позаботятся... Его сейчас найдут. Он обязан сдать кровь на анализ... Я сидела на стуле в коридоре. И молчала. Думать тоже не могла. Внизу страшно хлопнула дверь. Стены не то что задрожали, а прогнулись от его крика. Он шел по лестнице через две ступеньки и кричал, не смотрел по сторонам — очами поводил. Никто не пытался даже ЕГО остановить. У двери кабинета он на се-

кунду замер рядом с моим стулом. «Сейчас, Люсенька, пойдем, одну минуту...»

И все стало на свои места. Я была как за каменной стеной: ОН пришел на помощь, пришел защитить. Вот после этого случая он развелся с Изой, своей первой женой, и мы расписались...

А горло? Есть такая очень редкая болезнь — ангина Симановского-Венсана. Она действительно чем-то, какими-то внешними проявлениями похожа на венерическую болезнь, но есть существенная разница: при этой болезни язвы на слизистой оболочке гортани абсолютно не болят».

Тем временем прошло четыре месяца со дня смещения Н.С. Хрущева с его постов, и в «Правде» появилась статья нового главного редактора ведущей партийной газеты страны А. Румянцева под названием «Партия и интеллигенция». Устами нового проповедника решительно осуждались как сталинский, так и хрущевский подход к интеллигенции и звучал призыв к выработке нового, теперь уже правильного курса. Автор статьи ратовал за свободное выражение и столкновение мнений, признание различных школ и направлений в науке, литературе и искусстве. Коллективу молодого Театра на Таганке в скором времени одному из первых предстояло воочию ощутить на себе выработку этого «нового партийного курса».

В том году Владимир Высоцкий был введен и играл сразу в четырех спектаклях: «Герой нашего времени», «Антимиры» (премьера состоялась 2 февраля), «10 дней, которые потрясли мир» (премьера — 24 марта) и «Павшие и живые» (премьера — 4 ноября). Это было время, когда актер Высоцкий буквально упивался театральным действием, от спектакля к спектаклю набираясь опыта и мастерства. По словам партнера Высоцкого по театру В. Смехова: «Антимиры» возникли из-за Высоцкого, где у него получилась самая важная роль, а в «10 днях...» Володя сменил первого Керенского — Николая Губенко, достойно сыграв по всем статьям: и по статье драмы, и пластически, и гротескно, и даже лирично...»

Песенное творчество Владимира Высоцкого также не

стояло на месте: 20 апреля в ИВС АН СССР (кафе «Молекула») состоялось одно из первых его публичных выступлений перед широкой аудиторией. Высоцкий играл около двух часов и исполнил 18 песен.

Прорыв в военную тематику, совершенный Высоцким в прошлом году, в 1965 году был продолжен всего лишь одной песней «Солдаты группы Центр». В мае им была написана песня «Корабли». А чувство одиночества и душевного разлада с самим собой, по всей видимости, толкнуло Высоцкого на написание в тот год песен: «Сыт я по горло» и «У меня запой от одиночества». Кинематограф в том году предложил ему две роли: в фильмах «Наш дом» и «Стряпуха». Ролью в последнем он обязан Левону Кочаряну, который был в приятельских отношениях с режиссером Эдмондом Кеосаяном (будущим создателем бессмертного сериала о «Неуловимых мстителях»). Самому же Высоцкому роль в «Стряпухе» была, как он сам выразился, «до лампочки», впоследствии он ее даже не озвучивал. Просто смена обстановки, поездка в Краснодарский край в июле — августе были необходимы Владимиру Высоцкому как отдушина, как возможность хоть на какое-то время уйти от своих домашних проблем.

Но и в Краснодарском крае Высоцкий не нашел необходимого покоя, вновь запил, и Эдмонд Кеосаян вынужден был дважды выгонять его со съемок. Впрочем, Кеосаян был не первым, да и не последним режиссером кино, кто поступал с Высоцким подобным образом. Точно такая же история случилась у Высоцкого и с Андреем Тарковским в начале того же 65-го года. Тарковский хотел взять Владимира Высоцкого в свой фильм «Андрей Рублев» и назначил ему пробы. Но Высоцкий перед самыми пробами внезапно запил. Тарковский тогда ему и сказал: «Володя, я с тобой никогда больше не стану работать, извини...» А ведь это уже был второй подобный инцидент между ними. В первый раз Высоцкий точно так же подвел Тарковского перед съемками телевизионного спектакля по рассказу Фолкнера.

Работу в «Стряпухе» Высоцкий совмещал со съемками еще одной картины: на киностудии «Беларусьфильм» ре-

жиссер В. Туров снимал фильм «Я родом из детства». В этом фильме Владимир Высоцкий исполнял эпизодическую роль танкиста.

В июне Высоцкий написал несколько песен к фильму «Последний жулик», но эту картину, к сожалению, так и не пустили на экран.

Тем же летом Владимир Высоцкий и Людмила Абрамова снялись на телевидении в фильме «Картина», где Высоцкому досталась роль некоего художника, а Абрамовой — роль его возлюбленной. По словам самой Л. Абрамовой, их первая и последняя телевизионная попытка закончилась провалом, и все это действие она образно назвала «кошкин навоз».

9 июня 1965 года ушел из жизни один из самых любимых и почитаемых в народе артистов Петр Мартынович Алейников. Истинно Народный артист, которого высокие начальники никогда не жаловали и считали пьяницей и хулиганом. Проработав в кино более тридцати лет, Петр Алейников ушел из жизни простым артистом, так и не удостоенный никакого официального звания. По словам исследователя творчества П. Алейникова А. Бернштейна: «В душе Алейникова накапливалась горькая обида на кинематографических чиновников, партийных моралистов, которые не представляли артиста ни к званиям, ни к наградам (свою первую награду Алейников получил в 1968 году посмертно), всячески унижали его как личность».

Истоки алкоголизма Петра Алейникова надо искать в его детской беспризорности, в годах пребывания в колонии для трудных подростков...

В период работы в «Трактористах» в 1939 году Алейников нередко гасил эмоции с помощью водки, и кинорежиссер Иван Пырьев, при всем его уважении к актеру, резко осуждал подобную склонность...

В 50-е годы стали много говорить о ресторанном дебоширстве Алейникова, о том, что он появляется на эстраде в пьяном виде. В жизни актера начались длительные творческие простои, на какое-то время он ушел из семьи и неумеренно пил. В конце концов это и привело, без сомнения, та-

лантливого киноактера к преждевременной кончине. Он умер, не дожив 33 дней до 51 года.

Незадолго до своей смерти в разговоре с Павлом Леонидовым Петр Алейников признался: «Мне не пить нельзя, если, понимаешь, я вовремя не выпью — мне хана: задохнусь я, понимаешь. У меня, когда срок я пропущу, одышка жуткая, как у астматика (и ведь отняли у Алейникова одно легкое перед смертью), — а выпью и отойдет, отхлынет. У меня, понимаешь, в душе — гора, не передохнуть, не перешагнуть, не перемахнуть. Боря Андреев — вон какой здоровый, а с меня чего взять-то? Иной раз думаю: неужто один я такой непутевый да неумный, а погляжу на улицу или в зал — ведь всем дышать нечем, всем, но они, дураки, терпят, а я пью и не терплю. У меня бабушка казачка была, вот я и буду пить, а не терпеть».

В дни, когда безвременно ушел из жизни Петр Алейников, Владимиру Высоцкому было уже 27 лет, и его стаж пьющего человека исчислялся 14 годами. Он был уже вполне сложившимся взрослым человеком, имевшим вторую семью и двоих детей. 25 июля он их окончательно «усыновил», официально зарегистрировав брак с Людмилой Абрамовой.

Алкоголиком себя Высоцкий не считал, хотя многие его близкие и друзья настоятельно советовали ему опомниться и всерьез заняться этой проблемой. Старый друг Артур Макаров как-то сказал ему, как отрезал: «Если ты не остановишься, то потом будешь у ВТО полтинники на опохмелку собирать». Высоцкий тогда на него обиделся и с пагубной привычкой своей не завязал. Вспоминая запой мужа, Л. Абрамова писала: «Исчезал... Иногда на два дня, иногда на три... Я как-то внутренне чувствовала его жизненный ритм... Чувствовала даже, когда он начинает обратный путь. Бывало так, что я шла открывать дверь, когда он только начинал подниматься по лестнице. К окну подходила, когда он шел по противоположной стороне улицы. Он возвращался. А когда Володя пропадал, то первое, что я всегда боялась, — попал под машину, в пьяной драке налетел на чей-то нож...»

Видя, как все глубже засасывает Высоцкого омут пьянки, родные и близкие его решились на последнее средство: они привлекли на свою сторону Юрия Любимова, человека, авторитет которого в те годы для Высоцкого был непререкаем. Любимов уговорил Высоцкого лечь в больницу еще раз. Лечащим врачом Высоцкого на этот раз был известный ныне врач-психиатр Михаил Буянов. О том времени его рассказ:

«В ноябре 1965 года я проходил аспирантуру на кафедре психиатрии Второго Московского мединститута имени Пирогова. Однажды меня вызвал Василий Дмитриевич Денисов — главный врач психбольницы № 8 имени Соловьева, на базе которой находилась кафедра:

— В больницу поступил какой-то актер из Театра на Таганке. У него, говорят, большое будущее, но он тяжелый пьяница. Дирекция заставила его лечь на лечение, но, пока он у нас, срывается спектакль «Павшие и живые», премьера которого на днях должна состояться (премьера — 4 ноября). Вот и попросил директор театра отпустить актера вечерами на спектакль, но при условии, чтобы кто-то из врачей его увозил и привозил. Мой выбор пал на вас... Не отказывайтесь, говорят, актер очень талантливый, но за ним глаз да глаз нужен. И райком за него просит... Все прежние врачи шли у него на поводу, пусть хоть один врач поставит его на место.

И направился я в отделение, где лежал этот актер. Фамилия его была Высоцкий, о нем я прежде никогда не слышал.

В отделении уже знали о моей миссии. Заведующая — Вера Феодосьевна Народницкая — посоветовала быть с пациентом поосторожнее:

— Высоцкий — отпетый пьяница, такие способны на все. Он уже сколотил группку алкоголиков, рассказывает им всякие байки, старается добыть водку. Одной нянечке дал деньги, чтобы она незаметно принесла ему водки. Персонал у нас дисциплинированный, нянечка мне все рассказала, теперь пару дней Высоцкий напрасно прождет, а потом выяснит, в чем дело, и примется других уговаривать. Он постоянно путает больницу, кабак и театр.

— Так он просто пьяница или больной хроническим алкоголизмом?

— Вначале ему ставили психопатию, осложненную бытовым пьянством, но вскоре сменили диагноз на хронический алкоголизм. Он настоящий, много лет назад сформировавшийся хронический алкоголик, — вступила в разговор лечащий врач Алла Вениаминовна Мешенджинова, — со всем набором признаков этой болезни, причем признаков самых неблагоприятных. И окружение у него соответствующее: сплошная пьянь.

— Неужто домашние не видят, что он летит в пропасть?

— Плевал он на домашних. Ему всего лишь 27 лет, а психика истаскана, как у сорокалетнего пьяницы. А вот и он, — прервалась врач на полуслове.

Санитар ввел в ординаторскую Высоцкого. Несколько лукавое, задиристое лицо, небольшой рост, плотное телосложение. Отвечает с вызовом, иногда раздраженно. На свое пьянство смотрит как на шалость, мелкую забаву, недостойную внимания занятых людей. Все алкоголики обычно преуменьшают дозу принятого алкоголя — Высоцкий и тут ничем не отличается от других пьяниц.

— Как вы знаете, Владимир Семенович, в вашем театре готовится премьера. По настоятельной просьбе директора — Николая Лукьяновича Дупака — наш сотрудник будет возить вас на спектакли. Только прошу вас без глупостей.

— Разве я маленький, чтобы меня под конвоем возить?

— Так надо.

На следующий день мы с Высоцким отправились на спектакль — и так продолжалось около двух месяцев.

Когда повез его в первый раз, я настолько увлекся спектаклем, что прозевал, как Высоцкий напился. Потом я стал бдительнее и ходил за ним как тень... Когда мне стало надоедать постоянно контролировать его, я выработал у него в гипнозе (как всякий алкоголик, он очень податлив к внушению) рефлекс на меня: в моем присутствии у него подавлялось желание пить. Когда Высоцкого выписали из больницы, меня какое-то время приглашали на всевозможные бан-

кеты, на которых он должен был присутствовать, ибо в моем обществе Высоцкий не пил вообще. Затем рефлекс, более не подкреплявшийся, сам по себе угас...»

Столь строгая изоляция Высоцкого от общества, помещение его в «Соловьевку», да еще в палату с буйными психически больными людьми, принесли ему мало приятных впечатлений. Зато подвигли его на написание нескольких песен, ставших вскоре знаменитыми:

Сказал себе я — брось писать, —
Но руки сами просятся.
Ох мама моя родная, друзья любимые!
Лежу в палате — косятся,
Не сплю: боюсь — набросятся, —
Ведь рядом психи тихие, неизлечимые.
У меня запой от одиночества —
По ночам я слышу голоса...
Слышу — вдруг зовут меня по отчеству, —
Глянул — черт, вот это чудеса.
...Насмеялся я над ним до ноликов
И спросил: «Как там у вас в аду
Отношенья к нашим алкоголикам —
Говорят, их жарят на спирту?»

2 ноября 1965 года, в дни, когда Владимир Высоцкий только лег в «Соловьевку», во время съемок фильма «Директор» трагически погиб талантливый советский актер Евгений Урбанский. Он был всего на шесть лет старше Высоцкого, но их личные и творческие судьбы уже много раз пересекались. Вместе с друзьями Высоцкий бывал в театре Станиславского, где работал Урбанский и где в репетиционном зале, после репетиций, они устраивали шумные совместные застолья. Неизменным атрибутом этих застолий была гитара. Дело в том, что Урбанский отлично владел этим инструментом и замечательно пел. Так замечательно, что Высоцкий частенько брал в свой репертуар песни, которые исполнял Урбанский. После этого многие, слушая магнитофонные записи Высоцкого, путали его с Евгением Урбанским.

В 1969 году роль Евгения Урбанского в фильме «Дирек-

тор» исполнит бывший актер Театра на Таганке Николай Губенко.

В сентябре 1965 года в Москве органами КГБ по обвинению в антисоветской деятельности были арестованы писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль. Синявский в конце 50-х был преподавателем в Школе-студии при МХАТ и хорошо знал Владимира Высоцкого. На квартире Синявского представители доблестных органов нашли кассеты с записями песен Владимира Высоцкого. Так в личном деле Владимира Высоцкого, заведенном на Лубянке, появился очередной компромат на него.

Между тем новая генеральная линия партии, провозглашенная со страниц «Правды» в начале года, жила и побеждала. Спектакль «Павшие и живые», рассказывающий о погибших в годы Великой Отечественной войны не только на фронтах, но и в лагерях ГУЛАГа, вызвал нервную реакцию у чиновников Минкульта. По мнению новой власти, вместе с ушедшим в отставку Хрущевым должна была уйти из памяти народной и правда о ГУЛАГе. Спектакль хотели закрыть, но вмешались писатели-фронтовики. В результате найденного компромисса спектакль увидел свет, но в сокращенном варианте.

1966 год

Год 1966-й был для Владимира Высоцкого во многих отношениях переломным. Это был год «Галилея» в театре и год «Вертикали» в кино. Радость от событий тех дней в словах Л. Абрамовой: «Сердце будущим живет! И ведь что замечательно — каждый раз именно так и получалось. 1962, 1963, 1964, 1965-й бегом, бегом, закусив губу, точно по длинной лестнице вверх, — и оно наступило: долгожданное, обетованное утро зимнее! Все плохое осталось позади: не забытое, не вычеркнутое, но пройденное, пережитое...

Володя сыграл Галилея. Все предыдущие роли в Таганке были хороши — и сами по себе, и еще как обещание Настоящей роли. Вершины. Он рубил ступени. Чтобы выйти

на эту вершину, кроме актерского труда, нужно было преодолеть еще один очень крутой подъем, оставить позади очень страшную трещину — надо было перестать пить. В этом преодолении сложилось многое — Володино усилие воли, помощь врачей, вера и желание близких. Больше всего, наверное, — требовательная любовь Юрия Петровича Любимова: Володя совершил свое восхождение не в одиночку, это было восхождение любимовского театра».

Та же констатация восхождения Владимира Высоцкого на вершину успеха и в словах В. Смехова: «Жизнь Галилея» — лучшая пьеса Бертольда Брехта. Исполнив роль великого ученого, Владимир Высоцкий получил очень много: и дипломы театральных конкурсов, и бодрый скепсис коллег из других театров, и глубокий анализ своего труда в печати — известными театроведами, и, видимо, внутреннее право, путевку на роль Гамлета».

Июньская премьера «Галилея» позволила Владимиру Высоцкому сделать свой первый серьезный шаг к широкой актерской известности. Ведь вплоть до этого года его имя мало чем выделялось среди других актеров Театра на Таганке, где истинными лидерами были Зинаида Славина, Николай Губенко и Валерий Золотухин. Теперь в этот ряд был вписан и Владимир Высоцкий. Что касается песенного творчества Владимира Высоцкого, то и здесь он сумел сделать значительный шаг вперед, буквально в одночасье освободившись от, казалось бы, намертво приросшей к нему славы автора блатных песен. Хотя начало года для Высоцкого-певца складывалось не слишком радостно.

В феврале в Москве состоялся суд над арестованными в сентябре 65-го писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Синявского осудили на 7 лет лагерей, Даниэля — на 5. Владимир Высоцкий попал в это дело совершенно случайно (у Синявского нашли его записи), но после этого сверху была спущена негласная директива: «Высоцкого — прижать!» За весь 1966 год он не дал и десятка публичных концертов и в марте, в беседе с О. Ширяевой, опасливо вопрошал: «А твои знакомые не отнесут мои записи кой-куда?»

Меня сейчас поприжали с песнями». В том марте он снялся в фильме «Саша-Сашенька», но его имя из титров вообще убрали.

К лету подоспели съемки в фильме про альпинистов «Вертикаль», и Высоцкий в августе уезжает в Иткол. И хотя в одном из писем оттуда он признается жене: «Глядишь, впервые за несколько лет отдохну без работы, без водки», но поначалу такой отдых не слишком стимулирует его творчество. 12 августа он пишет жене: «Режиссеры молодые, из ВГИКа, неопытные режиссеры, но приятные ребята, фамилии режиссеров: Дуров и Говорухин. Фильм про альпинистов, плохой сценарий, но можно много песен, сейчас стараюсь что-то вымучить, пока не получается, набираю пары...

Мыслей в связи с этим новым, чего я совсем не знал и даже не подозревал, очень много. Вероятно, поэтому и песни не выходят. Это меня удручает. Впрочем, все равно попробую, может, что и получится, а не получится — займем у альпинистов, у них куча дурацких, но лирических песен, переработаю и спою».

Насколько удивительно сегодня читать эти строки, зная, что Высоцкий в конце концов вымучил из себя целую серию прекрасных песен: «Песня о друге», «Вершина», «Мерцал закат», «В суету городов», «Скалолазка». Даже фирма «Мелодия», расчувствовавшись после их прослушивания, выпустила в свет гибкую пластинку с этими песнями. Это была первая официальная пластинка Владимира Высоцкого.

Трудно сказать, что послужило тогда источником внезапного вдохновения для Высоцкого, может быть, то, что его «поприжали» с блатными песнями, а может быть, и то, о чем он случайно подумал в номере гостиницы и о чем тут же написал жене: «Сижу я, пишу, а отовсюду — музыка, внизу в холле местные массовики наяривают на аккордеоне и рояле какую-то жуть, кажется, арабское танго, а из соседнего номера подвыпившие туристы поют какие-то свои песни, Окуджаву и Высоцкого, который здесь очень в моде, его даже крутят по радио. Это меня пугает, потому что, если докапывались до глухомани, значит, дело пошло на спад».

Августовское «сидение» в иткольской гостинице подарило людям прекрасные песни и помогло Высоцкому преодолеть ситуацию декабря 65-го, когда он писал другу детства И. Кохановскому в Магадан: «Моя популярность песенная возросла неимоверно. Приглашали даже в Куйбышев, на телевидение, как барда, менестреля. Не поехал. Что я им спою? Разве только про подводную лодку. Новое пока не сочиняется».

Надо отметить, что в августе 1966 года В. Высоцкий одновременно снимался сразу в двух картинах: «Вертикали» С. Говорухина и Б. Дурова и «Коротких встречах» К. Муратовой. Оператор последней кинокартины Г. Крюк вспоминал: «Высоцкий был очень занят. Приезжал к нам на день-два. После спектакля, перелета самолетом, съемок в горах у Станислава Говорухина он появлялся у нас усталый...»

Столь жесткий и интенсивный ритм работы не позволял В. Высоцкому расслабляться и пускаться в загул. Это был один из тех периодов в жизни и творчестве В. Высоцкого, когда трезвость становилась нормой его жизни.

До осени 1966 года, занятый в съемках «Вертикали» и целиком поглощенный творчеством, Высоцкий не пил. Актриса Л. Лузина, снимавшаяся с ним в «Вертикали», позднее вспоминала: «На «Вертикали» мы страшно боялись, как бы Володя не сорвался. Нас еще Говорухин страшил каждый день: «Смотрите, не давайте ему ни капли, наблюдайте во все глаза, чтобы никто ему рюмки не поднес! Иначе будет сорвана съемка. И вообще — опасно в горах: щели, камнепады, пропадет человек ни за грош!» Мы и следили с трепетом в душе... Но он в то время вообще не брал в рот спиртного, а потом были еще два года полной трезвости...

Однажды произошел такой случай. Внизу, на первом этаже гостиницы «Иткол», был бар для спортсменов. Кто-то принес дичь, и повар зажарил ее для нас. Володя был тамадой, он с интересом наблюдал, как мы пили и шумели, вел наше застолье, но сам — ни-ни. И вдруг срывается из-за стола, бежит к стойке, бармен наливает ему полный стакан водки, Володя выпивает его и с бутылкой в руках исчезает в

своем номере. Мы обреченно последовали за ним. Входим. И что же? Рядом с ним стоит бутылка, а он хохочет: «Там вода! А здорово мы с барменом вас разыграли, правда?» Все вздохнули с облегчением...»

Вспоминая о тех же днях (лето 1966-го), Людмила Гурченко рассказывала: «В то лето 66-го Володя Высоцкий, Сева Абдулов и я с дочкой Машей оказались в очереди ресторана «Узбекистан»... Мы сели в дворике «Узбекистана» и ели вкусные национальные блюда. И только ели. Никогда в жизни я не видела Володю нетрезвым. Это для меня легенда. Только в его песнях я ощущала разбушевавшиеся, родные русские загулы и гудения».

Подвела ли Л. Гурченко память или подействовало что-то иное, но воспоминания двоюродного брата Высоцкого Павла Леонидова вносят кое-какие поправки в ее категоричные оценки:

«Тот Старый Новый год у меня в тумане. Я напился. И меня забрала к себе домой Люся Гурченко. Дочка ее Маша была у ее матери, кажется. С Люсей поехали Сева Абдулов и Володя Высоцкий...»

Меня уложили в небольшой приемной-гостиной-спальной-кабинете — все это в одной комнате, а в другой, Люсиной спальней, остались трепаться Люся, Сева и Володя. Потом я услышал крики и скандал. Встал, вышел в коридор и пошел в спальню. Пришлось отодвинуть Кобзона. Я не слышал, как он пришел. А может, у него еще оставались ключи от квартиры? Не знаю. Он уже ушел от Люси, они разошлись, но у него случались такие приступы «обратного хода». Он пришел мириться, и сразу же начался скандал. Он был пьян. И он оскорблял Люсю. Сева Абдулов, небольшой, мускулистый, мягкий, с открытым добрым лицом, подскок к Кобзону и ударил его. Я испугался. Кобзон был очень сильный, но он не ударил Севу. А я видел, как спружинил Володя, как он мгновенно напрягся. Он ростом не больше Севы, но силы — страшной. Володя даже не привстал, не шелухнулся, но все и с пьяных глаз увидели опасность. Кобзон начал опять что-то, а после сказал: «Пойдем, выйдем во

двор!» Это было по-мальчишески и очень противно. Здоровенный Кобзон пошел во двор с маленьким слабым Севай. А Володя почему-то сник и не пошел. Он только спросил у Люси, виден ли двор из окна. Она сказала, что да, виден. И Володя подошел к окну. Мы смотрели, как вышли противники, как они о чем-то долго говорили, потом Сева подпрыгнул и схватил Кобзона за прическу. Мы увидели, что Сева отпустил прическу, и Кобзон ушел. Его походка победителя сникла, он шел, таща себя под лунным светом. На фоне снежных куч он был кучей в кожаном модном пальто...

Пришел Сева, полез в холодильник.

Мы пили еще... Потом Володя сказал, что все дерьмо... Никто с ним не спорил. Все устали, но спать не хотелось, а я сказал, что лучше бы никогда сроду не было Старого Нового года...

А Володя вещал:

— Люська, ты — дура. Потому что — хорошая. Баба должна быть плохой. Злой. Хотя злость у тебя есть, но у тебя она нужная, по делу. А тебе надо быть злой не по делу. Вот никто не знает, а я — злой. Хотя Сева и Паша знают. Сева — лучше знает, а он, — показал на меня и скривил лицо, — старше, а потому позволяет себе роскошь не вглядываться в меня. Десять лет разницы делают его ужасно умным и опытным. А если было бы двадцать? Разницы! У Брежнева со мной сколько разницы? Так он меня или кого-нибудь из нашего поколения понять может? Нет! Он свою Гальку понимает, только когда у нее очередной роман. Ой-ей-ей! Не понимает нас Политбюро. И — не надо. Надо, чтобы мы их поняли. Хоть когда-нибудь...»

Следуя мудрой поговорке: «Что у пьяного на языке, то у трезвого на уме», отметим, что размышления Высоцкого о Политбюро были вовсе не случайны. Несмотря на то что после смещения Н. Хрущева прошла лишь пара-тройка лет, но ожидаемых перемен в лучшую сторону «новые власти» с собой так и не принесли. Вот и вывела рука Владимира Высоцкого в том же 66-м году строки:

И если б наша власть была
Для нас для всех понятная
А нынче жизнь — проклятая

Отметивший всего лишь двухлетие своего существования, Театр на Таганке успел уже стать неудобным для новых властей. Ольга Ширяева в своем дневнике оставила лаконичную запись: «Первый в новом сезоне прогон переработанных (в который раз!) «Павших и живых». В окне театра, где вывешивают афиши сегодняшнего спектакля, пусто. В фойе висит программа, одна на всех. Сразу видим, что новеллы о Казакевиче нет!..

«Дело о побеге» вырезали. Всю и навсегда. У Высоцкого там была очень интересная, хотя и небольшая роль чиновника из особого отдела. Зло так сыгранная. Он все время ревностно занимался доносами на Казакевича, он во всех его поступках пытался выискать что-нибудь предосудительное, преступное... Рассказывали, как перед закрытием сезона в театр прислали инструкторшу, чтобы она провела политинформацию. А она вместо этого два часа ругала театр и «Павших и живых». Кричала: «При чем здесь 37-й год, когда вы говорите о войне? А Высоцкий? Кого играет Высоцкий? У нас нет и не было таких людей!»

Так устами этой ретивой инструкторши утверждала себя новая генеральная линия партии. Делались первые шаги по вымарыванию из людского сознания преступлений сталинского режима.

Обеспокоенная таким поворотом, интеллигенция в феврале 1966 года, в преддверии XXIII съезда КПСС, направила на имя Леонида Брежнева письмо, в котором выражала свое недоумение и тревогу по поводу наметившейся тогда политики реабилитации Сталина. Под письмом поставили свои подписи 38 человек, среди которых были: А.Д. Сахаров, Б. Слуцкий, И. Смоктуновский, М. Плисецкая и многие другие известные деятели науки, литературы и искусства.

В то время новая власть еще не решалась круто изменить политику предшествующего периода, периода так называем-

мой «хрущевской оттепели», но кое-какие шаги в этом направлении уже предпринимались.

С точки зрения идеологов со Старой площади, главная опасность существующему режиму таилась в том свободомыслии, что принесла с собой «оттепель». И хотя Хрущев, развязавший народу язык, в конце концов сам этого испугался и принялся выбивать крамолу из мозгов, прежде всего интеллигенции, но получалось у него это, по мнению его соратников, плохо. За что и полетел со своего поста. А соратники его пошли дальше и круче в своих начинаниях. В целях борьбы с зародившимся еще в хрущевское время диссидентством 15 сентября 1966 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР была введена в действие статья 190 Уголовного кодекса РСФСР, каравшая людей «за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».

Первыми, кто почувствовал на себе ужесточение режима в области инакомыслия, были писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль. Суд над ними состоялся в феврале 66-го, а в апреле, выступая на XXIII съезде КПСС и касаясь этого дела, патриарх советской литературы Михаил Шолохов громко и ясно объявил: «Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а руководствуясь революционным правосознанием, ох не ту меру получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора». Нетрудно представить себе, какую меру наказания выбрал бы провинившимся писателям инженер человеческих душ Михаил Шолохов, будь его воля вершить суд над ними в рамках революционного правосознания 20-х годов. Не одну свинцовую «пилюлю» выписал бы он им, а глядишь, разгулявшись, натура ведь широкая — казацкая, «прописал» бы точно такое же «лекарство» и другим «молодчикам», в том числе и Владимиру Высоцкому за его «бандитские» песни, да и вообще, так, для профилактики.

За год до этого выступления Михаил Шолохов был удо-

стоен Нобелевской премии за роман «Тихий Дон», но его, в отличие от Б. Пастернака, никто не заставил от нее отречься. В благодарность за это близкий друг когда-то могущественного Хрущева Михаил Шолохов клялся теперь в верности новому руководителю.

Между тем осенью 66-го в Театре на Таганке наступила пора серьезных репетиций: 27 октября Владимир Высоцкий участвовал в первой репетиции спектакля «Пугачев», а 26 ноября — в первой репетиции «Живого» по пьесе Бориса Можаева.

5 ноября в Театре на Таганке гостил молодой американский актер Дин Рид. В те дни он еще не был тем «борцом за мир и лучшим другом Советского Союза», каким станет через несколько лет, а был всего лишь актером и певцом, одним из многих, кто приезжал тогда в нашу страну и посещал Таганку.

В. Золотухин в своем дневнике писал: «Дин пел. Хорошо, но не более. Чего-то ему не хватало. Самобытности либо голоса. В общем, Высоцкий успех имел больший. Дин сказал: «Режиссер и артисты, совершенно очевидно, люди гениальные». Вообще, он прекрасный парень».

В дальнейшем отношении Владимира Высоцкого к этому «замечательному парню» сильно изменилось, и не в лучшую сторону. Не повлияло ли на Высоцкого то, что Дин Рид стал слишком почитаем нашей официальной властью и явно работал «под колпаком» КГБ? В конце концов компромисс Дина Рида с властью привел к трагедии: в 1986 году в ГДР Дин Рид загадочно погибнет в озере, недалеко от собственного дома. И хотя потом стала гулять версия о его тяжелых взаимоотношениях с новой женой, немецкой киноактрисой Ренатой Блюме, но мало кто верил в истинность этой версии.

Конец 66-го года для Владимира Высоцкого был не самым благополучным. Будь это иначе, не появились бы из-под его пера строки, подобные этим:

Может быть, наложили запрет?
Я на каждом шагу спотыкаюсь:

Видно, сколько шагов — столько бед, —
 Вот узнаю, в чем дело, — покаюсь
 А моя печаль — как вечный снег
 Не тает, не тает
 Не тает она и летом
 В полуденный зной, —
 И знаю я печаль-госку мне эту
 Век носить с собой
 В мире — тишь и безветрие,
 Чистота и симметрия, —
 На душе моей — тягостно,
 И живу я безрадостно

Тяжкий недуг, на время отпустивший его, вновь вернулся. Певица Алла Пугачева вспоминала: «Единственное, что я могу вспомнить, связанное с Владимиром Семеновичем (а он всегда был для меня Владимиром Семеновичем), — это то, что мы встречались в доме у нашего общего знакомого. Я была тогда — никто, так, девочка лет семнадцати. Я садилась за пианино, играла, Владимиру Семеновичу нравилось...

Бывал в той компании и Боря Хмельницкий... Мы тогда крепко поддавали...»

И наконец воспоминания Михаила Буянова, врача, лечившего Высоцкого: «С середины 1966 года я видел Высоцкого эпизодически. Несколько раз он звонил мне, но это были в основном светские разговоры. Он сильно пил и постепенно обошел едва ли не все психиатрические лечебницы столицы».

1967 год

Если год 1966-й для Владимира Высоцкого был трамплином к созданию серьезного песенного репертуара, то следующий, 1967 год стал его утверждением на этом поприще. В этом году Владимир Высоцкий создал одни из самых первых своих принципиальных произведений: «Спасите наши души!» и «Беспокойство» («А у дельфина...») В этом же году им были написаны песни «Аисты», «Песня о новом времени», «Дом хрустальный», «Моя — цыганская», «Кассандра», «Лирическая».

Год 1967-й стал годом гастрольного триумфа певца Владимира Высоцкого, который в течение года совершил около 30 поездок, курсируя между Москвой, Ленинградом и Куйбышевым. Такое рекордное количество гастрольных поездок Высоцкий повторит теперь не скоро, только через пять лет, в период, когда его песенное творчество будет уже признано народом повсеместно.

24 и 25 мая Высоцкий выступал с концертами в Куйбышеве, и свидетель тех концертов И. Фишгойт вспоминал: «До нас доходили слухи, что Высоцкий — любитель выпить, но во время его приездов в Куйбышев мы убедились в обратном. Отказался он даже от пива. Пил только минеральную воду».

Концерты в Куйбышеве прошли с большим успехом, и, вернувшись в Москву, Высоцкий попал на собственный творческий вечер в ВТО, который состоялся 31 мая. Свидетель тех событий О. Ширяева отметила это событие в своем дневнике: «Первоначально вечер планировался на 17-е как чисто песенный. Представлять Высоцкого должен был Табаков, он в ВТО заведует молодыми. Но Ю. П. Любимов предложил перенести на 31-е, на среду, когда в театре выходной, и показывать сцены из спектаклей. Однако сам он внезапно заболел, и поэтому вышел директор, сказал несколько слов и предоставил слово Аниксту как члену худсовета Таганки...

Аникст начал с того, что он — в трудном положении. Обычно все знают того, кто представляет, и хуже — того, кого представляют. А тут, наверное, мало кто знает его, но зато все знают Высоцкого. Аникст подчеркнул, что это первый вечер Таганки в ВТО. И сам Высоцкий, и его товарищи рассматривают этот вечер как отчет всего театра. А как это хорошо, что у входа такие же толпы жаждущих попасть сюда, как и перед театром...

Еще Аникст сказал, что вот пройдет несколько лет, и в очередном издании театральной энциклопедии мы прочитаем: «Высоцкий, Владимир Семенович, 1938 года рождения, народный артист».

Аникст сказал, что Высоцкому очень повезло, потому что он попал в коллектив единомышленников. Восхищался разнообразием его талантов, говорил, что публика знает, что Высоцкий многое умеет, даже стоять на голове. Аникст говорил не только о Высоцком, но и о коллективе театра, о Любимове и о судьбах театра вообще. Он сказал, что Театр на Таганке — это не следующий традициям, а создающий их. Этот театр находится в первых рядах нового искусства. Его упрекают в отсутствии ярких творческих индивидуальностей, называют театром режиссера, но это не так. Высоцкий тому пример...

Высоцкий пел свои песни. С особым удовольствием, как он сказал, спел «Скалолазку», которая не вошла в картину «Вертикаль». Еще из новых: «Сказку о нечисти» и «Вещего Олега». Затем о хоккеистах, предварив песню рассказом о том, что его вдохновило на ее написание.

В конце вечера какие-то деятели поздравили Высоцкого от имени ВТО, поднесли официальный букет. Мне было не дотянуться до сцены, и я попросила сидевшую передо мной девушку положить мои гвоздики к микрофону...

Говорили еще, что артисты хотели прочесть Володе приветствие в стихах (читать его должна была Полицеймако), но им не разрешили из перестраховки.

Кинематограф в тот год баловал Высоцкого ролями. Он снялся у Киры Муратовой в «Коротких встречах» (в главной роли) и в июле начал пробоваться на роль в фильме Г. Полоки «Интервенция». На роль его утвердили, фильм был снят, но тут же запрещен и к зрителям пришел только после смерти Высоцкого. Надо отметить, что участие в этом фильме сильно осложнило дальнейшую кинематографическую судьбу Владимира Высоцкого. В год 50-летия Великого Октября он имел смелость, как обвиняли его высокие киноначальники, сняться в клоунаде-буффонаде в роли большевика-подпольщика. Картину эту было приказано смыть, но, к счастью, один экземпляр ее уцелел и все-таки дошел до зрителя.

Этим же летом он снялся на «Беларусьфильме» в эпизо-

де фильма «Война под крышами», где исполнил свою песню. Правда, роль была отрицательная — Высоцкий сыграл полицая. В июле подспели и съемки в фильме Е. Карелова «Служили два товарища».

Утверждение на роль в этом фильме было самым трудным, хотя здесь, в отличие от «Интервенции», Высоцкий должен был исполнять роль белогвардейского офицера. Но вокруг имени Владимира Высоцкого ходили тогда всевозможные скандальные слухи, как имевшие под собой основание, так и огульные. Например, этим же летом на киностудии «Беларусьфильм» за распространение кассет с записями Высоцкого многие работники киностудии получили служебные выговора, а кое-кто и вовсе лишился работы.

Против утверждения Владимира Высоцкого на роль поручика Брусенцова выступил и начальник актерского отдела «Мосфильма» Гуревич. Описывая перипетии этого инцидента, Высоцкий писал жене Л. Абрамовой 9 августа: «Гуревич кричал, что он пойдет к Баскакову и Романову (руководители кинематографии Союза), а Карелов предложил ему ходить везде вместе. Это все по поводу моего старого питья и «Стряпухи» и Кеосаяна. Все решилось просто. Карелов поехал на дачу к больному Михаилу Ильичу Ромму, привез его, и тот во всеуслышание заявил, что Высоцкий-де его убеждает, после чего Гуревич мог пойти только в ж..., куда он и отправился незамедлительно».

Этот начальник актерского отдела «Мосфильма», сохранявший свой пост до 80-х годов, прославился и тем, что при нем был составлен черный список на актеров, которых не рекомендовалось приглашать для съемок. Попал в эти списки и Олег Даль, который в 79-м отказался сниматься в фильме А. Митты «Экипаж». После этого поступка он был внесен в черный список Гуревича, где указывалось, что в течение трех лет Олег Даль ни к каким съемкам на «Мосфильме» привлечен быть не может.

Жена актера, Елизавета Даль, касаясь этого инцидента, позднее вспоминала: «В свое время Даль отказался от съемок в фильме «Экипаж». Вопрос был решен мирно между

режиссером А. Миттой и Олегом. Однако, когда подошло назначение на главную роль в фильме «Незванный друг» (1980), выяснилось, что Дально за отказ от участия в фильме «Экипаж» в течение трех лет на «Мосфильме» сниматься запрещено. Даль отправился для разговора к заведующему актерским отделом «Мосфильма» А. Гуревичу. Тот начал оскорблять артиста: «Кто вы такой? Вы думаете, что вы артист? Да вас знать никто не знает. Вот Крючков приезжает в другой город, так движение останавливается. А вы... Вам только деньги нужны». Олег молчал, сжимая кулаки, потому что понимал: еще минута — и он ударит. Пришел домой с побелевшим лицом, трясущимися руками и сел писать письмо Гуревичу, но все время рвал написанное. Долго не мог прийти в себя после такого чудовищного унижения и хамства». После того разговора Даль оставил в своем дневнике лаконичную запись: «Какая же сволочь правит искусством. Нет, наверно, искусства остается все меньше, да и править им легче, потому что в нем, внутри, такая же лживая и жадная сволочь».

В том же июле в Одессе с Высоцким произошел неприятный случай, который, правда, не стал достоянием гласности и потому не привел к новым неприятностям в судьбе артиста. В те дни он, а также его друзья Левон Кочарян, жена Левона Инна, Артур Макаров собирались на квартире подруги жены Кочаряна. Однажды в их компании оказался и 24-летний болгарский актер Стефан Данаилов, снимавшийся в те дни в советско-болгарском фильме «Первый курьер». И вот на той вечеринке, будучи в подпитии, Данаилов приказал Высоцкому: «Пой!» Тот отказался. Тогда Данаилов вытащил из кармана пачку денег и швырнул ее в лицо Высоцкому. Видевший все это Кочарян мгновенно вспыхнул от гнева и от всей души врезал будущему заслуженному артисту Болгарии, будущему члену болгарской компартии и лауреату Димитровской премии по его симпатичной физиономии. В результате вспыхнувшей в квартире потасовки серьезно пострадал Данаилов и двухспальная тахта хозяев квартиры. Правда, раны на лице Данаилова быстро зажили,

и через несколько лет советские кинозрители смогли убедиться в этом, лицезрея болгарского актера в многосерийном телевизионном сериале «Нас много на каждом километре».

Между тем Владимир Высоцкий был утвержден на роль в фильме «Служили два товарища» и сыграл эту роль блестяще. Хотя воплотить все, что он задумал в ней, ему так и не удалось. Позднее он признался: «Я думал, что это будет лучшей ролью, которую мне удастся вообще сыграть когда-нибудь в кино. И так оно, возможно, и было бы, если бы дошло до вас то, что было снято. Но этого не случилось».

Все лето проснимавшись, Высоцкий в начале сентября вернулся в Москву, где ему предложили главную роль в фильме «Еще раз про любовь». Но судьба не дала ему этого шанса, и вместо Владимира Высоцкого партнером Татьяны Дорониной в фильме стал Александр Лазарев.

На середину этого года выпал и один из первых опытов Владимира Высоцкого в жанре прозы. В соавторстве с Д.М. Калиновской и при участии С.С. Говорухина им был написан сценарий фильма «Помните, война случилась в 41-м». Этот опыт вселил в Высоцкого уверенность в собственных силах, и он решил всерьез заняться написанием прозаических произведений.

В тот год неплохо складывалась и театральная судьба Высоцкого. Вышел «Пугачев» по С. Есенину, про роль Высоцкого в котором В. Смехов написал: «Главное в этом спектакле (едва ли не самом мощном по всем элементам) — это роль Хлопуши. Нет ни у кого на эту тему ничего, кроме пересказов и легенд. А у меня право увидеть все тринадцать ролей Высоцкого и, поставив высокие оценки за высоцких героев, наивысшим баллом наградить Хлопушу — идеальное воплощение по всем законам и «психологического», и «карнавального» театров. А ведь роль Хлопуши у Высоцкого в этом спектакле была совсем небольшая — всего около сорока стихотворных строк. И, несмотря на это, он сумел сделать ее чуть ли не главной ролью в спектакле». Премьера спектакля состоялась 23 ноября, почти через два месяца после открытия нового театрального сезона. Это была вторая

премьера Театра на Таганке в этом году. Первая же состоялась 16 мая, за два месяца до закрытия сезона. Спектакль назывался «Послушайте!», и Высоцкий в нем играл роль В. Маяковского.

И вновь — В. Смехов: «В театре моей памяти Владимир Высоцкий не просто отлично читал Маяковского, играл от имени Маяковского — он, как и его товарищи, продлевал жизнь образа, по необходимости бороться сегодня с таким же, кто отравлял поэтам жизнь вчера. Жизнь и сцена сливались — это явление еще нуждается в серьезной оценке. Володя играл храброго, иногда грубоватого, очень жестокого и спортивно готового к атаке поэта-интеллигента... Премьера «Послушайте!» совпала с началом его личных событий. И сердечных, и авторских, и сходных с борьбой его персонажа».

То, что В. Смехов назвал личными событиями в жизни Высоцкого, началось в июле 1967 года, когда он встретил французскую киноактрису де Полякофф Марину-Катрин, или больше известную как Марина Влади. И встреча эта в скором времени предопределяет уход Владимира Высоцкого от второй жены, на руках у которой останутся двое его детей. Но фактический уход Высоцкого из семьи произошел, по всей видимости, гораздо раньше того дня, когда судьба свела его с Мариной Влади, и строки 67-го года, написанные рукой поэта, наглядно об этом говорят:

Холодно, метет кругом, я мерзну, и мне
Холодно и с женщиной в постели...
Встречу ли знакомых я — морозно мне,
Потому, что все обледенели

Жалуясь в одной из тогдашних бесед своему другу В. Золотухину на свою неустроенную семейную жизнь, Высоцкий говорил: «Детей своих я не вижу. Да и не любят они меня. Полчаса в неделю я на них смотрю, одного в угол поставлю, другому по затылку двину. А они орут... Разве это воспитание?»

Да и с женой не лучше. Шесть лет живем, а у меня ни обедов нормальных, ни чистого белья, ни стиранных носков...»

Надо сказать откровенно, что В. Высоцкий и сам никогда не являл собой образец примерного мужа. О его любовных похождениях на стороне, к примеру, знали многие, в том числе и Л. Абрамова. Не случайно в августе 1966 года, когда В. Высоцкий снимался в «Вертикали», в одном из своих писем Л. Абрамова не смогла скрыть своей ревности по отношению к Л. Лужиной, снимавшейся в том же фильме (В. Высоцкий посвятил ей песню «Она была в Париже»). На самом деле, по словам той же Л. Лужиной, у В. Высоцкого в те дни был бурный роман не с ней, а с актрисой Татьяной Иваненко.

В 1967 году у В. Высоцкого случился очередной роман с молодой студенткой Школы-студии при МХАТ, к которой он лазил на третий этаж общежития по карнизам и по трубам, минуя таким образом бдительную вахтершу на входе.

Однако роман со студенткой был всего лишь прелюдией к событиям, которые буквально перевернули всю личную жизнь 29-летнего Владимира Высоцкого. В том году судьба свела его с французской киноактрисой Мариной Влади. Об этой встрече лучше всего расскажут сами участники и свидетели тех событий.

Не догнал бы кто-нибудь,
Не почувял запах, —
Отдохнуть бы, продыхнуть
Со звездой в лапах.

Марина Влади: «Шестьдесят седьмой год. Я приехала в Москву на фестиваль, и меня пригласили посмотреть репетицию «Пугачева», пообещав, что я увижу одного из самых удивительных исполнителей — Владимира Высоцкого. Как и весь зал, я потрясена силой, отчаянием, необыкновенным голосом актера. Он играет так, что остальные действующие лица постепенно растворяются в тени. Все, кто был в зале, аплодируют стоя.

На выходе один из моих друзей приглашает меня поужинать с актерами, исполнявшими главные роли в спектакле. Мы встречаемся в ресторане ВТО — шумном, но симпатичном... Наш приход вызывает оживленное любопытство при-

сутствующих. В СССР я пользуюсь совершенно неожиданной для меня известностью. Все мне рады, несут мне цветы, коньяк, фрукты, меня целуют и обнимают... Я жду того замечательного артиста, мне хочется его поздравить, но говорят, что у него чудной характер и поэтому он может и совсем не прийти. Я расстроена, но у моих собеседников столько вопросов...

Краешком глаза я замечаю, что к нам направляется невысокий плохо одетый молодой человек. Я мельком смотрю на него, и только светло-серые глаза на миг привлекают мое внимание. Он подходит, молча берет мою руку и долго не выпускает, потом целует ее, садится напротив и уже больше не сводит с меня глаз. Его молчание не стесняет меня, мы смотрим друг на друга, как будто всегда были знакомы... Ты не ешь, не пьешь — ты смотришь на меня.

— Наконец-то я встретил вас...

Эти первые произнесенные тобой слова смущают меня, я отвечаю тебе дежурными комплиментами по поводу спектакля, но видно, что ты меня не слушаешь. Ты говоришь, что хотел бы уйти отсюда и петь для меня. Мы решаем провести остаток вечера у Макса Леона, корреспондента «Юманите». Он живет недалеко от центра. В машине мы продолжаем молча смотреть друг на друга... Я вижу твои глаза — сияющие и нежные, коротко остриженный затылок, двухдневную щетину, ввалившиеся от усталости щеки. Ты некрасив, у тебя ничем не примечательная внешность, но взгляд у тебя необыкновенный.

Как только мы приезжаем к Макс, ты берешь гитару. Меня поражает твой голос, твоя сила, твой крик. И еще то, что ты сидишь у моих ног и поешь для меня одной... И тут же, безо всякого перехода, говоришь, что давно любишь меня.

Как и любой актрисе, мне приходилось слышать подобные неуместные признания. Но твоими словами я по-настоящему взволнована. Я соглашаюсь встретиться с тобой на следующий день вечером в баре гостиницы «Москва», в которой живут участники кинофестиваля».

Это воспоминание живой участницы тех событий. Но

таких живых свидетелей той встречи было еще несколько человек, и каждый из них вспоминает о ней по-своему. Фотожурналист Игорь Гневашев вспоминает: «Узнав, что в Москву приехала Марина Влади, я решил делать о ней фильм — чуть ли не каждый день жизни. Нас познакомили, и я ходил за нею всюду, и я видел, как они впервые встретились, — и он влюбился в нее в коридоре, мгновенно, с ходу, я видел это по его лицу совершенно ясно... По-моему, это Ия Саввина повела Марину после репетиции «Пугачева» за кулисы, в гримерку. Мы шли по коридору, и вдруг навстречу — он, с сопровождающими, естественно, лицами. Увидел «колдунью», чуть опешил и, маскируя смущение, форсированным, дурашливо театральным голосом: «О, кого мы видим!..». Она остановилась: «Вы мне так понравились... А я о вас слышала во Франции... Говорят, вы здесь страшно популярны».

Потом всей кучей сидели в его гримерке, пили сухое вино, и он, конечно, взял в руки гитару».

О событиях следующего дня нам вновь поведает Марина Влади:

«В баре полно народу, меня окружили со всех сторон, но как только ты появляешься, я бросаю своих знакомых, и мы идем танцевать. На каблуках я гораздо выше тебя, ты встаешь на цыпочки и шепчешь мне на ухо безумные слова. Я смеюсь, а потом уже серьезно говорю, что ты — необыкновенный человек и с тобой интересно общаться, но я приехала всего на несколько дней, у меня сложная жизнь, трое детей, работа, требующая полной отдачи, и Москва далеко от Парижа... Ты отвечаешь, что у тебя у самого — семья и дети, работа и слава, но все это не помешает мне стать твоей женой. Ошарашенная таким нахальством, я соглашаюсь увидеться с тобой завтра».

И вновь вслед за словами Марины Влади воспоминания еще одного свидетеля тех событий — Аркадия Свидерского, близкого друга Владимира Высоцкого:

«Основное знакомство Высоцкого и Влади произошло в

пресс-баре кинофестиваля. Это был последний банкет, присутствовали все наши звезды, все делегации...

Когда заиграла музыка, Сергей Аполлинарьевич Герасимов пригласил Влади на танец. Я пошел с его женой Тамарой Федоровной Макаровой, и в это время появился Володя. Он взял Марину, и они начали танцевать, и он ее уже не отпускал... А Лева Кочарян, я и все наши ребята, которые там были, мы их взяли в кольцо, потому что все прорывались к Марине танцевать. Но Володя до самого конца никому этого не позволил. Мне запомнилась его фраза, которую он тогда нам сказал: «Я буду не Высоцкий, если я на ней не женюсь».

Трудно поверить в то, что привыкшая к многочисленным знакам внимания со стороны мужчин, куда более эффектных, чем Владимир Высоцкий, французская знаменитость примет всерьез ухаживания русского актера. Вполне вероятно, что тогда ее просто занимало это откровенное признание в любви, это почти по-детски наивное ухаживание. По воспоминаниям того же Игоря Гневашева, Влади упрасивала своих московских знакомых: «Ребята, вы его уведите подальше от гостиницы, а то он возвращается и это... ломится в номер».

Надо отметить, что встреча с В. Высоцким летом 1967 года для Марины Влади была лишь забавным эпизодом и не предвещала (во всяком случае, для нее) в дальнейшем ничего серьезного. Более того, в те дни у Марины Влади было более сильное увлечение, чем русский актер из Москвы. В 1966 году, снимаясь в Румынии во франко-румынском фильме «Мона, безымянная звезда» (режиссер Анри Кольни), М. Влади познакомилась и серьезно увлеклась молодым румынским актером Кристой Аврамом. В 1968 году К. Аврам приехал к М. Влади в Париж, имея, по всей видимости, намерения жениться на М. Влади. Но молодому актеру не повезло. Он сильно не понравился матери Марины и ее сестрам Одиль Версуа, Элен Валье и Тане Поляковой, которые посчитали его пустым и никчемным красавцем. Отношения с К. Аврамом были разорваны, а у Марины в результате этого случилась депрессия.

Но отдаленный от Парижа тысячами километров В. Высоцкий обо всем этом даже не догадывался. Впрочем, так же не догадывалась о новом увлечении своего мужа и Л. Абрамова, мать двоих его детей. Много позднее она признается: «Боялась ли я, что Володя ходит к женщинам? Нет, абсолютно. У меня и тени этой мысли не было. Боялась ли я, что он может уйти навсегда? Я этого начинала бояться, когда он возвращался. Вот тогда я боялась, что он сейчас скажет — «все». А так — нет, страха не было».

В том июле Высоцкий ничего не сказал своей жене о своем новом увлечении. Это и понятно: Влади была в Москве проездом, через несколько дней она должна была покинуть страну, и никто из них точно не знал, увидятся ли они еще когда-нибудь после этого. Не догадывалась ни о чем и сама Л. Абрамова: «И вот еще помню его приход, еще до нашего с Володей развода, в июле 67-го. А. Стругацкий жил с семьей на даче, мы его давно не видели. И гостей не ждали: у меня болели зубы, и физиономию слегка перекосило. Я была не дома, а у Лены, они с матерью, моей теткой, жили на улице Вавилова в первом этаже громадного кирпичного дома с лифтерами и пышным садом у окон. Аркадий позвонил именно туда, сообщил, что он в Москве, что скоро будет, потому что надо отметить событие: общий наш друг Юра Манин получил какую-то премию, или орден, или звание, уж не помню, но что-то очень хорошее и заслуженное. Зуб мой прошел, и физиономия распрямилась и просияла. Мы с Леной принялись за работу: застучали ножи, загремели сковородки. Форма одежды — парадная. Позвонили Володе в театр, там «Пугачев», спектакль недлинный, приходи к Лене, будет А. Стругацкий. Играй погениальней, шибко не задерживайся. Ну подумаешь — фестивальныи гости на спектакле. Ну поговоришь, они поохают — и к нам. Стругацкий пришел с черным портфелем гигантского размера, величественный, сдержанно-возбужденный...

А Володя пришел поздно. Уже брезжил рассвет. Чтобы не тревожить лифтершу, он впрыгнул в окно, не коснувшись подоконника — в одной руке гитара, в другой — букет

белых пионов. Он пел в пресс-баре фестиваля — в Москве шел международный кинофестиваль...»

Продолжая официально оставаться мужем матери своих детей, Высоцкий между тем тайно пишет письмо Марине Влади в Париж, а затем и звонит ей. Эти настойчивые звонки исходили из квартиры давней знакомой В. Высоцкого киноактрисы Л. Пыревой, которая уехала в Ленинград, на премьеру в Доме кино фильма «Братья Карамазовы».

«В квартире моей я оставила Володю Высоцкого и Игоря Кохановского, не боясь никаких нежелательных последствий, а даже радуясь тому, что в квартире кто-то поживет в мое отсутствие. Когда я вернулась — очень скоро! — в Москву, я не поняла, в чей же дом я попала, — такой вид имело мое жилище. Володя отчаянно извинялся, показывал стихи, которые мне посвятил, пока я была в краткой отлучке, но я молчала и только руками отмахивалась. Потом он ушел, и я принялась за уборку. Выбросила массу бутылок из-под шампанского, кучи окурков, подмела, помыла пепельницы. Увидела и стихи, посвященные мне и лежащие возле телефона. Но я так была на Володю сердита, что изорвала листки в мелкие клочья. Увы, сделанного не воротишь. Через много лет я как-то приводила в порядок свои бумаги, складывала в разные ящики документы: по темам. И вдруг, разбирая содержимое шкатулки, увидела стихи, посвященные... нет, не мне, а Марине Влади...»

Да, — пока я была в Ленинграде, а Володя у меня на квартире — он не только «забавлялся» шампанским. И не только писал стихи. Счета, которые я вынуждена была оплатить за его телефонные разговоры с Парижем, достигли сотни рублей. Сейчас это смотрится небольшой суммой, но в те времена это было очень существенно, можно было купить, например, две пары лучших импортных туфель...»

В том году страна отмечала 50-летие Великого Октября, и официальные власти стремились придать этому событию особый ритуальный характер. 7 ноября на Красной площади должны были состояться грандиозный парад и демонстрация в честь славного юбилея. Многие театральные коллективы готовили к этой дате премьеры спектаклей, посвя-

щенных событиям 17-го года. В афишах театров значились имена Н. Погодина, В. Серафимовича, И. Штока. Театр на Таганке в тот год выпустил «Послушайте!» и «Пугачева», и это был весь его скромный вклад в празднование столь знаменательной даты.

Между тем в ноябрьские дни 67-го спектакль театра «Современник» «Обыкновенная история» стал лауреатом Государственной премии. Как и было заведено в таких случаях, артисты театра в ресторане гостиницы «Пекин» устроили банкет. На нем гуляли: О. Ефремов, Г. Волчек, О. Табаков, М. Козаков, В. Розов, прибыла на тот банкет и министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Участник банкета М. Козаков вспоминал: «Николай Сличенко ставит на поднос рюмку водки: «Чарочка моя серебряная, на золотое блюде поставленная... Кому чару пить, кому здраву быть? Чару пить... Екатерине свет Алексеевне!» И с этими словами подносит чару — да, да, Екатерине Алексеевне Фурцевой. Выпила министр до дна, не поморщилась. Аплодисменты! Поздравила театр с праздником — и опять до дна. Аплодисменты, разумеется, пуше. А она и в третий так же точно — совсем как у Грибоедова, только там фамусовский дядя «нарочно» на пол падал, угождая перед государыней Екатериной, а тут уж сама Екатерина, ну, пусть не государыня, но государственное лицо, пила, пила и тоже упала, вот разве что не нарочно, а натурально.

Плохо ей, бедняге, сделалось. А если бы на грозном вершине узнали, что она мало того что в «Пекин» заявила, но еще и «перебрала» и что потом ее под белы ручки проводили в машину артисты, которые сами-то на ногах не держались... в общем, думаю, нагорело бы ей...»

В дни юбилейных торжеств и после них пил и опохмелялся вместе со страной и Владимир Высоцкий. Но конец ноября для него стал поистине триумфальным. 28 ноября он вновь побывал в Куйбышеве, но, в отличие от майских выступлений, теперь его концерты прошли в многотысячном Дворце спорта. Бывший с ним рядом Павел Леонидов вспоминал: «На перроне куйбышевского вокзала, несмотря на гнусную погоду, — столпотворение. Оказалось, что выйти

из вагона нельзя. Нельзя, и все. Толпилась не только молодежь, толпились люди всех возрастов и, что удивительно, — масса пожилых женщин. Уж они-то почему? После я понял, что это матери погибших на войне не мужей, а сыновей, молодых мальчиков, помахавших мамам на прощанье, думавших, что едут немножко пострелять. Извините меня, пожалуйста, за банальные слова, но без них нельзя, я такой неподдельной, всенародной любви, как тогда в Куйбышеве, больше никогда не видел...

Концерт мы начали с опозданием на двадцать минут... Толпа требовала включения наружной трансляции Володиного концерта. Дежурный по обкому сдуру запретил, и в одну минуту среди мороза были разбиты все окна. Позвонили «первому» за город, трансляцию включили, между первым и вторым концертами окна заколотили фанерой».

Окрыленный таким триумфальным успехом, Владимир Высоцкий возвратился в Москву и 29 ноября с блеском отыграл премьеру «Пугачева».

Год этот был отмечен рядом знаменательных событий. В марте пределы страны неожиданно покинула дочь И. Сталина Светлана Аллилуева, что было явным проколом со стороны всесильного КГБ. В результате этого инцидента шеф КГБ Владимир Семичастный был снят со своего поста, и на его место пришел 53-летний Юрий Андропов. Но вступление в должность нового шефа КГБ совпало с двумя громкими скандалами, происшедшими летом того года и имевшими шумный, порой искусственный, резонанс далеко за пределами СССР. В центре скандалов оказались бывший кремлевский правитель Никита Хрущев и член худсовета Театра на Таганке поэт Андрей Вознесенский. Первый скандал разразился из-за того, что во Франции был показан небольшой фильм о частной жизни пенсионера Хрущева. Это незапланированное проникновение в святая святых номенклатурной жизни, к тому же в жизнь опальной для властей персоны, для кремлевских руководителей было фактом возмутительным. На даче Хрущева была тут же заменена вся охрана, а сам он, после крутого разговора на Старой площа-

ди с Андреем Кириленко, получил первое серьезное предупреждение.

Второй скандал произошел в июне, после того как 16 числа Андрей Вознесенский получил официальный отказ от Союза писателей СССР на поездку в США для выступления 21 июня в Нью-Йорке на Фестивале искусств. На запросы из США по поводу отсутствия на фестивале советского гостя Союз писателей ответил, что Вознесенский заболел. Ответом на эту ложь со стороны уязвленного и физически здорового поэта явилось его письмо в Союз писателей, которое тут же стало гулять по Москве самиздатом. Письмо оперативно перепечатали западные издания, такие, как «Монд» и «Нью-Йорк таймс». Переполненный возмущением Ален Гинсберг даже ходил во главе демонстрации к миссии ООН в Нью-Йорке с плакатом: «Выпустите поэта на вечер». В связи с этим инцидентом Вознесенский был вызван на заседание Союза писателей и дружно подвергнут остракизму.

6 сентября, то есть через два с половиной месяца после начала скандала, «Литературная газета» напечатала материал одновременно против письма Вознесенского в «Правду» и его стихотворения «Стыд». В статье писалось: «...буржуазная пропаганда использовала Вознесенского для очередных антисоветских выпадов. А. Вознесенский имел полную возможность ответить на выпады буржуазной пропаганды. Он этого не сделал... ЦРУ обожает вас».

Статья была «единодушно одобрена» советским народом в трудовых коллективах, на стройках и боевых кораблях. Эпоха всеобщего «одобрямса» успешно продолжалась и при новом генсеке. Впечатления от всего происходящего в тот год выплеснулись у Владимира Высоцкого на бумагу:

Подымайте руки,
В урны суйте
Бюллетени, даже не читав, —
Помереть от скуки!
Голосуйте,
Только, чур, меня не приплюсуйте:
Я не разделяю ваш устав!

1968 год

Начало этого года было для Владимира Высоцкого малоприятным, хотя винить во всем происшедшем он обязан был в первую очередь только себя самого.

А. Меньшиков, работавший в то время в Театре на Таганке, вспоминает: «У Высоцкого произошел очередной срыв, как он сам говорил — «ушел в вираж». Это было сразу после его тридцатилетия... Я помню этот день — 25 января 1968 года — день рождения Высоцкого отмечали в театре, было много народа. Мы тоже забегали туда и даже выпили за его здоровье. Но 28 января он пришел на «Павшие и живые» не в форме (в спектакле он играл Чаплина и Гитлера). Я остался посмотреть спектакль и вдруг вижу, что Высоцкий какой-то не такой... Он вышел в костюме Чаплина, но шел не чаплинской походкой. Начал говорить текст, говорил его правильно... Но потом стал повторяться. Три раза он бормотал одно и то же. Зрители недоумевали, но слушали внимательно, мало ли что... В третий раз Володя текст недоговорил... Смехов махнул рукой: «Музыка!» И стал напяливать на Высоцкого гитлеровский плащ. Прямо на сцене ему рисовали челку и усики, и начинался текст на немецком языке, который Володя придумал сам... Но тут он снова начал говорить что-то не то... До этого я никогда не видел Высоцкого в таком состоянии, но тут догадался. Побежал за кулисы. Высоцкий уже исчез. Помню, что плакала Зина Славина... Золотухин так переживал, что на сцене не допел до конца свою песню... В общем, для всех это было шоком! Я уже довольно давно работаю актером и знаю, что когда на сцене выпивший актер, то за кулисами это воспринимается подчас как цирк. Все почему-то веселятся, комментируют. А здесь все были в отчаянии.

Две или три недели Володя в театре не появлялся. В «Галилея» ввели Борю Хмельницкого... Кто-то возмущался, кто-то пожимал плечами. Володя, когда вернулся, счел это предательством».

«Развязав» свою роковую привычку, Высоцкий в те дни

запил «по-черному», и в конце концов встал вопрос о его новой госпитализации. Этого он больше всего боялся, так как его предыдущие изоляции от общества принесли ему мало хороших впечатлений от больничных порядков. И все же лечь в больницу его заставили, и на спектакли его вновь возили из больничных покоев.

Душевное состояние Высоцкого в те дни — не самое лучшее. В один сложный клубок сплелись и разлад с женой, и напряжение в работе, и чувство неопределенности в отношениях с Мариной Влади. Все это, видимо, и толкало Высоцкого к самому доступному и привычному средству снятия напряжения — стакану.

Не случайно именно в те дни Высоцким была завершена повесть с весьма показательным названием «Дельфины и психи», главная тема которой — проблема существования и самочувствия человека в окружающем мире.

Тем временем Юрий Любимов делает ряд замен в тех спектаклях, где играл Высоцкий, и даже собирается отнять у него главную роль в «Галилее», предложив ее Николаю Губенко. Кажется, логичнее со стороны Высоцкого было бы покаяться перед режиссером и товарищами, но он совершает обратное: улетает с концертами в столь любимый им Куйбышев. 22 марта приказом по театру Владимира Высоцкого уволили с работы по статье 47 КЗоТ РСФСР. Вернувшись в конце марта в Москву и узнав об увольнении, Высоцкий вновь пускается в загул. Ехать «вызволить» его отправился его двоюродный брат Павел Леонидов:

«Он лежит на диване в доме, что наискосок от Киевского вокзала. В этой квартире не так давно умер Пырьев (режиссер Иван Пырьев скончался 7 февраля 1968 года). У молодой его вдовы Лионеллы Пырьевой-Скирды, когда она открывала мне дверь, — пустое зазывное лицо.

Вова лежит с открытыми глазами, с безумными глазами, с остановившимися глазами. Он неподвижен. Дом набит пустой посудой. Лионелла Скирда стоит у него в ногах и монотонно говорит: «Володя, завтра съемка». Я ее тихо нена-

вижу. Володя пробыл у нее весь запой, а сейчас его надо везти в больницу в Люблино».

Лионелла Пырьева (Скирда) была давней знакомой В. Высоцкого. Они познакомились еще в 1957 году, когда Л. Скирда училась в ГИТИСе и жила в студенческом общежитии на Трифоновке, а В. Высоцкий жил напротив этого общежития на Первой Мещанской, возле Рижского вокзала. Вместе их свела общая студенческая компания, завсегда таями которой были и В. Высоцкий, и Л. Скирда.

В 1968 году Л. Пырьева снималась вместе с В. Высоцким в фильме «Опасные гастроли», а летом того же года в фильме «Хозяин тайги», в котором ей вновь досталась роль героини, в которую герой В. Высоцкого был влюблен.

Под влиянием домашних Высоцкий в начале апреля ложится на амбулаторное лечение к профессору Рябоконию. Не последнюю роль в этом решении Высоцкого сыграла и его боязнь окончательно потерять работу в театре. Ведь как бы ни убеждал себя Высоцкий, что он имеет достаточно громкое имя как автор и исполнитель собственных песен, он прекрасно понимал, что именно работа в театре дисциплинирует его, помогает не уйти в постоянный и окончательный загул.

После недельного лечения у Рябоконя Высоцкий пришел с повинной к Любимову. После этой аудиенции он был возвращен в труппу театра, правда, на договорной основе и с массой унижительных для него оговорок. Душа свободолюбивого поэта клопочет от негодования, но он идет на этот договор, лишь бы остаться в театре. Чувство самосохранения тогда взяло у Высоцкого верх над его больными инстинктами. Не у всех это получалось.

Судьба ровесника Владимира Высоцкого, выдающегося советского футболиста из московского «Торпедо», прозванного «принцем мирового футбола», Валерия Воронина может служить наглядным тому примером.

Рано познав пьянящий вкус славы, Воронин все чаще и чаще стал позволять себе вольности со спиртным. Гостеприимный ресторан ВТО, где собиралась гулящая богема

столицы, стал его родным домом. С молодой мировой знаменитостью стремились познакомиться и войти в круг его друзей многие отпрыски весьма влиятельных в стране лиц, включая и дочь Леонида Брежнева — Галину. Воронину все это льстило и все сильнее кружило голову. Так продолжалось до рокового мая 1968 года. Именно тогда Воронин, находясь в нетрезвом состоянии за рулем собственной «Волги», попал в автокатастрофу близ Коломны. Состояние пострадавшего Воронина было критическим, во время операции он дважды впадал в состояние клинической смерти. Но врачи все же спасли жизнь 29-летней знаменитости. Правда, о продолжении карьеры футболиста теперь можно было забыть навсегда. А для человека, который единственным смыслом жизни считал для себя футбол, это было равносильно гибели. И Воронин навсегда «потерял себя». Его загулы стали постоянными, многие бывшие друзья попросту отвернулись от него. Но судьба отмерила ему еще долгих 16 лет жизни, в которых было все: и взлеты, и падения. Но ощущение своей близкой и трагической кончины Воронин всегда предчувствовал. Не зря он часто повторял своим друзьям: «Я, как Володя Высоцкий, умру рано, не намного его переживу».

9 мая 1984 года в 8.15 утра Валерия Воронина нашли с разбитым черепом рядом с Варшавскими банями у проезжей части автодороги. Врачи предприняли все возможное, чтобы спасти его, но на этот раз смерть оказалась порасторопней: 21 мая Воронин скончался. Он пережил Владимира Высоцкого на три года и девять месяцев.

После очередного загула Высоцкого Юрий Любимов простил его по причине того, что понимал, какой артист живет в этом человеке. К этому чувству добавлялась и просто человеческая симпатия, которую Любимов питал к Высоцкому, несмотря на всю непохожесть этих людей. Зная гордый и самолюбивый характер Высоцкого, Любимов часто подначивал его, ни на минуту не позволял расслабиться. Принимая на работу в театр актера Виталия Шаповалова, Любимов сразу ввел его на роль Маяковского в спектакле «Послушайте!», то есть на роль, которую исполнял Высоц-

кий. И Валерий Золотухин написал об этом в своем дневнике: «...пришел другой, совсем вроде бы зеленый парень из Щукинского, а работает с листа прекрасно, просто «быка за рога», умно, смешно, смело, убедительно. И сразу завоевал шефа, труппу, и теперь пойдет играть роль за ролью, как говорится, не было счастья, да несчастье помогло».

И все же поставить последнюю точку в артистической карьере Владимира Высоцкого Юрий Любимов не решился, а может быть, и не хотел. Ведь и Олега Даля, который почти с мистической точностью повторял путь Владимира Высоцкого в жизни и в театре, не поднялась рука Олега Ефремова выгнать из «Современника» на улицу за те же художества, что творил на Таганке Высоцкий. Потрясая кулаками, Ефремов клялся уволить Даля с работы, запирали его трудовую книжку к себе в сейф, но затем остывал и прощал Даля до очередного срыва.

И все-таки через полтора года судьба разведет их в разные стороны: Ефремов уйдет режиссерствовать во МХАТ, а Даль уедет в Ленинград, где несколько лет проработает в Театре Ленинского комсомола.

Высоцкий свои очередные встречи с персоналом московских больниц в тот год запечатлел на бумаге:

Я лежу в изоляторе —
Здесь кругом резонаторы, —
Если что-то случается —
Тут же врач появляется...
У них лапы косматые,
У них рожи усатые,
И бутылки початые,
Но от нас их попрятали

Утром 27 марта 1968 года в дождливом московском поднебесье погиб первый космонавт Земли Юрий Гагарин. Вместе с ним в испытательном самолете погиб летчик Серегин. Официальная версия гласила, что авария произошла из-за неисправности самолета. Но в народе упорно ходили слухи, что Гагарин погиб по пьянке. Сегодня уже трудно определить первоисточник возникновения этого слуха, но держался он довольно долго и, может быть, специально рас-

пространялся теми, кто хотел оставить в тайне истинную причину этой трагедии. Через четыре года после гибели Ю. Гагарина Владимир Высоцкий посвятил ему стихотворение:

Я первый смерил жизнь обратным счетом.
Я буду беспристрастен и правдив:
Сначала кожа выстрелила потом
И задымилась, поры разрядив.
Я затаился и затих и замер,
Мне показалось, я вернулся вдруг
В бездушье безвоздушных барокамер
И в замкнутые петли центрифуг...

Той весной в судьбе Театра на Таганке и ее главного режиссера наступили такие испытания, по сравнению с которыми конфликт с актером Высоцким казался мелкой неурядицей. В. Смехов вспоминает: «На Таганке запретили пьесу «Живой» по Борису Можаяеву. Последовало обращение в Политбюро, пересмотр запрета и снова запрет. Была подписана бумага об увольнении Любимова и уже подыскивали ему замену. Но все режиссеры идти на его место отказались. Любимова за клеветнический спектакль исключили из партии. Правда, недели через две после «заступничества» Л.И. Брежнева вновь восстановили. Объявили выговор членам бюро комсомола театра, строгий выговор Н. Губенко как секретарю бюро. Во главе кампании травли были министр культуры Е. Фурцева и 1-й секретарь МГК В. Гришин».

Сам автор крамольной пьесы «Живой» Борис Можаяев вспоминал о тех днях так: «В 1967 году «Новый мир» напечатал мою повесть «Живой», Любимов решил ее поставить. Будучи на приеме у Е. Фурцевой, он выбил у нее разрешение на это и приступил к репетициям. Но затем закрутились события в Чехословакии, и спектакль запретили, а Любимова исключили из партии и сняли с работы. Недели через две его вновь приняли в партию. Но жить спектаклю было не суждено — нажимал Гришин, первый секретарь МГК.

Вдруг в театре звонок: едет министр! Вошла Екатерина Алексеевна Фурцева, меховая доха у нее с плеча свисает,

свита из 34 человек. Из зала выставили всех, чтобы и мышь не проскользнула.

Едва закончился первый акт, Фурцева крикнула: — Автора! Ко мне! Послушайте, дорогой мой, — говорила она, — с этой условностью надо кончать... — Да что здесь условного? — Все, все, все, все! Нагородил черт знает что. Режиссера — сюда! Режиссер, как посмели поставить такую антисоветчину? Куда смотрела дирекция? — Дирекция — «за». — А партком? — И партком — «за». — Так. Весь театр надо разогнать. В этом театре есть Советская власть? — Есть, ответил я, только настоящая. А ту, что вы имеете в виду, мы высмеиваем».

Спектакль так и не увидел свет в то время. А Владимир Высоцкий в июне 70-го, отвечая в анкете на вопрос: «Ваш любимый спектакль?», назвал именно «Живого». Тяжелая атмосфера, которая складывалась вокруг театра в те дни, подвигла Высоцкого на создание песни, которую он назвал «Еще не вечер». Названием послужило любимое выражение Юрия Любимого, которое он в тяжелые времена часто повторял своим питомцам. В период тех событий, что обрушились на театр весной 68-го, эта песня стала своеобразным гимном актеров Таганки, с которым они впоследствии преодолели не одну лихую годину:

Четыре года рыскал в море наш корсар,
В боях и штормах не поблекло наше знамя,
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробойны телами
Но нет, им не пустить его на дно,
Поможет океан, взвалив на плечи,
Ведь океан-то с нами заодно,
И прав был капитан «Еще не вечер!»

В это время в далеком Новосибирске состоялся фестиваль авторской песни, который прошел в Академгородке и собрал аудиторию почти со всей необъятной страны. На фестивале выступил и Александр Галич, успех которого у зрителей был ошеломляющим. После исполнения им своей песни «Памяти Пастернака» весь зал, в котором было две с половиной тысячи человек, встал со своих мест и целое

мгновение стоял молча, после чего разразился громоподобными аплодисментами. Реакция зрителей на песню, которая была не чем иным, как вызовом официальным властям, буквально взбесила последних. Начались открытые гонения на всех, кто занимался авторской песней, естественно, и на Высоцкого.

18 апреля 1968 года в газете «Вечерний Новосибирск» появилась статья Николая Мейсака «Песня — это оружие». В ней Н. Мейсак писал: «Мне, солдату Великой Отечественной, хочется особенно резко сказать о песне Александра Галича «Ошибка». Мне стыдно за людей, аплодировавших «барду» за эту песню. Ведь это издевательство и над памятью погибших! «Где-то под Нарвой» мертвые солдаты слышат трубу и голос: «А ну, подымайтесь, такие-сякие, такие-сякие!» Здесь подло все: и вот это обращение к мертвым такие-сякие (это, конечно же, приказ командира!), и вот эти строки:

Где полегла в сорок третьем пехота
Без толку, зазря,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря

Какой стратег нашелся через двадцать пять лет! Легко быть стратегом на сцене, зная, что в тебя никто не запустит даже единственным тухлым яйцом (у нас не принят такой метод оценки выступления некоторых ораторов и артистов). Галич клеветает на мертвых, а молодые люди в великолепном Доме ученых аплодируют... Галичу солдат не жаль, Галичу надо посеять в молодых душах сомнение: «Они погибли зря, ими командовали бездарные офицеры и генералы...» Той весной знакомый Владимира Высоцкого по выступлениям в Куйбышеве Г. Внуков встретил поэта возле Театра на Таганке.

«Я вновь предложил ему приехать к нам в Самару с концертами.

— А ну вас и вашу Самару на хрен! — вдруг взорвался он. — Тут вообще со свету сживают, никуда не пускают, сплошные неприятности, без конца звонят то с одной, то с другой площади. Вон опять только звонили, мозги пудрят.

— Откуда звонили?

— В Москве рядом три вокзала и четыре площади: Дзержинского, Новая площадь, Старая площадь и Ногина. Понял теперь? Тебе хорошо, тебе не звонят с Лубянки, тебя не таскают на ковер. А тут не успеваешь отбрехаться.

Я понял, что Лубянка — это КГБ, а Старая площадь — ЦК КПСС.

Раньше Высоцкий всегда был такой корректный, вежливый, спокойный, а тут какая-то метаморфоза — резок, возбужден, рассеян. Смотрит на меня и не видит, смотрит куда-то поверх головы, думает совершенно о другом, хотя разговор вроде бы поддерживает...

— И вообще никогда не буду петь чужих песен. Хватит того, что подделываются под меня, поют блатные песни, а мне все приписывают. Надоело! На все отвечать должен Высоцкий и Высоцкий. Все хрипят, как ты, а я должен отвечать... Сейчас пожалуйю Никите Сергеевичу. Звонят и звонят — все валят на меня. Так что, пока некогда, поехал к Хрущеву права качать...»

К тому времени Н.С. Хрущев был уже почти четыре года пенсионером союзного значения и вряд ли мог чем-то реальным помочь Владимиру Высоцкому. Разве что своим сочувствием. Ведь и у самого Н. Хрущева дела в то время шли не самым лучшим образом. В апреле этого года его вызвали в ЦК КПСС, где его встретили секретари ЦК А. Кириленко, А. Пельше и П. Демичев. Они потребовали от Хрущева немедленного прекращения работы над собственными мемуарами, а то, что уже было написано, приказали сдать в ЦК КПСС. Но Хрущев не был бы Хрущевым, если бы спустил этим людям, которые всего несколько лет назад бегали у него на побегушках. Произошел крупный скандал, после которого Хрущев ушел, хлопнув дверью.

Так что в тот день, когда Высоцкий по приглашению внучки Н.С. Хрущева Юлии приехал к нему, на даче бывшего Первого секретаря ЦК КПСС встретились двое гонимых официальными властями человека. В недремлющем КГБ

наверняка зафиксировали факт этого визита, что для Владимира Высоцкого не могло пройти бесследно.

9 июня в газете «Советская Россия» появилась статья «Во имя чего поет Высоцкий?» за двумя подписями: Г. Мушта и А. Бондарюк. Авторы статьи делятся своими впечатлениями о песнях Владимира Высоцкого: «Мы очень внимательно прослушали, например, многочисленные записи таких песен московского артиста В. Высоцкого в авторском исполнении, старались быть беспристрастными. Скажем прямо: те песни, которые он поет с эстрады, у нас сомнения не вызывают и не о них мы хотим говорить. Есть у этого актера песни другие, которые он исполняет только для «избранных». В них под видом искусства преподносятся обывательщина, пошлость, безнравственность. Высоцкий поет от имени и во имя алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполноценных. Это распоясавшиеся хулиганы, похваляющиеся своей безнаказанностью («Ну, ничего, я им создам уют, живо он квартиру обменяет»)...

Во имя чего поет Высоцкий? Он сам отвечает на этот вопрос: «ради справедливости, и только». Но на поверку оказывается, что эта справедливость — клевета на нашу действительность. У него, например, не находится добрых слов о миллионах советских людей, отдавших свои жизни за Родину... Высоцкому приятна такая слава, которая «грустной собакой плетется за ним». И в погоне за этой сомнительной славой он не останавливается перед издевкой над советскими людьми, их патриотической гордостью...

Все это совсем не так наивно, как может показаться на первый взгляд: ржавчина не вдруг поражает металл, а исподволь, незаметно. И человек не вдруг начинает воспринимать и высказывать чужие взгляды...»

Появление этого письма летом 1968 года было, конечно же, неслучайным. К этому времени то «новое» руководство, что пришло к власти в 64-м, уже окончательно определилось в своем курсе. Ответом этому курсу стала активизация диссидентского движения в стране, которое буквально в спину подталкивала революционная ситуация не только в

Чехословакии, но и во всей Европе. В июне 68-го А.Д. Сахаров направил руководству СССР свою статью «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», а Л. Чуковская еще в феврале того же года отправила в «Известия» статью «Не казнь, но мысль, но слово», приуроченную к 15-й годовщине со дня смерти И. Сталина, в которой писала: «Память о прошлом — надежный ключ к настоящему. Перечеркнуть счет, дать прошедшему зарости бурьяном путаницы, недомолвок, недомыслей? Никогда!»

В апреле 1968 года в Москве вышел первый номер самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий».

Имея перед глазами пример революционной Чехословакии, советское руководство не могло позволить себе расслабиться в такой ответственный момент. Не для того весной прошлого года к руководству КГБ пришел и решительный Ю. Андропов. В январе 1968 года в Москве прошел судебный процесс над четырьмя советскими правозащитниками: Ю. Галансковым, А. Гинзбургом, А. Добровольским, В. Дашковой. В феврале «Комсомольская правда» поместила на своих страницах письма «многочисленных читателей», решительно осуждающих «предателей Родины». Весной начали давить на Таганку, трепали нервы Хрущеву. 26 мая из рядов КПСС исключили писателя и публициста Юрия Карякина, вменив ему в вину его выступление в ЦДЛ на вечере памяти Андрея Платонова и назвав это выступление «идейно неверным» (через несколько дней, правда, исключение заменили строгим выговором). Этой же весной литературной общественностью был «единодушно» осужден писатель Василий Аксенов, опубликовавший в мартовском номере журнала «Юность» свою повесть «Затоваренная бочкотара», которая была охарактеризована как «грубое искажение советской действительности». Видимо, не желая оказаться в точно такой же ситуации, весной 68-го писатель Аркадий Беленков с супругой, выехав в Югославию по приглашению Союза писателей СФРЮ, стали невозвращенцами.

Поэтому в столь напряженной обстановке, когда «про-

тивостояние между силами империализма и коммунизма» обострилось и дошло до своей критической точки, появление статьи против Владимира Высоцкого было вполне закономерным. Ведь шла война за умы и души советских людей, и Высоцкий, по воле официальных властей, был отнесен в разряд чуть ли не идеологических диверсантов. Вспомним строки из статьи: «...и человек не вдруг начинает воспринимать и высказывать чужие взгляды».

Статья в «Советской России» была не чем иным, как политическим доносом на «неблагонадежного» Высоцкого и, если бы на дворе стоял не 68-й, а, к примеру, 37-й год, судьба его давно была бы решена по приговору «тройки». Так в свое время произошло с поэтом Борисом Корниловым, на которого был состряпан подобный донос. Написал его в мае 37-го председатель правления издательства «Советский писатель» Н. Лесючевский в той самой манере, в которой, как под копирку, была написана и статья в «Советской России» в июне 68-го. Н. Лесючевский, к примеру, писал: «Ознакомившись с данными мне для анализа стихами В. Корнилова, могу сказать о них следующее.

В этих стихах много враждебных нам, издевательских над советской жизнью, клеветнических и т.п. мотивов. Политический смысл их Корнилов обычно не выражает в прямой, ясной форме. Он стремится затушевать эти мотивы, проташить их под маской «чисто лирического» стихотворения, под маской воспевания природы и т.д.».

Б. Корнилова арестовали и в том же 37-м расстреляли. Владимира Высоцкого, в отличие от Б. Корнилова и тысячи подобных ему поэтов, расстрелянных в 30—40-е годы, не тронули физически, но всех собак спустить не преминули. Обласканный властями композитор Евгений Долматовский в том же 68-м, выступая на художественном совете по поводу выхода в свет новой пластинки Высоцкого, заявил: «Любовь к Высоцкому — неприятие Советской власти. Нельзя заблуждаться: в его руках не гитара, а нечто страшное. И его мини-пластинка — бомба, подложенная под нас с вами.

И если мы не станем минерами, через двадцать лет наши песни окажутся на помойке. И не только песни».

В дни, когда появилась статья в «Советской России», Владимир Высоцкий заканчивал курс лечения в больнице. Душевное состояние его в те дни было далеко не благополучное: жена начала всерьез подозревать его в измене, в народе кто-то усиленно раздувал сплетни о его самоубийстве. Может быть, специально подталкивали к этому?

А.Н. Чердынин рассказывает: «Володя жил тогда с Ниной Максимовной на улице Телевидения в экспериментальной пятиэтажке, у них там было что-то вроде кондиционера... Однажды звонит Нина Максимовна и просит, чтобы я посидел с Володей. Приезжаю к ним... Вдруг звонок. Открываю — два человека. Один у двери, второй — ниже, на лестнице.

— Здесь живет Высоцкий?

— А в чем дело, ребята?

— Мы сами с Дальнего Востока, нас ребята делегировали... Просили узнать, как дела у Высоцкого. А то у нас ходят слухи, что его посадили... (Это было время статьи «О чем поет Высоцкий», и по стране ходили эти нехорошие слухи...)

— Да нет, ребята... Я вам точно говорю, что все в порядке...

Они не верят... А у Володи на столе лежала кипа свежих фотографий...

— Ну ладно, подождите... Вот смотрите — это снимали неделю назад... А это возьмите себе.

— Ну хорошо. А вот это передайте Высоцкому.

И подают довольно большой пакет.

Володя проснулся, мы развернули пакет — там оказалась семга...»

К тому времени статья в «Советской России» была самой большой публикацией в официальной прессе о творчестве Владимира Высоцкого. И вдруг — именно она выходит в свет с голословными обвинениями против поэта. Было от чего прийти в отчаяние...

Позднее Высоцкий вспоминал: «У меня были довольно

сложные моменты с песнями, когда в общем официально они не звучали еще ни в театре, ни в кино, — были некоторые критические статьи в непростительном тоне несколько лет тому назад. «О чем поет Высоцкий?» называлась такая статья, которая меня повергла в большое уныние, потому что там много несправедливого. Обвинения мне строились даже не на моих песнях: предъявлялись претензии, а песни в пример приводились не мои. Но статья была написана в таком тоне, что в общем это был какой-то момент отчаяния. Там много строилось обвинений, я даже сейчас не помню точно — это было очень давно. Самое главное, что тон был непростительный — неуважительный такой... Там говорилось, что в общем это совершенно никому не нужно, что это только мешает и вредит. Я всегда придерживался другой точки зрения и думаю, что в этом смысле был прав, потому что теперь это все-таки по-другому: я теперь имею возможность и работать в кино, и петь, и иметь большие аудитории. Но тогда это был момент очень-очень печальный...»

Сказано это было весной 1979 года, через одиннадцать лет после статьи в «Советской России». А тогда, в 68-м, сердце Высоцкого переполняло отчаяние. Как и в марте, после увольнения из театра, в голову ему приходят мысли о самоубийстве. В те дни рождается знаменитая его песня «Кто кончил жизнь трагически — тот истинный поэт». В письме к другу детства И. Кохановскому Высоцкий пишет: «Дорогой ты мой, самый наипервейший, разъединственнейший друг... Все думаю о тебе, не идешь ты у меня из головы... И не к кому пойти. Все просят, умоляют, телефон возненавидел. И все из-за... гитары. А памятуя твой стих, где

К таким со своими песнями

Прошу тебя — не ходи...

Я и не хожу... Паскудная это жизнь! Ничего не успеваешь, писать стал хуже и некогда, и неохота, и не умею, наверное... Друзей нет в Москве. Ладно! Вот что! Ты давай там завязывай со своими делами и приезжай — вдвоем разберемся.

Я всю эту слезливую тираду написал, чтобы тебя разжа-

лобить, чтобы ты скорее приезжал. Вот приедешь, займемся твоим трудоустройством, и я развяжу надолго. С тобой. Ведь я действительно по тебе скучаю и часто думаю: был бы ты, все было бы хорошо...»

Наступило время неудач,
Следы и души заносит вьюга,
Все из рук вон плохо — плачь не плачь, —
Нет друга, нет друга.

(1968)

Насколько для Владимира Высоцкого тот момент был действительно отчаянным, говорит его письмо в ЦК КПСС, датированное 24 июня, в котором он буквально отрекается от своих ранних песен: «...даже мои почитатели осудили эти песни. Ну что же, мне остается только радоваться, ибо я этих песен никогда не пел с эстрады и не пою даже друзьям уже несколько лет».

В те дни решалась кинематографическая судьба Высоцкого: его участие в съемках фильма В. Назарова «Хозяин тайги» после статьи в «Советской России» стояло под вопросом. Член художественного совета «Мосфильма» Шабанов 23 июня на заседании совета заявил: «Высоцкий — это морально опустившийся человек, разложившийся до самого дна». Но, к счастью для Владимира Высоцкого, другие члены совета думали иначе. Он был утвержден на роль в этом фильме и в июле вылетел в Сибирь в район Дивногорска. Его партнер по фильму В. Золотухин вспоминает: «1968 год. Лето. Съемки фильма «Хозяин тайги». Сибирь. Красноярский край, Майский район, село Выезжий Лог... Мы жили на постое у хозяйки Анны Филипповны в пустом, брошенном доме ее сына...»

В наши окна глядели люди — жители Сибири. Постарше поодаль стояли, покуривая или поплеывая семечки, помолже лежали в бурьяне, может, даже не дыша: они видели живого Высоцкого... А я спал, мне надоело гонять их, а занавески сделать было не из чего...

А ребяташки постарше (а с ними и взрослые, самим-то

вроде неловко), когда видели, что мы днем дома, приходили и просили меня как сторожа «показать» им живого Высоцкого вблизи. И я показывал. Вызывал Владимира, шутил: дескать, «выйди, сынку, покажись своему народу».

В целом же съемки в этом фильме принесли как Высоцкому, так и Золотухину мало приятных впечатлений. Режиссер В. Назаров в процессе съемок ушел от первоначального варианта сценария и самовольно кроил его, не считаясь с мнением актеров, исполнявших главные роли. В конце концов все это привело к тому, что Высоцкий разругался с режиссером прямо на съемочной площадке и долго после этого таил злость на него. В. Назаров в ответ на это стал попросту игнорировать Высоцкого и в дни, когда тот снимался, не приходил на съемочную площадку. Высоцкого это злило еще больше, и он в сердцах бросал Золотухину: «Пропало лето! Пропал отпуск и настроение!»

Но если участие в кинопроцессе приносило мало приятного Владимиру Высоцкому, то этого нельзя сказать о его поэтическом вдохновении, так как в Выезжем Логе в его поэтическом творчестве наступила настоящая «болдинская осень». Там в конце июля—начале августа из-под его пера появятся две самые знаменитые его песни: «Охота на волков» и «Банька по-белому».

Позднее Е. Евтушенко, прослушав «Охоту на волков», отобьет с Севера телеграмму Высоцкому в Москву: «Слушали твою песню двадцать раз подряд. Становлюсь перед тобой на колени».

Именно с «Охоты на волков» и начался тот Владимир Высоцкий, который вскоре ворвется в 70-е как яростный обличитель лжи и фарисейства, царивших тогда в обществе. Именно «Охота на волков» явилась первым серьезным шагом Высоцкого, превратившим его из певца дворов и подворотен в автора остросоциальных песен и стихов.

Как и август 1966 года, когда В. Высоцкий снимался в «Вертикали» и «Коротких встречах», лето 1968 года стало для В. Высоцкого «трезвым летом». Свидетельница тех дней Л. Пырьева вспоминает: «Сибирь, природа, деревня, далеко

от Москвы. Да, вот то, что это было далеко от Москвы, так далеко от цивилизации, от глаз людских, могло размагнитить многих, казалось бы, тут мог быть и отдых для души, отвлеченной от «суеты городов»... Размагниченность — значит, ничего не стоило и запить тем, кто этому подвержен. Многие так и «отдыхали». Но не Володя. Он был тогда в каком-то ожесточении против пьянства. Он совсем не пил, даже когда хотелось согреться от холода, вечером, в дождь. Он стремился навсегда покончить с этим. И просто с возмущением ко всякой принимаемой кем-то рюмке водки относился, чем вызывал мое, в частности, глубокое восхищение, потому что я знала, сколько силы воли для этого надо было ему проявлять. И — что было уж совсем забавно — он свирепел и налетал как ураган на тех, кто принимал «ее, проклятую»!..

В то время он называл пьющих «эти алкоголики», убеждал очень всерьез, произносил ну просто пламенные речи против алкоголизма. И прямо как врач-профессионал находил убедительные аргументы против возлияний. И так было в продолжение всего съемочного периода в нашем Выезжем Логе».

В те июньские дни, когда над головой Владимира Высоцкого сгустились тучи, в далеком Париже Марина Влади переживала совсем иные чувства: она вступила в ряды Французской коммунистической партии. Через год Высоцкий ответит на это событие шутивными строчками:

Начал целоваться с беспартийной,
А теперь целуюсь с жоаком!!!

Сам Владимир Высоцкий вряд ли когда был бы принят в ряды КПСС по очень многим причинам. Хотя, откровенно говоря, ярлыка антисоветчика, приклеенного к нему официальными властями, он явно не заслуживал. Всем своим тогдашним творчеством он ясно доказывал, каким истинным и горячим патриотом своей Родины он является.

В момент введения советских войск в Чехословакию Высоцкий находился далеко от столицы: в сибирской тайге на съемках фильма. Но даже если бы он оказался в тот мо-

мент в Москве, это совсем не значило, что он, подобно тому же Е. Евтушенко, отбил бы телеграмму протеста советскому руководству или публично поддержал бы семерых смельчаков, вышедших с плакатами на Красную площадь и протестовавших против ввода войск. Высоцкий и до этого никогда не выступал ПРОТИВ существующего в стране режима, он, как и большинство «шестидесятников», обвиняя в преступлениях конкретные личности (Сталина, Берию и т.д.), не считал сам существующий режим преступным. Он был правозащитником советским гражданином, воспитанным к тому же в строгой военной семье, где отец был кадровым военным, а мать работала в одном из учреждений в системе МВД. О своем тогдашнем мировоззрении сам Высоцкий в конце жизни напишет:

И я не отличался от невежд,
А если отличался — очень мало, —
Занозы не оставил Будапешт,
А Прага сердце мне не разорвала.

(1979)

Написанная же в июле — августе «Охота на волков» была в первую очередь связана с личными переживаниями Высоцкого, с той травлей, что развернулась тогда против него в прессе, но случайно совпавшее с рождением этой песни осложнение ситуации в Чехословакии расширило значение этой песни, придало ей даже политический оттенок. То же самое произошло и с песней «Банька по-белому», которая была написана одновременно с «Охотой». Высоцкий ненавидел Сталина, осуждал его преступления, но никогда не связывал эти преступления с тем режимом, что существовал в стране с октября 17-го. Отсюда и отношение Высоцкого к В. Ленину, которого он в июньской анкете 1970 года назовет одним из великих людей в истории. Вторым после Ленина человеком, достойным подражания, Высоцкий назвал Д. Гарибальди, тоже революционера-радикала, приверженца 1-го Интернационала, эдакого итальянского коммуниста XIX века.

Между тем, пока Владимир Высоцкий находился в Сибири, в Москву прилетела Марина Влади.

«Я приеду в Москву, но увидимся мы не сразу. Мне сказали, что ты снимаешься далеко в Сибири и вернешься только через два месяца...

В один из вечеров ты появляешься на пороге, и воцаряется полная тишина. Ты подходишь к моей маме, представляешься и вдруг, на глазах у всех, сжимаешь меня в объятиях. Я тоже не могу скрыть волнения. Мама шепчет мне: «Какой милый молодой человек, и у него красивое имя». Когда мы остаемся одни, ты говоришь, что не жил все это время, что эти месяцы показались тебе бесконечно долгими...»

Высоцкий уже не скрывает своих чувств к Влади и совершенно не боится огласки этого. По всей видимости, он все для себя уже решил.

Я больше не избавлюсь от покоя;
Ведь все, что было на душе на год вперед,
Не ведая, она взяла с собою —
Сначала в порт, а после в самолет.
В душе моей — пустынная пустыня, —
Ну что стоите над пустой моей душой!
Обрывки песен там и паутина, —
А остальное все она взяла с собой.

(1968)

Марина Влади вспоминает: «В один из осенних вечеров я прошу друзей оставить нас одних в доме. Это может показаться бесцеремонным, но в Москве, где люди не могут пойти в гостиницу — туда пускают только иностранцев и жителей других городов, — никого не удивит подобная просьба. Хозяйка дома исчезает к соседке. Друзья молча обнимают нас и уходят.

Закрыв за ними дверь, я оборачиваюсь и смотрю на тебя. В луче света, идущем из кухни, мне хорошо видно твое лицо. Ты дрожишь, ты шепчешь слова, которых я не могу разобрать, я протягиваю к тебе руки и слышу обрывки фраз: «На всю жизнь... уже так давно... моя жена!»

Всей ночи нам не хватило, чтобы до конца понять глу-

бину нашего чувства. Долгие месяцы заигрываний, лукавых взглядов и нежностей были как бы прелюдией к чему-то неизмеримо большому. Каждый нашел в другом недостающую половину. Мы тонем в бесконечном пространстве, где нет ничего, кроме любви. Наши дыхания стихают на мгновение, чтобы слиться затем воедино в долгой жалобе вырвавшейся на волю любви».

Так вспоминает об этом Марина Влади. Л. Абрамова обошлась без высоких слов, и это понятно:

«Давно это было — осенью 1968-го. Недели две или чуть больше прошло с того дня, когда с грехом пополам, собрав силы и вещи, я наконец ушла от Володи. Поступок был нужный и умный, и я это понимала. Но в голове стоял туман: ноги-то ушли, а душа там осталась...»

Кроме всего прочего — еще и куда уходить? Как сказать родителям? Как сказать знакомым? Это же был ужас... Я не просто должна была им сказать, что буду жить одна, без мужа. Его уже все любили, он уже был Высоцким... Я должна была у всех его отнять. Но если бы я знала раньше все, я бы ушла раньше...»

Некоторое время Высоцкий и Влади мыкались по разным углам, пока наконец не перебрались к матери Высоцкого Нине Максимовне, в ее двухкомнатную квартирку в Новых Черемушках.

В конце сентября вновь серьезно осложнились отношения Высоцкого и Любимова в театре. Высоцкий отказался от работы в спектакле «Тартюф», и это еще больше задело самолюбие главного режиссера. «Высоцкий для меня как актер пропал, — заявил тогда во всеуслышание Любимов. — Я люблю его за песни, но как актер он уже кончился. К тому же он пьет, а потворство ему с моей стороны в этом вопросе разлагает остальных артистов».

Конфликт зашел настолько далеко, что Любимов перестал замечать Высоцкого и здороваться с ним. Вдобавок ко всем этим напастям в начале ноября, накануне показа «Галлилея», Высоцкий во время одного из концертов сорвал голос. Директор театра Николай Дупак вынужден был вывес-

ти за сцену Высоцкого и униженно просить извинения у зрителей за срыв спектакля. И хотя вместо «Галилея» театр показал премьеру «Тартюфа», скандал был налицо, и виновником этого скандала вновь был Владимир Высоцкий. Разъяренный Любимов пригрозил Высоцкому новым увольнением и угрозой приложить все свои силы и связи в кинематографической среде для того, чтобы и в кино Высоцкого больше не брали. «Высоцкий зажрался! — гремел голос Любимова в стенах театра. — Денег у него — куры не клюют... Самые знаменитые люди за честь почитают позвать его к себе в гости, пленки с его записями иметь... Но от чего он обалдел? Подумаешь, сочинил пяток хороших песен... Солженицын ходит трезвый, спокойный, человек действительно испытывает трудности и, однако, несмотря ни на что, работает... А Высоцкий пьет и когда-нибудь дождется, что его затопчут под забор, пройдут мимо и забудут этот его пяток хороших песен». С 8 ноября Высоцкого отстранили от всех спектаклей, а 15 ноября все та же «Советская Россия» публикует на своих страницах статью известного советского музыкального мэтра В. Соловьева-Седого «Модно — не значит современно», в которой тот писал: «К сожалению, сегодня приходится говорить о Высоцком как об авторе грязных и пошлых песенок, воспевающих уголовщину и аполитичность. Советский народ посвящает свой труд и помыслы высокой цели — строительству коммунистического общества. Миллионы людей отдали жизнь, отстаивая в боях наши светлые идеалы. Но что Высоцкому и другим бардам до этих идеалов. Они лопочут о другом...»

Надо сказать, что «борец за светлые коммунистические идеалы», создатель незабываемых «Подмосковных вечеров», дважды лауреат Сталинской премии, народный артист СССР В. Соловьев-Седой сам долгие годы страдал тяжким недугом — алкоголизмом. О его многочисленных загулах в артистической среде и тогда ходили фантастические легенды, одну из которых рассказал композитор Александр Колкер: «Татьяна Давыдовна, жена композитора, всю жизнь провела в суровой борьбе с алкоголем. Сама терпеть не мог-

ла спиртного, и не только потому, что муж его обожал, но и сугубо, я бы сказал, по происхождению — родилась в семье киевских интеллигентов, пианистка, прямая, строгая, рыжая. На даче Татьяна Давыдовна была уверена в себе и спокойна — нигде и ста граммов не сыщешь, все стерильно. Однако какая-то чертовщина происходила. Вася писал утром, а притомившись, говорил жене — пойду в сад, яблоньки окучивать. Любовь, мир и гармония. Ну прямо рай. Через полчаса Вася приползал «на бровях»... Оказывается, когда на даче играли свадьбу его дочери, этот веселый и остроумный, а главное, дальновидный мужик под каждую яблоню зарыл по нескольку бутылок отборного коньяка. Талант везде талант!»

Надо отметить, что в те последние дни 68-го года доставалось не только Высоцкому. К примеру, «защитники светлых коммунистических идеалов» на выборах в Академию наук СССР по отделению литературы провалили кандидатуру А.Т. Твардовского, а Ленинградский обком провел даже тенденциозную проверку идеологической работы в коллективе Пушкинского Дома, который имел смелость выдвинуть кандидатуру А.Т. Твардовского в АН СССР. Так что в те дни желание залить все горести водкой и не видеть всего этого бесовства возникало не только у Владимира Высоцкого.

Марина Влади вспоминает: «Однажды вечером я жду тебя. Ужин остывает на кухонном столе. Я смотрела скучную программу по телевизору и уснула. Среди ночи я просыпаюсь. Мигает пустой экран телевизора. Тебя нет. Телефон настойчиво звонит, я беру трубку и впервые слышу незнакомый голос, который временами заглушают стоны и крики: «Он здесь, приезжайте, его надо забрать, приезжайте быстрее!» Я с трудом разбираю адрес, я не все поняла, мне страшно, я хватаю такси, бегом поднимаюсь по едва освещенной лестнице, где пахнет кошками. На последнем этаже дверь открыта, какая-то женщина ведет меня в комнату. Я вижу тебя. Ты лежишь на провалившемся диване и жалко морщишься. Пол уставлен бутылками и усеян окурками. На столе — газета вместо скатерти. На ней ели соленую рыбу.

Несколько человек валяются по углам, я их не знаю. Ты пытаешься подняться, ты протягиваешь ко мне руки, я дрожу с головы до ног, я беру тебя в охапку и тащу домой.

Это мое первое столкновение с тем, другим миром, впервые в жизни я увидела, как засасывает людей омут мертвой пьянки».

В дни, когда Марина Влади была далеко от Москвы, в Париже, из «омута мертвой пьянки» Высоцкого вызволял Павел Леонидов.

«Ночью вызывает меня Володина мать, я мчался, грузил Володю в мою машину и вез его в Люблино, он-то мешок ватный, во дворе клиники припускается бегать по снегу: как-то в лунную ночь в легкой рубашке бегал час, а я и трое санитаров его ловили. В машине ехал полутрупом, утром мне звонила Антонина Ивановна Воздвиженская, чудная женщина, главврач той больницы, прежде главврач известной больнички на улице Радио, где откачивали многих знаменитых советских алкоголиков, где и мне довелось полежать перед самым ее закрытием — она располагалась возле хозяйства покойного академика Королева, оттого и перевели ее в Люблино. Звонила Антонина Ивановна и говорила, что Володя требует: «Домой!»...

Помню, я приехал навестить Володю в Люблино, а у него белая горячка. Я с доктором Воздвиженской вошел в палату, а Володя старательно вбивал в стены «бесконечные гвозди».

В отличие от П. Леонидова, который одно время сам лечился от этого тяжелого недуга, для Марины Влади российский алкоголизм — явление страшное и диковинное одновременно. В тех краях, где жила и воспитывалась она, эта проблема тоже существовала, но не в таких масштабах и проявлениях, как в России. Теперь же, став женой Владимира Высоцкого, она вынуждена вкисить все «прелести» этого явления, испить чашу жены алкоголика до дна.

«В Советском Союзе терпимость к пьяницам всеобщая, — пишет Марина Влади. — Поскольку каждый может в один прекрасный день свалиться на улице в бессознательном состоянии в замерзшую грязь, пьяному все помогают.

Его прислоняют к стене в теплом подъезде, не замечают его отсутствие в бюро или на заводе, ему дают мелочь на пиво — «поправить здоровье». Иногда его приносят домой, как мешок. Это своеобразное братство по пьянке».

Суть явления схвачена и описана Мариной Влади весьма точно и верно. «Братство по пьянке» в те годы было столь широким и необъятным, что схватывало, как шупальца спрута, всех граждан нашей страны начиная от Генерального секретаря ЦК КПСС и кончая колхозным сторожем в каком-нибудь богом забытом колхозе с многообещающим названием «Путь Ильича». Это «братство по пьянке» поощрялось и насаждалось самой высшей властью, превратившись чуть ли не в государственную политику.

28 декабря 1968 года Леонид Брежнев посетил Минск, где торжественно отмечалось 50-летие Советской Белоруссии. По этому поводу во Дворце спорта было проведено торжественное заседание ЦК КПБ, Верховного Совета и Совета Министров БССР. Столы на этом заседании буквально ломились от водки, вина и коньяка. Брежнев в тот день пил мало, но, прощаясь с участниками застолья, сетовал: «Я бы еще с вами посидел, но не могу, дела. А вы, товарищи, пейте, пейте! И смотрите за соседом, чтобы выпивал рюмку до дна. А то вот товарищ Машеров наливает, а не пьет! Куда это годится, это никуда не годится!»

Для большинства присутствующих подобные слова генсека не были каким-то откровением. Все прекрасно знали, какие попойки закатывал Брежнев во время своих визитов в различных городах страны. Со многих из них его почти насильно уводили совершенно пьяным, как говаривали в народе, «в дупелину». И только после первого инсульта и первого инфаркта в середине 70-х окружение Брежнева стало оберегать его от чрезмерных возлияний.

Зато уж ближе и дальше окружение Брежнева «закладывало за воротник» регулярно и всегда с превеликим удовольствием, так как водка лилась им в рот задарма, оплаченная из бездонных государственных закромов. Как пел Высоцкий: «А что не пить, когда уют и не накладно». При-

чем многих ответственных алкоголиков из советского Политбюро порой обгоняли в этом соревновании их товарищи из братских коммунистических партий. И пальму первенства в этом держал 1-й секретарь ЦК Монгольской компартии и премьер-министр Монголии 52-летний Юмжагийн Цеденбал. Его лечащий врач И. Клемашев по этому поводу вспоминал: «Цеденбал постоянно употреблял алкоголь, а периодически даже по две недели и более не выходил из спальни, охранники подавали водку, он напивался и спал. Во время его визитов в Союз моя главная задача заключалась в том, чтобы он мог стоять на ногах в аэропорту в Москве в момент встречи, но это почти никогда не удавалось». (В 1968 году Цеденбал посетил Союз трижды, причем в ноябре — декабре пробыл в Москве три недели. В горизонтальном состоянии.)

В Москве он любил останавливаться отдыхать на одной из сталинских дач недалеко от города Ступино — в огромном здании, великолепно отделанном финской цветной березой... Есть Цеденбал не начинал до тех пор, пока ему не наливали водку. Было опасение за его жизнь вследствие перепоя, особенно в ночное время... Монгольская водка хранилась в комнате, где жили мы с охранником Лодонгавой. Не позднее 23 часов я навещал Цеденбала и, если наступало сильное опьянение, водку выливал в раковину и просил его идти спать... Но еще худшие события меня всегда ожидали в Улан-Баторе. Как известно, в связи с празднованием годовщины Октябрьской революции в посольствах социалистических стран проходили приемы. На такой прием надо было привести Цеденбала трезвым, чтобы он мог прочитать написанную для него речь. Для этого мы с Лодонгавой специально разными методами отвлекали Цеденбала, не оставляли его одного и вечером к назначенному часу подъезжали к посольству, где уже были остальные члены Политбюро и правительства Монголии, иностранные послы. После того как Цеденбал прочитывал свою речь, посол СССР с облегчением вздыхал. Обычно Цеденбалу в рюмку наливали чай под цвет коньяка, но он подходил к своему министру, обме-

нивал свою рюмку на рюмку с настоящим коньяком и умудрялся упиваться так, что приходилось его уводить задолго до официального окончания приема».

Случай феноменальный, но алкоголик Цеденбал был Маршалом МНР, Героем Труда и Героем Монголии и руководил партией и страной более 40 лет!

Но вернемся из далекой Монголии в зимнюю Москву 1968 года. С начала декабря Высоцкий вновь ложится в больницу на лечение. Его состояние крайне неблагоприятное, врачи констатируют общее расстройство психики, перебойную работу сердца и обещают родным не отпускать его из клиники в течение ближайших двух месяцев. А ведь в те дни Высоцкому надо было быть в Одессе у режиссера Юнгвальд-Хилькевича на съемках фильма «Опасные гастроли».

В больницу к больному приходит даже Юрий Любимов, обеспокоенный слухами о тяжелом состоянии Высоцкого. «Тебе надо сделать операцию и вшить химическую ампулу, — уговаривает он Высоцкого. — Врачи говорят, что если ты и дальше будешь вести себя подобным образом, то года через три наступит конец». «Я не больной и ампулу вшивать не буду!» — отказывается от предложения Любимова Высоцкий.

14 декабря на общем собрании труппы Театра на Таганке артиста Владимира Высоцкого вновь простили и вернули в коллектив. Артист театра Анатолий Васильев позднее о подобных собраниях сказал: «Я был, наверное, единственным человеком, который с пеной у рта орал: «Уволить! Выгнать!»

И скорее всего был прав. Потому что все эти выговоры — строгие, нестрогие — мало что давали. Если бы выгнали тогда — это могло подействовать. Ведь когда он «завязал», год-два бывали потрясающе плодотворными.

Потом, когда Высоцкий стал лидером, солистом, а театр был гнездом, куда он только изредка залетал, это уже было невозможно. А тогда без театра Владимир просто не мыслил своей жизни. И если бы мы совершили эту жестокую акцию, то, может быть, продлили бы ему жизнь...»

Выйдя из больницы в середине декабря, уже 28 декабря выступлением в кинотеатре «Арктика» Владимир Высоцкий возобновил свою концертную деятельность. Наравне со старыми песнями впервые для слушателей звучали новые: «Жираф», «Милицейский протокол», «Москва — Одесса», «Утренняя гимнастика». Уже два месяца на экранах союзных кинотеатров шел фильм Е. Карелова «Служили два товарища», одну из ролей в котором великолепно сыграл Владимир Высоцкий.

Лично для меня именно с поручика Брусенцова началось осмысление трагедии белого движения. Я впервые увидел на экране не подлого и коварного, а порой и придурковатого «беляка», а человека, для которого потеря Родины — истинная трагедия, пережить которую он не в силах. Не сумев раствориться в двухмиллионной волне россиян, покидавших Россию, герой Высоцкого пускает в себя пулю.

1969 год

В 1969 году Владимир Высоцкий получил первый сигнал свыше, когда впервые по-настоящему заглянул в глаза смерти, лежа в реанимационном отделении Института имени Склифосовского. Прошлогодний декабрьский прогноз врачей чуть было не подтвердился.

Еще в феврале родственники Высоцкого, видимо, почувяв неладное, обманом заманили его в больницу. Высоцкий на такое отношение родных обиделся. Ему казалось, что он еще в декабре прошлого года сделал свой выбор, и сделал его серьезно. Действительность оказалась иной, чем выводы Высоцкого. Болезнь в который уже раз одолела его.

В конце марта Высоцкий в отсутствие Марины Влади вновь сорвался «в пике». В результате 26 марта был отменен спектакль «Галилей». Кажется, теперь всем в театре стало окончательно понятно, что Высоцкий как актер для них потерян. На этот раз никто и не думал его защищать, и в тот день, 26 марта, когда на доске объявлений появился очеред-

ной приказ о его увольнении по все той же статье 47, никто из артистов не усомнился в его правильности. Театр отныне жил своей жизнью, и места для артиста Высоцкого в нем уже не осталось. Высоцкий и сам это прекрасно понимал и потому не сделал никаких попыток к покаянию и примирению. В начале апреля он вновь ложится в больницу.

И душа и голова, кажись, болит, —
 Верьте мне, что я не притворяюсь
 Двести тыщ — тому, кто меня вызовет!
 Ну и я, конечно, постараюсь.
 Дайте мне глоток другого воздуха!
 Смею ли роптать? Наверно, смею...
 Не глядите на меня, что губы сжал, —
 Если слово вылетит, то злое,
 Я б отсюда в тапочках в тайгу сбежал, —
 Где-нибудь зарююсь и завою.

(1969)

Врач Е. Садовникова, вспоминая те дни, рассказывает: «Мы познакомились с Володей в 1969 году при довольно грустных обстоятельствах. Я заведовала отделением в Институте скорой помощи им. Склифосовского и по своему профилю консультировала всех, кто попадал в реанимацию. Володя находился в очень тяжелом состоянии: у него был тромбоз мелких вен предплечий, шалило сердце. Он то приходил в себя, то сознание его вновь сужалось. Ему нельзя было двигаться, резко подниматься, а он нервничал, торопился поскорее выписаться из больницы.

В то время мне был знаком только его голос — я услышала, как он поет, в 1966 году и была потрясена. Фотографий его тогда еще не было, и я, конечно, не знала, кто этот пациент, к которому меня подвели. По профессиональной привычке спросила, знают ли родные, что он здесь.

— Мама знает... — услышала я в ответ.

— А жена?

— Жена в Париже.

Я не поняла и решила, что это опять галлюцинации. Но тут меня буквально оттащил кто-то из сотрудников:

— Это же Владимир Высоцкий!

И тогда у меня в голове мгновенно пронеслось все, что я раньше мельком слышала: Высоцкий, Марина Влади, даже песня какая-то есть.

Володя не сразу принял меня, был сдержан, холоден, удивлялся моему участию. Спрашивал у мамы: что это за дама, которая ежедневно приходит меня смотреть?

Нина Максимовна, мать Володи, попросила меня поговорить с Мариной Влади. Я прекрасно помнила ее по «Колдунье» и была поражена, что такая знаменитая красивая актриса и обаятельная женщина выбрала Высоцкого. Для меня это явилось своего рода знамением.

Она позвонила из Парижа рано утром, и я услышала чудесный мелодичный голос, великолепную русскую речь, а в голосе — страдание, боль, любовь, тревогу:

— Елена Давыдовна, если нужно что-то из лекарств, я немедленно вышлю, а если вы считаете необходимым, я тут же вылетаю. Как Володя себя чувствует?»

Между тем уединение в больничной палате, возможность всерьез задуматься о своей дальнейшей судьбе в конце концов заставляют Высоцкого позвонить Валерию Золотухину и просить его замолвить за него слово перед Юрием Любимовым. Очередное раскаяние терзает душу Высоцкого. 23 апреля, в день пятилетнего юбилея Театра на Таганке, Высоцкий присылает своим коллегам стихотворное посвящение:

В этот день мне так не повезло —
Я лежу в больнице как назло,
В этот день все отдыхают,
Пятилетие справляют
И спиртного никогда
В рот не брать торжественно решают...
В этот день — будь счастлив кто успел!
Ну а я бы в этот день вам спел...

29 апреля, выйдя из больницы, Высоцкий наконец решается переступить порог родного театра: в тот день у него состоялся очередной серьезный разговор с Юрием Любимовым. Как ни удивительно, но Любимов настроен благожела-

тельно по отношению к провинившемуся в очередной раз артисту, он хоть и считает его несчастным человеком, но понимает и видит, что тот искренне раскаивается в содеянном, а главное, любит театр и готов вновь в нем работать. Любимов обещает Высоцкому свою полную поддержку на том собрании труппы, где будет обсуждаться поведение артиста. 5 мая такое собрание состоялось. Выступивший на нем Любимов сказал: «Высоцкий — единственный из ведущих артистов, от которого я ни разу не услышал возражения на мои замечания. Он не всегда бывает в нужной форме, и, может быть, он и обидится где-то на меня, но никогда не покажет этого, на следующий день приходит и выполняет мои замечания. Я уважаю за это этого человека...»

В светлый праздник 9 Мая Владимир Высоцкий официально вернулся в стены родной Таганки. В очередной раз. С этого дня душевное состояние Высоцкого постепенно приходит в равновесие. Он даже подумывает, с подачи практичной Марины Влади, о покупке дачи под Москвой для полноценного отдыха и творчества. Но такова уж была судьба этого человека, что в момент, когда казалось, что лихая напасть уже миновала его, фортуна вновь повернулась к нему спиной.

С 7 по 12 июля в Москве проходил очередной Международный кинофестиваль. Из Парижа в Москву вновь вернулась Марина Влади, совместив приглашение на кинофестиваль, дубляж фильма С. Юткевича «Маленький сюжет для небольшого рассказа» (Влади играла в нем роль Лики Мизиновой) и свою туристическую поездку в единое целое.

Но в один из фестивальных дней сопровождавшего Влади Высоцкого ретивый контролер не пустил в автобус с артистами. Никакие уговоры Влади не помогли, и Высоцкий, униженный и оскорбленный, остался один на пустынном тротуаре. Домой он вернулся поздно ночью совершенно пьяным.

Вспоминая события того дня, Марина Влади пишет:

«Через некоторое время, проходя мимо ванной, я слышу стоны. Ты нагнулся над раковиной, тебя рвет. Я холодею от ужаса: у тебя идет кровь горлом, забрызгивая все вокруг.

Спазм успокаивается, но ты едва держишься на ногах, и я тащу тебя к дивану».

Влади тут же вызывает врачей, но те, приехав и обследовав Высоцкого, наотрез отказываются увозить его с собой. «Слишком поздно, слишком большой риск, — им не нужен покойник в машине — это повредит плану».

Но Влади проявляет непреклонную решимость и грозит врачам всеми небесными карами, включая и международный скандал. Осознав наконец, кто перед ними, врачи соглашаются.

Высоцкого привозят в Институт скорой помощи им. Склифосовского и тут же направляют в операционную. Влади осталась в коридоре, ей целых шестнадцать часов предстоит ждать в коридоре в ожидании хоть каких-нибудь вестей.

Наконец появляется врач Левон Оганезович Бадалян и успокаивает Влади: «Было очень трудно. Он потерял много крови. Если бы вы привезли его на несколько минут позже, он бы умер. Но теперь — все в порядке».

Влади счастлива, что все обошлось, и теперь всю заботу о больном берет на себя. Два дня она приходит в больницу и пичкает Высоцкого мясными бульонами, полусырыми бифштексами, свежими овощами и фруктами.

Как оказалось, в горле у Высоцкого прорвался сосуд, во время труднейшей операции у него наступила клиническая смерть, но благодаря профессионализму врачей жизнь артиста была спасена: Высоцкий выкарабкался из лап смерти. Слишком рано она за ним пришла — ему едва исполнился 31 год.

Твоею песнею гремя
под маскою,
врачи произвели реанимацию...
Вернулась снова жизнь в тебя
И ты, отудобев,
нам всем сказал: «Вы все — туда,
А я — оттудова...»

Эти строки были написаны А. Вознесенским по горячим следам тех событий. Сам А. Вознесенский вспоминал: «В 69-м у Высоцкого вдруг пошла горлом кровь, и его вер-

нули к жизни в реанимационной камере. Мы все тогда были молоды, и стихи свои я назвал «Оптимистический реквием, посвященный Владимиру Высоцкому». Помнится, газеты и журналы тогда отказывались их печатать: как об актере о нем еще можно было писать, а вот как о певце и авторе песен... Против его имени стояла стена запрета. Да и я сам был отнюдь не в фаворе, невозможно было пробить эту стену. Тем не менее стихи удалось напечатать в журнале «Дружба народов», который и тогда был смелее других. Все же пришлось изменить название на «Оптимистический реквием, посвященный Владимиру Семенову, шоферу и гитаристу». Вместо «Высоцкий воскрес» пришлось напечатать «Владимир воскрес». Стихи встретили кто с ненавистью, кто с радостью... Как Володя радовался этому стихотворению! Как ему была необходима душевная теплота».

Вспоминая те же июльские дни 69-го, Алла Демидова рассказывала: «После первой клинической смерти я спросила Высоцкого, какие ощущения у него были, когда он возвращался к жизни. «Сначала темнота, потом ощущение коридора, я несусь в этом коридоре, вернее, меня несет к какому-то просвету, свет ближе, ближе, превращается в светлое пятно, потом боль во всем теле, я открываю глаза — надо мной склонившееся лицо Марины».

После выписки из больницы «лечение» Высоцкого продолжается в Белоруссии, куда его и Марину Влади пригласил кинорежиссер Виктор Туров.

Вернувшись в Москву, Высоцкий и Влади после долгих мытарств находят для себя комнату в двухкомнатной квартире милого старика с «Мосфильма» в районе станции метро «Аэропорт». Популярность его к этому времени выросла неимоверно, знакомства с ним ищут многие сильные мира сего. Б.А. Дидоров вспоминает: «В 1969 году — я тогда жил на проспекте Вернадского — Володя вдруг привез ко мне Галину Брежневу. Помню, что с ней был какой-то заместитель министра...»

На какое-то время Высоцкий приходит в душевное и физическое равновесие, старается писать, но ему это плохо

дается. В тот период из-под его пера появляется стихотворение «И не пишется, и не поется». И действительно, в тот год количество песен, написанных им, едва перевалило за два десятка (в 67-м их было 47, в 68-м — 56), а количество концертов и вовсе было минимальным — три концерта за весь год. Правда, Высоцкий тогда снялся в трех фильмах: «Опасные гастроли», «Белый взрыв» и «Эхо далеких снегов», причем в первом сыграл главную роль, и не кого-нибудь, а революционера под маской куплетиста.

В этом же году должен был сниматься фильм по сценарию Валерия Дунского и Юлия Фрида (авторы сценария фильма «Служили два товарища») под названием «Красная площадь», в котором главную роль должен был исполнять Владимир Высоцкий. Но кандидатура его через худсовет так и не прошла.

Летом этого же года режиссер Г. Полока (год назад снимавший Высоцкого в фильме «Интервенция», который благополучно положили на полку) решил вновь взять Высоцкого на главную роль в шпионском фильме «Один из нас». Высоцкий должен был воплотить на экране ни много ни мало бесстрашного советского разведчика. Но судьба опять распорядилась иначе. 2 октября на худсовете киностудии «Мосфильм» секретарь Союза кинематографистов Всеволод Санаев гневно заявил: «Только через мой труп в этом фильме будет играть Высоцкий! Надо будет, мы и до ЦК дойдем!» Но в ЦК идти не пришлось, так как и на худсовете сторонников Владимира Высоцкого не нашлось. К тому же свое веское слово сказал и КГБ, курировавший съемки фильма подобной тематики. Допустить, чтобы советского разведчика играл алкоголик, человек, бросивший семью и заведший амурную связь с иностранкой, КГБ, естественно, не мог. Восходящая «звезда» 5-го Идеологического управления, в скором времени его бессменный руководитель, Филипп Денисович Бобков так и заявил в те дни: «Я головы поотрываю руководителям Госкино, если они утвердят кандидатуру Высоцкого!»

Удрученный таким поворотом событий, Высоцкий в на-

чале ноября вновь взялся за стакан. В конце ноября он уже лежит в люблинской больнице у Воздвиженской. Три месяца назад, едва не отдав богу душу, он обещал держать себя в руках, надеялся сам и обнадеживал других. И вот — новый запой, страшнее предыдущего. И прав был, видимо, Павел Леонидов, сказав: «...когда после реанимации, буквально с того света вытащили его, а он снова за старое, ведь он из того рода самоубийц, которые идут к цели двумя параллельными прямыми, не пересекаясь: одна — делу, любви, искусству, друзьям, другая — смерти».

Не писать мне повестей, романов,
Не читать фантастику в углу,
Я лежу в палате наркоманов,
Чувствую — сам сяду на иглу.
В душу мне сомнения запали,
Голову вопросы мне сверлят, —
Я лежу в палате, где глотали,
Нюхали, кололи все подряд.

(1969)

В том году, едва не стоившем ему жизни, Владимир Высоцкий начал свою роковую гонку со смертью. И много непонятного для постороннего глаза будет в этой гонке, в которой Высоцкий то уходил от смерти в немыслимом рывке, после которого казалось, что теперь уж она не скоро его догонит, то внезапно «сбрасывал обороты» и позволял подойти ей к себе так близко, что страшно становилось видевшим это от этой их близости. Едва разминувся в тот год со смертью и Леонид Брежнев, Генеральный секретарь ЦК КПСС. Случилось это на полгода раньше случая с Высоцким и при обстоятельствах, достойных того, чтобы перенести их на страницы любого детективного романа.

22 января Москва чествовала вернувшихся на землю космонавтов А. Елисеева, В. Шаталова, В. Волынова и Е. Хрунова. Торжественный кортеж машин должен был въехать на Красную площадь. В это время переодетый в форму милиционера младший лейтенант Советской Армии Виктор Ильин вышел из оцепления возле Боровицких ворот Кремля,

выхватил два пистолета системы Макарова и открыл прицельную стрельбу по лобовому стеклу «Чайки», следовавшей в официальной колонне второй. Ильин успел сделать шестнадцать выстрелов, разрядить две обоймы, прежде чем один из мотоциклистов эскорта сбил его с ног.

В результате этого инцидента был смертельно ранен водитель «Чайки», легко ранены космонавты Береговой, Николаев и мотоциклист, сбивший Ильина. Генеральный секретарь ЦК КПСС 62-летний Леонид Брежнев, для кого, собственно, и предназначались эти выстрелы, абсолютно не пострадал, так как предусмотрительные чекисты, опекавшие его, направили его машину по маршруту через Спасские ворота.

Кто бы мог подумать в октябре 64-го, избирая на пост Первого секретаря ЦК КПСС бесцветного Брежнева, что он впоследствии благополучно избежит всех расставленных для него ловушек и воцарится в Кремле и на Старой площади на целых 18 лет, всем существом своим подтверждая верность пословицы: «И пуля не берет, и штык не колет» применительно к своей персоне.

Удачно избежав пули Ильина, Брежнев в декабре того же 69-го ловко избежит и «штыков» главного идеолога партии Михаила Суслова, который вознамерится спихнуть зажившегося в кресле генсека Брежнева, дабы посадить на его место Александра Шелепина. Брежнев и в этом поединке окажется проворнее своих противников и, заручившись поддержкой военных, докажет всем сомневающимся на кремлевском Олимпе, что он пришел к власти всерьез и надолго.

К декабрю 1969 года последние признаки хрущевской «оттепели» окончательно сходили на нет. В те дни, когда Владимир Высоцкий боролся со смертью, началась массированная атака на А.Т. Твардовского и руководимый им журнал «Новый мир». В № 30 июльского «Огонька» появилось письмо группы писателей (М. Алексеев, С. Викулов, С. Воронин, В. Закруткин, А. Иванов, С. Малышкин, А. Прокофьев, В. Проскурин, С. Смирнов, В. Чивилихин, Н. Шундик)

под многозначительным названием «Против чего выступает «Новый мир»?». 31 июля газета «Социалистическая индустрия» опубликовала открытое письмо главному редактору «Нового мира» А.Т. Твардовскому за подписью токаря Подольского машиностроительного завода М. Захарова. Как писал об этой спланированной кампании Ю. Трифонов: «Такого рассчитанного и циничного хамства в нашей прессе давно не бывало: со времен, может быть, пресловутой «борьбы с космополитизмом». О чем же вещал № 30 того софроновского «Огонька»? «Мы полагаем, что не требуется подробно читателю говорить о характере тех идей, которые давно уже проповедует «Новый мир», особенно в отделе критики. Все это достаточно широко известно. Именно на страницах «Нового мира» печатал свои критические статьи А. Синявский, чередуя эти выступления с зарубежными публикациями антисоветских пасквилей. Именно в «Новом мире» появились кощунственные материалы, ставящие под сомнение героическое прошлое нашего народа и Советской Армии (не было ни выстрела «Авроры», ни «даты» рождения Красной Армии), глумящиеся над трудностями роста советского общества (повести В. Войновича «Два товарища», И. Грековой «На испытаниях», роман Н. Воронова «Юность в Железнодорожье» и т.д.). Известно, что все эти очернительские сочинения встретили осуждение в нашей прессе. В критических статьях В. Лакшина, И. Виноградова, Ф. Светова, Ст. Рассадина, В. Кардина и других, опубликованных в «Новом мире», планомерно и целеустремленно культивируется тенденция скептического отношения к социально-моральным ценностям советского общества, к его идеалам и завоеваниям».

Следует отметить, что и травля Владимира Высоцкого летом 68-го, и нынешняя травля Александра Твардовского были звеньями одной цепи и вытекали из логики той борьбы, что вело новое руководство страны с последними приверженцами хрущевской «оттепели».

Конец 69-го, по мысли главных партийных идеологов, должен был ознаменоваться официальной реабилитацией

Иосифа Сталина. Этой реабилитацией брежневское руководство хотело попросту прикрыть убогость собственной политики, которая так и не смогла вдохновить советский народ на новые героические свершения. Для продолжения торжественного шествия в коммунизм нужны были кумиры, и ввиду того что новые, из числа самих руководителей страны, не получались, решено было вернуться к старым.

К началу декабря 1969 года вопрос о реабилитации И. Сталина был практически решен. На заседании Политбюро были разногласия и споры, но все же Брежнев и большинство членов Политбюро одобрили «новую линию» в отношении Сталина. Был также одобрен и текст большой статьи, озаглавленной «90 лет со дня рождения Сталина». Эта статья с портретом «вождя» была уже набрана, и ее верстка лежала не только в сейфе главного редактора «Правды» М.В. Зимянина, но и была разослана в редакции всех центральных газет союзных республик и переведена на местные языки. Эта же статья была направлена в редакции главных партийных газет социалистических стран. Предполагалось, что большая статья о Сталине 21 декабря будет опубликована в «Правде», а на следующий день в других газетах.

Если говорить об отношении Владимира Высоцкого к личности И. Сталина, то стоит отметить, что оно менялось постепенно, по мере открытия всей правды о злодеяниях сталинской эпохи. В этом Владимир Высоцкий повторял путь всех «шестидесятников».

В 1953 году во время похорон Сталина 15-летний Володя Высоцкий дважды пробирался в Колонный зал к телу «вождя всех народов». Свидетель тех событий друг Высоцкого В. Акимов вспоминал: «Умер Сталин. Три дня открыт доступ в Колонный зал. Весь центр города оцеплен войсками, конной милицией, перегорожен грузовиками с песком, остановленными трамваями, чтобы избежать трагедии первого дня, когда в неразберихе на Трубной площади многотысячная неуправляемая толпа подавила многих, большей частью школьников.

Особой доблестью среди ребят считалось пройти в Ко-

лонный зал. Мы с Володей были дважды — через все оцепления, где прося, где хитря: по крышам, чердакам, пожарным лестницам, чужим квартирам, выходявшим чердачными ходами на другие улицы или в проходные дворы, под грузовиками, под животами лошадей: опять вверх-вниз, выкручиваясь из разнообразнейших неприятностей, пробирались, пролезали, ныряли, прыгали, проползали. Так и попрощались с Вождем».

После 56-го, когда Н. Хрущев выступил со знаменитым докладом на XX съезде партии, после того как из лагерей потянулись первые отпущенные на свободу политзеки (а у Высоцкого сидел двоюродный брат Николай), до Высоцкого стала доходить истинная правда о Сталине. К 1968 году, к моменту написания «Баньки по-белому», кажется, никаких сомнений относительно личности «отца всех народов» у Высоцкого уже не оставалось. Поэтому легко представить, какую реакцию вызвала бы у него намечавшаяся в 1969 году официальная реабилитация И. Сталина.

В своих воспоминаниях Марина Влади пишет: «В старом Тбилиси мы празднуем наше бракосочетание, состоявшееся в Москве всего за полчаса (декабрь 1970-го) ... В зале шумно и весело.

Вдруг один из гостей громко спрашивает:

— Забудем ли мы выпить за нашего великого Сталина?

За столом воцаряется нехорошая тишина. Грузинская интеллигенция жестоко пострадала при Сталине, и, если некоторые люди относятся к нему с ностальгическим восхищением, хозяин дома, как и мы сами, считает его самым настоящим преступником.

Я беру тебя за руку и тихо прошу не устраивать скандала. Ты побледнел и белыми от ярости глазами смотришь на того человека. Хозяин торжественно берет рог из рук гостя и медленно его выпивает. И сильный мужской голос вдруг прорезает тишину, и за ним вступает стройный хор. Пенем, точным и редкостным многоголосием эти люди отвечают на упоминание о проклятых годах: голоса сливаются в

звучную и страстную музыку, утверждая презрение к тирану, гармония мелодии отражает гармонию мыслей».

В декабре 1969 года ожидаемой многими реабилитации И. Сталина не состоялось. Но кинорежиссер Ю. Озеров уже заканчивал съемки первого фильма эпопеи «Освобождение», где впервые за долгие годы забвения образ генералиссимуса Сталина обретал экранную плоть, а скульптор Н. Томский работал над бронзовым бюстом Сталина, который в 1970 году будет установлен на могиле «вождя» на Красной площади.

1970 год

Начало нового, 1970 года повторило печальную судьбу всех предыдущих лет: в канун своего дня рождения Владимир Высоцкий напился до такой степени, что устроил в квартире настоящий погром. После него Высоцкий виновато каялся Валерию Золотухину: «У меня такая трагедия... Я Марину вчера чуть не задушил. У меня в доме побиты окна, сорвана дверь... Что она мне устроила... Как живая осталась...»

К счастью для Высоцкого, его очередное «помешательство» закончилось довольно быстро, и январь для него завершился серией концертов, один из которых он дал в НИИ на 2-й Фрунзенской, на той улице, где они с Мариной Влади снимали тогда квартиру. В целом же этот год, в отличие от «застойного» прошлого, с точки зрения концертной деятельности для Высоцкого пройдет более активно — он даст 30 концертов, и география его поездок проляжет от Москвы до Чимкента и Усть-Каменогорска.

К этому времени подоспел и развод с Людмилой Абрамовой. Сама Л. Абрамова об этом вспоминает так: «Мы ведь действительно с Володей по-хорошему расстались... У нас не было никаких выяснений, объяснений, ссор. А потом подошел срок развода в суде. Я лежала в больнице, но врач разрешил поехать. Я чувствовала себя уже неплохо. Приехали в суд. Через пять минут развелись... Время до ужина в больнице у меня было, и Володя позвал меня на квартиру Нины

Максимовны. Я пошла. Володя пел, долго пел, чуть на спектакль не опоздал. А Нина Максимовна слышала, что он поет, и ждала на лестнице... Потом уже позвонила, потому что поняла — он может опоздать на спектакль.

Когда я ехала в суд, мне казалось, что это такие пустяки, что это так легко, что это уже так отсохло... Если бы я сразу вернулась в больницу, так бы оно и было...» Это февраль семидесятого года...

Весной того же года Л. Абрамова познакомится с Юрием Овчаренко, за которого вскоре выйдет замуж. Весной 1973 года у них родится дочь Серафима...

В феврале 1970 года Театр на Таганке переживал не самые спокойные свои дни. Поводом к новым нападкам на него со стороны властей стал спектакль «Берегите ваши лица». В связи с его премьерой 1-й секретарь ЦК КПСС Виктор Гришин написал в Общий отдел ЦК КПСС письмо под грифом «Совершенно секретно». В нем он писал:

«Московский театр драмы и комедии показал 7 и 10 февраля с. г. подготовленный им спектакль «Берегите ваши лица» (автор А. Вознесенский, режиссер Ю. Любимов), имеющий серьезные идейные просчеты.

В спектакле отсутствует классовый, конкретно-исторический подход к изображаемым явлениям, многие черты буржуазного образа жизни механически перенесены на советскую действительность. Постановка пронизана двусмысленностями и намеками, с помощью которых проповедуются чуждые идеи и взгляды (о «неудачах» советских ученых в освоении Луны, о перерождении социализма, о запутавшихся в жизни людях, не ведающих «где левые, где правые», по какому времени жить: московскому?) Актеры обращаются в зрительный зал с призывом: Не молчать! Протестовать! Идти на плаху, как Пугачев! и т. д.

Как и в прежних постановках, главный режиссер театра Ю. Любимов в спектакле «Берегите ваши лица» продолжает темы «конфликта» между властью и народом, властью и художником, при этом некоторые различные по своей социально-общественной сущности явления преподносятся вне

времени и пространства, в результате чего смазываются социальные категории и оценки, искаженно трактуется прошлое и настоящее нашей страны.

Как правило, все спектакли этого театра представляют собой свободную композицию, что дает возможность главному режиссеру тенденциозно, с идейно неверных позиций подбирать материал, в том числе и из классических произведений...

21 февраля 1970 года бюро МГК КПСС, рассмотрев вопрос «О спектакле «Берегите ваши лица» в Московском театре драмы и комедии», вынесло взыскание начальнику Главного управления культуры исполкома Моссовета тов. Родионову Б.Е. за безответственность и беспринципность, проявленную при выпуске спектакля...»

Но драматические события вокруг родного театра, кажется, мало волновали Владимира Высоцкого. В том феврале 70-го он дал всего два концерта в Москве и вновь ушел в загул. Январский разрыв с Влади и новые друзья-субульники, которые периодически появлялись возле Высоцкого, сказывались на его образе жизни. Дело вновь дошло до госпитализации, и в середине марта Высоцкий лег в больницу. И опять он полон надежд на успех лечения: он сменил больницу, врачей (прошлые, подпадая под его влияние, пили вместе с ним), принимает новое эффективное лекарство. Лечение с перерывами длилось до середины мая и, кажется, привело Высоцкого в равновесие. В театре приступили к репетициям «Гамлета», а Высоцкий давно буквально бредил этой ролью. Ради успеха в ней он готов был пойти на любые жертвы и воздержания. В июне к нему вернулась Влади, и это событие прибавило уверенности Высоцкому. Он приступил к репетициям «Гамлета», хотя ввод в эту роль для него был сопряжен с массой трудностей и всевозможных проблем. Сам Высоцкий об этом вспоминал: «У меня был совсем почти трагический момент, когда я репетировал «Гамлета» и когда почти никто из окружающих не верил, что это выйдет... Были громадные сомнения — репетировали мы очень долго, и если бы это был провал, это бы означало ко-

нец — не моей актерской карьеры, потому что в этом смысле у нас намного проще дело обстоит: ты можешь сыграть другую роль, — но это был бы конец для меня лично как для актера: я не смог этого сделать! К счастью, этого не случилось, но момент был очень такой — прямо как на лезвии ножа, — я до самой последней секунды не знал, будет ли это провал или это будет всплеск...»

Говоря о тех, кто сомневался в нем как в Гамлете, Высоцкий имел в виду и главного режиссера Таганки Юрия Любимова. И надо сказать честно, что уставший от постоянных срывов Высоцкого, от его бешеных загулов Любимов вполне имел право на эти сомнения. Переживая все это, Высоцкий писал Марине Влади в письме от 25 мая: «Любимов пригласил артиста «Современника» (Игоря Квашу) репетировать роль параллельно со мной. Естественно, меня это расстроило, потому что вдвоем репетировать невозможно — даже для одного актера не хватает времени. Когда через некоторое время я вернусь в театр, я поговорю с «шефом», и, если он не изменит своей позиции, я откажусь от роли и, по-видимому, уйду из театра. Это очень глупо, я хотел получить эту роль вот уже год, я придумывал, как это можно играть... Конечно, я понимаю Любимова — я слишком часто обманывал его доверие, и он не хочет больше рисковать, но... именно теперь, когда я уверен, что нет больше никакого риска, для меня эта новость очень тяжела. Ладно, разберемся...»

В тот год состояние нервного возбуждения, балансирования на лезвии ножа преследовало Высоцкого не только в театре. По Москве в связи с его официальным разводом со второй женой поползли новые слухи о том, что Высоцкий собирается «съезжать» за границу. Ответом на все эти слухи явилась песня «Нет меня, я покинул Расею», которая заканчивалась весьма лаконичными строчками:

Не волнуйтесь, я не уехал!
И не надейтесь, я не уеду!

Тогда же вновь обострились отношения Высоцкого с родителями. Он писал в Париж Марине Влади: «Я позвонил матери, оказалось, что сегодня она ночевала у одной из мо-

их знакомых с радио. Могу представить себе их разговор!.. Идея все та же, чтобы люди знали, «какая она исключительная мать» и т. д. Она могла пойти как минимум в пять мест — к родственникам, но она пошла к моим «друзьям», бог с ней!.. Я сегодня злюсь, потому что к тому же она снова рылась в моих бумагах и читала их».

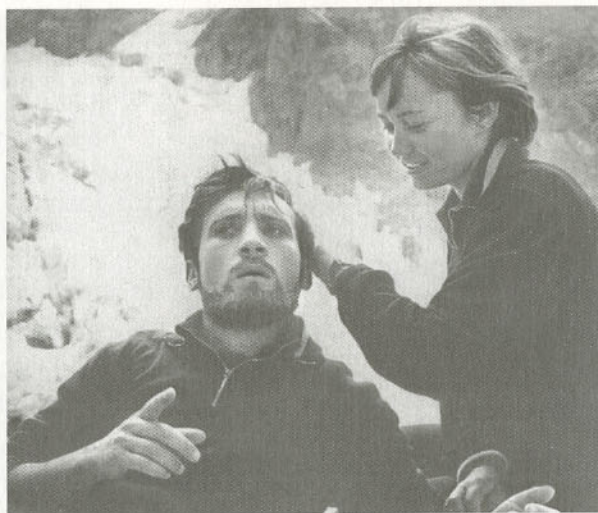
В том году на 40-м году жизни от рака умер один из ближайших друзей Высоцкого по Большому Каретному Левон Кочарян. Сняв всего лишь один фильм «Один шанс из тысячи» (1969), он так и не сумел ухватить этот шанс в собственной жизни и угас преждевременно.

На его похороны пришло огромное количество народу, так как люди любили его за веселый нрав и хлебосольство. Высоцкий на эти похороны не пришел. После этого случая большинство его старых друзей отвернулись от него. М. Туманишвили вспоминает: «Когда Лева Кочарян попал в больницу, мы не просто приходили и навещали его — мы его похищали... То домой, то в шашлычную... Лева все время спрашивал: «А где Володя?» А Володя в больницу так и не пришел... Лева это жутко переживал... А Володя все не приходил и не приходил — я думаю, поэтому он и не пришел на похороны. В этом тоже, как мы тогда считали, был элемент предательства».

И мы не общались с Володей до 73-го года, причем вообще не встречались. На концерты мы его не ходили, я, например, не был ни на одном концерте Высоцкого...»

Даже с самым старым и верным другом И. Кохановским у Высоцкого отношения вконец испортились. Вспоминая об этом, А.Н. Чердынин пишет: «Между ними пробежала кошечка — причем не серая, а черная... Володя переживал этот разрыв... И не потому, что был виноват, — нет! Он переживал сам факт разрыва. Ведь Володю и Гарика связывала очень давняя дружба, их очень многое связывало...»

Что тогда творилось в душе у В. Высоцкого после стольких разрывов с близкими ему людьми, знал только он один. И порой отчаяние от таких поворотов судьбы выплескивалось у него на бумагу.

Высоцкий и Лариса Лузина в фильме «Вертикаль». Иткол, август 1966 года.

Высоцкий и Кира Муратова в фильме «Короткие встречи». Павильон Одесской киностудии, декабрь 1966 года.

Высоцкий и Вениамин Смехов на съемках фильма «Служили два товарища». Измаил, 21 сентября 1967 года.

Кадр из художественного фильма «Интервенция». Одесса 1967 год.

Высоцкий, Лионелла Пырьева и Ефим Копелян в фильме «Опасные гастроли». Одесса, конец мая 1969 года.

Высоцкий и Золотухин. Конец 60-х.

Высоцкий в гостях. Ленинград, конец 60-х.

Высоцкий и Марина Влади в круизе.
Август 1969 года.

Ох, сегодня я отмаюсь,
Эх, освоюсь!
Но сомневаюсь,
что отмоюсь!!

(1970)

20 апреля 1970 года, не дожив трех дней до своего 43-летия, умер замечательный советский актер театра и кино Павел Луспекаев, бывший коллега Изы Высоцкой по Киевскому театру. Луспекаев умер преждевременно, не успев сыграть и малой доли тех ролей, о которых мечтал и на какие был способен в силу своего яркого и многогранного таланта. Многим в своей артистической и человеческой судьбе они были схожи с Высоцким: тем, что тяжело уживались с высоким начальством, не шли наперекор собственной совести, часто бывали одиноки, окруженные не друзьями, а собутыльниками.

28 июня, заполняя в Театре на Таганке анкету, Владимир Высоцкий, отвечая на вопрос: «Что тебя огорчило в последний раз?», ответил коротко: «Все!» Внутреннее состояние Высоцкого в те дни было не из лучших.

Кинематограф в тот год ничем не порадовал Владимира Высоцкого, если не считать утверждения на роль Остапа Бендера в фильме Леонида Гайдая «Двенадцать стульев». Но, пройдя утверждение, Высоцкий роль не сыграл.

Высоцкого утвердили на эту роль после того, как не заладились дела у первого исполнителя роли Бендера Александра Белявского. Но, уже отснявшись в первых съемках, Высоцкий, по словам самого Л. Гайдая, «ушел в подполье» очень надолго. Поэтому, не имея возможности ждать того момента, когда Высоцкий из подполья выйдет, режиссер от него отказался и в конце концов нашел нового исполнителя — Арчила Гомиашвили, который с этой ролью справился блестяще.

Невнимание к себе со стороны кинематографа Владимир Высоцкий в тот год компенсировал концертной деятельностью и песенным творчеством. В тот год им было написано в два раза больше произведений, чем в предыдущем

году, — более 45. Среди самых известных и популярных: «Товарищи ученые...», «Горизонт», «Песня певца у микрофона», «Иноходец», «Беда».

Между тем страна входила в новое десятилетие, и до принятия очередного антиалкогольного постановления оставалось около двух лет. Взамен 3,9 литра алкоголя, что советские люди принимали в себя в 1960 году, в этом году это количество выросло до 7,6 литра, чтобы через десятилетие достигнуть отметки в 8,7 литра!

В марте 1970 года советский писатель Венедикт Ерофеев после трех месяцев творческих мук родил на свет самое знаменитое свое творение — поэму «Москва — Петушки». Как писал позднее А. Генис: «В поэме нет ни одного слова, сказанного в простоте. В каждой строке кипит и роится зачатая водкой небывалая словесная материя... Клинически достоверная картина описывает лишь внешнюю сторону опьянения. Есть и другая — глубинная, мировоззренческая, философская...»

Многие оправдывают пьянство Ерофеева его страданиями. Между тем водка — суть и корень ерофеевского творчества».

К этому времени Леонид Брежнев, пройдя через неудачную попытку покушения на него в начале 69-го и попытку его свержения командой Сулова в декабре того же года, окончательно укрепился на кремлевском Олимпе. Начинаясь эра «брежневизма», и пропагандисты всех мастей уже точили свои перья, чтобы воспеть подвиги и свершения «дорогого и любимого Леонида Ильича». От несогласных старались избавиться.

В феврале 1970 года вынужден был уйти со своего поста главный редактор «Нового мира» А.Т. Твардовский. После скандала в горкоме партии с инфарктом свалился Аркадий Райкин. Когда его в больнице навещил актер Театра на Таганке В. Смехов, Райкин с грустью произнес: «Если я от одного крика так сломался, то кем же надо быть Юре Любимову, чтобы по три раза в год такое выдерживать?»

29 мая 1970 года получил инфаркт и пенсионер союзно-

го значения Никита Хрущев, доведенный до этого «заботливым» вниманием к своей персоне со стороны своих бывших товарищей со Старой площади. «Товарищи» обвинили его в продаже на Запад собственных мемуаров. 11 ноября многострадальный Н. Хрущев был вновь вызван в ЦК КПСС, где ему опять было предложено немедленно отречься от своих мемуаров, вышедших на Западе. Хрущев ответил достойно и вновь ушел, хлопнув дверью. Результатом этого стал еще один микроинфаркт. Личный повар Н. Хрущева Анна Дышкент, вспоминая события тех дней, рассказывала: «Никита Сергеевич с охранником вернулись из Кремля часа через два, Хрущев бледный, как полотенце. Лег на диван, плохо с сердцем. Вызвали «Скорую». Пока врачи не приехали, он все время повторял: «Ничего я не продавал. Чего они от меня хотят, сволочи?» Охранник мне тихонько пояснил: «Они его насчет мемуаров вызывали. Он так кричал, в коридоре слышно было».

Кто-то в тот год падал от инфарктов, а кто-то устраивал свою личную жизнь, вкушая все ее прелести. В середине сентября Галина Брежнева, придя с подругами поужинать в ресторан Московского Дома архитекторов, что на улице Щусева, познакомилась там с молодым человеком по имени Юрий Чурбанов. Вскоре он станет очередным мужем любвеобильной дочери Генерального секретаря ЦК КПСС.

Вот и для Владимира Высоцкого и Марины Влади этот год, начавшись с крупной размолвки, закончился вполне благопристойно и торжественно: 1 декабря они наконец официально стали мужем и женой. Марина Влади в своих воспоминаниях пишет: «Молодой человек, встречающий нас у входа, весь взмок. Впрочем, мы тоже. Как и во всех московских учреждениях, во Дворце бракосочетания слишком сильно топят. Мы оба в водолазках, ты — в голубой, я — в бежевой. Мы уже сняли пальто, шарфы, шапки, еще немного — и разденемся догола. Но торжественный тон работника загса заставляет нас немного утомиться...»

Тебе удалось упрямить полную даму, которая должна нас расписывать, сделать это не в большом зале с цветами, му-

зыкай и фотографом, а в ее кабинете. Нам бы и в голову не пришло, что именно заставило ее согласиться! Она это сделала вовсе не из-за нашей известности, не потому, что я — иностранка, не потому, что мы хотели пожениться в узком кругу друзей. Нет! Что возобладало, так это — неприличие ситуации: у нас обоих это третий брак (Марина Влади до Высоцкого была замужем за известным французским кинорежиссером Робером Оссейном и владельцем авиакомпании в Африке Жаном-Клодом Бруйе), у нас пятеро детей на двоих! Пресвятой пуританизм, ты спасаешь нас от свадебного марша! А если не будет церемонии, можно и не напрягаться. В конце концов мы так и остаемся в надетых с утра водолазках...

Мы бодро расписываемся против галочки, и уже через несколько минут все кончено. Ты держишь свидетельство о браке, как только что купленный билет в театр, вытянув руку над толпой. Мы выходим, обнявшись, среди невест в белом тюле под звуки неутомимого марша. Мы женаты. Ты наконец спокоен».

Сразу после бракосочетания молодожены сели на теплоход «Грузия» и отправились в свадебное путешествие по маршруту Одесса — Сухуми — Тбилиси. По приезде в Москву на 2-й Фрунзенской, где тогда жили Высоцкий и Влади, состоялась их скромная свадьба. Среди приглашенных на ней были Макс Леон, журналист из «Юманите» и свидетель со стороны Влади, Юрий Любимов с супругой Людмилой Целиковской, А. Вознесенский, В. Абдулов, А. Митта с супругой Лилей, художник З. Церетели. По словам свидетелей, Высоцкий в тот день был тихим и спиртного не употреблял.

1971 год

Год 1971-й был годом Гамлета, той роли, к которой Владимир Высоцкий шел всю жизнь. Именно для того, чтобы в конце концов сыграть ее, он шел наперекор воле своих родителей пятнадцать лет назад, поступая в театральную сту-

дию, ради этой роли он столько лет терпел нищету и душевную неустроенность, ради нее он поднимался с колен, порой скрипя зубами от боли и от злости на себя и на весь белый свет. Начинались 70-е, эпоха Высоцкого, и именно «Гамлет» сформирует его как сознательного борца с тяжелым временем безвременья. Именно «Гамлет» послужит серьезным толчком Высоцкому в его дальнейших размышлениях о смысле жизни, о своем месте в этом мире, о том пути, который он выбрал. Между тем начало 1971 года было для Владимира Высоцкого печальным. Не успело стихнуть свадебное застолье, как в середине января, после очередного конфликта с Ю. Любимовым, Высоцкий вновь запил и на три дня лег в институт Склифосовского в одну палату с буйными больными. Обезумевшая от отчаяния Влади тут же собрала вещи и улетела во Францию.

«Я застегнула чемоданы и уехала из Москвы после долгого и тяжелого периода твоего этилового безумия. В то время терпения у меня было не так много, и, смертельно устав, не зная еще никакого средства, чтобы заставить тебя прекратить весь этот кошмар, я сбежала, оставив записку: «Не ищи меня». Это, конечно, было наивно. Я к тому времени недавно стала твоей законной женой, и свидетельство о браке, по твоему мнению, обязывало меня безропотно терпеть все твои выходки».

Вконец уставший от загулов «премьера», Юрий Любимов предложил главную роль в «Гамлете» Валерию Золотухину. Тот согласился. А 31 января трудовой коллектив Театра на Таганке в сотый, наверное, раз обсуждал поведение актера Владимира Высоцкого. И в сотый раз его оставили в театре, сделав последнее и решающее из всех звучавших ранее предупреждение. Но не все, кто хорошо знал Высоцкого, простили ему его поведение. Жена Юрия Любимова актриса Людмила Целиковская, с которой Высоцкий случайно столкнулся, позвонив на квартиру шефа, высказала ему все, что накопело у нее на душе: «Я презираю себя за то, что была на вашей этой собачьей свадьбе... Тебе тридцать с лишним, ты взрослый мужик! Зачем тебе все эти свадьбы? Ты

бросил детей... Как мы тебя любили, так мы теперь тебя ненавидим. Ты стал плохо играть, плохо репетировать. Ты стал бездарен, как пробка».

Казалось, что в начале того года на Высоцкого навалились все мыслимые и немыслимые напасти: ушла жена, работа в театре не ладилась, ходили слухи, что в КГБ на него шьют дело, близкие друзья от него отвернулись. Во многом из всего этого был виноват сам Владимир Высоцкий с его безволием и неразборчивостью в друзьях, большинство из которых и друзьями-то назвать было нельзя.

Я шел по жизни как обычный пешеход,
Я, чтоб успеть, всегда вставал в такую рань.
Кто говорит, что уважал меня, — тот врет.
Одна... себя не уважающая пьянь.

(1971)

От беспросветности собственной судьбы Высоцкий в начале февраля вновь запил. Видевший его в те дни фотохудожник Анатолий Гаранин с горечью заметил: «Он испортился по-человечески, стал не тот, он забыл друзей, у него новый круг знакомств, это не тот круг».

Имея своей женой иностранную артистку и получив через нее возможность приобретать дефицитные вещи, Высоцкий за короткий срок сильно изменился. О своих впечатлениях о Высоцком образца лета 67-го Марина Влади писала: «Краешком глаза я замечаю, что к нам направляется невысокий плохо одетый молодой человек». К лету 71-го Высоцкий приобрел очередной автомобиль, теперь это был престижный «Фиат», полностью сменил свой гардероб. О таком Высоцком Валерий Золотухин с недоумением писал: «Володю, такого затянутого в черный французский вельвет, облегающий блузон, сухопарого, поджатого, такого Высоцкого я никак не могу всерьез воспринять. Я не могу полюбить человека, поменявшего программу жизни». Но если программа жизни Высоцкого менялась, то образ жизни оставался неизменным. В конце февраля он вновь лег в больницу, теперь за его лечение взялся брат кинорежиссера

Александра Митты. Лечение длилось около месяца. К моменту выписки Высоцкого из больницы в Москву вернулась Марина Влади. Пророчество поэта Евгения Евтушенко сбылось. В феврале, в не самые лучшие для Высоцкого и Влади дни, он подарил им книгу своих стихов «Идут белые снеги» с дарственной надписью: «Марине и Володе, чтобы, даже разлучаясь, они не разлучались никогда. Ваша любовь благословлена Богом. Ради него не расставайтесь. Я буду мыть Ваши тарелки на Вашей серебряной свадьбе. Женя Евтушенко».

«Всего два раза в жизни у меня не хватило сил, — писала позднее Марина Влади. — Первый раз — в самом начале нашей совместной жизни, когда в бреду ты назвал меня не моим именем. Второй раз — когда ты вышвырнул меня в коридор и заперся в ванной, чтобы допить бутылку. Задыхаясь от ярости, я хлопнула дверью и послала тебя к черту. В обоих случаях, естественно, ты провел полгода в адских мучениях. И я тоже».

Ядовит и зол, ну словно кобра я, —
У меня больничнейший режим.
Сделай-ка такое дело доброе, —
Нервы мне мои перевяжи.
У меня ужасная компания —
Кресло, телефон и туалет .
Это же такое испытание,
Мука и... другого слова нет...

(весна 1971)

Удивительно, но собрат Владимира Высоцкого по профессии и по тяжелому недугу Олег Даль почти в те же дни переживал такие же чувства, что и Высоцкий, что нашло отражение в его откровенном дневнике:

«5 день самосуда (январь).

Жрал грязь и еще жрал грязь.

Сам этого хотел. Подонки, которых в обычном состоянии презираю и не принимаю, окружали меня и скалили свои отвратные рожи. Они хохотали мне в лицо, они хотели меня сожрать. Они меня сожрут, если я, стиснув зубы и собрав все свои оставшиеся силы, не отброшу самого себя к

стене, которую мне надо пробить и выскочить на ту сторону. Стена — зеркало, в котором отражаюсь я сам, и я не могу глядеть на себя. Я себе противен до омерзения».

Супруга артиста Елизавета Даль, говоря о подобном состоянии мужа, писала: «По собственному его выражению, ему нужно было иногда «окупаться в грязную лужу». Может быть, ему нужно было выпачкаться, чтобы потом все это сбросить и опять стать самим собой. Это были так называемые срывы. Не знаю, болезнь ли это времени или профессии. Но почему-то так получается, что срываются и выходят из формы именно большие актеры. Я думаю, что дело прежде всего в нервной системе, которая поставлена в тяжелые условия. Отсутствие работы, отсутствие выбора, вынужденность работы — все это приводило к срывам, к болезни, с которой он боролся, побеждал и был счастлив».

Победы Владимира Высоцкого и Олега Даля над своим недугом в тот год отдаляли от них ту роковую дату, что у одного наступит через девять, у другого через десять лет. Места Высоцкого и Даля в том году занимали другие, и смерть их порой была ужасна.

19 января, в дни, когда Высоцкий только выписался из больницы, в Вологде после очередной попойки принял смерть от рук своей любовницы замечательный советский поэт Николай Рубцов. Смерть нелепая и бессмысленная, пришедшая к молодому, 34-летнему человеку.

Не успела остыть земля на могиле Николая Рубцова, как через 48 дней, но уже в Москве, земля приняла в свои объятия тело 38-летней советской киноактрисы Изольды Извицкой, той самой, что в 1956 году исполнила роль Марютки в фильме Г. Чухрая «Сорок первый». И вновь не последнюю роль в столь преждевременном уходе из жизни молодой женщины сыграл алкоголь. Изучая причины трагической гибели актрисы, А. Бернштейн писал: «Она любила мужа, но жизнь с ним была для нее далека от той идеальной семьи, которую она представляла в юности. Киноартист Эдуард Бредун был человеком талантливым, энергичным, но в нем нередко пробуждались грубость и бесцеремонность. (В 1968

году Э. Бредун снялся вместе с В. Высоцким в фильме «Хозяин тайги»). Именно он, может быть, сам того не желая, приучил молодую жену к спиртному. Но это не помешало ему впоследствии оскорблять ее, обвиняя в пьянстве... Первый раз в жизни бокал шампанского актриса выпила на свадьбе, когда ей было двадцать три года, в 1955 году. Потом, по инициативе Бредуна, начался длительный период домашних застолий, на которых царствовали крепкие напитки — водка и коньяк.

В 1970 году Бредун ушел от Извицкой, не заплатив за квартиру, обвинив в алкоголизме, забыв о тех временах, когда пользовался ее славой. После этого Извицкая некоторое время лечилась в больнице от нервного истощения, но через месяц после окончания курса лечения все вернулось на круги своя — теперь к алкоголизму добавилось серьезное душевное расстройство. В последние месяцы жизни... она голодала, не могла платить за квартиру. Близкие друзья приносили ей бутерброды, продукты, помогли продать ненужные книги.

Изольда Извицкая умерла в одиночестве 1 марта 1971 года, но только через неделю ее тело было обнаружено у нее дома. Еды в доме не было никакой, лишь кусочек хлеба, наколотый на вилку, лежал в металлической селедочнице. После ее смерти радиостанция Би-би-си сообщила, что в Москве от голода и холода, всеми забытая, умерла известная киноактриса Изольда Извицкая. Маленький некролог о ее смерти появился в «Советской культуре».

Развившийся в Извицкой недуг алкоголизма был вызван множеством причин, как житейского, так и чисто профессионального свойства. Внезапно оказавшись на вершине мировой популярности (в 1957 году фильм «Сорок первый» попал на Каннский фестиваль), она не устояла перед теми соблазнами, что обрушились на нее в те годы. Многие мужчины в подобной ситуации теряли голову, что там говорить о хрупкой 25-летней женщине. Хотя и тут были счастливые примеры. Известный советский киноактер Владимир Корнев, покоривший в 1961 году советских зрителей своим Их-

тиандром в «Человеке-амфибии», вспоминая соблазны того времени, признался: «Не дай бог этого вина выпить когда-нибудь в такой мере, как я! Хорошо, что я не стал алкоголиком. Честолюбие у меня как бы выбито с детства, и я спокойно прошел через это чудовищное испытание».

Как отмечает А. Бернштейн: «У Извицкой не было той мертвой хватки, с помощью которой иные актрисы добывают интересные роли, получают почетные звания, выгодные контракты. Она не роптала, но в ее хрупкой душе постепенно накапливались обиды, разочарования, горькие размышления...»

Спустя несколько лет после смерти И. Извицкой, в июне 1976 года, Олег Даль, переживая те же чувства, что когда-то переживала и она, напишет в своем дневнике: «Пусть все летят к чертовой матери в пропасть, на дне которой их «блага», звания, ордена, медали, прочие железки, предательства, подлости, попранные принципы, болото лжи и морального разложения».

Высоцкий стал алкоголиком в силу своих непростых отношений в семье, затем этот недуг закрепился в нем из-за долгой житейской неустроенности и творческого неудовлетворения. И если в начале болезни он еще как-то пытался с ней бороться, сохраняя хоть какую-то надежду на успех, то позднее он уже смирился с собственной судьбой, и попыток сопротивления становилось все меньше и меньше. Шедший с ним в этом ногу в ногу Олег Даль писал: «В грязи не вываляешься — чистым не станешь. Может быть, в этом и есть смысл, но не для меня. Не надо мне грязь искать на стороне: ее предостаточно во мне самом. На это мне самому стоит потратить все мои силы, то есть я имею в виду искоренение собственной гнуса. Все мои отвратительные поступки — абсолютное безволие. Вот камень, который мне надо скинуть в пропасть моей будущей жизни».

Описывая те дни, когда Высоцкий погружался в «этиловое безумие», Марина Влади вспоминала: «Ты заказываешь мне пантагрюэльские ужины, ты зовешь кучу приятелей, тебе хочется, чтобы в доме всегда было много народа. Весь ве-

чер ты суетишься возле гостей и буквально спаиваешь их. У тебя блестят глаза, ты смотришь, как кто-нибудь пьет, с почти болезненной сосредоточенностью. На третий или четвертый день почти непрерывного застолья, наливая гостям водки, ты начинаешь нюхать ее с видом гурмана. И вот уже ты пригубил стакан. Ты говоришь: «Только попробовать». Мы оба знаем, что пролог окончен.

Начинается трагедия. После одного-двух дней легкого опьянения, когда ты стараешься во что бы то ни стало меня убедить, что можешь пить, как все, что стаканчик-другой не повредит, что ведь ты же не болен, — дом пустеет. Нет больше ни гостей, ни праздников. Очень скоро исчезаешь и ты...

Как только ты исчезаешь, в Москве я или за границей, начинается «охота», я «беру след». Если ты не уехал из города, я нахожу тебя в несколько часов. Я знаю все дорожки, которые ведут к тебе. Друзья помогают мне, потому что знают: время — наш враг, надо торопиться...

Обычно я нахожу тебя гораздо позже, когда твое состояние начинает наконец беспокоить собутыльников. Сначала им так приятно быть с тобой, слушать, как ты поешь, девочки так польщены твоим вниманием, что любое твоё желание для них — закон. И совершенно разные люди угощают тебя водкой и идут за тобой, сами не зная куда. Ты увлекаешь их по своей колее — праздничной, безумной и шумной. Не всегда наступает время, когда наконец, уставшие, протрезвевшие, они видят, что вся эта свистопляска оборачивается кошмаром. Ты становишься неуправляем, твоя удесатеренная водкой сила пугает их, ты уже не кричишь, а воешь. Мне звонят, и я еду тебя забирать... После двух дней пьянки твое тело начинает походить на тряпичную куклу. Голоса почти нет — одно хрипенье. Одежда превращается в лохмотья».

В те дни 71-го, когда Владимир Высоцкий взлетал на вершину успеха на сцене Таганки и падал в грязь, безумствуя в пьяном угаре, в Москве медленно угасал от той же страшной болезни опальный Александр Твардовский. Видевшая его в те дни В. Герасимова вспоминала: «Серым

февральским днем я пошла к Твардовскому. Как страшно он изменился сравнительно даже с недавним временем! Одутловатое, бескровное лицо и какие-то белые глаза. Даже руки казались налитыми той же серой жидкостью, что и лицо. От былой ладности тоже ничего не осталось. Только серые, теперь поредевшие волосы были по-прежнему по-крестьянски откинута назад. И по-прежнему был заметен выпуклый, высокий лоб. Так же как Фадеев, он был снедаем недугом, некогда грустно именовавшимся «русской болезнью». Об этом недуге замечательного поэта близко знавший его писатель Ю. Трифонов писал: «Горе Александра Трифоновича, горе близких ему людей и всех, кто любил его, заключалось в вековом российском злосчастьи: многодневном питии. Это было то, что вкупе с врагами Александра Трифоновича — отнимало у него силы в великой борьбе, почти в одиночку, которую он вел в последние годы. «России веселие есть питие» — в этой легендарной премудрости, столь годной для гусарских пиров и одинокого пьянства, скрыта, если вдуматься, тысячелетняя печаль. Дачники Красной Пахры тщеславились перед знакомыми: «Заходит ко мне на днях Твардовский...», «Вчера был Александр Трифонович, часа три сидел...» Господи, да зачем заходил? И с тобой ли, дураком, сидел три часа или с тем, что на столе стояло? Один дачник, непьющий, признался мне, что всегда вписывает в продуктовый заказ бутылку «Столичной» «для Трифоныча».

— А ты не заказываешь? Напрасно, напрасно. Всегда должна быть бутылочка в холодильнике.

У меня такого распорядка не было и не могло быть, ибо никак я не мог для себя решить: что правильно? Раздуть пожар или пытаться погасить? Правильней, конечно, было второе, да только средств для этого правильного ни у меня, ни у кого бы то ни было не доставало. Пожар сей гасился сам собой — течением дней. Мария Илларионовна, супруга поэта, однажды сказала: «Он все равно найдет. Уж лучше пусть у вас, и мне спокойней». И верно, находил — хоть на фабрике, хоть в деревне».

Морозным декабрьским днем 1971 года Александра

Твардовского не стало. Было ему в ту пору всего 61 год. И хотя получил он в тот год Государственную премию СССР, но всякому разумющему было понятно, что сделано это было властями не от любви и почитания к нему, а только в силу лицемерия этих властей, отлучивших сначала человека от его любимого дела, приблизив тем самым его смерть, а теперь не желавших брать вину за это на себя.

На тех декабрьских похоронах был и Юрий Любимов, впервые за эти годы отменивший всякие репетиции в театре.

А за три месяца до этого, 1 сентября 1971 года, в той же Москве тихо скончался 77-летний Никита Сергеевич Хрущев. Сын его, Сергей, рассказывал: «Никита Сергеевич умер в субботу утром, и в течение всего этого дня мы вообще не знали, что будет дальше. Как и где его будут хоронить, нам сообщили только вечером. Очевидно, именно тогда выработывалась последующая «модель» похорон. Приехавший вечером чиновник сообщил нам, что, поскольку Никита Сергеевич в момент смерти являлся рядовым пенсионером, то и похороны должны быть совершенно рядовыми, семейными. Место выделено на Новодевичьем кладбище, и мы можем на следующий день посмотреть его. Утром я отправился на кладбище, и мне показали уже вырытую могилу в глухом уголке. Я тогда спросил: «Нельзя ли поменять место, похоронить его поближе к входу?». «Нет, — сказали, — нельзя». Тогда я попросил подобрать место хотя бы поближе к центральной аллее. На это мне разрешение было дано. На новом месте была вырыта могила, в которой мы и похоронили отца. А первоначальная оставалась некоторое время незанятой, а потом и она обрела своего вечного постояльца — в нее опустили гроб с телом Александра Трифоновича Твардовского».

В тот год в нашей стране смерть собрала обильную жатву. 29 июня страну потрясла страшная космическая катастрофа, равной которой еще не было: при возвращении на Землю погибли летчики-космонавты Георгий Добровольский, Владислав Волков, Виктор Пацаев. Владимир Высоцкий на это событие откликнулся стихами:

Я б тоже согласился на полет,
 Чтоб приобрести блага по возвращеньи! —
 Так кто-то говорил. — Да, им везет!..
 Так что ж ОН скажет о таком везеньи?
 Корабль «Союз» и станция «Салют»,
 И Смерть в конце, и Реквием — в итоге...
 «СССР» — да, так передают
 Четыре буквы — смысл их дороги.
 И если ОН живет на небеси,
 И кто-то вдруг поднял у входа полог
 Его шатра, быть может, он взбесил
 Всевышнего —
 Кто б ни был — космонавт или астролог...
 Для скорби в этом мире нет границ,
 Ах, если б им не быть для ликования!
 И безгранична скорбь всех стран и лиц, —
 И это — дань всемирного признанья...

Но не все было столь мрачно в году 1971-м. 17 апреля дочь Генерального секретаря ЦК КПСС Галина Брежнева сочеталась очередным браком с безвестным тогда офицером милиции Юрием Чурбановым. Через несколько дней после этого события он получил в подарок звание полковника МВД и от собственного могущественного тестя — роскошную «Шкоду-1000». Правда, в тот же день машина эта была сдана в комиссионный магазин, но потеря эта тут же компенсировалась новым подарком от тестя — новеньким «Рено-16».

Этот же год стал годом начала массового отъезда советских евреев из страны. А началось все 24 февраля, когда двадцать четыре московских еврея захватили здание приемной Президиума Верховного Совета СССР на Манежной площади. Один из «захватчиков», инженер Эфраим Файнблюм, подал в окошечко приемной петицию с требованием открыть еврейскую эмиграцию из СССР. Через полчаса вся Манежная площадь была запружена бронетранспортерами, а у входа в здание дежурили офицеры КГБ. Все радиостанции мира уже трезвонили о сумасшедшем поступке доведенных до отчаяния московских евреев. И 1 марта всех их незамедлительно отправили из СССР. Начинался великий исход евреев из страны, о котором Владимир Высоцкий (ев-

рей по отцу) напишет гениальную песню «Мишка Шифман».

По высочайшему повелению в КГБ СССР тут же был создан Еврейский отдел в 5-м Идеологическом управлении. Его влияние тут же ощутили на себе многие советские евреи и первым из них — Александр Галич. 29 декабря, не без влияния КГБ, он был изгнан из Союза писателей СССР.

Еврейская эмиграция из СССР стала закономерным итогом усиливающегося великодержавного настроения в стране, как в низах общества, так и на самом его верху. Демографическое оттеснение русских на задний план в стране, где им принадлежала верховная власть, не могло пройти бесследно для евреев, хотя их вина в этом отсутствовала. Просто евреи всегда и везде выступали в качестве козлов отпущения.

Всеобщая ностальгия по Сталину, охватившая советское общество с конца 60-х годов, а в начале 70-х обретшая свое реальное воплощение в многочисленных мемуарах военных, фильмах, где личности «вождя всех народов» возвращалось былое величие, все это говорило об усилении в советском обществе имперских настроений, возрождении русского национализма. И это возрождение не могло сулить советским евреям ничего хорошего. После арабо-израильской войны 67-го года, когда Советский Союз занял анти-израильскую позицию, это стало ясно окончательно.

В конце 60-х, а точнее — весной 1968 года в коммунистической Польше руками ее руководителей, и не без подсказки из Москвы, началось массовое изгнание евреев. Для Москвы это был своего рода эксперимент по отработке и проведению в будущем у себя на родине подобного мероприятия. Василий Шукшин, бывший до самой своей смерти ярым русским националистом, в дни изгнания евреев из Польши в разговоре по пьянке с двоюродным братом Высоцкого Павлом Леонидовым откровенно говорил: «Они, бля, — мудаки. Им же ихний Маркс говорил чего-то насчет того, что евреи в каждом деле — дрожжи, но марксисты эти сраные не верят Марксу, потому как он сам еврей. Я так ду-

маю: евреев надо иметь в любой стране по определенной норме. Скажем так: на сто прочих — одного жида. Ты не обижаешься? Я же любя. Хотя меня и считают антисемитом, хотя я и есть антисемит, но говорю дело. Ты думаешь, что антисемит не может про евреев дело говорить? Может... Ты запомни — польские мудаки евреев погнали не без наших отечественных долбоебов. Это наши долбоебы эксперимент проделывают: как оно повернется без жидов, а повернется хуже некуда, потому валить не на кого будет — раз, и еще ихних баб оплодотворять некому будет... Все нации внутри себя кровосмешаются, а тут жида — не хочется ль вам пройтиться там, где мельница вертится? Под подол, в кусты, и готов гибридик, помесь жучки с внучкой. Вот ты попомни, наши пиздорванцы с мавзолейчика наделают еще дел. То кукуруза, то евреи, то спутники, мать их за ногу...»

Эти самые, по выражению В. Шукшина, «с мавзолейчика» к началу 70-х действительно «наделали делов» — открыли еврейскую эмиграцию из страны. Прделано это было по подсказке русофилов из Политбюро, которые прекрасно знали слабое место своего генсека. Ведь жена Леонида Брежнева, Вероника Петровна, была еврейкой, а так как у евреев национальность считается по матери, то, стало быть, и дети Генерального секретаря считались евреями. Вот и согласился Леонид Ильич «открыть двери» для желающих уехать из страны. Тут еще и разрядка в международных отношениях со странами Запада подоспела, а она требовала каких-нибудь показательных действий со стороны кремлевских руководителей.

В силу прежде всего своего дворового воспитания Владимир Высоцкий никогда не мог стать и не стал националистом. Ему было глубоко чуждо и омерзительно деление людей по национальному признаку, это была его твердая жизненная позиция и кредо. К антисемитизму Высоцкий относился с отвращением и с... присущей ему иронией. Его песня «Антисемиты», написанная еще в 1963 году, наглядно это показывает. В чем только не обвиняет герой этой песни бедных евреев, выводя в конце своих размышлений убийственное обвинение:

Я знаю, отняли они у народа
весь хлеб урожая минувшего года.

Совсем как в стародавних частушках на эту же тему:

Если в кране нет воды,
значит, выпили жида и т. д.

Владимир Высоцкий по отцу был евреем, но по еврейским обычаям таковым не считался. Да и сам он всегда называл себя русским. 4 марта 1962 года писал своей жене из Свердловска: «Я — Высоцкий Владимир Семенович, по паспорту и в душе русский...» Хотя и от еврейства своего никогда не отказывался и писал той же Л. Абрамовой в августе 66-го из Кабарды: «Я — горный житель, я — кабардино-еврейский-русский человек».

В сознание же своего народа Владимир Высоцкий прочно вошел как истинно русский певец, о его второй национальности тогда большинство слушавших его ничего не знали. В. Смехов как-то рассказывал, что однажды зимой, прогуливаясь на даче А. Вознесенского, он услышал от хозяина дачи гордые слова: «В нынешней нашей поэзии только два русских поэта — я и Высоцкий». На что В. Смехов ему заметил: «Ошибаешься, Андрей, только ты». Это открытие для А. Вознесенского было столь неожиданным, что от удивления он споткнулся и упал в сугроб.

Но вернемся в апрель 1971 года, к моменту выписки Владимира Высоцкого из больницы.

Примирение с Мариной Влади и успешное лечение, казалось бы, восстановили в Высоцком так необходимое ему душевное равновесие. К тому же в те дни в театре решалась судьба главного исполнителя в спектакле «Гамлет», премьера которого была уже не за горами, а ради этой роли Высоцкий готов был пойти на многое. «Во что бы то ни стало, но я должен ее сыграть!» — так решил для себя Высоцкий, и его упорство в достижении этой цели поражало в те дни многих. Алла Демидова вспоминала: «Высоцкий был очень увлечен работой. Сносил любые насмешки Любимова. Я поражалась терпению Высоцкого и, зная его взрывной характер, часто боялась Володиной реакции. Особенно когда на

репетициях сидела Марина Влади. Сидела она почти всегда наверху, в темноте балкона, чтобы никто ее не видел, но все все равно знали, что Марина в зале, и иногда мне казалось, что Любимов нарочно дразнит и унижает Володю при его жене, чтобы разбудить в нем темперамент, злость и эмоциональность. Володя терпел и репетировал».

Об этом же писал в своем дневнике и Валерий Золотухин: «Как Высоцкий все это выдержал — удивляюсь. Я бы Героя дал ему за такое терпение. Разве с актером можно так обращаться?»

Если коллеги Владимира Высоцкого по актерскому труду восхищались упорством Высоцкого в достижении своей цели во что бы то ни стало сыграть Гамлета, то про Юрия Любимова этого сказать было нельзя: над Высоцким он откровенно смеялся. Он и не скрывал этих своих чувств, говоря: «Как Высоцкий у меня просил Гамлета! Все ходил за мной и умолял: «Дайте мне сыграть Гамлета! Дайте Гамлета! Гамлета!» А когда начали репетировать, я понял, что он ничего не понимает, что он толком его не читал. А просто из глубины чего-то там, внутренней, даже не знаю, что-то такое, где-то, вот почему-то: «Дайте Гамлета! Дайте мне Гамлета!»

Удивительно слышать подобные слова из уст такого большого мастера, как Юрий Любимов. Надо было абсолютно не знать Высоцкого, чтобы бросать ему в лицо подобные слова. Ведь в том-то и было все дело, что роль Гамлета вызревала в нем внутренне, он шел к ней интуитивно, каким-то десятым чувством улавливая внутреннюю логику поступков датского принца. «Гамлет» и стал лучшим спектаклем Владимира Высоцкого в силу того, что Высоцкому в нем абсолютно ничего не нужно было играть, он жил в этой роли, так как судьба Гамлета была и его собственной судьбой. Как и Гамлет, Высоцкий был одинок в этой жизни, духовно никем не понимаем и по-настоящему так и не ценим. «Я один, все тонет в фарисействе». Даже символика спектакля подчеркивала духовное родство Гамлета и Высоцкого: тот тяжелый занавес, что висел на сцене, был символом ро-

ка, фатума, Дании-тюрьмы, довлеющих над Гамлетом-Высоцким.

В январе 1972 года на страницах «Литературной газеты» в статье «Трагедия: гармония, контрасты» А. Инкст писал о премьере «Гамлета» на сцене Театра на Таганке: «Гамлет в спектакле — затворник в ненавистной ему Дании, тюрьме со множеством темниц и подземелий. Герой задыхается от гнева против мира, в котором быть честным — значит быть единственным среди десятка тысяч. Зоркий, а не безумный — таков Гамлет Владимира Высоцкого, в одиночку борющийся против зла, воплощенного в короле, убийце и тиране, против всех, кто с Клавдием». Премьера «Гамлета» состоялась 29 ноября 1971 года. Вспоминая о том дне, Владимир Высоцкий позднее рассказывал: «Когда у нас в театре была премьера «Гамлета», я не мог начать минут пятьдесят, сижу у стены, холодная стена, да еще отопление было отключено. А я перед началом спектакля должен быть у стены в глубине сцены. Оказывается, ребята и студенты прорвались в зал и не хотели уходить. Я бы на их месте сделал то же самое: ведь когда-то сам в молодости лазал через крышу на спектакли французского театра... Вот так я ощутил свою популярность спиной у холодной стены».

12 января 1972 года итальянская газета «Каррьере делла сера» писала: «Живое любопытство пробудило московскую публику, часть которой с полным одобрением, другая же часть со столь же полным неприятием восприняла спектакль «Гамлет», который недавно был поставлен в Театре на Таганке. Перевод Бориса Пастернака, режиссура Юрия Любимова (последователя Брехта), главная роль доверена Владимиру Высоцкому, который, как рассказывают, провел несколько лет в сибирских трудовых лагерях. Он известен как автор песен уголовного характера, довольно популярных среди молодых людей, обменивающихся магнитофонными лентами с записью его музыки...»

Концертная деятельность Владимира Высоцкого в тот год была отмечена тремя десятками концертов в различных городах Советского Союза. Им было написано более три-

дцати произведений, среди которых: «Так дымно, что в зеркале нет отраженья», «Так случилось — мужчины ушли», «Песня у микрофона», «Есть телевизор...» и др.

Кинорежиссер А. Столпер, у которого Владимир Высоцкий семь лет назад снимался в фильме «Живые и мертвые», вновь пригласил его на съемки. Фильм носил название «Четвертый» и был экранизацией одноименной пьесы Константина Симонова. Эту пьесу уже успели к тому времени сыграть на театральных подмостках московский театр «Современник» и Ленинградский БДТ. Владимир Высоцкий в этом фильме сыграл молодого журналиста с коротким именем — Он.

Фильм этот не принесет Высоцкому никакой славы и так и останется в его кинобиографии малозначительным эпизодом. А на экранах страны в тот год шли фильмы, многие из которых вскоре войдут в золотой фонд советской кинематографии: «Джентльмены удачи», «Старики-разбойники», «Пришел солдат с фронта», «12 стульев», «Молодые», «Седьмое небо», «Русское поле», «Мировой парень», «Битва за Берлин», «Последний штурм».

1972 год

Начало 1972 года принесло Владимиру Высоцкому трагическое известие: в Париже умерла мать Марины Влади. Еще в октябре прошлого года врачи удалили ей раковую опухоль, но ее состояние не улучшилось. Все эти месяцы она была подключена к аппарату, который обеспечивал ей жизнь, но это нельзя было назвать настоящей жизнью. И Марина Влади решила на последнее.

«Когда я сообщаю тебе по телефону, что мы должны решиться отключить аппарат, который искусственно поддерживает ей жизнь, ты отвечаешь то, чего я жду: «Если жизнь — больше невозможна, зачем поддерживать ее видимость?» Мы согласны — одна из сестер и я. После долгих споров две

другие мои сестры тоже соглашаются, и мы прощаемся с мамой.

Рыдая у телефона, ты все-таки стараешься поддержать меня. В тот февраль семьдесят второго года были рассмотрены все возможные решения. Даже чтобы мне остаться в Москве с детьми. Но очень быстро мы наткнулись на непреодолимые трудности: отсутствие денег и моя работа, которую я хочу и должна продолжать. К тому же моих сестер и друзей приводит в ужас одна только мысль о возможности моего переезда в Москву. А главное — то, что мои дети, с удовольствием проводящие здесь летние каникулы, не хотели бы все-таки окончательно поселиться вдали от Франции».

В этом году на экраны страны вышел фильм А. Столпера «Четвертый», в котором Владимир Высоцкий сыграл эпизодическую роль. Это была единственная роль актера в кино за последние два года. Казалось, что в этом году ситуация должна была измениться в лучшую сторону: Высоцкого пригласили сниматься в фильме «Земля Санникова», причем в роли, наиболее характерной для него: певца и поэта Крестовского. Ему даже предложили подобрать под этот образ собственные песни, что он и сделал незамедлительно. Для фильма им были предложены режиссерам песни: «Капитана в тот день называли на «ты» и «Белое безмолвие».

Но судьба и на этот раз распорядилась иначе. Режиссер фильма А. Мкртчян вспоминает: «Пробы к фильму «Земля Санникова», где Высоцкий должен был играть Крестовского. Когда мы представили эти кинопробы на большом худсовете к/с «Мосфильм», было какое-то замешательство.

— Он вам не подходит, вы меня поняли? — сказали нам тогда спокойным и безапелляционным тоном, давая понять, что разговор окончен и это стало решением худсовета.

Узнав обо всем, Высоцкий очень огорчился и сказал, что все это он предвидел, просил меня повременить со съемками. Три дня по разным причинам мы откладывали начало съемок на Финском заливе. Вся группа ждала вестей из Мо-

сквы. На третий день Высоцкий позвонил и сказал, что все его старания тщетны».

После этой неудачи Владимир Высоцкий в письме режиссеру Станиславу Говорухину с горечью писал: «Чувствую, вырвут меня с корнем из мей любимой кинематографии, а в другую меня не пересадить, у меня несовместимость с ней, я на чужой почве не зацвету». На место Владимира Высоцкого в фильм пришел Олег Даль, но ему эти съемки жизнь не скрасили. Исследователь творчества О. Даля Н. Галаджева, вспоминая те съемки, писала: «Вышло дешевое и безвкусное шоу. Даль и Дворжецкий даже решили уйти с картины, но их уговорили довести работу до конца. Правда, потом режиссеры (Л. Попов и А. Мкртчян) отыгрались на артисте. Раз за разом они и композитор (А. Зацепин) заставляли Даля перезаписывать песни, которые поет их герой. Кончилось тем, что ему все это надоело: он сказал, что все уже спел и сыграл, и наотрез отказался что-либо переделывать. Песни в фильме озвучивал О. Анофриев, заменивший за кадром поющего актера».

В дневнике самого О. Даля об этом написано вполне откровенно:

«9 июня 1972 года. Радость идиота.

Мечты идиота. Мечты идиотов...

А мысли мои о нынешнем состоянии совкинематографа (Земля Санникова): Х и У клинические недоноски со скудными запасами серого вещества, засиженного помойными зелеными мухами. Здесь лечение бесполезно. Поможет полная изоляция!!»

Кто знает, что отпугнуло тогда высоких кинематографических начальников от приглашения Владимира Высоцкого на эту роль. Может быть, молва о нем как о пьянице и дебошире, которую сам он не спешил опровергнуть?

Между тем 16 мая 1972 года в печати появилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». Августовский номер «Советского экрана» тут же откликнулся на это постановление большой статьей под названием «Алко-

голизм — враг общества». В ней рассказывалось о последних работах советских документалистов, касавшихся в своих работах этой болезненной темы. Названия этих работ говорили сами за себя: «Алкоголь — враг ума», «Горькая хроника», «Преступление», «В твоих руках жизнь», «Две привычки», «Чрезвычайное происшествие», «Лишняя рюмка», «Дорога, ведущая только вниз». А 28 июня председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР А.А. Романов издал указ «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма средствами кино».

Неудача с фильмом «Земля Санникова» была не последней для Владимира Высоцкого в тот год. Его также «прокатали» и с утверждением на главную роль в фильме «Высокое звание» по сценарию В. Фрида и Ю. Дунского. Но здесь логика высоких начальников была понятна: Высоцкому предназначалась роль советского маршала, а это для руководителей совкино был нонсенс. Поэтому роль маршала в этом фильме сыграл Евгений Матвеев, который во всем соответствовал образу положительного героя, что через четыре года позволит ему воплотить на экране самого Леонида Брежнева в фильме Юрия Озерова «Солдаты Свободы».

Но не все было столь грустным в кинематографической судьбе Владимира Высоцкого в тот год. Потеряв роли в фильмах «Земля Санникова» и «Высокое звание», Высоцкий приобрел гораздо большее: режиссер Иосиф Хейфиц пригласил его на роль фон Корена в фильме «Плохой хороший человек», экранизации повести А.П. Чехова «Дуэль». Правда, и на эту роль В. Высоцкого долго не утверждали, но в дело вмешались космонавты, и чиновничья стена была пробита. В. Высоцкого на роль утвердили. Главным партнером Высоцкого в этом фильме был Олег Даль.

Эта работа для обоих актеров была одной из лучших в их такой сложной и драматичной кинематографической карьере. Вспоминая о тех съемках, И. Хейфиц писал: «Олег очень любил Высоцкого. Он любил его как человека, любил, может быть, не его актерское творчество, но его личность, его поэзию, его песни...

«Плохой хороший человек» — один из самых любимых моих фильмов. К сожалению, он мало шел на экранах. Какой-то чиновник сказал: «Народу это вряд ли будет интересно».

По словам И. Рубановой: «Из всех «черных характеров», сыгранных В. Высоцким, фон Корен, пожалуй, самый «черный». Высоцкий как-то признался, что существенной подсказкой в работе над этой ролью для него стало замечание Ильи Эренбурга. Эренбург говорил: «От лютой ненависти фон Корена к человеческой слабости, от фанатического почитания деловитости ведет короткая прямая к Гитлеру...»

Если слабый Лаевский бездельничает и пьет, не надеясь что-либо изменить в существующем положении вещей, то сильный фон Корен видит путь к перестройке жизни в том, чтобы уничтожить всех слабых, бездеятельных и распущенных».

Удивительно, но, создавая на экране волевой и негибемый образ фон Корена, в жизни Владимир Высоцкий так часто «не добирал» до всего этого. Может быть, эта роль и стала одной из лучших ролей в послужном списке актера из-за того, что Высоцкий, не имея сил в реальной своей жизни стать столь целеустремленным и волевым, получил возможность воплотить эти черты хотя бы на экране и отдался этому с упоением.

Концертная деятельность Владимира Высоцкого в том году была отмечена сорока концертами. Из-под его пера вышли такие произведения, как: «Мы возвращаем Землю», «Канатоходец», «Козел отпущения», «Честь шахматной короны», «Черные бушлаты», «Расстрелянное эхо», «Как по Волге-матушке...» Стихотворение «Жил-был один чудак» Владимир Высоцкий посвятил Александру Галичу, гонения на которого в том году не ослабевали. Если в декабре 71-го его исключили из Союза писателей, то в январе 72-го он был исключен и из Союза кинематографистов. Ему умышленно создавали условия для того, чтобы он побыстрее покинул пределы страны. Но Галич держался. Тем временем поэт Иосиф Бродский, отсидевший в 60-х свой срок, 4 июня

1972 года навсегда покинул родину. В том же июне исключили из рядов КПСС фронтовика Булата Окуджаву за то, что тот не осудил выхода на Западе в издательстве «Посев» сборника собственных произведений.

В июле 1972 года судьба посылает Владимиру Высоцкому еще одно предупреждение: смерть вырывает из жизни его друга клоуна Леонида Енгибарова, причем день его смерти выпадает на то же число, на которое через восемь лет придется и смерть Владимира Высоцкого, — 25 июля.

В мемуарах Марины Влади есть об этом строчки: «Однажды тебе звонят, и я вижу, как у тебя чернеет лицо. Ты кладешь трубку и начинаешь рыдать, как мальчишка, захлеб. Я обнимаю тебя, ты кричишь:

— Енгибаров умер! Сегодня утром на улице Горького ему стало плохо с сердцем, и никто не помог — думали, что пьяный!

Ты начинаешь рыдать с новой силой.

— Он умер, как собака, прямо на тротуаре!

В тот год Леониду Енгибарову было всего 37 лет. Сразу после его смерти Владимир Высоцкий написал два стихотворения, посвященные его светлой памяти: «Шут был вор, он воровал минуты» и «Я шагал вперед неутомимо». В 1975 году Алла Пугачева начнет свою триумфальную карьеру на эстраде с песней «Арлекино», посвятив ее Леониду Енгибарову.

В августе 1972 года вместе со съемочной группой фильма «Четвертый» В. Высоцкий и М. Влади приезжают на Рижское взморье, в Кемери. Свидетельница тех событий жена киноактера Евгения Моргунова Наталья Моргунова вспоминает: «Высоцкий и Влади жили в кемпинге, очень уединенно. В отличие от многих курортников, они, например, одевались совсем просто. Он — в джинсах и какой-то рубашке с отложным воротничком, она — в ситцевых хорошо сидящих, но не ярких платьях, совсем не желающая выделяться нарядами, показать себя во всей красе. Ей это и не нужно было, она все равно была королевой — Марина Влади. Прической тоже не занималась: днем закалывала волосы

в смешной и милый хвостик, а когда они вдвоем направлялись вечером в Дубулты — поднимала все волосы вверх и становилась похожей на Нефертити, на современную Нефертити со своей лебединой шеей, необыкновенной грацией и своеобразной красотой. Дубулты — это Дом творчества писателей, под крышей которого собиралось общество живущих и в этом Доме, и во всей округе — литераторы, кинематографисты. В то время там отдыхали Шукшин, Параджанов. Параджанов много интересного рассказывал, собирал слушателей, сверкал речами и глазами. Шукшин — молчал. Все свои эмоции, как говорили, он выражал ночами на бумаге: много писал там. А Высоцкий тоже молчал — не пел, не говорил. Но совсем по другой причине. Да, по утрам он пел — Марине. Он был поглощен Мариной. Иногда, когда они где-нибудь вместе сидели, он клал ей подбородок на плечо, и они замирали в чем-то своем, серьезном и значительном, и это было трогательно. Нет, он совсем в Риге не пил...»

Отдохнув на Рижском взморье, Высоцкий и Влади возвращаются в Москву. Отсюда Влади улетает в Париж. И вновь, как и в прошлые годы, оставшись в Москве в окружении друзей-собутельников, Высоцкий в середине сентября пускается в очередной загул. Тем временем на голову Марины Влади обрушивается еще одно несчастье, не менее страшное, чем недавняя смерть матери: ее старший сын убегает из дома и связывается с наркоманами. Влади буквально разрывается между сыном-наркоманом и мужем-алкоголиком.

Трудно понять, почему Владимир Высоцкий вновь запил в том сентябре, ведь он больше года держал форму и не брал в рот спиртного. Он был занят в театре в замечательных спектаклях «Галилей» и «Гамлет», снимался в кино у замечательного режиссера И. Хейфица. И вдруг — срыв и новое «этиловое безумие». Может быть, происходило это от чрезмерной перегруженности мозга и тела, от желания забыться и снять нагрузки самым верным и испытанным многократно способом? Ведь не случайно Михаил Шемякин, близко знавший Высоцкого, писал: «Он не был алкоголи-

ком. Все его нагрузки по накалу точно совпадали — он безумствовал, когда он пьянствовал, но когда он работал, то нагрузки, которые он нес, тоже были колоссальными! Это были супернагрузки!»

После нового запоя Владимира Высоцкого вновь положили в больницу на четыре дня. Удивительно, но эта изоляция благотворно сказалась на творческом потенциале Высоцкого: находясь в больнице с 15 по 19 сентября, он написал одну из самых своих выдающихся вещей: песню «Кони привередливые!» Тем самым он как бы повторил путь С. Есенина, который 28 ноября 1925 года, находясь в психиатрической больнице, написал шедевр — «Клен ты мой опавший». Уж не прав ли был Аристотель, заметивший, что Марк Сиракузский писал хорошие стихи, пока был маньяком?..

После того как Высоцкого выписали из больницы, внутреннее состояние его все же оставляет желать лучшего. 9 октября он жалуется В. Золотухину: «Я не могу, я не хочу играть. Я больной человек. После спектаклей я ночь не сплю, не могу прийти в себя, руки дрожат, трясет. Я схожу с ума от перегрузок. Я помру когда-нибудь, у меня нет сил. Хочется на время бросить театр, пописать...»

Но даже несмотря на подобное состояние, Высоцкий в середине октября улетает в Киев, где дает несколько концертов в Институте ботаники и на заводе имени Антонова. Кажется, что он использует любую возможность, чтобы хотя бы на время сменить обстановку, вырваться из Москвы, где от друзей-собутельников нет отбоя. Но поездки внутри страны мало способствуют смене настроения, за Высоцким следуют нелепые сплетни о нем, пересуды о его загулах. А ведь еще год назад им была написана песня — ответ досужим болтунам:

Я все вопросы освещу сполна —
 Дам любопытным удовлетворенье!
 Да! У меня французенка жена —
 Но русского она происхождения.
 Нет, у меня сейчас любовниц нет,
 А будут ли? Пока что не намерен.
 Не пью примерно около двух лет.
 Запью ли вновь? Не знаю, не уверен...

Высоцкого манит мир, влекут Нью-Йорк и Париж, город, где живет его законная жена и куда ему почему-то путь заказан. До получения заграничной визы остается чуть меньше полугода.

1973 год

Начало 1973 года не принесло Владимиру Высоцкому ничего утешительного: душевное и физическое состояние его, как прежде, на пределе.

1 февраля он откровенно признается В. Золотухину: «Я все время в антагонизме ко всему, что происходит... Меня раздражает шеф, артисты, я раздражаюсь на себя. Я дико устаю...»

В том месяце завершилась работа над фильмом «Плохой хороший человек» И. Хейфица, в котором Высоцкий сыграл одну из главных ролей. Между делом Высоцкий с 4 по 7 февраля слетал в Новокузнецк, где дал 7 концертов в местном драматическом театре имени С. Орджоникидзе. Кто бы мог тогда подумать, что эхо от этих концертов вызовет настоящую бурю в Москве.

Прилетев в Москву отнюдь не в самом хорошем состоянии, Высоцкий не находит ничего лучшего, как вновь пуститься в загул. Ю. Любимов в отместку за это выводит его из роли в спектакле «Послушайте!», а Высоцкий только рад такому повороту событий. Работой в театре он тяготится с каждым днем все более и более.

Уставшая от загулов мужа Марина Влади, прилетев в Москву, ставит перед ним последнее условие: если он хочет, чтобы они оставались вместе, если он не хочет своей преждевременной гибели где-нибудь под забором или в пьяной драке, если он в конце концов хочет получить визу для выезда из страны — он обязан пойти на такое средство, как вшивание в себя «торпеды», или «эсперали». Это венгерское изобретение, капсула, вшиваемая в вену человека, и если больной принимает в себя даже незначительное количество алкоголя, тут же возникает тяжелейшая реакция, могущая

привести к смерти. Менять такую капсулу следовало через десять лет, так как она ржавела и изнашивалась. Но для Высоцкого Марина Влади привезла из Франции «вечную» капсулу — платиновую.

Вшивание произошло в домашних условиях, и Влади в своих воспоминаниях описывает это так: «Однажды мне случается сниматься с одним иностранным актером. Он, видя, как я взбудоражена, и поняв с полуслова мою тревогу, рассказывает, что сам сталкивался с этой ужасной проблемой. Он больше не пьет вот уже много лет, после того как ему вшили специальную крошечную капсулку...»

Естественно, ты должен решить все сам. Это что-то вроде преграды. Химическая смирительная рубашка, которая не дает взять бутылку. Страшный договор со смертью. Если все-таки человек выпивает, его убивает шок. У меня в сумочке — маленькая стерильная пробирка с капсулками. Каждая содержит необходимую дозу лекарства. Я терпеливо объясняю все это тебе. В твоём отеке лица мне знакомы только глаза. Ты не веришь. Ничто, по-твоему, не в состоянии остановить разрушение, начавшееся в тебе еще в юности. Со всей силой моей любви к тебе я пытаюсь возражать: все возможно, стоит только захотеть, и, чем умирать, лучше уж попробовать заключить это тяжелое пари... Ты соглашаешься.

Эта имплантация, проведенная на кухонном столе одним из приятелей-хирургов, которому я показываю, как надо делать, — первая из длинной серии...

Иногда ты не выдерживаешь и, не раздумывая, выковыриваешь капсулку ножом. Потом просишь, чтобы ее зашили куда-нибудь в менее доступное место, например, в ягодицу, но уже через несколько дней ты уговариваешь знакомого хирурга снова вынуть ее. Тебе ничто не мешает просто отказаться от этого принуждения, но после очередного срыва ты каждый раз возвращаешься к принятому решению.

Та, первая, имплантация, проведенная Высоцкому в начале года, была достаточно успешной: на долгое время он перестал пить.

Как это ни удивительно, но Владимир Высоцкий и здесь шел нога в ногу с Олегом Далем. В своем откровенном дневнике последний писал:

«1 апреля 1973 года. Первая вставка в правую половинку жопы (2 года и пять месяцев)».

Окрыленные столь неожиданным успехом в борьбе с болезнью, Высоцкий и Влади решаются наконец подать документы для оформления выезда Высоцкого за границу. Случилось это в самом начале марта. После подачи прошения потянулись долгие дни тревожных ожиданий. Вспоминая о тех днях, Марина Влади пишет: «Время твоего отпуска приближается. «Они» могут протянуть дело до того момента, когда у тебя снова начнется работа в театре. Этот трюк часто используется администрацией, какой бы, впрочем, она ни была. Ты буквально кипишь, ты не можешь писать, ты не спишь, и если бы не эспераль, я опасалась бы запоя...»

Видимо, опасаясь того же, Высоцкий эти дни ожиданий заполняет концертами: 16 марта он выступает в городе Жданове, затем дает концерты в Новокузнецке, Ленинграде, Ташкенте.

В один из весенних дней кто-то из их доброжелателей сообщил им наконец, что визы ждать бесполезно. Но Влади предпринимает последнюю отчаянную попытку и приводит в движение свои французские связи. Ведь она член Французской коммунистической партии, и дело доходит до самого Жоржа Марше. Тот звонит своему давнему приятелю Леониду Брежневу. Еще одно усилие — и согласие наконец получено. В один из дней специальный курьер приносит в дом Владимира Высоцкого заграничный паспорт и по всем правилам оформленную визу.

Что же изменилось в отношении властей к Высоцкому весной 1973 года, если они наконец решились выпустить его на Запад? Объяснялось ли это тем, что артист стал покладистее к властям, или здесь все-таки действовали иные, более глубокие причины, невидимые простому глазу? Не секрет, что решающее слово в получении Высоцким долгожданной визы было за Комитетом государственной безо-

пасности, под надзором которого находились все передвижения советских граждан (тем более такого, как Высоцкий) за пределы страны. Значит, давая «добро» на отъезд Высоцкого, человека малопредсказуемого с точки зрения поведения, чекисты, отвечающие за него, брали на себя определенную долю ответственности за этот свой поступок. Ведь в случае возникновения на Западе какого-нибудь скандала, связанного с именем Высоцкого, эти люди могли понести самую суровую ответственность. Инцидент шестилетней давности, связанный с внезапным для КГБ отъездом на Запад Светланы Аллилуевой, послуживший причиной для заката карьеры бывшего шефа КГБ Владимира Семичастного, еще не успел выветриться из памяти чекистов. Другое дело, если бы люди, отпускаящие Высоцкого за границу, были уверены, что тот, под влиянием определенных факторов, стал более управляем и предсказуем и сумеет сдержать свой необузданный нрав. Ведь в своем письме, которое он напишет в июне этого года на имя члена Политбюро, секретаря ЦК Петра Демичева, Высоцкий будет клясться в своей лояльности к существующей власти: «мое граждански ответственное творчество», «я хочу поставить свой талант на службу пропаганде идей нашего общества». Не было секретом для чекистов и то, что Высоцкий наконец-то «зашился», а значит, впервые всерьез подумал о своем будущем.

Только вряд ли все эти нюансы в биографии Высоцкого могли так быстро усыпить бдительность вечно державших ухо остро лубянских товарищей. Были они людьми не глупыми и уже тогда прекрасно понимали, что стало представлять из себя такое явление, как ВЫСОЦКИЙ, чего от этого явления можно ожидать в дальнейшем. Поэтому единственным сильным желанием кураторов Высоцкого от КГБ было желание поскорее избавиться от него, сделать так, чтобы он, по примеру тех же диссидентов, выбирая между Родиной и Западом, выбрал последнее. По всей вероятности, в этом тайном желании чекистов и кроется объяснение парадоксального факта, когда в марте 1973 года затевается кампания травли Высоцкого через газету ЦК КПСС «Советская

культура», а буквально в те же дни ему на руки выдают визу и отпускают за границу. Не грела ли разрешающих товарищей мысль о том, что выведенный из себя новой травлей Высоцкий примет решение остаться на Западе?

Задумываясь над проблемой взаимоотношения органов КГБ и Высоцкого, невольно задаешь себе вопрос: с какого именно периода личность Владимира Высоцкого попала в поле зрения оперативной разработки КГБ? Не с того ли момента, когда он стал завсегдатаем квартиры Левона Кочаряна? Ведь сборища подобного рода не могли остаться без внимания со стороны такого ведомства, как КГБ.

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию — имя — отчество
Прекрасно знали в КГБ.

Так пел Владимир Высоцкий еще в 1961 году, в том году, когда к руководству КГБ пришел Владимир Семичастный, бывший лидер союзной комсомолки, прославившийся в 1958 году своей грозной речью против Бориса Пастернака. Во времена, когда КГБ возглавлял Владимир Семичастный, чекисты не упускали из поля своего зрения представителей различных творческих союзов и весьма плотно опекали их во всех местах их обитания, будь то стены родной творческой организации или стены чьей-то частной квартиры, где за рюмкой-другой горячительных напитков языки у людей развязывались сами собой. Кое-кого из «знаменитостей» того времени лично «вел» председатель КГБ. Бывший в то время главным редактором «Комсомольской правды» Борис Панкин вспоминал, что когда он в 67-м в Переделкино в тесном кругу членов Бюро ЦК ВЛКСМ встречал Новый год, то с ними находился и Семичастный, который в пылу откровения заявил: «У меня есть на Лубянке три комфортабельные камеры — с ванной, с телевизором, даже с письменным столом, которые я берегу для трех главных редакторов: Твардовского, Полевого и Панкина».

Высоцкий, попав в поле зрения КГБ как исполнитель собственных песен далеко не невинного характера, в 1964

году стал к тому же и актером нового театра, который отныне в анналах КГБ занимал отнюдь не последнее место.

После того как в мае 1967 года на место председателя КГБ пришел «интеллектуал» Юрий Андропов, делу надзора за представителями творческой интеллигенции было придано еще более серьезное значение. Стараниями нового председателя в недрах КГБ возникло новое управление (Идеологическое), получившее порядковый номер — 5. К этому времени Высоцкий уже приобрел прочную славу идеологически не выдержанного «объекта», и надзор за ним со стороны руководства КГБ был усилен. Склонность артиста к чрезмерным возлияниям в комитете только приветствовалась, и кто знает, не было ли среди случайных собутыльников Высоцкого подсадных уток с Лубянки.

Несколько позднее министр культуры СССР Петр Демичев напишет о Владимире Высоцком строки, объясняющие многое в отношении властей к неуголному артисту: «На творческой судьбе, поведении и умонастроении Высоцкого пагубно сказались его идейная незрелость, а также личные моменты, как брак с французской актрисой М. Влади, приверженность к алкоголизму, что усугубляло его душевную драму и раздвоенность, приводило к духовному и творческому кризису».

В архивах знаменитого 10-го отдела 5-го Управления КГБ, занимающегося надзором за советской интеллигенцией, наверняка до сих пор хранятся подробные отчеты агентов, наблюдавших за Высоцким. И кто знает, может быть, в скором времени отчеты эти будут рассекречены и глазам нашим предстанут строки сродни тем, что уже появились в нашей печати в последнее время:

«От агента «Алексеева» получен сигнал о том, что поэт А. Еременко передал рукопись в издательство «Советский писатель» для возможного опубликования.

От агента «Кларина» получена информация об идейно незрелых моментах в творчестве эстрадных драматургов М. Жванецкого и М. Городинского. Материалы направлены в 5-ю службу КГБ по Москве и Московской области.

От агента «Кларина» получена рецензия на расшифрованную запись неофициального концерта политически незрелого содержания М. Задорнова. Материалы используются при подготовке профилактики М. Задорнова.

В отношении профилактированного Московской писательской организацией по нашим материалам в связи с провозом идейно вредной литературы члена СП СССР Б. Окуджавы проведены мероприятия по его изучению в период пребывания в заграникомандировке в Италии. Изучение проводилось через возможности резидентуры и через агента «Александрова», выезжавшего вместе с Б. Окуджавой в качестве сопровождающего. По нашей просьбе УКГБ БССР по Брестской области организован тщательный таможенный досмотр Б. Окуджавы.

Проводились ОТМ (оперативно-технические мероприятия — «слежка») в отношении режиссеров Ю. Карасика, Э. Лотяну, Г. Панфилова, В. Меньшова, которые, по оперативным данным, пытались осуществить организационную негативную деятельность.

От доверенного лица «ГАИ» получена информация о контактах гл. балетмейстера ГАБТ СССР Ю. Григоровича с отщепенцами Барышниковым и Макаровой с целью пригласить их для участия в Международном форуме деятелей культуры. Доложено руководству КГБ.

От агента «Светло» получено сообщение о попытках режиссера и актера Театра сатиры А. Миронова спровоцировать события в спектакле «Тени» по пьесе Салтыкова-Щедрина на события сегодняшней действительности. Информация доложена руководству.

В качестве агента органов КГБ СССР завербована актриса театра «Современник-2» — Евгения Рюмина...

Согласно указанию руководства Управления, составлена справка в отношении политически неверных акцентов, допущенных в спектакле Театра им. Ленинского комсомола «Диктатура совести» отдельными актерами, в числе которых О. Янковский».

Между тем радость Владимира Высоцкого от получения

заграничной визы могла показаться преждевременной. 30 марта газета ЦК КПСС «Советская культура» поместила на своих страницах письмо журналиста из Новокузнецка М. Шлифтера, в котором тот описывал февральские гастроли Высоцкого в своем городе. Шлифтер писал: «Поет он с хрипотцой, тусклым голосом, но, безусловно, с душой... Едва ли не на второй день пребывания Владимира Высоцкого в Новокузнецке публика стала высказывать и недоумение, и возмущение. В. Высоцкий давал по пять концертов в день... Подумайте только: пять концертов! Обычно концерт длится час сорок минут (иногда час пятьдесят минут). Помножьте на пять. Девять часов на сцене — это немыслимая, невозможная норма! Высоцкий ведет весь концерт один перед тысячью зрителей, и, конечно же, от него требуется полная отдача физической и духовной энергии. Даже богатырю, Илье Муромцу от искусства, непосильна такая нагрузка!»

В своем комментарии к этому письму «Советская культура» писала: «Директор театра, нарушив все законы и положения, предложил исполнителю заключить «коммерческую» сделку, а артист, нарушив всякие этические нормы, дал на это согласие, заведомо зная, что идет на халтуру».

В этом комментарии вся подноготная конфликта была вытянута наружу: Высоцкого объявили рвачом, погнавшимся за длинным рублем, откровенным халтурщиком. Это была типичная позиция чиновников от культуры, всегда считавших артистов капризным сословием, непременно требовавшим больше, чем они того заслуживали. Впрочем, такова позиция всех чиновников в любой сфере деятельности, позиция людей, привыкших жить за чужой счет. Вспомним окрик зав. актерским отделом «Мосфильма» Гуревича на Олега Даля: «Вы — рвач! Вам только деньги нужны». Разве можно себе представить подобное отношение к актеру подобного уровня где-нибудь во Франции или в том же Голливуде? А если и возможно себе это представить, то легко предположить, кто из двух участников подобного конфликта останется после этого на своем служебном месте. Гуревичей миллионы, а Олег Даль был один.

Но в нищей нашей стране все было поставлено с ног на голову. Особенно в те времена, когда любое обвинение в рвачестве, в погоне за длинным рублем, брошенное человеку, а тем более артисту, могло надолго испортить ему карьеру. А ведь на тех новокузнецких концертах во время одного из выступлений у Высоцкого пошла горлом кровь, но он не отменил своих выступлений и продолжал играть. Только теперь за кулисами постоянно находился дежурный врач. Свидетель тех мартовских дней Юнона Карева позднее вспоминала: «Володя позвонил и сказал, что мне обязательно надо посмотреть «Гамлета». Я приехала и, как договорились, позвонила Нине Максимовне, потому что застать его дома было невозможно, а маме он звонил через каждый час. И Нина Максимовна передала, что Володя будет ждать меня у служебного входа за час до спектакля... В шесть часов я была на Таганке. Сказали, что Высоцкого еще нет. Только перед самым началом подъехал шикарный «Мерседес». Из него вышел Володя. Он был весь желтый. На нем не было лица. Не глядя ни на кого, он направился прямо ко мне:

— Сегодня не ходи. Спектакль будет плохой. В любой другой день пожалуйста...

Я сквозь слезы стала что-то объяснять ему, что больше у меня не будет возможности вырваться в Москву, что я специально только на «Гамлета» приехала.

— Ну, как хочешь...

«Гамлет» поразил своей жестокостью, аскетизмом формы. Я другого ожидала, чего-то более привычного, понятного, классического, что ли...

И уходила из театра разочарованная. Вечером позвонила Нина Максимовна, чтобы узнать мое впечатление. Я сказала все, что думала, и она, кажется, обиделась и спросила, читала ли я сегодняшний номер «Советской культуры». Я не читала. А там, оказывается, была напечатана ужасная разгромная статья о Высоцком. И я поняла, почему он приехал на спектакль в таком подавленном состоянии».

Через три месяца после публикации в «Советской культуре» Владимир Высоцкий пишет свой возмущенный ответ

в ЦК КПСС. В нем он не скрывает своего понимания той ситуации, что складывается вокруг его имени: «И вот незаслуженный плевок в лицо, оскорбительный комментарий к письму журналиста, организованный А.В. Романовым в газете «Советская культура», который может послужить сигналом к кампании против меня, как это уже бывало раньше».

Высоцкий оказался прав, кампания действительно затевалась, и не против него одного. Дело в том, что в 1973 году началась настоящая «охота» на артистов с подачи чиновников из ЦК КПСС. На концертные организации налетела прокуратура в содружестве с Министерством финансов с целью организации сенсационного процесса по незаконному получению денег дельцами эстрадного бизнеса. В тот год через прокуратуру прошли все певцы, все эстрадные звезды страны. В эти жернова попал и Владимир Высоцкий.

Эхо этого скандала разнеслось далеко за пределы Советского Союза. 2 апреля 1973 года американский журналист Хедрик Смит в газете «Нью-Йорк таймс» поместил статью под броским названием: «Советы порицают исполнителя подпольных песен». В этой статье Х. Смит писал: «Москва, 1 апреля — Владимир Высоцкий, молодая кинозвезда и драматический актер, завоевавший множество поклонников среди молодежи своими хриплыми подпольными песнями, зачастую пародирующими советскую жизнь и государственное устройство, получил официальный нагоняй за проведение нелегальных концертов».

«Советская культура» — новый культурный орган Центрального Комитета Коммунистической партии (органом ЦК «СК» стала в январе 1973-го) подверг его в пятницу острой критике за нарушение правил проведения гастролей. В публикации утверждается, что он присваивал нелегальные средства от организованных частным образом концертов при попустительстве официальных лиц в провинциальных городах.

Там был только косвенный намек на то, что реальной мишенью скорее было содержание некоторых его песен, а не его концертная деятельность. В любом случае целью ата-

ки, похоже, было как свернуть его деятельность, так и уменьшить его растущую популярность.

В последние годы г. Высоцкий записывал популярные официальные хиты. Развивалась оживленная торговля магнитными лентами и компакт-кассетами с его остроумными и иногда дерзкими пародиями на советскую бюрократию, чиновпочитающее чиновничество, всепроникающее воровство из общественных учреждений и обязательную гонку поглощенных вопросами престижа лидеров за победами на мировых спортивных аренах. Эти песни часто записываются. Как говорят москвичи — на проходящих поздней ночью встречах под гитару с друзьями и поклонниками.

Он стал фаворитом культурного мира Москвы благодаря приватным вечеринкам, и даже должностные лица Коммунистической партии и государства среднего звена осторожно признают, что имеют записи некоторых из его рискованных песен.

Г. Высоцкий, которому около 40 лет, — это третий полуофициальный политический трубадур, который стал хорошо известен в последние годы. До него два писателя, Булат Окуджава и Александр Галич, были наказаны за свои сомнительные песни, г. Окуджава был исключен из Коммунистической партии в прошлом году, а г. Галич был исключен из Союза писателей, потому что он отказался дезавуировать иностранные публикации своих остросатирических произведений о сталинизме и советской политической жизни.

Большинство советских интеллектуалов находят г. Высоцкого сравнительно более умеренным, особенно когда он поет перед большими аудиториями. Тем не менее «Советская культура» указывает на официальное неодобрение некоторых из его песен, отмечая, что их «литературные достоинства не всегда одинаковы», и цитируя главу официального концертного агентства, выражающего недовольство, что его концертные программы никогда не были «одобрены и утверждены»...

Острые атаки на г. Высоцкого было направлено против его очевидно успешной практики организации концертов

вне официальных каналов, даже когда ему удавалось использовать официальные залы...»

В 1973 году впервые в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС с официальным визитом в США прибыл Леонид Брежнев. В этом же году впервые в своей жизни свободно пересек государственную границу СССР Владимир Высоцкий. С Мариной Влади они направлялись через Польшу и Восточную Германию в Западный Берлин и Париж. Марина Влади описывает это событие так: «Как только граница оказывается за деревьями, мы останавливаемся. Подпрыгивая, как козленок, ты начинаешь кричать изо всех сил от счастья, оттого, что все препятствия позади, от восторга, от ощущения полной свободы. Мы уже по ту сторону границы, которой, думал ты, тебе никогда не пересечь. Мы увидим мир, перед нами столько неоткрытых богатств!! Ты чуть не сходишь с ума от радости...»

В Западном Берлине, возле гостиницы, ты выходишь из машины, и тебе непременно хочется посмотреть город — этот первый западный город, где мы остановимся на несколько часов. Мы идем по улице, и мне больно на тебя смотреть. Медленно, широко открыв глаза, ты проходишь мимо этой выставки невиданных богатств — одежды, обуви, машин, пластинок — и шепчешь:

— И все можно купить, стоит лишь войти в магазин...

В конце улицы мы останавливаемся у витрины продуктового магазина: полки ломятся от мяса, сосисок, колбасы, фруктов, консервов. Ты бледнеешь как полотно и вдруг сгибаешься пополам, и тебя начинает рвать. Когда мы наконец возвращаемся в гостиницу, ты чуть не плачешь:

— Как же так? Они ведь проиграли войну, и у них все есть, а мы победили, и у нас нет ничего! Нам нечего купить, в некоторых городах годами нет мяса, всего не хватает везде и всегда!

Эта первая, такая долгожданная встреча с Западом вызывает непредвиденную реакцию. Это не счастье, а гнев, не удивление, а разочарование, не обогащение от открытия новой страны, а осознание того, насколько хуже живут люди в твоей стране, чем здесь, в Европе...»

...укажите мне место, какое искал,
 где поют, а не стонут, где пол не покат.
 О таких местах не слыхали мы,
 долго жить впотьмах привыкали мы.
 Испоконно мы — в зле да шепоте,
 под иконами в черной копоти...

(1974)

После Западного Берлина Высоцкий и Влади направляются в Париж. Шок от первой встречи с западным изобилием у Высоцкого, кажется, прошел, он искренне удивлен тем вниманием, какое оказывают ему друзья и знакомые его жены, он счастлив, что фотография его и Влади, сделанная во время посещения ими Каннского кинофестиваля, помещена во многих западных газетах. Закупив кучу различных подарков своим друзьям, оставшимся в Москве, Высоцкий 25 мая вернулся на родину.

Внимание, которое было оказано Высоцкому на Западе, явилось столь кратковременным, что он не успел к нему привыкнуть, а на родине его ожидало совсем иное внимание со стороны официальных властей. Количество запретов вокруг его имени и творчества не уменьшилось. В. Смехов вспоминал: «В 1973 году я должен был в сжатые сроки поставить на телевидении двухсерийный спектакль по Г. Флоберу. Руководство охотно шло на все мои предложения — по сценарию, по характеру съемок, по актерским кандидатурам. В том числе — и по поводу Высоцкого в главной роли. Однако артист был «на особом счету», и список исполнителей пошел «наверх» — за одобрением. Владимир с женой улетели в Пицунду, настало время отпусков. Через неделю мне ответили изумительно странно: участие Высоцкого разрешаем, но только в том случае, если в роли героини выступит Марина Влади...

...Хотел бы я сегодня перечесть мою телеграмму в Пицунду. Как это мне удалось смягчить обиду от столь витиеватого оскорбления «сверху». Помню лишь многословие своего объяснения и дальнейшее спокойствие Володи по

поводу репетиций пьесы без него. В главной роли в конце концов снялся Леонид Филатов».

Таким образом, требуя присутствия рядом с Высоцким его жены, чиновники от искусства злорадно намекали: пьяные выходки этой знаменитости пусть сдерживает своим авторитетом его жена. Для Высоцкого, с его гордым и независимым характером, не могло быть большего оскорбления, чем это. Тем временем подоспело окончание разбирательства по поводу февральских концертов Владимира Высоцкого в Новокузнецке: суд обязал Высоцкого выплатить 900 рублей, якобы незаконно заработанных им на «левых» концертах. 24 июня Высоцкий явился в суд и выплатил положенную сумму. Но даже несмотря на эти неприятности, душевное состояние Владимира Высоцкого, кажется, пришло в равновесие. Встретивший его в июне 73-го болгарский поэт Л. Ловчев вспоминал: «Знакомство наше состоялось в июне 1973 года. Я тогда учился в Москве. Однажды моя приятельница болгарка, тоже жившая в Москве, спросила: «Хочешь познакомиться с Высоцким?» — «Ты еще спрашиваешь!» — закричал я. И вот как-то вечером прихожу к ней и застаю моих хороших знакомых: Галину Волчек, Савву Кулиша и еще двух каких-то молодых артистов. Мы с друзьями предались общим воспоминаниям. Однако я чувствовал ужасную досаду, что Высоцкий не пришел. Через некоторое время я собрался уходить. «Правда ли, — вдруг спросил один из молодых людей, — что у вас в Болгарии очень популярен Высоцкий?» Признаться, с самого начала этот молодой человек вызывал у меня досаду, и прежде всего, вероятно, тем, что не притрагивался к спиртному. «Да, Высоцкий популярен у нас. Даже слишком!» — с вызовом ответил я. «В самом деле?» — продолжал спрашивать он. «В самом деле! Популярен, очень популярен!» После этого я отозвал хозяйку в сторону и сообщил, что уйду «по-английски», не прощаясь. Она ужасно, до слез огорчилась. «Зачем я устроила этот вечер тогда? Чтобы ты важничал и пыжился, как индюк?!» Я ответил, что рад, конечно, был встретиться со своими старыми приятелями, но пришел-то я больше ра-

ди Высоцкого». «Да ведь он рядом с тобой сидел!» — «Ну да, — парировал я, — тот, что рядом сидел, ни капли в рот не берет, а Высоцкий, как известно, выпить не дурак». — «Ничего подобного! Он теперь трезвенник!..»

Я тут же вернулся к гостям, извинился перед Высоцким за свою резкость. Все весело посмеялись».

Несмотря на мартовский выпад «Советской культуры», концертная деятельность Владимира Высоцкого в тот год складывалась неплохо. Более того, год 73-й стал пиком его гастрольной деятельности. За последние восемь лет он дал более 55 концертов в различных городах Союза, включая Москву, Новокузнецк, Жданов, Ташкент, Ленинград, Владивосток, Алма-Ату, Киев и даже Уссурийск и бухту Врангеля. В этом же году вышла пластинка-миньон с записями его военных песен: «Он не вернулся из боя», «Братские могилы», «Песня о новом времени». Его вдохновение в этом году не знает границ, и из-под его пера выходят новые песни: «Погоня», «Две судьбы», «Кто-то высмотрел плод», «Про Кука», «Там у соседа...», «Инструкция перед поездкой за рубеж» и др. За 1973 год Владимир Высоцкий написал около 60 новых произведений — рекорд, который никогда не будет им побит. Не имея возможности общаться с публикой посредством телевидения или кино, Высоцкий в полную меру использует театральные подмостки и особенно концертные выступления.

Между тем слава о Владимире Высоцком-певце достигает в тот год и берегов Америки. В США (раньше, чем у него на родине) выходят два диска-гиганта с его песнями. По этому поводу 22 ноября 1973 года газета «Русская мысль» (Париж) писала: «Силами и стараниями нескольких энтузиастов среди русских эмигрантов были выпущены в этом году две пластинки с песнями Высоцкого. Первая из них выпущена фирмой «Воис рекордз», и ее можно заказать... через газету «Новое русское слово». Стоит она пять долларов, с пересылкой.

Вторая пластинка выпущена фирмой «Коллектор ре-

кордз». В нее вошли, кстати, не только песни Высоцкого, но и песни некоторых других советских «бардов»...

Первая, как я сказал, выпущена фирмой «Воис рекордз». Это пятнадцать песен различного жанра (одна из которых, между прочим, затесалась из репертуара Галича — я имею в виду песню «Облака плывут в Колыму»). Все песни исполняются самим автором, причем четыре из них: «Песня о друге», «Братские могилы», «О новом времени» и «Кто сказал, что земля умерла» — исполняются в сопровождении оркестра и даже выпущены в Советском Союзе отдельной пластинкой...

Пластинка, выпущенная фирмой «Воис рекордз», хотя и не является, по понятным причинам, образцом высокого качества, но дает первое знакомство с Высоцким. В этом плане заслуживает еще большего уважения и внимания вторая пластинка с запрещенными советскими песнями, выпущенная фирмой «Коллектор рекордз». Пластинку эту напел талантливый грузинский актер Нугзар Шария, покинувший недавно СССР...

Для фильма С. Тарасова «Морские ворота» Высоцким были написаны четыре песни, которые должен был исполнить артист А. Васильев. Но песни эти высокое начальство на экран не пропустило. И это была не единственная неудача Владимира Высоцкого в тот год.

Написав цикл песен к фильму М. Швейцера «Бегство мистера Мак-Кинли», Владимир Высоцкий так и не смог вынести большую часть этих песен на суд зрителей. Сам он об этом вспоминал: «Я написал для этого фильма девять баллад. И даже должен был играть уличного певца, который ведет все действие картины. Работал очень серьезно. Мы даже сделали оркестровки, и я пел много раз с оркестром. Но баллады мои так и не вошли в фильм. Быть может, они кому-нибудь не понравились... Бывает, однако, что песни «не работают» с отснятым материалом фильма, не монтируются с ним. Я писал трагичные, нервные, заводные песни, а действие картины получалось задумчивое, серьезное, медленное, на мой взгляд, немножко скучное. И поэтому песни

взяли и вырезали — они никак не соответствовали фильму. Кино-то не выбросишь. А песню можно...»

Ничто так сильно не мучило Владимира Высоцкого, как официальное непризнание его творчества, которое он сам считал гражданским и патриотическим. В том же письме в ЦК КПСС летом 1973 года он писал: «Почему я поставлен в положение, при котором мое граждански ответственное творчество поставлено в род самодеятельности? Я отвечаю за свое творчество перед страной, которая слушает мои песни, несмотря на то, что их не пропагандируют ни радио, ни телевидение, ни концертные организации.

Я хочу поставить свой талант на службу пропаганде идей нашего общества, имея такую популярность. Странно, что об этом забочусь я один... Я хочу только одного — быть поэтом и артистом для народа, который я люблю, для людей, чью боль и радость я, кажется, в состоянии выразить, в согласии с идеями, которые организуют наше общество...»

Желание Высоцкого пробить эту стену негласного запрета, прорваться к многомиллионной аудитории не с «черного хода», а с «парадного подъезда» толкало его порой на фантастические поступки. Однажды, например, он написал письмо председателю Совета Министров СССР Алексею Косыгину с просьбой разрешить ему серию концертов на стадионе в Лужниках (100 тысяч зрителей). Свидетели этого события братья Вайнеры вспоминают: «Володя подсчитал, что крытый стадион в Лужниках десятки вечеров простаивает пустым, и предложил проводить там в эти свободные дни свои концерты. Он подчеркивал в письме, что будет «точно придерживаться заранее утвержденной программы, никаких импровизов», т. е. гарантировал исполнение только вполне «лояльных», даже по тогдашним временам, песен. И справедливо предвидел, что огромный зал будет всегда переполнен. «Все будут в выигрыше, — писал Высоцкий. — Зрители получают хороший концерт, я — творческое удовлетворение, а государство на вырученные только за один сезон средства сможет поставить еще одну электростанцию...»

Но этот фантастический проект Владимира Высоцкого

так и не осуществился, и имя Владимира Высоцкого продолжало оставаться для властей той красной тряпкой, что так выводит из себя быка.

Придет и мой черед вослед:
Мне дуют в спину, гонят к краю.

В душе — предчувствие как бред, —
Что надломлю себе хребет —
И тоже голову сломаю.

(1973)

Я бодрствую.
И вещей сон мне снится —
Не устать глотать
мне горькую слюну:
мне объявили явную войну
Организации, инстанции и лица
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Чтоб доказать — я в колесе не спица.

(1973)

В августе 1973 года Владимир Высоцкий с Театром на Таганке отправился в гастрольную поездку на Дальний Восток по маршруту Владивосток — Дальнегорск — Кавалерово — Арсеньев — Спасск — Артем — Находка — бухта Врангеля — Уссурийск — Партизанск. Во время этой поездки Высоцкий познакомился с Вадимом Тумановым, человеком, который останется его ближайшим другом до самых последних дней его жизни.

В том году на экраны страны вышел единственный фильм с участием Владимира Высоцкого «Плохой хороший человек» режиссера Иосифа Хейфица. Правда, фильм этот, по причине своей некассовости, прошел малым экраном и не «сделал погоды» на кинематографическом небосклоне в тот год. Он явно затерялся среди таких, как «Калина красная», «В бой идут одни «старики», «Иван Васильевич меняет профессию», «Невероятные приключения итальянцев в России», «Всадник без головы», «Мелодии Верийского кварта-

ла». Настоящим событием года стал показ по телевидению 12-серийного фильма Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» с Тихоновым-Штирлицем. Фильм этот курировался со стороны КГБ, и даже интерьеры фашистской рейхсканцелярии, где происходили основные действия фильма, снимались в старом здании на Лубянке.

Но не всем советским гражданам коридоры Лубянки были столь «родственны», как актеру Вячеславу Тихонову. Те, кто не выдерживал давления официальных властей, уезжали из страны навсегда. В тот год уехали Эдуард Лимонов, Валерий Чалидзе и, самое горькое для Владимира Высоцкого, — Андрей Синявский, человек, с которым его связывали теплые отношения еще со студенческих лет. Кто не видел своего спасения в бегстве, те кончали жизнь самоубийством. Так поступил 20 октября известный советский диссидент Илья Габай, выбросившись с 11-го этажа. Его отпевали в православной церкви как праведника, сочтя, что это было не самоубийство, а медленное преднамеренное убийство.

Тех, кто не сдавался и продолжал бороться с властями, травили без жалости и пощады. В августе 1973 года в средствах массовой информации началась широкая кампания травли академика Андрея Сахарова. Били из таких «тяжелых орудий», как «Правда» и «Известия».

В том же августе рукопись романа Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» попала в КГБ: это случилось после того, как по прошествии 5 дней допросов в Ленинградском КГБ владелица рукописи 70-летняя Е. Воронянская выдала ее чекистам. После этого она покончила с собой. Получив рукопись, власти предложили Солженицыну компромисс: они печатают в СССР «Раковый корпус», а он обещает отказаться от публикации «Архипелага» в течение 20 лет. Писатель отказался. В декабре 1973 года роман вышел в Париже в издательстве «ИМКА-ПРЕСС».

20 декабря Владимир Высоцкий в разговоре с Валерием Золотухиным с грустью заметил: «Как мы постарели. Нам все грустно... в глазах видно. Нас ничто не радует, мы ничему не удивляемся».

Не эта ли необъяснимая тоска подвигла его в тот год на создание двух произведений, одному из которых в скором времени суждено будет стать пророческим: «Памятник» и «Когда я отпою и отыграю».

Я при жизни был рослым и стройным,
Не боялся ни слова, ни пули
И в привычные рамки не лез.
Но с тех пор, как считаюсь покойным,
Охромил меня и согнули,
К пьедесталу прибав ахиллес..

Когда я отпою и отыграю,
Чем кончу я, на чем — не угадать,
Но лишь одно наверняка я знаю:
Мне будет не хотеться умирать!
Посажен на литую цепь почета,
И звенья славы мне не по зубам...
Эй! Кто стучит в дубовые ворота
Костяшками по кованым скобам?!
Ответа нет. Но там стоят, я знаю,
Кому не так страшны цепные псы, —
Знакомый серп отточенной косы.
...Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока и выбегу в грозу!!

1974 год

18 марта 1974 года Валерий Золотухин записал в своем дневнике слова Владимира Высоцкого, сказанные им накануне: «Мы ничего не понимаем ни в экономике, ни в политике... Мы косноязычны, не можем двух слов связать... Ни в международных делах... Страшно подумать. И не думать нельзя. А думать хочется... Что же это такое? А они — эти — все понимают...» Что побудило Высоцкого высказать подобные мысли вслух? Не та ли кампания вакханалии, что только-только отгремела на страницах печати в связи с арестом и высылкой из страны органами КГБ Александра Солженицына? Случилось это 13 февраля.

9 января из Союза писателей СССР исключили Лидию Чуковскую, вменив ей в вину публикацию за границей ее повести «Софья Петровна» (повесть о 1937 году) и «Спуск под воду», а также за ее публицистические работы: «Письмо Михаилу Шолохову» (1966), «Не казнь, но мысль, но слово» (1969), «Гнев народа» (1973) и другие.

13 марта из Союза писателей СССР с таким же шумом, как и при исключении Лидии Чуковской, исключили Владимира Войновича, автора нашумевшего на Западе романа о солдате Чонкине. Из страны потянулся новый косяк отъезжающих: 25 июня уехал Александр Галич, уехали Виктор Некрасов, Вилли Токарев, Владимир Максимов. В том году стал невозвращенцем и один из друзей Владимира Высоцкого, лучший балетный танцор, артист Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова Михаил Барышников.

15 сентября на пустыре близ станции метро «Беляево» была безжалостно снесена бульдозерами первая легальная выставка художников-авангардистов. «Эти» справляют десятилетие прихода Леонида Брежнева к власти. Несмотря на все свое бунтарство, Владимир Высоцкий никогда ранее не вникал глубоко ни в вопросы политики, ни в вопросы экономики. Но впервые выехав за границу и воочию увидев то разительное отличие, что существовало между страной «развитого социализма» и «загнивающим капитализмом», он, кажется, впервые всерьез задумался о сущности того строя, в котором ему выпала судьба жить:

...и из смрада, где косо висят образа,
я, башку очертя, гнал, забросивши кнут,
куда кони несли, да глядели глаза,
и где люди живут, и где встретят меня ..

(1974)

Встретив 10-летие Театра на Таганке и отыграв 23 апреля в «Театрально-тюремном этюде», Владимир Высоцкий 28 апреля на полтора месяца уехал за границу по маршруту Венгрия — Париж. В десятых числах июня в прекрасном настроении он вернулся в Москву и тут же приступил к работе в театре. В конце июня Высоцкий вместе с Театром на Та-

ганке отправился в гастрольную поездку в Набережные Челны. Параллельно с участием в спектаклях он выступает с концертами. Надо отметить, что в тот год концертная деятельность Владимира Высоцкого прошла с таким же триумфом, что и прошлогодняя. Им было дано в общей сложности около 50 концертов. Слава Высоцкого-певца приобрела к тому времени небывалый размах. В тех же Набережных Челнах после выступления Высоцкого на «КамАЗе» благодарные зрители на руках подняли автобус, в котором находился их любимый артист. Правда, творческое вдохновение в том году позволило Высоцкому написать в два раза меньше песен, чем в году предыдущем (в 1974 году написано 27 произведений), но среди них были: «Правда и ложь», «Всю войну под завязку», «Звонарь», «Что за дом притих», «Я еще не в угаре». В тот год им был написан цикл песен для кинофильма «Иван да Марья». Хотя в целом работа над этой картиной не принесла ему настоящего удовлетворения. Вспоминая об этой работе В. Высоцкого, оператор картины А.Н. Чердынин рассказывал: «Володя написал в картину четырнадцать песен, сам хотел сниматься... Но тогда произошла история с автором сценария Хмеликом. Володя принес не тексты, а уже готовые песни. Показал. Сидели: Хмелик, режиссер фильма Борис Рыцарев и я. Хмелик сказал:

— Ты, Володя, тянешь одеяло на себя... Из сказки хочешь сделать мюзикл...

Володя тоже что-то сказал: он ведь если задумал, то отстаивал это дело до конца! В общем, они крупно поговорили, во многом разошлись... Володя окончательно решил не играть в картине. Да я думаю, что тогда Володе уже не очень-то хотелось тратиться на эту работу... Жаль, ведь песни были очень хорошие, без дураков».

В том году вышла в свет еще одна пластинка-миньон с песнями В. Высоцкого о войне: «Мы вращаем Землю», «Сыновья уходят в бой», «Аисты». В это же время на «Мелодии» было наконец-то получено разрешение на запись пластинки песен Владимира Высоцкого в его собственном исполнении и в исполнении Марины Влади. Буквально в три захода

пластинка была записана, но разрешения на выход при жизни Владимира Высоцкого так и не дождалась.

Зато во время второй поездки Владимира Высоцкого во Францию в Париже была записана его первая заграничная пластинка. Высоцкий отдал авторские права на двадцать пять своих песен, и фирма «Шан дю Монд» взяла на себя всю техническую сторону этого мероприятия, включая запись и продажу пластинок. Диск этот вызвал неоднозначную реакцию у друзей и знакомых Высоцкого. Юрию Любимову, к примеру, он не понравился. Главная причина неудовольствия — плохая аранжировка, делавшая из истинно русских песен Высоцкого какой-то западный шансон вперемешку с рок-н-роллом. Но на это замечание своего шефа Владимир Высоцкий вполне резонно заметил: «Хорошо хоть такая пластинка вышла. Мне ведь выбирать не приходится».

В том году Театр на Таганке выпустил еще одну премьеру — спектакль по пьесе Г. Бакланова «Пристегните ремни». Но ко времени появления этого спектакля Владимир Высоцкий, обретший благодаря своим песням неслыханную популярность, получивший долгожданную выездную визу, стал все сильнее тяготиться театральной дисциплиной, начал, по выражению В. Смехова, «соскакивать с дрожек, поспевавших к премьере». В конце концов Высоцкий ушел от центральной роли в спектакле, за ним остался эпизод и исполнение песни «Мы вращаем Землю».

Неоднозначной была и кинематографическая судьба Высоцкого в тот год. В начале года Глеб Панфилов пригласил артиста на кинопробы для участия в одной из главных ролей в своем фильме «Прошу слова». Но Высоцкого на эту роль не утвердили, и на его место пришел его бывший коллега по Театру на Таганке Николай Губенко. Точно такая же история произошла и с фильмом «Иван да Марья», где Владимир Высоцкий должен был сыграть роль Кошца Бессмертного. Но свое отсутствие в этом фильме Высоцкий компенсировал песнями, которые он написал для этой картины.

В августе 1974 года Владимир Высоцкий улетел в Югославию на съемки советско-югославского фильма «Единая дорога» (режиссеры Алексей Темерин и В. Павло-

вич). Для этого фильма Высоцкий написал две песни и сыграл в нем эпизодическую роль советского военнопленного Солодова. На съемках фильма рядом с ним находилась в то время и Марина Влади. Вот уже больше года, как Высоцкий не пьет, и это вселяет в ее душу уверенность, что с прошлым покончено навсегда. Она еще не знает, что время новой беды неумолимо приближается к ним.

Вернувшись в начале осени на родину, Высоцкий вместе с театром отправляется на гастроли в Прибалтику по маршруту Вильнюс — Рига. У него уже новая машина — «БМВ», и кажется, что он полон сил и энергии. С 3 по 16 сентября театр находится в Вильнюсе, и параллельно со спектаклями Высоцкий дает несколько концертов. И тут совершенно внезапно в самом конце литовских гастролей Владимир Высоцкий запил. В дневнике Аллы Демидовой находим строки об этом: «14 сентября — Высоцкий запил. Сделали укол. Сутки спит в номере. Дыховичный перегоняет машину в Москву».

В Риге, куда театр прибыл для продолжения гастролей 17 сентября, Высоцкого кладут в больницу. Но он совершает оттуда побег. Друзья настойчиво уговаривают его вновь вшить в себя «торпеду», но он напрочь отвергает это предложение. В очередной раз сорвав спектакль, Высоцкий вновь поставил себя вне коллектива: Юрий Любимов отстраняет его от работы.

Но из седла меня однажды выбили —
Копьем поддели, сбоку подскавав, —
И надо мной, лежащим, лошадь вздыбили,
И надругались, плетью приласкав.
Рядом всадники с гиканьем диким
Копья целили в месиво тел.
Ах дурак я, что с князем великим
Поравняться в осанке хотел!

Меня на поле битвы не ищите —
Я отстранен от всяких ратных дел, —
Кольчугу унесли — я беззащитен
Для зуботычин, дротиков и стрел.
Забурен мой топор, и руки скручены,
Пожизненно до битвы не допущенный
За то, что раз бестактность допустил.

(1973)

Вернувшись в Москву, Владимир Высоцкий все же внял уговорам близких и 24 сентября лег в больницу. Попыток оправдать свое поведение собственным безволием и слабохарактерностью Высоцкий уже не предпринимает, он окончательно понимает, что серьезно болен. Поэтому в Москве идет на вшитие новой ампулы. Его отношения с Мариной Влади вновь напряжены. Более того, Высоцкий, кажется, серьезно хочет с ней порвать. «Раньше она давала мне свободу, а теперь только забирает», — признается он Валерию Золотухину.

Пробыв несколько дней в больнице и сделав очередное вшитие, Высоцкий выписывается и уже 3 октября дает концерт в московском издательстве «Мысль». С 5 октября начинаются гастроли Театра на Таганке в Ленинграде, и Высоцкий мчится туда: Любимов в очередной раз его простил. Но на пути в Ленинград его ждет новое приключение: не доезжая 70 километров до Ленинграда, его новенькая «БМВ», разогнавшись по воле своего хозяина до 200 км в час, перевернулась. Но судьба и на этот раз была благосклонна к Владимиру Высоцкому: он остался невредим, лишь бок новенького автомобиля оказался сильно помят. Смерть вновь поторопилась на свидание с Высоцким и, разминувшись с ним в очередной раз, ушла по другим адресам.

2 октября во время съемок фильма «Они сражались за Родину» скоропостижно скончался Василий Макарович Шукшин. На смерть товарища Владимир Высоцкий откликнулся посвящением «Еще ни холодов, ни льдин»:

Смерть самых лучших намечает
И дергает по одному.
Такой наш брат ушел во тьму!..
Не буйствует и не скучает.

Павел Леонидов, вспоминая те дни, писал в своих мемуарах: «В Нью-Йорке я узнал, что погиб Вася. А потом посмотрел на Бродвее в занюханном закутке «Калину красную». И плакал навзрыд. Рвались нити, да так, что хотелось завывать... У меня тогда случился самый настоящий приступ ностальгии. Хуже, чем когда узнал про смерть Высоцкого,

хотя они оба — самоубийцы. Оба. И обоих их толкали в спину. Поторапливали. Мне Вася на каких-то похоронах сказал: «Каждой сволочи хочется сказать речь на свежей могиле хорошего человека». В дни, когда хоронили В. Шукшина, по Москве гуляли слухи о загульном нраве Василия Макаровича. Между тем, по свидетельству многих, кто знал покойного, тот давно уже не брал в рот спиртного. Кинооператор Анатолий Заболоцкий, работавший с В. Шукшиным, вспоминал: «По сей день часто слышу: Шукшин загулил себя сам — перегрузки и пил. Так вот клятвенно свидетельствую: с 1968 года (я работал с ним до последних дней) ни разу он ни со мной, ни с кем не выпил. Даже на двух его днях рождения не тронул он спиртного, а нам разливал без паузы, рассказывал не без гордости: у Михаила Александровича в гостях не выпил, на что Шолохов обронил ему: «Буду в Москве у тебя, чашки не трону».

Я много раз при нем пивал и домой к нему заявлялся под хмелем, он никогда не корил за выпивку и не выговаривал. И в гостиницах, бывало, сам пива добудет, пью-охаю, а он спрашивает: чего вчера пили? кто был? чем закусывали? — сочувствует. Говорил о себе: «Любил раньше «Варну» попивать. Сладкое вино, закуски не надо, и пьянеешь, желудка не слышишь. В те годы жить и есть хотелось, а денег не было — ни одеться, ни попить вволю...»

Не однажды я расспрашивал его: «Как тебе удалось бросить? Надо же, был в Чехословакии и пива там не попробовал! Ну как такое возможно россиянину? Иль ты себе пружину какую вшил?» Он не сердился, прохаживаясь по номеру гостиницы: «Не в пружине дело. Был я, по протекции Василенко, у одного старичка-доктора, который знал и лечил Есенина, и из той беседы вынес — только сам я, без лекарств, кузнец своего тела. Надо обуздать себя. И стал я сторожить свое тело и язык и вот уже семь лет держусь. Старик говорил не много, но слова его меня пронзили. Все свои пороки гашу работой». И как же он работал! — рассвет его не сваливал в кровать: кофе и сигареты, и вперед! (Как написа-

ли в свидетельстве о смерти врачи, смерть В. Шукшина наступила от кофейной или табачной интоксикации.)

Не прошло и месяца со дня смерти Василия Шукшина, как 1 ноября на своей подмосковной даче повесился еще один давний и близкий товарищ Владимира Высоцкого кинодраматург и поэт Геннадий Шпаликов.

В 1955 году в своем дневнике он писал: «Жить хочется всегда, даже на смертельном рубеже, когда точно знаешь — вот сейчас меня не будет. То, что болтают о презрении к смерти, — чепуха. Я бы лично таких ставил под винтовку — отрекайся или получай пулю... Умирают все, и иногда это страшно, особенно после сорока...»

В середине 60-х, встретив у Третьяковской галереи Павла Леонидова, Шпаликов грустно изрек: «Вот я — алкоголик профессиональный, Витя Некрасов тоже, еще есть люди, а остальные писатели профессиональные, а главный среди них — Евтуженка. В СССР нет выбора вне выбора. Или ты пьешь, или ты подливаешь, или тебя не печатают. Четвертого не дано».

Геннадий Шпаликов не дожил до сорока, в момент смерти ему было всего 37 лет. Вспоминая последние его дни, С. Соколов писал: «Погибал Гена медленно. Вместе со временем 60-х, духом, энергией и воплощением которых был сам... Гена пил водку, дома не уживался, бродил сначала по друзьям, потом просто по городу: с похмелья любил читать расклеенные по стендам газеты. Прочитывал любые, от строки до строки. Еще писал стихи, которые становились лучше и лучше с каждым днем. Сочинял их в основном на почтах: почти все стихи этих лет написаны «вставочкой» на зеленых оборотах телеграфных бланков. На них же, на бланках, иногда писал письма на студию или друзьям. Письма в основном были про жилье и про деньги. Сначала помогали, как могли. Потом помогали меньше. Судить никого не могу — знаю, в быту Гена был невыносим, иногда страшен. Ходил он теперь в кожаной куртке, белый плащ то ли потерял, то ли продал, шарф остался...»

На этом самом шарфе и повесился создатель замечательного сценария фильма «Я шагаю по Москве».

«Когда не стало Геннадия Шпаликова, — писал П. Вегин, — все спохватились. Все, кто его любил. А любили его многие — и киношники, и художники, и писатели. Он был слишком нежен и светел — Гена, прикрывающий простуженное горло шарфиком.

Никто не думал, что однажды этот шарфик затянется на его горле. Никто не думал, что он не выдержит. Чего? Вероятно, того же, что и Маяковский, — одиночества. Одиночества на людях, одиночества в семье, одиночества в себе».

Еще в 1970 году Владимир Высоцкий написал стихотворение «Я не успел», в котором были пророческие строки:

Мои друзья ушли сквозь решето —
Им всем досталась Лета или Прана, —
естественную смертью — никто,
все — противоестественно и рано.

В тот год не только смерть вырывала у Высоцкого друзей. Порой он сам отталкивал их от себя.

Кинорежиссер Андрей Тарковский, в середине 60-х зарекавшийся снимать Владимира Высоцкого в своих картинах, теперь решил снять в главной роли в фильме «Зеркало» его жену Марину Влади. Фильм этот, по замыслу Тарковского, должен был быть автобиографическим, и Марине Влади в нем должна была достаться роль матери Андрея Тарковского. Марина Влади согласилась, и они выезжают на кинопробы.

Участие в съемках в этом фильме очень нужны и Влади, и Высоцкому, ведь если Влади утвердят на главную роль, то проблема более длительного пребывания Влади в Союзе разрешится сама собой. Но судьба и на этот раз распорядилась по-своему. Влади на роль не утвердили, а Тарковский, то ли побоявшись, то ли постеснявшись сообщить эту грустную весть друзьям, так и не позвонил им домой, оставив их тем самым в неведении относительно своей судьбы.

Вспоминая этот эпизод, Марина Влади пишет в своих мемуарах: «Ты впадаешь в жуткую ярость. Ты так зол на себя за то, что посоветовал мне попробоваться, да к тому же

ответ, который мы с таким нетерпением ждали, нам передали через третье лицо и слишком поздно... Тут уже мне приходится защищать Андрея... Ты ожидал от него другого отношения. И на два долгих года вы перестаете видеться. Наши общие друзья будут потом пытаться помирить вас, но тщетно».

В этом же году Высоцкий познакомился с одним из самых богатых бизнесменов, работавших в то время в Советском Союзе, иранцем Бабеком Серушем, который впоследствии приложит много сил и средств для популяризации творчества Высоцкого. Например, у себя на даче Серуш оборудует целую звукозаписывающую студию специально для того, чтобы записывать Высоцкого. И надо отметить, что эти записи в техническом отношении окажутся одними из лучших записей Владимира Высоцкого, сделанных в Союзе. В 1992 году в СССР выйдет двойной альбом, на котором будут звучать песни, записанные с помощью Бабека Серуша. К сожалению, сам Серуш этого выхода пластинки уже не застанет: 27 марта 1992 года в возрасте 46 лет он скончается от инфекционного менингита и будет похоронен рядом с Владимиром Высоцким на Ваганьковском кладбище. На его похороны придут многие известные артисты, среди которых будут Иосиф Кобзон, Александр Абдулов, Леонид Ярмольник и др.

С момента сентябрьского «ухода в пике» у Высоцкого наступил душевный и творческий кризис. «Я страдаю безвременьем, — признается он Золотухину. — И ничего не могу писать».

Трудно сказать определенно, что привело Высоцкого к такому состоянию: разлад с Влади, давление властей или гибель и отъезд с родины друзей и знакомых. По всей видимости, все эти факторы влияли на душевное состояние Владимира Высоцкого. В такие моменты он еще сильнее ощущал свое одиночество.

В тот год со стороны простых советских граждан не последовало ни одного акта протеста на действия властей в связи с репрессиями по отношению к инакомыслящим. «Страшно далеки были от народа» диссиденты и поэтому не

могли рассчитывать на чью-либо поддержку. Власть знала об этом, и это еще больше распяляло ее злобу и позволяло оставаться безнаказанной. Знала власть и то, что в среде самих протестующих, среди стоявших с ними рядом всегда найдутся те, кто осудит их за непослушание. Осудит просто так или из чувства зависти, из чувства мести или за какое-нибудь, пусть мелкое, но вознаграждение. В феврале, когда КГБ арестовал Солженицына, в «Правде» появилась статья «Предателю нет места на советской земле», под которой поставили свои подписи известные деятели литературы и искусства, среди них были артист Борис Чирков, писатель Борис Полевой. В марте артисты Большого театра Мстислав Ростропович и Галина Вишневская записывали на «Мелодии» оперу «Тоска». Но запись эта была запрещена после того, как 28 марта коллеги артистов по театру Образцова, Атлантов, Нестеренко, Милашкина, Мазурок сходили на прием к заместителю министра культуры СССР Петру Демичеву и заявили: «Ростропович и Вишневская поддержали предателя Солженицына своим письмом и тем самым выступили против линии нашей партии...»

Стоит отметить, что в тот год тяжело приходилось не только опальным диссидентам и тем, кто их поддерживал. Нешуточные страсти бушевали и на самом «верху» кремлевского Олимпа. Не случайно 24 октября, после приема по случаю приезда в Москву лидера венгерских коммунистов Яноша Кадара, министр культуры СССР Екатерина Фурцева, приехав домой, покончила жизнь самоубийством. В опубликованном через пять дней некрологе от имени ЦК КПСС и Совета Министров говорилось, что смерть наступила от острой сердечной недостаточности, в связи с чем возбуждать уголовное дело и проводить расследование не понадобилось. А муж Е. Фурцевой заместитель министра иностранных дел Фирюбин и ее ближайшая подруга, оказавшиеся первыми в доме на улице Алексея Толстого и знавшие правду об этой смерти, теперь должны были молчать.

Новым министром культуры СССР стал дипломированный химик Петр Демичев.

1975 год

Год 1975-й стал годом кризиса Театра на Таганке, временем, когда, по выражению В. Смехова, «не все было ладно в воздухе театра и запахло впервые расколом и дразгой нетаганского происхождения».

Между тем отношения Владимира Высоцкого и Марины Влади вновь наладились, в этом году они ждут завершения строительства своей трехкомнатной кооперативной квартиры на Малой Грузинской, полны новых творческих планов. 22 января они напросились на прием к новому министру культуры СССР Петру Демичеву с просьбой издать в Союзе пластинку с песнями Владимира Высоцкого в его собственном исполнении и исполнении Марины Влади. Марина Влади об этом посещении вспоминает: «Из всех неудавшихся проектов больше всего ты расстраиваешься из-за нашей совместной пластинки... Наша пластинка была готова, но, устав от уклончивых ответов руководителей «Мелодии», мы добиваемся приема у министра культуры Демичева. Он принимает нас с улыбкой на устах, делает нам знак садиться и, сцепив свои пухленькие ручки, спрашивает, зачем мы пришли. Мы объясняем. Он берет телефонную трубку и, глядя нам прямо в глаза, говорит тоном, не допускающим возражений: «Соедините меня с директором «Мелодии». И через минуту: «Послушай, почему до сих пор не вышла пластинка Влади и Высоцкого? Немедленно выпустить!»

Но своего выхода при жизни Владимира Высоцкого эта пластинка все же так и не дождалась. И во многом по вине самого автора. Вылетев в конце января за границу, Высоцкий, находясь в Париже, оказался на официальной церемонии вручения премии своему студенческому педагогу, а теперь диссиденту Андрею Синявскому. На том приеме в числе приглашенных были и другие диссиденты, включая Александра Солженицына. На следующий день после этого события многие средства зарубежной информации, в том числе и русская служба радиостанции Би-би-си, оповестили на весь свет: «На церемонии вручения премии присутст-

вовал известный артист Театра на Таганке, нелюбимый советскими властями Владимир Высоцкий». Сразу после этого события выход пластинки Высоцкого и Влади на «Мелодии» был остановлен. Она увидела свет только в 1987 году, когда Владимира Высоцкого уже не было в живых. В нее, кроме песен в исполнении Высоцкого («Моя цыганская», «Белое безмолвие», «Лирическая», «Дом хрустальный», «Ноль семь», «Еще не вечер»), вошли и песни в исполнении Марины Влади, написанные Высоцким («О двух автомобилях», «Так дымно», «Я несла свою беду», «Марьюшка», «Так случилось, мужчины ушли», «Как по Волге-матушке»). Аккомпанировал им только что созданный (имеется в виду 1974 год) инструментальный ансамбль «Мелодия» под управлением Г. Гараняна.

Единственное, на что сподобилась Всесоюзная студия грамзаписи в том, 1975 году, — выпустила гибкую пластинку с песнями В. Высоцкого. Вспоминая реакцию В. Высоцкого на ее выход, В. Шехтман рассказывает: «1975 год... Вся Москва слушает и поет «Кони привередливые». Володя возвращается из Франции, я встречаю его в Шереметьево. Проезжаем Белорусский вокзал, а у лотка в лотерею разыгрывается синяя гибкая пластинка Высоцкого. Скрипит и хрипит на всю площадь: «Что-то кони мне попались привередливые...» (Эти гибкие пластинки — они же очень некачественные.) Володю это просто взорвало: «Кто дал им право выпускать эту гадость?! Мы же договорились, что будет большой диск!» Все знают, что большая пластинка тогда так и не вышла».

До 20 мая Владимир Высоцкий не показывался в Театре на Таганке. За это время он успел побывать в Англии, Франции, совершить двухнедельное турне на теплоходе «Белоруссия» по маршруту Генуя — Касабланка — Канарские острова — Мадейра. Свидетель тех событий капитан теплохода Феликс Дашков рассказывает: «В 1975 году Володя и Марина приехали ко мне в Геную... Продолжительность круиза была две недели — они находились у меня на борту в течение двух недель... У меня есть много фотографий из

этих рейсов. Например, когда мы были на острове Арисифи... Это такой вулканический остров — он совершенно весь засыпан вулканической лавой и пеплом...

Потом ездили мы вместе с ним из Касабланки в Рабат — это столица Марокко...

На пути от Кадиса в Севилью мы попали в автомобильную катастрофу. Но, слава богу, у нас водитель-испанец был опытный. Получилось так, что навстречу шел автобус и из-за него выскочил обгоняющий автобус встречный лимузин. Его водитель, увидев нашу машину, растерялся — видимо, был малоопытным — и поставил машину поперек дороги. Наш водитель, заметив такую ситуацию, начал тормозить и ударил его только в бок... В общем, Марина слегка повредила ногу, потому что она спала в это время и не была готова к этому удару. А мы, так сказать, отделались легким испугом... Высоцкий на этот случай реагировал нормально. У меня с собой в багажнике была бутылка водки. Мы, значит, антистрессовую терапию и провели... Запомнилось мне и то, как мы в Касабланке ходили вечером в ресторан и кушали омаров. Высоцкий, видимо, впервые в жизни это пробовал и часто потом вспоминал, как мы кушали омаров в Касабланке.

На корабле Высоцкий дал один концерт для экипажа — там все-таки 240 человек. Он с удовольствием спел для экипажа. И многие из членов экипажа записали тогда его концерт. Есть у меня фотографии с того концерта...»

Вернувшись на родину, В. Высоцкий возобновил концертную деятельность, выступив с концертами в Киеве, Таллине, Харькове и Москве. Его кооперативная квартира почти готова, но в самый последний момент выясняется, что это только видимость: после «славной» работы советских строителей надо заново все переделывать, ломать стенку, перестилать полы. Поэтому, пока строители приводят в порядок их квартиру, Высоцкий и Влади живут на квартире дочери одного из высокопоставленных деятелей страны на престижном Кутузовском проспекте.

В воспоминаниях Марины Влади это описано так: «Ты

мне объяснил, у кого мы будем жить. Твой приятель женился на дочери одного высокопоставленного лица... Пара довольно любопытная: он — интеллигентный близорукий еврей, она — рослая белорусская девушка. Правда, она здорово избалована родителями, но зато — талантливая художница...

У этой молодой пары, естественно, великолепная, огромная квартира в центре, и они отдают нам целую комнату с ванной и всеми удобствами. Мы кладем наш матрас прямо на пол, потому что они тоже только переехали и в квартире почти нет мебели... Мы наслаждаемся такой беспечной жизнью в течение нескольких недель, потому что, конечно же, строительные работы в нашем с тобой доме не двигаются. Зато у наших приятелей через короткое время все готово. Современная мебель привезена специально из Финляндии, расстелены великолепные ковры — свадебный подарок отца невесты, расставлены редкие книги — подарок семьи мужа...

И вот наша квартира наконец готова. Последний обед, поданный в восхитительном фарфоровом сервизе эпохи Екатерины II, действительно ни в чем не уступал царскому: голуби в сметане, икра и самые тонкие закуски. Нам всем было грустно: во-первых, приходилось расставаться, но самое главное, в то утро наша подруга сообщила нам с искаженным лицом: «Мой отец освобожден от должности и выведен из состава Политбюро». Все мы знали, что для них золотые денечки закончились».

В тот год из состава Политбюро вывели только Александра Шелепина, бывшего серьезного противника Леонида Брежнева и претендента на его престол. Эта отставка случилась в апреле.

В мае Владимир Высоцкий объявился в родном театре с бородой и с горячим желанием сыграть роль Лопухина в пьесе А. Чехова «Вишневый сад» в постановке приглашенного с Малой Бронной Анатолия Эфроса. Это был тот самый момент раскола знаменитой Таганки.

В тот год Юрий Любимов впервые надолго покинул стены театра, уехав в Италию ставить оперу Луиджи Ноно в Ла

Скала, и разрешил Анатолию Эфросу поставить на Таганке любой спектакль. Тот выбрал «Вишневы сад». Вспоминая Высоцкого тех дней, Алла Демидова писала в своем дневнике: «Высоцкий начал тогда работу в очень хорошем состоянии. Был собран, отзывчив, нежен, душевно спокоен. Очень деликатно включился в работу... От любви, которая тогда заполняла его жизнь, от признания, от успеха — он был удивительно гармоничен в этот короткий период репетиций. В роли Лопухина у него соединились и его уникальность, и его к тому времени окрепший опыт, и его личные переживания в жизни, и особая любовь к Чехову, и обостренная заинтересованность в работе с Эфросом, и его поэтический дар».

Но этот период душевного спокойствия Владимира Высоцкого длился, увы, недолго. Немалую роль в этом сыграли и конфликт двух замечательных режиссеров, и трения между артистами театра. Артист театра А. Меньшиков вспоминал: «В тот год я почувствовал... да нет, увидел! — в труппе резкое похолодание к Высоцкому. Про него как-то не так шутили, — шутили уже с нескрываемой завистью. Причем это делали люди, которые теперь, после его смерти, охотно делятся воспоминаниями о том, как они любили Высоцкого и как он их любил... а тогда было столько язвительности».

Легко догадаться, чему в то время завидовали коллеги Высоцкого: его неимоверно возросшей популярности в народе и, самое главное, его благополучию, связанному с возможностью теперь покидать пределы страны и жить за границей. Большинство артистов театра были всего этого лишены. А Владимир Высоцкий только за несколько первых месяцев этого года успел слетать в Англию, Францию, а летом намеревался отдохнуть в Южной Америке и Испании.

Не последнюю роль в непростых взаимоотношениях Владимира Высоцкого с артистами родного театра играли и личные черты характера Высоцкого, о которых артист Таганки А. Трофимов сказал: «Владимир в последние годы держал себя очень замкнуто... Он всегда проходил достаточно независимо, что могло показаться и высокомерным...

И это, наверное, порождало в труппе — я не говорю про всех — какую-то неприязнь, даже злобу».

Высоцкий, естественно, таким отношением к себе тяготился и глубоко переживал тот раскол, что произошел в театре. Хотя умом он и понимал, что 10 лет — срок критический для любого творческого коллектива, но душа его в то же время отказывалась принимать эту истину. А ведь перед глазами его уже был пример «Современника», в 1970-м оставленного Олегом Ефремовым. Театр этот, некогда столь популярный, теперь переживал не лучшие свои времена. И откровеннее строк, какими описал ситуацию в театре в тот период Олег Даль, трудно себе представить.

«19 ноября 1974 года.

Получил страшной силы заряд ненависти к театру «Современник»... С этим вонючим гадючником взаимоотношения закончились — начались счеты! Глупо! Началось БЕЗРАЗЛИЧИЕ! Началась моя ненависть... Ненависть действенная. Борьба на уничтожение. И величайшее презрение и безразличие!» После этой записи в дневнике Олег Даль оставался в театре еще чуть больше года, после чего с шумом оттуда ушел, оставив в дневнике запись: «Март 76-го. Начало. Уход из театра решен окончательно и бесповоротно! Мозг утомлен безвыходностью собственных идей и мыслей. Нельзя и малое время существовать среди бесталантности, возведенной в беспардонную НАГЛОСТЬ...

Я один... вне коллектива. Ужасно приятно быть себе хозяином... Не зависеть от негодяев, ублюдков и недоношенных засранцев... Я их буду называть собственными именами, потому что все про них знаю... Как я долго догадывался...»

Конечно, читая подобные строки, следует учитывать и то, что характер самого Олега Даля был отнюдь не ангельским, он и сам неоднократно на страницах того же дневника признавался в собственной гнусности. И все-таки, даже учитывая это, трудно себе представить, что должен пережить человек в родном коллективе, чтобы написать подобные строки о своих недавних коллегах. Кто знает, может быть, и Владимир Высоцкий, веди он, как Даль, подробный дневник,

оставил бы на его страницах такие же строки о своих коллегах по Театру на Таганке. Ведь по своему мироощущению, по своей трагической судьбе они были так похожи — Высоцкий и Даль. Даль ушел из «Современника», потому что он органически не переваривал ту фальшь и лицемерие, которые царили вокруг него, когда артист играет не ради зрителей, а ради наград, идет на все, даже на предательство, лишь бы получить лакомый кусок из рук начальства. В своем письме А. Эфросу от 7 марта 1978 года Даль писал: «Я прошел различные стадии своего развития в «Современнике», пока не произошло вполне естественное, на мой взгляд, отторжение одного организма от другого.

Один разложился на почести и звания — и умер, а другой, органически не переваривая все это, — продолжает жить».

Владимир Высоцкий, в отличие от Даля, так и не смог окончательно порвать с Театром на Таганке, хотя мысль эта в последние годы жизни все чаще и настойчивее посещала его. Но в тот год (1975) он все еще надеялся, что все образуется. В один из дней того года он даже приехал на квартиру Юрия Любимова на Фрунзенской набережной и целый вечер проговорил с ним о той ситуации, что складывалась в театре. Высоцкий, по словам Любимова, был всерьез обеспокоен той кризисной ситуацией, что сложилась в театре, обеспокоен тем, что между актерами уже нет бывшего доброжелательства друг к другу, что уходит куда-то дружеская атмосфера.

Многие истоки того «таганского» кризиса лежат в весне 75-го, когда Анатолий Эфрос приступил к репетициям «Вишневого сада». В записях Р. Кречетовой горькая констатация тех, далеких теперь, событий: «У Эфроса тогда было очень хорошее время. Вторая точка его творческого подъема (первая — короткий, но яркий период Ленкома). В его работах нарастало ощущение гармонии, классического покоя, так непривычно сосуществующих с зыбкостью и неожиданной остротой психологического рисунка...

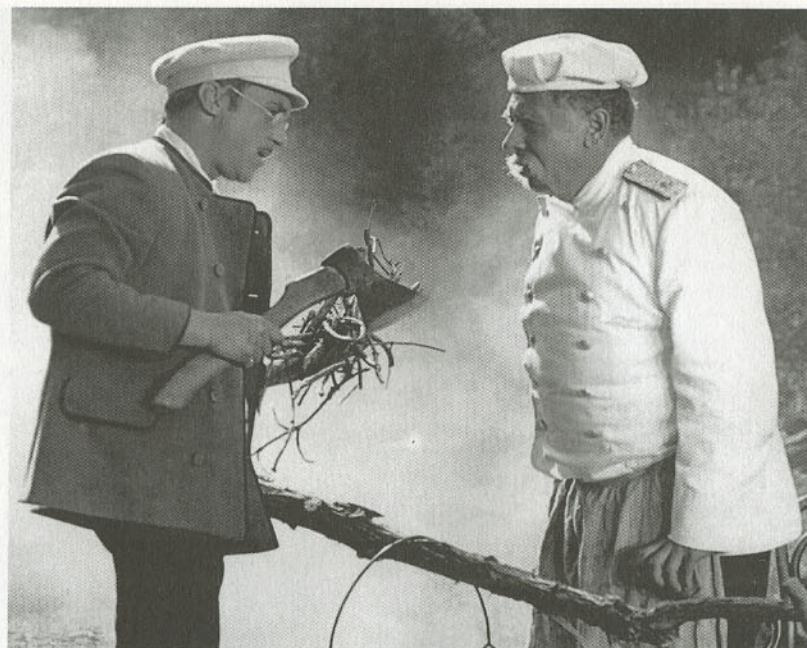
Репетируя «Вишневый сад», Эфрос, безусловно, исходил из преимущества своего метода и своих спектаклей над

Вся труппа Театра на Таганке. Пятилетие Театра. Апрель 1969 года.

Александр Пороховщиков, Алла Демидова и Владимир Высоцкий в спектакле «Гамлет». 1972 год.

В. Высоцкий с Анатолием Папановым в фильме «Плохой хороший человек». 1973 год.

Высоцкий на концерте. 1972 год.

Высоцкий и Александр Митта на съемках фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Павильон Мосфильма, середина октября 1975 года.

Высоцкий в спектакле «Вишневый сад». 1975 год.

Высоцкий на концерте. Конец 70-х годов.

теми, что шли на Таганке. Он не пытался как-то примениться к местным условиям игры, напротив, собирался на них повлиять...

Перед самой сдачей «Вишневого сада» после прогона... он говорил, что спектакль изменит зрительный зал Таганки: уйдут политизированные поклонники искусства Любимова, придут вместо них другие, уже эфросовские. И выходило, что эти перемены — на благо... Что такого особенного вы здесь открыли? Из-за чего столько шума и гордости? Ваши открытия можно увидеть на каждом углу, — улавливалось в подтексте.

Актеры слушали, затаясь. В зрительном зале (а беседа происходила в нем) установилась особая тишина, будто в кульминационный момент представления. В этой тишине с подчеркнутой снисходительной ласковостью звучал голос Эфроса. Он иронизировал и сочувствовал одновременно. Он вроде бы деликатно стремился открыть глаза на их собственный театр, подточить веру в его уникальность.

Ситуация, надо сказать, была не слишком приятной. И какой-то двусмысленной: гость за спиной хозяина так небрежно, походя покушался на его авторитет. Неловко. Тем более что для Таганки момент выдался в очередной раз тревожный: раскручивался новый скандал с властями. Свиристествовал Гришин. Повод для ярости был анекдотический, но — существенный. Гришин, в свое время приятно растроганный спектаклем «А зори здесь тихие...» (1971), приехал на «Пристегните ремни». Положенная в таких случаях беседа в директорском кабинете как на грех подзатянулась, и Дупак ввел гостя в зрительный зал, когда действие уже началось. Шли — как раз по-любимовски острые — сцены с бюрократами, и актеры входили как нарочно в ту дверь, куда ввели Гришина. (У Любимова ведь все пространство театра могло становиться местом игры.) Конечно же, гость мгновенно совпал с игровой ситуацией и был радостно принят зрителями за действующее лицо. И так как Дупак вводил сановную личность с соответствующей моменту заботливостью, слегка переходящей в подобострастие, «эпизод»

получился «по-тагански» весьма выразительный. Раздался хохот, заплодировали...

Инстанции, конечно, решили, что этот злокозненный театр все специально подстроил. И на Таганку опять обрушились санкции. Посвященные в «скверный анекдот» долго еще веселились по Москве, а Любимов мрачно дорабатывал свое провинившееся невзначай детище, стремясь вынырнуть из-под очередного «колпака».

Помощник В. Гришина Юрий Изюмов в своих воспоминаниях описал этот эпизод несколько иначе, взглянув на него с точки зрения своего тогдашнего положения и отношения к главе московских коммунистов:

«С большим удивлением прочел я недавно в печатном интервью Любимова о том, будто бы Гришин на него кричал, топал ногами... Ни того ни другого он вообще никогда не допускал, даже голос повышал крайне редко. Я присутствовал при всех встречах главного режиссера Театра на Таганке с первым секретарем МГК КПСС и свидетельствую: это пылкая фантазия Любимова. Даже после того, как Гришина и его жену безжалостно, как умеют только актеры, обхамили на спектакле «Пристегните ремни», униженно-подобострастные извинения примчавшегося на следующее утро Любимова были приняты неизменно корректно. Виктор Васильевич молча выслушал его, сказав лишь:

— Больше мы в ваш театр не придем.

Потом добавил:

— Но помогать вам я буду по-прежнему.

А свое слово он держал всегда.

В свое время у Гришина было к Театру на Таганке предвзятое отношение, сформированное цековскими и горьковскими идеологами. Они внушили ему, что там ставится нечто ужасное, на что и ходить неприлично. Стоило немалых трудов убедить его — все-таки посмотреть несколько спектаклей и составить собственное мнение. После первого же посещения предубеждение исчезло.

Юрий Петрович Любимов после этого звонил почти ежедневно.

— Вы должны мне помогать хотя бы как единственному русскому режиссеру, — не раз повторял Любимов.

Гришин любые отклонения от интернационализма не переносил на дух, но помогал: со строительством, с квартирами, званиями, другими земными благами. После развода с Л. Целиковской Любимов попросил квартиру для своей новой семьи. Дали».

Но вернемся от откровений Юрия Изюмова к повествованию Р. Кречетовой: «В тот самый момент, когда Эфрос поверял обескураженным актерам свои сокровенные мысли, Любимов где-то в недрах театра репетировал «Пристегните ремни!» и раздраженно ждал, когда отпустят нужных ему исполнителей. Терпение Любимова в конце концов, видимо, лопнуло: перед Эфросом предстал настойчиво вежливый гонец, присланный за Высоцким. «Я пойду?» — И не дожидаясь разрешения, Высоцкий устремился к выходу. «Вы же там не главный ремень», — иронически бросил ему вдогонку Эфрос. Интонация была особенной, ею отрицалась серьезность всего, что происходило в театре за пределами этого вот зала...

Конечно же, Любимов ревновал... Он ходил вокруг будущего спектакля далекими кругами. Он чувствовал его нарождающуюся чужеродность, невольно от нее защищался. Порой, возможно, терял ощущение грани между защитой и нападением. Что делать. Мучительно страшен психологический мир театральных кулис, такой желанный и радостный для непосвященных. Соперничество — одна из глубинных составляющих творческого процесса. Дни работы над «Вишневым садом» были пронизаны тайным драматизмом».

Концертная деятельность Владимира Высоцкого в тот год не была столь бурной и активной, как в два предыдущих года: он дал всего лишь около тридцати концертов. Но энергия Высоцкого-поэта не иссякала и обогащалась новыми красками. В том году он написал целый цикл песен к фильму С. Тарасова «Стрелы Робин Гуда»: «В забавах ратных целый век», «Замок временем скрыт», «Баллада о любви», «Средь оплывших свечей», «Робин Гуд». Правда, с пес-

нями этими произошла та же история, что и с песнями, написанными Высоцким к предыдущему фильму С. Тарасова «Морские ворота», — в фильм они не вошли. И лишь через семь лет, уже после смерти Владимира Высоцкого, Тарасов использовал их в своем новом фильме «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго».

Касаясь грустного эпизода с фильмом «Стрелы Робин Гуда», Владимир Высоцкий рассказывал: «В фильм не вошли шесть баллад. Сказали, что они слишком утяжеляют повествование, а это приключенческий фильм. Я же, дескать, написал баллады как для фильма серьезного».

В том году выйдет одна из первых серьезных статей о Владимире Высоцком-киноартисте: Ирина Рубанова напишет 15 страничек текста, который будет помещен в альманахе «Актеры советского кино. Выпуск 2».

В мае 1975 года братья Вайнеры закончат работу над романом «Эра милосердия», по нему в 1978 году будет снят телевизионный фильм «Место встречи изменить нельзя», в котором Высоцкий сыграет одну из лучших своих киноролей — капитана МУРа Глеба Жеглова.

В том году Высоцкий снялся в эпизодической роли в фильме Иосифа Хейфица «Единственная», главную роль в котором сыграл коллега Высоцкого по театру на Таганке Валерий Золотухин. Когда через год фильм выйдет на экраны страны, о роли Владимира Высоцкого в нем почти никто из критиков и не вспомнит. А если и вспомнит, то ограничится парой строк. Как это, к примеру, сделал М. Кузнецов в альманахе «Экран-76—77»: «По сравнению с рассказом П. Нилина в фильме появился новый герой — руководитель хорошего кружка (В. Высоцкий). Таня жалеет его — неустроен, одинок. Восхищена талантом: Высоцкий поет под гитару... Сострадает ему — его талант не признан: даже пошляк Журченко хамски иронизирует над его судьбой... Словом, логически все правильно. Только вот куда пропала синяя птица вдохновенной правды искусства, не знаю. Сцена не вышла. И не нужна «лобовая» деталь: узнав об измене, Николай (Зо-

лотухин) рвет с места грузовик, и волна грязи окатывает Таню...»

В том же году Владимир Высоцкий сыграет на радио роль Красавчика в дискоспектакле «Зеленый фургон» по повести А. Казачинского. Позднее Высоцкий захочет снять фильм по этому произведению, но смерть не позволит ему сделать это.

Для другого дискоспектакля — «Алиса в Стране чудес» — Владимир Высоцкий напишет цикл песен, причем количество этих песен будет поистине феноменальным: из 50 песен, написанных Высоцким в 1975 году, целых 30 выпадет на «Алису».

На экранах страны в тот год прокатывали фильмы: «Они сражались за Родину», «Прошу слова», «Белый пароход», «Сто дней после детства», «Звезда пленительного счастья», «Пропавшая экспедиция».

В том году начала свое стремительное восхождение на вершину эстрадного Олимпа 26-летняя Алла Пугачева со своим «Арлекино». Академик А.Д. Сахаров стал нобелевским лауреатом.

В сентябре 1975 года Театр на Таганке выезжает на гастроли в Болгарию. Во время этих гастролей Владимиру Высоцкому предложили записать на студии «Балкантон» долгоиграющий диск. Не теряя времени и взяв себе в напарники еще двух гитаристов-аккомпаниаторов (ими стали коллеги Высоцкого по театру Виталий Шаповалов и Дмитрий Межевич), Высоцкий приехал на студию и без всякой подготовки, без дублей на едином дыхании записал весь диск.

О гастролях театра в Болгарии и о титулованном внимании к нему оставил свои воспоминания В. Смехов: «После первого же спектакля Высоцкого осыпали цветами, а в примерной я даже прорычал, что не дают переодеться, барышни и граждане стекались к Володиному столику за автографами. Вот это уже чрезвычайно знакомая картина. И машины Ловчева и Кабакчиева, других видных деятелей литературы, театра, кино — возле театра в ожидании выхода Володи.

И личная просьба Тодора Живкова на ужине в честь театра — и Володя поет: «Только тому, кто в гробу, ничего».

Вернувшись из зарубежных гастролей, Таганка 29 сентября начинает гастроли по Союзу и выступает в Ростове-на-Дону. Но Владимир Высоцкий эти гастроли уже не осилил: почувствовав себя плохо, он раньше срока вернулся в Москву. 12 октября ему стало плохо с почками, и к нему на дом (Малая Грузинская, дом № 28) была вызвана «Скорая помощь».

Начало ноября было для Высоцкого не самым приятным временем. Вернувшись с концертных гастролей 2 ноября в плохой физической форме, он уже на следующий день играл в театре «Гамлета». А. Демидова о том дне оставила в своем дневнике весьма лаконичную запись: «Вечером «Гамлет». Высоцкий играет «напролом», не глядя ни на кого. Очень агрессивен».

Тем временем до премьеры «Вишневого сада» остается всего 26 дней. В те же ноябрьские дни Высоцкий продолжает съемки в фильме Александра Митты «Сказ о том, как царь Петр арапа женил»: Высоцкому в этом фильме досталась одна из центральных ролей — роль прадеда А.С. Пушкина арапа Ганнибала. Съемки идут с трудом, Высоцкий и Митта не понимают друг друга. Золотухин об этом писал: «Митта с Вовкой не могут работать, идет ругань и взаимораздраженность. Я не могу быть союзником ни того ни другого».

В конце концов приятельские отношения между В. Высоцким и А. Миттой вконец испортились. Раньше, бывало, В. Высоцкий отмечал свои дни рождения в доме у А. Митты, теперь же в их отношениях наступил холод. После смерти В. Высоцкого А. Митта сокрушался, почему это, снимаясь в посредственном фильме С. Говорухина «Вертикаль», В. Высоцкий не испортил отношений с ним, а даже наоборот, укрепил их, а вот с ним, Миттой, после «Сказа...» Высоцкий близкие отношения почти прервал.

Позднее, когда фильм уже вышел на экраны страны, критик И. Рубанова писала: «Владимир Высоцкий в роли

Ибрагима играл преданность великому обновителю русской жизни, но и независимость характера, свободу суждений, нежелание подчинять свою частную жизнь государственным интересам. Он был поэтом и мыслителем и в свои отношения с царем внес призыв темы бедного Евгения из другого петровского сочинения Пушкина — поэмы «Медный всадник».

Многое из задуманного актером в роли Ибрагима по разным причинам не вылилось в крупный результат. Самой же горькой потерей был отказ режиссера от двух превосходных песен-комментариев к фильму — «Песни о петровской Руси (Купола)» и «Как во смутной волости».

Надо отметить тот факт, что участие в съемках фильма о петровской Руси, несомненно, послужило Владимиру Высоцкому большим толчком к его дальнейшим серьезным мыслям о том, что же происходит с его страной:

Грязью чавкая, жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремяна, —
Но влекут меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна.
(«Купола»)

Наблюдая за тем, куда влекут страну престарелые мастодонты из Политбюро, Высоцкий приходит к мысли о том, что стране необходим современный Петр, человек, который способен вздыбить «сонную державу» и вернуть ее к полноценной жизни. Подобные настроения в то время в народе были очень сильны, и не случайно одним из самых популярных анекдотов того периода был анекдот о том, как воскресший из мертвых Владимир Ульянов-Ленин возвращается в Кремль и первым делом требует к себе в кабинет все газеты той поры. Закрывшись после этого в своем кабинете, он сутки изучает принесенную ему прессу. Но вот прошли сутки, а Ильич-первый не выходит. Прошли еще сутки — и вновь тишина за дверями ленинского кабинета. Тогда, обеспокоенные долгим отсутствием Ильича, члены Политбюро на свой страх и риск вскрывают кабинет и видят, что он

пуст. Только на зеленом сукне стола сиротливо белеет записка: «Ухожу в подполье, начинаю все сначала. Ленин».

Владимир Высоцкий к тому времени давно уже вступил в непримиримый конфликт с социально-политической системой, что существовала в стране. Начинаясь как поэт с блатных песен, песен бытового протеста, Высоцкий, в силу своего таланта, цепкого ума и склада характера, должен был рано или поздно превратиться в певца-гражданина, человека, для которого Родина была не абстрактным понятием, не слюняво-лубочной Россией с матрешками и березками, а той землей, на которой он родился, жил и в которую должен был рано или поздно лечь. И эта связь Высоцкого с родной землей и была тем главным мерилom, по которому люди оценивали искусство Владимира Высоцкого, в силу которого оно и выросло до размеров истинно народного. «Ни единою буквой не лгу!» — пел Высоцкий, и в стране не было человека, кто имел бы смелость поставить под сомнение это творческое и жизненное кредo поэта.

В далеких теперь 70-х я часто задавал себе вопрос: почему же тех диссидентов, которые в открытую бросали вызов существующему в стране режиму, порой кладя на алтарь борьбы за свободу свое здоровье, а иногда и жизнь, народ наш, в большинстве своем, почти не воспринимал? Более того, люди верили официальной пропаганде, твердившей о злокозненных происках «наймитов Запада» против нашей горячо любимой Родины. И в то же время Владимира Высоцкого народ боготворил, несмотря на то, что та же официальная пропаганда писала о нем отнюдь не похвальные панегирики. Только ли в том здесь было дело, что Высоцкий был артистом и в силу специфики своей профессии должен был нравиться людям? Или, быть может, люди любили его из-за того, что он не был, в отличие от тех же диссидентов, далек от народа, а, наоборот, сам был ярким представителем этого народа? Тут даже алкоголизм Высоцкого играл благотворную роль. В отличие от «чистоплотных» диссидентов, повернувших головы в сторону Запада, Высоцкий был в доску своим, российским мужиком, скоморо-

хом, притесняемым за правду властями и разделявшим все тяготы и лишения той поры вместе со своим многострадальным народом.

К тому времени прошло 11 лет со дня смещения Н.С. Хрущева, а долгожданные перемены в стране так и не наступили. Уже успела благополучно скончаться косыгинская реформа, и молодежавый когда-то Леонид Брежнев стоял на пороге своего первого серьезного инфаркта и последующей скорой физической деградации. Количество разочаровавшихся и недовольных режимом стремительно росло.

В ноябре 1975 года на большом противолодочном корабле дважды Краснознаменного Балтийского флота «Сторожевой», находившемся в Рижском заливе и подготовленном для участия в параде на Даугаве в честь 58-й годовщины Великого Октября, поднялось восстание, которое возглавил 37-летний капитан 3-го ранга Валерий Саблин. Из 150 человек экипажа против восстания выступили только 8 человек офицеров. Остальные встали за своего капитана. Решено было идти в Ленинград и там требовать прямого выхода в телевизионный эфир с воззванием к советскому народу по поводу предательской, антиленинской политики брежневского руководства.

В своем письме жене от 7 ноября 1975 года Валерий Саблин писал: «Сейчас наше общество погрязло в политическом болоте, оно все больше и больше будет ощущать экономические трудности и социальные потрясения. Честные люди видят это, но не видят выхода из создавшегося положения...»

Найду ли я единомышленников в борьбе? Думаю, что они будут. А если нет, то даже в этом одиночестве я буду честен. Настоящий шаг — это моя внутренняя потребность. Если бы я отказался от борьбы, я бы перестал существовать как человек, перестал бы уважать себя, я бы звал себя скотиной...»

Первое в советской истории открытое выступление против существующего режима на флоте закончилось неудачей: в 30 милях от острова Готланд после бомбардировки со

сверхновых истребителей-бомбардировщиков «Су-24» «Сторожевой» сдался.

Между тем произошедшая в конце 1974 года смена министра культуры СССР и возможное смягчение идеологических репрессий в связи с подписанием СССР Хельсинкских соглашений побудило Юрия Любимова к очередной попытке реанимировать спектакль «Живой» по роману Б. Можая, запрещенный к показу еще при Е. Фурцевой в 1968 году. Как показали дальнейшие события, уход Фурцевой и подпись под соглашением мало повлияли на отношение властей к этому произведению Б. Можая. Более того, эта очередная попытка Ю. Любимова оказалась самой печальной из всех предыдущих. Высокая комиссия, принимавшая спектакль, предъявила режиссеру ни много ни мало около 90 различных замечаний и дала два месяца на их исправление. Но это было очередное лицемерие властей: как потом выяснилось, решение не пускать спектакль при любых условиях было уже проштамповано заранее, еще до показа его комиссии. Подобная ситуация в эпоху господства в искусстве «социалистического реализма» была чуть ли не типичной.

Олег Даль в декабре 1974 года писал в своем дневнике: «Соцреализм — самое ненавистное для меня определение.

Соцреализм — гибель искусства.

Соцреализм — сжирание искусства хамами, бездарью, мещанами, мерзавцами, дельцами, тупицами на высоких должностях.

Соцреализм — определение, не имеющее никакого определения.

Соцреализм — ничто, нуль, пустота.

Естество не любит пустоты...

Посему столь бездарная пустота, как соцреализм, мгновенно заполнилась всяческим говном и отребьем без чести и совести. Не надо быть талантливым, чтобы сосать такую матку, как «соцреализм». Надо просто знать, что надо, и на книжной полке будет расти ряд сберкнижек!

Соцреализм предполагает различные награды и звания!

В последнее время дохожу до физиологического состояния тошноты и блевотины. Это уж слишком!

Куда податься? Где чистого воздуха хлебнуть?»

Таким, как Олег Даль, некуда было податься, безвременье выбрало их в качестве своих трагических героев. Но время смерти для таких, как он, еще не пришло, и из жизни уходили другие.

9 августа 1975 года в Москве скончался выдающийся советский композитор Дмитрий Шостакович. По поводу его отношения с властью Г. Вишневская писала, что «власти заблуждались, думая, что, обвинив его липкой паутиной и всучив ему партбилет, они создали из него нужный им образ верного коммуниста, славящего в своих выступлениях Советскую власть. Именно эти-то высказывания, идущие вразрез со всем его творчеством и всей его жизнью, — позорный и яркий документ, свидетельствующий об извращении и подавлении личности коммунистическим режимом».

Конец 1975 года так и не принес желанного душевного успокоения для Владимира Высоцкого. Не ладятся съемки в «Арапе Петра», продолжают сложности во взаимоотношениях с Юрием Любимовым. 12 декабря Любимов заявил Валерию Золотухину: «С господином Высоцким я работать больше не могу. Он хамит походя и не замечает... Ездит на дорогих машинах, зарабатывает бешеные деньги, — я не против... на здоровье... но не надо гадить в то гнездо, которое тебя сделало...»

14 декабря на роль Гамлета официальным приказом по театру назначается Валерий Золотухин.

В те морозные зимние дни декабря 75-го в Москве умирала знаменитая киноактриса, бывшая жена Героя Советского Союза Анатолия Серова и писателя Константина Симонова, любимая женщина Маршала Константина Рокоссовского Валентина Серова. Она умирала одна, всеми забытая и брошенная. Актриса Л. Пашкова вспоминала: «За несколько лет до смерти Серовой увидела ее на улице у винного магазина и испугалась. «Неужели и я когда-нибудь могу так кончить?» Сунула ей в руку какие-то деньги и побежала по тро-

туару. Слезы застилали глаза, и вновь все сменилось злостью.

В декабре 75-го (Валентина Серова скончалась 12 декабря в возрасте 58 лет) хоронили ту, что пленяла своим искусством не одно поколение зрителей. Гражданская панихида состоялась в Театре-студии киноактера. Поглядела на умершую, и сердце сжалось от боли. Неужто это все, что осталось от самой женственной актрисы нашего кино и театра? Ком застрял в горле. Вынести этого долго не могла. Положила цветы и ушла из театра. Часа три ходила по Москве и плакала».

Парадоксально, но судьба самой Людмилы Пашковой сложилась не менее трагично, чем у Серовой. В 1983 году ее мужа — председателя Союзгосцирка А. Колеватова — арестовали, и она осталась совершенно одна, отвергнутая друзьями. От горя и безысходности она вновь вернулась к давнему пристрастию — выпивке. И в конце концов безвременно умерла в своей роскошной, но холодной и пустой квартире на Смоленской набережной.

1976 год

В отличие от всех предыдущих годов, год 1976-й был отмечен резким ослаблением давления на Театр на Таганке со стороны властей. Можно долго искать причину столь внезапного благоволения и находить массу ответов, но все же главным было то, что власть в тот год, кажется, почувствовала, что привычные репрессии уже утратили свою эффективность, уловила тот момент, когда кнут должен сменить вкусный пряник.

Все годы своего существования Театр на Таганке хоть и был мощным оплотом оппозиционного мышления, но только не по отношению к идейным основам того режима, что существовал в стране, а лишь к антигуманным формам их воплощения. И в какой-то мере Таганка нужна была режиму, для того чтобы служить тем клапаном, через который

без остатка выходило бы все накопившееся в народе недовольство. При желании со Старой площади и с Лубянки этот клапан в нужный момент открывался и так же закрывался, когда в этом назревала необходимость для властей. 1976 год и стал тем годом, когда клапан раскрыли шире, чем обычно. Подписав в прошлом году Хельсинкские соглашения, руководство страны, похоже, решило хоть в малой степени либерализовать режим.

В. Смехов в своих воспоминаниях писал: «С 1976 года ослабло давление на нас. Года два улыбалось солнышко... Дрожа от страха за свою смелость, начальство выпустило Таганку за рубеж. В вузах разрешили курсовые и дипломные работы о Театре на Таганке. Четверо актеров театра получили звания «заслуженных». Двенадцать семей — новые квартиры. А сам театр — разрешение и проект на новостройку. Любимов выехал на постановку оперы в Италию. В то же время Владимиру Высоцкому разрешили сделать запись на «Мелодии». Правда, из 4 часов записи выпустили только диск-малютку... Перестали чинить препятствия его выездам во Францию, к жене. Правда, всякий раз с нервотрепкой по поводу визы...»

И все-таки, несмотря на столь благоприятные обстоятельства в жизни театра, то состояние неудовлетворенности и тревоги, что доминировало у Высоцкого в прошлом году и было связано с ревнивым отношением к нему со стороны коллег по работе, в его душе сохранялось. Театральная дисциплина и сверхтребовательность к нему со стороны Любимова все чаще повергали его в уныние. Любимов, кажется, этого не понимал и все чаще бросал в сторону Высоцкого: «Я покончу в конце концов со звездной болезнью артистов!»

В марте Валерий Золотухин, в конце прошлого года назначенный на замену Высоцкому в спектакле «Гамлет», написал в своем дневнике:

«27 марта. Разговор наш с Володей назревал и должен был состояться.

— Валерий! В своей жизни я больше всего ценил и ценю друзей... Я так живу. Понимаешь? И у меня досада и обида —

на него (Любимова) главным образом. Он все сводит со мной счеты, кто главнее: он или я, в том же «Гамлете». А я — не свожу... И он мне хочет доказать! «Вот вас не будет, а «Гамлет» будет, и театр без вас переживет...» Да на здоровье... Но откуда, почему такая постановка? И самое главное, он пошел на хитрость: он выбрал тебя, моего друга, вот, дескать, твой друг тебя заменит. Единственно скажу, может быть, неприятное для тебя... Будь у тебя такой спектакль, как «Гамлет», шеф ко мне с подобным предложением не обратился бы, зная меня и мою позицию в таких делах...»

Надо отметить, что через полгода после этого разговора отношения между Высоцким и Любимовым несколько разрядились. Случилось это в сентябре во время X Международного театрального фестиваля в Югославии (БИТЕФ), в котором наряду с другими тремя десятками театральных коллективов со всего мира участвовала и Таганка. Более того, Таганка на этом фестивале взяла Гран-при за свой спектакль «Гамлет» с Владимиром Высоцким в главной роли. Вот тогда-то и потеплели отношения ведущего актера театра и главного режиссера. В тот период у них даже возникла идея (к ней подключился и главный художник театра Давид Боровский) поставить спектакль, основанный на песнях Высоцкого. Идея эта очень серьезно ими тогда прорабатывалась, началось даже изготовление декораций к спектаклю, но затем все это было спущено на тормозах самими же авторами этого мероприятия. Правда, взамен этого проекта в театре появился спектакль «В поисках жанра», в котором небольшое место отводилось Владимиру Высоцкому и его песням.

Но вернемся в начало 1976 года, ко времени, которое всегда приносило Высоцкому массу неприятностей. В феврале он сломал ногу и, совершенно скованный этим обстоятельством в своей трехкомнатной квартире на Малой Грузинской, не находит ничего лучшего, как вновь пуститься в загул. Никто не в силах его остановить, разве что Марина Влади, которая буквально разрывается между Парижем и Москвой.

«Я запираюсь с тобой дома, чтобы отнять тебя от бутылки. Два дня криков, стонов, мольбы, угроз, два дня топта-

ния на месте, потери равновесия, скачков, падения, спазмов, рвоты, безумной головной боли. Я вылила всю выпивку, но если, к несчастью, где-нибудь в доме остается на доннышке немного спиртного, я бегу наперегонки с тобой, чтобы вылить и это, прежде чем ты успеешь глотнуть. Постепенно ты успокаиваешься, ты урывками спишь, я стерегу тебя и бужу, когда тебе снятся кошмарные сны. Наконец ты засыпаешь спокойным сном, и я тоже могу отдохнуть несколько часов. Мне это необходимо, потому что, как только ты проснешься, начнется следующая фаза, может быть, самая тяжелая. Ты называешь это моральным похмельем. Ты уже не страдаешь физически, но вернулось сознание, ты подводишь итоги. Они часто ужасны. Отмененные спектакли, ссоры с Любимовым, выброшенные деньги, потерянная или раздаренная одежда, ссадины и синяки, ножевые раны, товарищи, пострадавшие в многочисленных дорожных авариях, мои прерванные съемки, моя тревога и все обидное, что ты наговорил мне, — а ты будешь помнить свои слова, даже если я никогда больше не заикнусь об этом.

И тут мне надо тебя успокоить и, подавив в себе гнев, простить. Потому что тебе стыдно, и, пока я не обниму тебя и не успокою, как ребенка, ты безутешен».

Уставший от своего тяжелого недуга не меньше, чем Влади, Владимир Высоцкий напишет в том году горькое признание:

Куда ни втисну душу я, куда себя ни дену,
За мною пес — Судьба моя, беспомощна, больна, —
Я гнал ее камнями, но жметса пес к колену —
Глядит, глаза навывкате, и с языка — слюна..
Бывают дни, я голову в такое пекло всуну,
Что и Судьба попятится, испугана, бледна, —
Я как-то влил стакан вина для храбрости в Фортуну —
С тех пор ни дня без стакана, еще ворчит она:
Закуски — ни корки!
Мол, я бы в Нью-Йорке
Ходила бы в норке,
Носила б парчу!..
Я ноги в опорки,
Судьба — на закорки, —
И в гору, и с горки
Пьянчугу влачу.

Как ни удивительно, но помощь к Высоцкому в его долгой борьбе с болезнью в тот год придет не от традиционной медицины.

Летом 1976 года Высоцкий вновь проводит свой отпуск во Франции. В один из тех летних дней он приходит на квартиру своего парижского друга художника Михаила Шемякина. Далее — воспоминания самого М. Шемякина: «Перебирая старые архивы, я наткнулся на фотографический портрет старого тибетского монаха с молитвенной погребушкой в иссохших старческих руках. Это был учитель самого Далай-ламы, и такой же портрет висел на стене рабочего кабинета в квартире Высоцкого в Париже...

Однажды, поздним вечером, в дверь моей парижской квартиры позвонили... На пороге стояли Володя и Марина. Их визит не был неожиданностью. Пожалуй, наряд Володи был несколько необычен. Вместо обычного джинсового костюма — черный отутюженный костюм, в довершение всего — галстук. Марина тоже вся в черном. Я озадаченно молчал. «Птичка, собирайся, и по-быстрому», — мрачно и серьезно сказал мне Володя. «Куда, что?» Но они ничего не объяснили, и вскоре мы мчались куда-то на окраину Парижа, целиком полагаясь на Володю и понимая, что так нужно...

Остановились мы у какого-то старого загородного особняка. Вылезли. И тут, когда Марина отошла от нас, Володя шепнул мне: «Сейчас будем от алкоголя лечиться». «Где, у кого?» — «У учителя Далай-ламы!» И, лукаво подмигнув, Володя подтолкнул меня к открытой двери дома...

В огромном зале сидят монахи... Марины все нет. Она уже где-то на верхах. Пока мы поднимаемся, вехомые под руки узкоглазыми желтоликими братьями, Володя мне доверительно объясняет, что бабка Марины — китайская принцесса и что только поэтому нас согласился принять сам учитель Далай-ламы, который здесь, под Парижем, временно остановился. Выслушает нас и поможет. «Пить — как рукой снимет».

И вот наша очередь. Монах-стражник задает нам вопрос, зачем мы пришли. Марина, не поднимая головы, переводит нам по-русски... Володя говорит: «Ты, Мариночка, скажи, у нас проблема — водочная, ну, борьба с алкоголем».

Марина переводит... Со старцем происходит необычное. Он вдруг начинает улыбаться и жестом своих иссушенных ручек еще ближе приглашает нас подползти к нему... Читает нам старую притчу, очень похожую на православную, где говорится, что все грехи от алкоголя. Кончив, лукаво подмигивает нам и показывает на маленький серебряный бокальчик, который стоит от него слева на полке: а все-таки иногда выпить рюмочку водки — это так приятно для души.

Аудиенция закончена. Лама сильными руками разрывает на полоски шелковый платок и повязывает на шею Володе и мне. «Идите, я буду за вас молиться». Монахи выносят в прихожую фотографии — дар великого ламы.

...Прошло несколько месяцев. Володя был занят на съемках фильма, когда звонил мне в Париж, первым делом спрашивал: «Ну как, старик, действует? Не пьешь?» — «Нет, ну что ты! — отвечал я... — А ты, Вовчик, как? Действует?» — «Мишуня, старик — умница! У меня все отлично! Завязано!» И так продолжалось долго.

Михаила Шемякина память не подводит: «заговор» тибетского монаха действовал на Владимира Высоцкого около года. Столь длительное воздержание от спиртного не замедлило благотворно сказаться на творческом потенциале Высоцкого. Летом того года, будучи с Мариной Влади в олимпийском Монреале, он записывает со звукорежиссером Андре Перри долгоиграющую пластинку. А в Москве тем временем фирма «Мелодия» выпускает в свет две маленькие пластинки с песнями Владимира Высоцкого: одну — с песнями «Скалолазка», «Москва — Одесса», «Она была в Париже», «Кони привередливые», другую — с песнями из кинофильма «Бегство мистера Мак-Кинли».

Набирает обороты в тот год и концертная деятельность Владимира Высоцкого. Если в прошлом году он дал не более 26 концертов, то в 1976 году их число достигло 40, из-под его пера появляются новые песни: «Был побег на рывок», «Две судьбы», «Надежда», «Мы говорим не «штормы», а «шторма». Но гвоздем года стала, конечно же, песня «Дорогая передача».

Дорогая передача!
 Во субботу, чуть не плача,
 Вся Канатчикова дача
 К телевизору рвалась!
 Нет чтобы — поесть, помыться,
 Уколоться и забыться.
 Вся безумная больница
 У экранов собралась.

Надо сказать, что в те дни, когда песенное творчество Владимира Высоцкого достигло своего апогея, были люди, которые не разделяли восторгов вокруг имени певца. По словам В. Золотухина, прозаик Юрий Щеглов (ВаршOVER) говорил ему в апреле 76-го:

«Я не люблю Высоцкого и его искусство, оно одноплановое, какая-то популярная грусть. Более того, его искусство — жестокое, недуховное и вредное.

Нельзя размахивать над искусством гитарой. Он щекочет яйца. Но ведь это порочный способ получения удовольствия, когда есть женщина... баня, душ Шарко и пр. Нет, это интересно... я с любопытством большим смотрю, слушаю. Меня это завлекает. Но в этом нет души, что изначально стояло во главе всякого русского искусства. Он приводит меня в жеребячье состояние. Мне хочется к цыганам, к морю... к коньяку, в конце концов, и автоматом поиграть-пошутить».

Трудно согласиться с мнением Юрия Щеглова (ВаршOVER) хотя бы потому, что сам он в те дни был далек от того миропонимания, каким был «болен» Владимир Высоцкий, а значит, не мог быть и объективным в оценке творчества поэта. С песен Высоцкого Щеглов снял лишь верхний слой, увидел в них всего лишь «цыганщину» и не более. В свое время таким же образом поступали с Сергеем Есениным обласканные большевистским режимом писатели и поэты, увидевшие в «Москве кабацкой» лишь откровения пьяного хулигана. Вот и 43-летнему Юрию Щеглову (ВаршOVERу) в те дни грех было жаловаться на свою судьбу: в том году, когда он припечатал к позорному столбу творчество Владимира Высоцкого, у него вышла в свет книга «Когда отец ушел

на фронт», а еще через два года Щеглова благополучно приняли в Союз писателей СССР.

Контакты Владимира Высоцкого с кинематографией в тот год были совсем минимальны. Для кинофильма «Вооружен и очень опасен» Высоцкий написал тексты к песням, которые исполнила Людмила Сенчина. Была очень большая надежда на то, что Высоцкий сыграет главную роль в фильме «Емельян Пугачев». В конце мая на «Мосфильме» состоялись кинопробы, после которых многие из видевших их были склонны думать, что кандидатура Владимира Высоцкого на роль Пугачева пройдет без возражений. Но кинематографическое начальство вновь рассудило по-своему. Отклонив кандидатуру сомнительного Высоцкого, начальство назначило на главную роль благонадежного Евгения Матвеева, несмотря на то, что консультант фильма был категорически против «такого Пугачева». Таким образом, Евгений Матвеев заменил Владимира Высоцкого еще в одной картине (первая замена была в 1972 году в фильме «Высокое звание, или Я — Шаповалов Т.П.»). В тот год на экраны страны вышел фильм Александра Митты «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» с Владимиром Высоцким в главной роли. Фильм этот имел заметный успех у зрителей и прокатывался в лучших столичных кинотеатрах — «Октябре» и «России».

Помимо этого фильма, на экранах страны шли фильмы: «Слово для защиты», «Белый Бим Черное ухо», «Несовершеннолетние», «Розыгрыш», «Сладкая женщина», «Восхождение», «Аты-баты, шли солдаты», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Древо желания», «Легенда о Тиле» и др. На телевизионных экранах господствовали многосерийные сериалы — «Вечный зов», «Сибирь», «Дни Турбиных».

Но в целом общее состояние советского кинематографа в тот год оставляло желать лучшего: на десяток прекрасных картин приходилось в пять раз больше экранной серости и откровенной халтуры. Лидерами в подобной продукции в тот год были фильмы: «Повесть о коммунисте» (документально-монументальное полотно о Леониде Брежнев) и

киноэпопея «Солдаты Свободы», в которой роль Леонида Брежнева сыграл Евгений Матвеев.

С 8 по 25 июня во Фрунзе проходил 9-й Всесоюзный кинофестиваль, на котором Большой приз был вручен фильму киргизских кинематографистов «Белый пароход» (по повести Ч. Айтматова). Среди других призеров того фестиваля были как действительно достойные картины: «Сто дней после детства», «Афоня», так и фильмы весьма посредственные: «Чертова невеста», «От зари до зари», документальный «Сердце Корвалана».

Присутствовавший на фестивале Олег Даль, вернувшись в Москву, записал в своем дневнике: «Кинофестиваль во Фрунзе. Никогда еще не видел такого количества идиотов, собранных в одну кучу!

Нынешние деятели искусства напоминают мне обезумевшее от тупости громадное стадо баранов, несущихся за козлом-провокатором к пропасти.

Я стою на вершине холма и наблюдаю эту картину. Кое-кого хочется остановить... Но поздно... Терпение! Терпение!»

Ощущение падения в пропасть, только не деятелей искусства, а всего советского общества приходило в тот год и к Владимиру Высоцкому. И если до этого из-под его пера почти не рождались строки откровенно политического характера, то в тот год он написал:

Напрасно я лицо свое
разбил —
Кругом молчат — и все
и взятки гладки,
Один ору — еще так много
сил,
Хоть по утрам не делаю
зарядки,
Да я осилить мог бы тонны
груза!
Но, видимо, не стоило
таскать —
Мою страну, как тот
дырявый кузов,
Везет шофер, которому
плевать.

Тот «шофер», которого имел в виду Владимир Высоцкий, год своего 70-летия встретил обширным инфарктом, на целых три месяца выбившим его из нормальной жизни. Еще полгода назад, во время визита в Хельсинки, Леонид Брежнев уже вынужден был взять с собой мощное медицинское обеспечение. После февральского инфаркта организм 70-летнего генсенка стал стремительно разрушаться. Но товарищи по Политбюро и не думали менять дряхлеющего на глазах руководителя на кого-нибудь иного. Покладистей Леонида Брежнева трудно было найти человека. Поэтому 76-й год превратился в сплошную подготовку к празднованию славного 70-летнего юбилея Генерального секретаря ЦК КПСС. Коллеги по работе в Политбюро готовили ему роскошный подарок в виде очередной Золотой Звезды Героя Советского Союза и маршальской Звезды как «великому полководцу», а соратники из братских компартий социалистических стран доставали из своих «загашников» главные награды своих стран. Главный праздник всего прогрессивного человечества намечался на декабрь.

13 июля 1976 года Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело бывшего капитана 3-го ранга 37-летнего Валерия Саблина, который в ноябре прошлого года поднял восстание на противолодочном корабле «Сторожевой». Военная коллегия обвинила Валерия Саблина «в вынашивании враждебных планов против Советского государства с весны 1973 года, т.е. изменение государственного и общественного строя, замену правительства СССР» и приговорила его к расстрелу. Сообщника В. Саблина матроса А. Шеина суд приговорил к 8 годам лишения свободы. 3 августа в одной из тюрем страны палач выстрелом в затылок убил Валерия Саблина, человека, впервые открыто поднявшего восстание на военном корабле в советское время.

Трудно сегодня установить, знал ли Владимир Высоцкий о ноябрьском восстании на «Сторожевом» и была ли ему известна дальнейшая трагическая судьба своего ровесника капитана 3-го ранга Валерия Саблина. Но одно можно предположить точно: Высоцкий никогда бы не осудил отчаянного поступка мятежного капитана. До мозга своих кос-

1977 год

тей Владимир Высоцкий был патриотом своей многострадальной Родины, и только бесконечная любовь к ней могла толкнуть его на написание в том же 1976 году строк:

...ведь история страны —
история болезни.
Живет большее все бодрей,
Все злей и бесполезней —
И наслаждается своей
Историей болезни. .

И, думая сегодня о трагической судьбе Валерия Саблина, можно быть уверенным в том, что совершил он свой героический поступок не без влияния творчества Владимира Высоцкого. Ведь те песни, что пел Владимир Высоцкий, во время унылого и вязкого «застоя» звали к мысли, к поступку, призывали «раздвинуть горизонты» и «вырваться за флажки».

Как известно из истории, лейтенант Петр Шмидт, поднявший восстание на крейсере «Очаков» в 1905 году (ровно за 70 лет до В. Саблина), был тоже приговорен к смертной казни, но приговор долго не приводился в исполнение в силу того, что палачи отказывались убивать российского героя. С Валерием Саблиным этого не произошло: время от объявления приговора до его исполнения исчислялось всего двадцатью днями. Как и Петру Шмидту, Валерию Саблину в момент смерти было всего 38 лет.

...Он сказал мне, — Приляг,
Успокойся, не плачь, —
Он сказал, — Я не враг,
Я — твой верный палач.
Уж не за полночь — за три,
Давай отдохнем.
Нам ведь все-таки завтра
Работать вдвоем.

«Чем черт не шутит, что ж, — хлебну, пожалуй, чаю,
Раз дело приняло приятный оборот,
Но ненавижу я весь ваш палачий род —
Я в рот не брал вина за вас — и не желаю!»

Накричали речей
Мы за клан палачей.
Мы за всех палачей
Пили чай — чай ничей...

(Отрывок. Лето 1975)

Начало января 1977 года застало Владимира Высоцкого в Москве: 7 января он открывает новый концертный сезон выступлением на АЗЛК. Затем вместе с Театром на Таганке он улетает на гастроли в Сочи.

Со дня своего последнего загула в феврале 1976 года Высоцкий каким-то невысказанным образом держал себя «в форме»: по всей видимости, посещение тибетского монаха не прошло для него бесследно. И все же синдром начала года был сильнее заклинаний учителя Далай-ламы: в начале марта 1977 года Владимир Высоцкий вновь сорвался «в пике». И опять, как и в прошлые годы, из-за этого загула Высоцкого в театре сорваны спектакли — «Пугачев» и «Гамлет».

К этому времени уже успела пропасть новизна от поездок за границу, и теперь, даже находясь там, Высоцкий умудрялся уходить в такие «пике», которые редко удавались ему и дома. Как писала Марина Влади: «После первой поездки за границу у тебя появляется чувство разочарования, отчаяния оттого, что и здесь ты не нашел решения проблемы. И уже практически ничто не в силах сдержать твоих разрушительных импульсов. В этом и заключается парадокс, невообразимый для нормального здорового человека: имея, казалось бы, все, ты буквально тонешь в отчаянии».

Довольно быстро выясняется, что возможность выехать из СССР ничего не решает, лишь убыстряет падение. Пьяных загулов, которые время от времени можно себе позволить в Москве, на Западе не понимают...

Человек, живущий в тоталитарном государстве, неловко чувствует себя даже в собственной шкуре. Он надеется найти на Западе окончательное разрешение всех проблем и избавиться от своих страхов. И вдруг понимает, что сам по себе Запад ничего не изменит в его жизни — у него лишь возникнет множество неведомых доселе обязанностей...

У тебя дома, в СССР, тебя понимают. Ты не признан официально, но зато любим публикой... Во Франции счастлив ты бываешь всего несколько дней, и вот тебя уже снова

раздирают противоречивые желания. Дни начинают тянуться невыносимо долго, ты наконец с облегчением возвращаешься в Москву, но, как только проходит радость встречи с городом, с театром, с публикой, у тебя снова появляется непреодолимое желание уехать... И повсюду ты чувствуешь себя изгнанником, ты не можешь жить ни поднадзорно-свободным в Москве, ни условно-свободным на Западе. Ты выбираешь внутреннее изгнание. Шаг за шагом ты покидаешь себя».

Горькие слова, написанные самым близким для Владимира Высоцкого человеком, констатируют одно: к концу жизни поэт вступил в неразрешимый конфликт не только с той социальной средой, в которой жил, но и с самим собой. И если бы он был рожден под другой звездой, то наверняка жизнь его оборвалась бы так же трагически, как у Есенина, Маяковского или того же Шпаликова, наложивших на себя руки. Но Владимир Высоцкий был рожден под самым жизнестойким знаком (Тигр), а люди этого знака если и укорачивают себе жизнь, но только не добровольным уходом из жизни. В той социальной среде, в которой жил Высоцкий, мятущаяся душа его не нашла иного пропитания, чем водка, и та в конце концов и стала его убийцей. Трижды круто меняя свою личную жизнь, в третий раз женившись на иностранке, Высоцкий сумел лишь оттянуть на время трагический конец своей жизни, но не смог предотвратить его. К 1977 году отношения с Мариной Влади зашли в тупик из-за того, что еще одна попытка Высоцкого побороть свой тяжкий недуг закончилась провалом.

Такого сильного запоя, какой случился в марте 1977 года, Владимир Высоцкий давно не переживал. К тому же давал о себе знать и вконец разрушенный организм Высоцкого. Последствия этого запоя для подорванного здоровья Высоцкого были страшными: в начале апреля его положили в институт им. Склифосовского, и в связи с тем, что все функции организма отказали, были подключены аппараты поддержания жизнедеятельности. За короткий промежуток времени Высоцкий сильно сдал в весе и стал выглядеть как

14-летний подросток. Одна его почка вовсе не работала, вторая еле функционировала, печень была разрушена. Высоцкого постоянно мучили галлюцинации, он бредил, у него произошла частичная отечность мозга. Когда в его палату вошла Марина Влади, он ее попросту не узнал. Присутствовавший рядом врач горько констатировал, что если больной еще раз «сорвется» подобным образом и не умрет, то на всю жизнь останется умственно неполноценным человеком.

Вот после этого срыва, видя, куда несет его собственное безволие, Высоцкий решается на последний отчаянный шаг: по совету кого-то из своих «товарищей» он вкалывает в себя наркотик — «садится на иглу».

Через это прошли многие артисты, и большинство из них после этого плохо кончили. Свидетельства, оставленные ими же в собственных воспоминаниях, должны, кажется, были бы предостеречь тех, кто становился на их дорожку. Но Владимир Высоцкий к тому времени дошел до той черты, переступив которую люди окончательно утрачивают контроль над своими поступками, становятся неуправляемыми. Он давно отпустил поводья у своих бешено мчавшихся лошадей, и те, почуяв свободу, понесли своего седока в пропасть.

Прошедшая через наркотическое безумие Эдит Пиаф писала в своей книге «Моя жизнь»: «Никто не пытался меня удержать, и я катилась по наклонной плоскости... Я и не подозревала, что меня ждет, когда согласилась на первый укол...»

Я попала в автомобильную катастрофу... Меня вытащили из-под машины — груды металлических обломков — всю израненную, со сломанной рукой и перебитыми ребрами, очнулась я уже в госпитале. Каждое движение причиняло мне такое сильное страдание, что я не могла не кричать. И тогда одна из больничных сестер сделала мне первый укол. В одно мгновение боль прекратилась, и я почувствовала себя прекрасно. Когда действие наркотика кончилось, мучения возобновились. Я потребовала еще укол... Мне сделали инъекцию. Это был конец...

Я стала неузнаваемой. Я дошла до того, что, несмотря на ежедневные впрыскивания, несмотря на увеличившиеся дозы, наркотики удовлетворяли меня ненадолго. Кроме того, мне некуда уже было себя колоть. Мои ноги и руки были сплошь покрыты огромными отеками».

О том, как пришел к морфию Владимир Высоцкий, не менее горькие строки в книге Марины Влади: «Очевидно, после очередного срыва ты по преступному совету одного приятеля впервые вкалываешь себе морфий: физическая боль после самой жуткой пьянки — это ничто в сравнении с психическими мучениями. Чувство провала, угрызения совести, стыд передо мной исчезают как по волшебству: морфий все стирает из памяти. Во всяком случае, в первый раз ты думал именно так. Ты даже говоришь мне по телефону с мальчишеской гордостью:

— Я больше не пью. Видишь, какой я сильный?

Я еще не знаю цены этой твоей «силе». Несколько месяцев ты будешь обманывать себя. Ты прямо переходишь к морфию, чтобы не поддаться искушению выпить. В течение некоторого времени тебе кажется, что ты нашел магическое решение. Но дозы увеличиваются, и, сам того не чувствуя, ты попадаешь в еще более чудовищное рабство. С виду это почти незаметно: ты продолжаешь более или менее нормальную жизнь. Потом становится все тяжелее, потому что сознание уже не отключается. Потом все это превращается в кошмар, жизнь уходит шаг за шагом, ампула за ампулой, без страданий, потихоньку — и тем страшнее. А главное — я бессильна перед этим новым врагом. Я просто ничего не замечаю...

Венгрия, конец семьдесят седьмого года... Я жду тебя уже два часа — ты должен прилететь в Будапешт на съемки фильма, где снимаюсь и я (фильм — «Их двое»)...

Ровно в пять тридцать поезд подходит к вокзалу... Я вижу тебя в конце платформы — бледного, с двумя огромными чемоданами, которые я не узнаю... У меня очень болит голова, и от твоего отсутствующего вида мне становится совсем грустно. Я на всякий случай тайком принохиваюсь, но

от тебя не пахнет водкой, и я уже ничего не понимаю. Ты смотришь как-то сквозь меня, и в твоих глазах меня пугает какая-то пустота...

Прошло много лет. И только теперь я понимаю причину моего беспокойства. Холодная паника, которую я увидела тогда у тебя в глазах, возникает у наркоманов, когда они во время не получают своей дозы наркотика».

В конце мая 1977 года Владимир Высоцкий возобновляет свои концертные выступления и с 20 по 27 мая дает несколько концертов на Украине в городах Донецк, Макеевка, Дзержинск. А 28 мая уже выступает в Москве перед студентами МВТУ имени Н. Баумана.

Между тем театр продолжает давить на Высоцкого своей дисциплиной, и находиться в нем для него с каждым днем становится все тягостней. К середине 70-х умерла старая романтическая Таганка, а новая не торопилась родиться. К актерам театра пришла естественная усталость. Как писал В. Смехов: «Должна же была сказаться на актерском «организме» череда лет непростой таганковской жизни. Пришла усталость. Пришло осмысление. Пришло обостренное чувство собственного достоинства. Пришло желание распорядиться остатком жизни не только в пользу идеи, но и в пользу собственных близких».

Конфликтных ситуаций с Юрием Любимовым если и не становилось больше, но теперь каждая из них стоила Высоцкому гораздо больших волнений и переживаний, чем раньше. И все перемешалось в этом извечном конфликте двух талантливых людей: и общая усталость от общения друг с другом, и профессиональная неудовлетворенность режиссера актером и наоборот. В конце концов, чтобы не разжигать конфликт внутри коллектива, Высоцкому разрешили уйти в длительный отпуск, оставив за ним лишь роль в спектакле «Гамлет», которую он должен был играть два раза в месяц.

Переживавший в те же дни те же самые чувства Олег Даль писал в своем дневнике: «17 октября. Раздражение...

2. Эфрос... С одной стороны, ему нужны личности, с дру-

гой — марионетки. Вернее, так: он мечтает собрать вокруг себя личности, которые, поступившись своей личной свободой, действовали бы в угоду его режиссерской «гениальности» словно марионетки. Он мечтает не о содружестве, а о диктатуре.

Но это его мечты, тщательно скрываемые. Он весь заведомо ложен, но не сложен».

Через несколько лет и актриса Театра на Таганке Алла Демидова, раскрывая секреты таганковской «кухни», скажет идентичное словам Даля, но теперь про Любимова: «Любимов ведь не очень старался подбирать людей самостоятельно мыслящих, наоборот — подчиненных. То, что вокруг него оказались люди сильные, происходило вопреки Любимову».

Коллега Демидовой и Высоцкого по театру Леонид Филатов сказал о своем режиссере еще безжалостней и жестче: «Актеры позволяли ему все, они его любили, обожали, получали очередную порцию хамства и прощали. Считали: пока не опустится занавес, мы должны быть с ним».

Касаясь взаимоотношений Высоцкого и Любимова, В. Смехов в своих воспоминаниях писал: «Высоцкому приехать бы вовремя на репетицию «Гамлета», да скромно предстать пред очи режиссера, да надеть на себя что похуже — тренировочный костюм родного производства — так нет же! Явился на неделю позже, привез из-за кордона новый «Мерседес», опоздал на час к репетиции... «Ну и где этот господин? Ага, ну спасибо, что посетили нас, почтили своим вниманием...»

— Юрий Петрович, я вам все потом...

— Не надо мне ваших объяснений, Владимир Семенович! Я знаю вас всех насквозь! Ролью надо болеть, такие роли на дороге не валяются... И в каком вы виде сюда пожаловали? Что за кокетка! Разве Гамлета можно в таком виде? Прилетел... опоздал... подкатил в «Мерседесе»... и в бархатных штанах. О чем вы думаете? В облаках всемирной славы купаетесь? А ну, снимите к чертовой матери эти брюки, ре-

петируйте в нормальной рабочей форме, или вообще не надо ничего!

И никогда не знаешь, как лучше ответить. Огрызнешься — получишь горячую порцию «правды жизни», промолчишь — разозлишь его не меньше, и разольется кипяток густой унижающей брани — аж пар гуляет над прибитыми актерами».

Но даже несмотря на все сложности отношений с Юрием Любимовым в тот год, Владимир Высоцкий тепло поздравил своего учителя 30 сентября в Театре на Таганке с 60-летием. На следующий день, 1 октября Высоцкий поздравляет с 50-летием еще одного театрального «мэтра» — Олега Ефремова. В тот год, танцуя на развалинах Таганки, власти не боялись делать широкие жесты в ее сторону. Неожиданно легко ими была разрешена премьера «Мастера и Маргариты», к 60-летию Октября Таганку на целых полтора месяца выпустили не куда-нибудь, а во Францию, да еще в довершение ко всему к 60-летию Юрия Любимова театру вручили орден Трудового Красного Знамени.

В ноябре, находясь с гастролями во Франции, Таганка получила специальное поощрение журналистов за лучшее гастрольное представление — за спектакль «Гамлет» с Владимиром Высоцким в главной роли. Эта награда была той удачей для Высоцкого, что так редко выпадала ему в последние годы. Но награда эта была вручена ему за пределами его родины, а ему так хотелось быть признанным именно здесь, в Союзе. Но на родине все оставалось по-прежнему. Когда А. Вознесенский принес книгу стихов Высоцкого в издательство «Советский писатель» Егору Исаеву, тот рукопись принял, обещал помочь пробить ее. Но дирекция издательства и слышать ничего не хотела о поэте Владимире Высоцком. Единственное, что тогда удалось пробить, так это одно-единственное стихотворение Высоцкого в альманахе «День поэзии».

Когда в том же году на фирме «Мелодия» вышел двойной альбом с записью музыкальной сказки «Алиса в Стране чудес», музыку и стихи к которой написал Владимир Вы-

соцкий, два автора аннотации, отпечатанной на обложке пластинки, ни разу не упомянули фамилии Высоцкого. Получалось, что музыку и стихи написал безымянный автор.

В конце октября 1977 года группа советских поэтов приехала в Париж для участия в большом вечере советской поэзии. Среди поэтов были К. Симонов, Е. Евтушенко, О. Сулейменов, Б. Окуджава, В. Коротич, М. Сергеев, Р. Давоян. Волею судьбы включили в эту делегацию и Владимира Высоцкого. На том вечере присутствовали две с половиной тысячи человек, и такой огромной аудитории Высоцкий читал свои стихи. По словам Р. Рождественского, видевшего это выступление Высоцкого, а он выступал на вечере последним, оно «было не точкой, а восклицательным знаком».

Не находя у себя на родине выхода к широкой аудитории на страницах печати, Высоцкий старался компенсировать это своими концертами. Год за годом количество их вновь стало расти (1975-й — 27 концертов, 1976-й — 40), и в 1977 году эта цифра достигла 50. Среди песен этого года и знаменитая «Конец охоты на волков», и «Пожары», и «Речка Вача». Но программной песней этого года можно смело назвать «Райские яблоки». Спеленутое бессилием и перед тяжким недугом алкоголизма, и перед цензурой со стороны властей, сознание Высоцкого все чаще обращается к теме ухода из этой жизни, к теме смерти:

Я когда-то умру — мы когда-то все умираем, —
Как бы так угадать, чтоб не сам — чтобы в спину ножом.

И чем громче раздавались вокруг Высоцкого литавры в честь «самого гуманного в мире общества развитого социализма», тем более возникало в нем желание написать горькую правду об этом обществе:

Наваждение, знакомое что-то, —
Неродящий пустырь
И сплошное ничто — беспредел,
И среди ничего
Возвышались литые ворота,
И этап-богатырь —
Тысяч пять на коленях сидят...
Вот уж истинно — зона всем зонам!

Старческий маразм 70-летнего Леонида Брежнева и его страсть к золотым орденам, проявившаяся в прошлом году, когда престарелый генсек собрал на свою грудь орденов и медалей чуть ли не со всего света, в этом году успешно продолжилась. 14 апреля Брежневу торжественно вручены комсомольский билет № 1 и высшая награда ВЛКСМ — Золотой почетный знак. 16 ноября Брежневу вручили еще одну золотую награду — медаль имени Карла Маркса.

За день до вручения Леониду Брежневу этой награды в далеком Париже Владимир Высоцкий сорвался в новое «пике». Случилось это во время гастролей Театра на Таганке во Франции, которые начались 11 ноября. Последняя декада гастролей проходила в Марселе, где театр должен был показать зрителям «Гамлета». То, что произошло в те дни, описывает свидетель тех событий В. Смехов:

«Накануне финального «Гамлета» — ЧП! Сорвался принц — Высоцкий. За ним снарядили погоню. Любимов с Боровским (главный художник театра) отчаялись догонять: от кабака к кабаку, от улицы к улице. Высоцкий с приятелем убегают. Бешеная езда на такси. Вот мелькнули знакомые силуэты. Наконец встреча состоялась, и ничего интересного в ней не было. Ни для Любимова, ни для Высоцкого. Были только глухая злость, злая тревога и тревожное колотье в груди у каждого. Смирился буйный дух, и «Гамлет» состоялся. Но что это был за спектакль!

...За кулисами — французские врачи в цветных халатах. Жестокий режим, безмерные страдания больного Высоцкого. Уколы, контроль, нескрываемая мука в глазах. Мы трясемся, шепчем молитвы — за его здоровье, чтобы выжил, чтобы выдержал эту нагрузку. Врачи поражены: человека надо госпитализировать, а не на сцену выпускать... Когда все было позади, Любимов сообщил «господам артистам»: «Такого «Гамлета» я ни разу не видел! Это была прекрасная роль! Так точно, так глубоко Володя никогда... да близко рядом я не поставлю ни один спектакль!» А за полчаса до начала, когда и зал в Марселе был полон, и Высоцкий с гитарой уже устроился у сцены, Юрий Петрович позвал всю команду за кулисы. Очень хорошо зная, какие разные люди

перед ним и кто из них как именно его будет осуждать, он сказал нам жестко, внятно, и голос зазвучал как-то враждебно: «Вот что, господа. Вы все взрослые люди, и я ничего не собираюсь объяснять. Сейчас вам идти на сцену. Соберитесь и — с богом. Прошу каждого быть все время начеку. Врачи очень боятся: Володя ужасно ослаблен. Надо быть готовыми и надо быть людьми. Иногда надо забывать свое личное и видеть ситуацию с расстояния. Высоцкий — не просто артист. Если бы он был просто артист — я бы не стал тратить столько нервов и сил... Это особые люди — поэты. Но мы сделали все, чтобы риск уменьшить. И врачи, и Марина прилетела... И еще вот что. Если, не дай бог, что случится... Вот наш Стае Брытков, он могучий мужик, я его одел в такой же свитер, он как бы из стражи короля... и если что, не дай бог... Стае появляется, берет принца на руки и быстро уносит со сцены.. а король должен scomандовать, и ты, Вениамин, выйдешь и в гневе сымпровизируешь... в размере Шекспира: «Опять ты, принц, валяешь дурака? А ну-ка, стража! Забрать его...» и так далее... ну ты сам по ходу сообразишь... И всех прошу быть как никогда внимательными... Надо, братцы, уметь беречь друг друга... Ну идите на сцену... С богом, дорогие мои...»

Еще один коллега Владимира Высоцкого по театру, актриса Алла Демидова, дополняя рассказ В. Смехова, писала: «Помню, на гастролях в Марселе Володя «заболел», сорвался, пропал. Мы его искали всю ночь по городу, на рассвете нашли. Прилетела из Парижа Марина. Она одна имела власть над ним в таком состоянии. Он спал, приняв снотворное, в своем номере до вечернего «Гамлета», а мы репетировали новый конец спектакля, на случай, если Высоцкий не сможет выйти на сцену, если случится непоправимое. Спектакль начался. Так гениально Володя не играл эту роль никогда — ни до, ни после. Это уже было состояние не «вдоль обрыва, по-над пропастью», а по тонкому лучу через пропасть. Он был белый, как полотно. Роль, помимо всего прочего, требовала еще и огромной физической затраты энергии. В интервалах между своими сценами он прибегал в

мою примерную, которая была ближе всего к кулисам, и его ввало в раковину сгустками крови. Марина, плача, руками выгребала это».

Как уже писалось выше, за эти французские гастроли, за спектакль «Гамлет» Таганка получила специальное поощрение французских журналистов. Сам Владимир Высоцкий, вспоминая через два года эти гастроли, рассказывал своим слушателям: «Гастроли прошли с очень большим успехом. И опять я об этом говорю, потому что, кроме единственной публикации в «Литгазете» совсем не по поводу гастролей, в прессе материалов не было. В «Литературной газете» употребили две цитаты из двух единственных критических статей из сорока, которые вышли во Франции. Таким образом, создали впечатление у читателей, что наши гастроли там провалились. Это — неправда. Гастроли прошли великолепно. И французы говорили, что за последние десять лет не было такого успеха у драматического театра. И свидетельством тому была высшая премия французской критики за лучший иностранный спектакль года».

Между тем ни новые мучения, ни кровь, ни мольбы жены и уговоры друзей не могли уже остановить неумолимо приближавшегося к своей гибели Высоцкого. Не прошло и месяца после марсельских событий, как новый уход «в пике», все в той же Франции, теперь уже в Париже, потряс друзей и близких Владимира Высоцкого. Участник той попойки художник Михаил Шемякин оставил об этом свои воспоминания: «Я был на одном концерте Высоцкого в Париже... Этот концерт был как раз в тот день, когда погиб Саша Галич. Володя был после большого запоя, его с трудом привезли... Никогда не забуду — он пел, а я видел, как ему плохо! Я и сам еле держался, буквально приполз на этот концерт — и Володя видел меня. Он пел, и у него на пальцах надорвалась кожа (от пьянки ужасно опухали руки). Кровь брызгала на гитару, а он продолжал играть и петь. И Володя все-таки довел концерт до конца. Играл блестяще!»

Жена М. Шемякина Ревекка, будучи на том же концерте, оставила о нем воспоминания: «Это был страшный кон-

церт, — Володе было плохо, плохо с сердцем... В зале, конечно, никто ничего не знал, но мы-то видели! Володя пел, пел как всегда, пел замечательно, — но мы-то знали — какое это было напряжение! Потом мы зашли к нему за кулисы — в артистическую, — я подошла к Володе... Помню, он так схватился за меня, — весь зеленый и в поту. Страшно...»

22 декабря 1977 года в переполненной русской церкви на рю Дарью произошло отпевание Александра Галича, погибшего 15 декабря от удара электрическим током. На нем присутствовали руководители, сотрудники и авторы «Континента», «Русской мысли», «Вестника РСХД», журнала и издательства «Посев», писатели, художники, общественные деятели, друзья и почитатели: многие из них прибыли из-за границы, например, из Швейцарии и Норвегии. Вдова А. Галича Ангелина Николаевна получила большое количество телеграмм, в том числе от А.Д. Сахарова, Л. Копелева и от «ссылных» А. Марченко и Л. Богораз.

Уже тогда многие из присутствовавших на отпевании не верили в случайность гибели Александра Галича. Значительно позднее дочь погибшего — Александра — рассказывала: «Самым, на мой взгляд, странным является то обстоятельство, что когда вызвали стражей порядка, а сделала это пожарная охрана, находящаяся напротив дома, в котором жил папа: пожарники прибежали от сильных криков Ангелины Николаевны, полисмены первым делом сообщили по телефону о смерти Галича дирекции радиостанции «Свобода», на которой отец работал. Почему? У отца при себе не было никаких документов, Ангелина Николаевна на французском языке не разговаривала».

По словам Михаила Шемякина: «Высоцкий не очень любил Галича. Он считал Галича слишком много получившим и слишком много требовавшим от жизни. Они с Володи были совершенно разными структурами».

В отличие от В. Высоцкого, который так и не пошел на компромисс с режимом и сохранил свое лицо, Александр Галич этого сделать не сумел или не захотел. Создавая свои антикультовые песни, он одновременно с этим продолжал

писать и печатать свои розовые, романтические, официозно-патриотические произведения. И, как написал об этом позднее Ю. Андреев: «По законам неисповедимым, но тем не менее действующим, отсутствие целостного взгляда, органической искренности — не лучший скрепляющий раствор в том же глубинном фундаменте поэтического творчества... Вот как на деле выглядел период «равновесия» двух муз: с одной стороны, песня в «Комсомольской правде» под названием «Руку дай, молодость моя», с другой — «Спрашивайте, мальчики, спрашивайте», с одной — песенки из сценария «Добрый город» в «Неделе», с другой — «Старательский вальсок», с одной — песенка «Дождик» в той же «Неделе», с другой — «Облака плывут, облака» и т.д. и т.п.

Уж очень это походит на аналогичную ситуацию, возникшую в творчестве другого литератора примерно в то же самое время: он одновременно напечатал две большие статьи: одну — в Союзе о Максиме Горьком как об основоположнике советской литературы, другую — за рубежом (правда, под псевдонимом) о Максиме Горьком как о погубителе советской литературы...

Замечу, что и Б. Окуджава, и В. Высоцкий всегда служили одной музе».

С отъездом А. Галича на Запад служение двум музам прекратилось, и вполне вероятно, что Галич стал неудобен КГБ так же, как стал неудобен болгарским спецслужбам болгарский писатель-эмигрант Георгий Марков, убитый с помощью КГБ в октябре 1978 года.

Следует отметить и то, что Франция всегда занимала в тайных планах КГБ одно из ведущих мест, а благодаря тому, что основные разведоперации курировались непосредственно руководством Первого Главного управления (внешняя разведка), во Франции раскрываемость агентуры КГБ была самой минимальной по сравнению с другими странами Западной Европы. В год гибели А. Галича в парижскую резидентуру КГБ пришел новый руководитель: вместо И.П. Кисляка, пробывшего резидентом целое пятилетие, из Москвы прибыл Николай Четвериков. Не послужила ли смена руко-

водства поводом для активизации действий парижской агентуры против так называемых «агентов влияния», которые действовали не только в Советском Союзе, но и за его пределами?

24 января 1977 года председатель КГБ Ю. Андропов подписал весьма интересный документ, в котором, в частности, говорилось: «По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезориентацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу: осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферы управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлению американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемые в настоящее время американскими спецслужбами программы будут способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, прежде всего в экономике, и приведут в конечном счете к принятию Советским Союзом новых западных идеалов».

Появление подобного документа явилось естественной реакцией КГБ на ту разрядку международных отношений, что наступила между Востоком и Западом в начале 70-х. После подписания Хельсинкских соглашений в 1975 году контакты между Западом и Востоком расширились, а это прибавило дополнительных хлопот КГБ. Каждый мало-мальски интересный для КГБ контакт советских граждан с иностранцами должен был фиксироваться. Не избежал столь при-

стального внимания к себе и Владимир Высоцкий, который как магнит притягивал к себе разных людей как в Союзе, так и далеко за его пределами. Работу КГБ в этом направлении облегчала болезнь Высоцкого, к которой с этого года прибавилось и увлечение наркотиками. Те рейсы советских летчиков, которые привозили Высоцкому в Москву наркотики, спрятанные в бутылки и выдаваемые за облепиховое масло, наверняка были известны чекистам. Это был отличный компромат на Владимира Высоцкого, и при удобном случае он всегда мог послужить хорошим средством давления на него.

1978 год

Вступив в отчаянную гонку со смертью, Владимир Высоцкий прекрасно понимал, на чьей стороне в скором времени будет победа. Но не зная точно, когда наступит развязка, он теперь каждый из отпущенных ему судьбой дней проживал так, как будто это был последний день в его жизни.

Написанное им в один из дней 1978 года стихотворение «Упрямо я стремлюсь ко дну» со всей очевидностью указывает на внутреннее состояние Высоцкого:

Упрямо я стремлюсь ко дну —
 Дыханье рвется, давит уши...
 Зачем иду на глубину —
 Чем плохо было мне на суше?
 Там, на земле, — и стол, и дом,
 Там — я и пел, и надрывался.
 Я плавал все же — хоть с трудом,
 Но на поверхности держался.
 Линяют страсти под луной
 В обыденной воздушной жиже, —
 А я врываю в мир иной:
 Тем невозвратнее — чем ниже.

Михаил Шемякин в своих воспоминаниях говорит о том же: «В последние два года Володя говорил о смерти постоянно. Он не хотел жить в эти последние два года. Я не знаю,

какой он был в России, но во Франции Володя был очень плохой. Я просто уговаривал его не умирать...

У него было предчувствие смерти, депрессии бывали страшные. Володя ведь многого не говорил. А у него началось раздвоение личности... «Мишка, это страшная вещь, когда я иногда вижу себя самого в комнате!»

Мы с Володей поругались один только раз, когда он попросил у меня наркотик... «Ну у тебя столько знакомых врачей-коллекционеров...» Действительно, это так. Я мог бы достать хоть ящик — ничего не стоило. Предложил бы врачу — домой бы принесли. Я говорю: «Володя, кто тебя посадил на иглу, вот у тех и проси! Можешь сейчас уйти, хлопнуть дверью — хоть навсегда! У меня не проси...»

Ему многое укорачивало жизнь, и сам себе он ее укорачивал.

Последний год он был раздираем какой-то необъяснимой тоской, которую не мог преодолеть. Казалось, что должно быть наоборот: выходили его пластинки, разрешались поездки за границу, не смолкали аплодисменты. А он отчаянно тосковал под солнцем Южной Америки, под серым парижским небом. Нигде он не находил себе места. И он начал сознательно убивать себя. Врачи обнаружили предынфарктное состояние, он изнурял себя непосильной, напряженной работой: театр, кино, концерты, новые поэмы, песни... И отравлял себя алкоголем. Он не реагировал на предупреждения врачей, ни на больницы, в которые его направляли в коматозном состоянии, ни на просьбы и уговоры жены и близких друзей...

И как ни странно для пьющего, он был одним-единственным из моих друзей (разумеется, не считая семьи), который оберегал меня от «зеленого змия». Помогал своим друзьям в Москве «зашиваться» (вшивать в тело противоалкогольные ампулы), зашивался сам. И снова работал и работал как безумный».

Имея вокруг себя несметное количество друзей, знакомых и поклонников, Высоцкий тем не менее был страшно одинок и непонимаем, и это одиночество, с которым рань-

ше у него хватало сил бороться, теперь убивало его неумолимо и беспрепятственно. Да и друзья, окружавшие его в последние годы, оставляли желать лучшего. Об этой беде Владимира Высоцкого говорят теперь многие из тех, кто хорошо знал поэта.

А. Утевский: «В последние годы Володю окружали люди, которые мне откровенно не нравились. Мелкие люди, которые выжимали из него все, люди, которые, как мне кажется, его спаивали... И у меня на этой почве бывали с Володей конфликты. «Володя, ну с кем ты связался?.. Посмотри, кто рядом с тобой!» Он иногда прислушивался к моим словам, а чаще — нет. Поэтому последние годы мы стали встречаться реже».

О том же и слова коллеги В. Высоцкого по театру И. Дыховичного: «В последние годы появился такой человек, который пытался его облагодетельствовать. Это старый способ меценатов — заполучить человека в душевную долговую тюрьму. И получается, что с этим человеком ты вынужден общаться, вынужден приглашать его в гости... Меня отталкивал не сам человек — я его не знаю, — мне не нравилось, как он ведет себя в нашем городе, как он за известные блага приобретает знакомства и прочее. Я это не осуждаю, но мне это никогда не было близко. А Володя торопился жить. Тем более что этот человек был к нему расположен, действительно его любил. Но в последние годы вокруг Володи накопилось огромное количество людей, от которых он в конце концов отказался. В конечном счете это окружение и сократило ему жизнь».

Зная, какой популярностью пользовался в то время Высоцкий, неудивительно узнать, что к его имени стремились примазаться всякие сомнительные личности. Удивительно здесь другое: как он, человек, всегда знавший толк в истинной дружбе, мог позволять таким людям находиться возле себя?

Кто говорит, что уважал меня, — тот врет
Одна .. себя не уважающая пьянь.

(1971)

Кинорежиссер В. Мотыль, касаясь этой же проблемы, но не в судьбе В. Высоцкого, а Олега Даля, писал: «Я не знал близких друзей Олега Даля. Были ли они у него? Творческой личности необходимы единомышленники, возможность духовных контактов. Нужны друзья, уважающие талант, способные понять искания, разделить радость и горечь. Иногда я встречал Олега в окружении каких-то людей, но даже с большой натяжкой нельзя было предположить в них единомышленников. Уже после гибели Даля мне рассказывали, как зазывали его на попойку. «От гения отскакивает, — убеждали его. — Тебе все можно. Подумаешь, съемка, сыграешь ты ему...» Далее следует кличка режиссера.

Если бы кто-то заставил этих «артистов» признать, почему они не берегли товарища, мы узнали бы, что ненависть к истинному таланту как результат зависти посредственности двигала поступками множества «сальери», окружавших угрюмого Даля».

Мне кажется, что с полным основанием эти слова, относящиеся к Далю, можно применить и к судьбе Владимира Высоцкого. У него были друзья, которыми он, без сомнения, мог бы гордиться: Всеволод Абдулов, Вадим Туманов, Станислав Говорухин, Анатолий Утевский. Но были в его окружении и те, кто играл в его судьбе роль «сальери», те, кто завидовал его славе и, стараясь примазаться к ней, укорачивал поэту жизнь. Врач Леонид Сульповар, лечивший в те годы Высоцкого, вспоминал: «Квартира на Малой Грузинской иногда походила на проходной двор. Эта вечная толпа. Многих я знал, но мелькали и совершенно незнакомые лица. Но стоило появиться Марине, как все это исчезало. Конечно, люди приходили, но это был совершенно другой стиль жизни. И уходов «в пике» было гораздо меньше». Не зря, видимо, в последние годы жизни Высоцкий, устав от наплыва множества случайных людей в свою квартиру на Малой Грузинской, хотел ее обменять и даже ездил на Арбат присматривать для себя квартиру потише и поскромнее.

Единственное, что спасает Высоцкого от дружеских застолий, — концертная деятельность, которой он отдает себя

без остатка. Если в прошлом году количество его концертных выступлений дошло до отметки 50, то в этом году они достигли беспрецедентной отметки — 150 выступлений! Это был небывалый результат за всю историю гастрольных выступлений Владимира Высоцкого. Более того, впервые за последние 11 лет он вновь приглашен для выступления во Дворец спорта. Это приносит ему не только моральное удовлетворение от такого количества влюбленных в его творчество зрителей, но и материальную выгоду — ставка за один концерт у Высоцкого достигает теперь 300 рублей. За все время своих концертных выступлений он еще не зарабатывал таких денег.

География концертных выступлений Владимира Высоцкого в тот год пролегла через города Подольск, Северодонецк (12 выступлений во Дворце спорта за 4 дня), Череповец, Запорожье (13 выступлений во Дворце спорта за 4 дня), Харьков, Киев, Берлин, Ставрополь, Грозный.

В январе В. Высоцкий выступал в Сумской области, в городе Шостка, и эта поездка едва не стала для него роковой. Об этом случае рассказывает В. Гольдман: «В Шостке мы чуть не разбились. Работали в Сумах, а потом — в Шостке. Ехали пообедать — в машине был еще Иван Бортник. Прекрасная дорога, но шофер — пижон! — ведет одной рукой. Абсолютно ровный асфальт, и вдруг у водителя вышибает руль! Нас понесло... Я кричу: «Ложись!» На наше счастье, параллельно дороге шли трамвайные рельсы — они немного погасили скорость. Меня подбрасывает вверх, и я головой немного продавил крышу, а локтем падаю на Бортника! Иван вышибает дверцу, а Володе — ничего! И мы остановились в пяти сантиметрах от бетонного столба! Машина совершенно целая, кроме вмятины в крыше...»

У меня — сотрясение мозга, я плохо соображаю... Они меня быстренько — в машину и везут в больницу...»

25 января, в день своего рождения, В. Высоцкий давал очередной концерт в Ворошиловграде. Об этих гастролях вспоминает все тот же В. Гольдман: «25 января обком партии попросил сделать выступление в Ворошиловграде в Доме

культуры Чкалова. В ДК Чкалова Володе подарили громадный шоколадный торт — килограммов на восемнадцать! — и потрясающие гвоздики! А перед этим, в Северодонецке, во Дворце спорта на табло загорелась надпись: «Поздравляем любимого Володю с днем рождения!» Володю это очень тронуло, просто до слез. В Москву мы прилетели 26 января утром, поехали к нему домой, завезли этот торт и цветы...»

В отличие от бурной и плодотворной гастрольной деятельности, поэтическое вдохновение Владимира Высоцкого в том году опускается чуть ли не до нулевой отметки: за последние 15 лет он не писал еще такого минимального количества поэтических текстов — 21. Его близкие друзья, в частности В. Туманов, горько сетуют Высоцкому: «Опомнись, Володя, что с тобой происходит? Ты ведь стал хуже писать, чем раньше. Возьми себя в руки!»

Высоцкий, конечно, все это видел и понимал, но главным для себя считал все же не это. Главным для него по-прежнему оставался тот нравственный выбор, который он сделал еще в самом начале своего поэтического творчества, а именно искренность помыслов и честность перед своими слушателями. Не случайно в том поэтически неродящем году из-под его пера рождаются строчки:

Лучше я загуляю, запью, заторчу,
все, что ночью кропаю, — в чаду растопчу,
Лучше голову песне своей откручу —
но не буду скользить, словно пыль по лучу!
Не ломаюсь, не лгу — не могу Не могу!

Порой казалось, все то, что тогда окружало Высоцкого, было ему в тягость. В том числе и театр, стены которого когда-то пригрели его, неприкаянного и безработного, и стали на долгие годы чуть ли не родным домом. Теперь эти стены стали подобием тюремных стен, а кое-кто из коллег по театру превратился в надсмотрщиков. Вадим Туманов, касаясь того периода в жизни Высоцкого, вспоминал: «В 1978 году, помню, он вернулся из театра поздно ночью после просмотра фильмов. Растолкал меня ото сна: «Представляешь картину? Актеры видят себя на экране, радостно узнают друг

друга. Появляюсь я — гробовое молчание. Ну что я им сделал? Луну у них украл? Или «Мерседес» отнял?»

Об этом же находим строки и у В. Смехова:

«Крепко держится в памяти: сбор трупы, Володя стоит особняком. Актриса публично обвиняет его в том, что он не здоровается с ней. Актрисе многие кивают, но при этом не выглядят обиженными, они — сила. Они обличают зарвавшегося кумира. Когда в глазах нескрываемая злость — попробуй поздоровайся. А у кумира в те же дни — походы к начальству, обивание порогов и прошения, и залпы отрицательных эмоций: запрет сниматься на «Мосфильме», запрет пластинки, обман в журнале, и окончательно снята уже напечатанная афиша его вечера по линии филармонии.

...Какая бессильная ярость, какая тоска в глазах у Высоцкого — не забыть, что с ним было, когда очередные подлещи прокалывали колеса его машины на стоянке возле театра... А однажды, после тяжелой усталости, выйдя к машине в день перелета и в вечер «Гамлета» с охапкой красивых цветов от благодарных зрителей, поэт был застигнут врасплох тем, как грубо перечеркнули благодарность бесноватые дряни: все четыре колеса жалко посадили машину на землю. И машину, и опечаленного «хозяина своей воли»... Его разочарование, помноженное на болезнь, приводило на край самых горьких обобщений... Как же все похоже у больших поэтов... Растратить весь вулкан души, весь гений на добро и счастье любезных сердцу соотечественников — и не мочь поверить в единичность случаев подлости... Какая обостренная отзывчивость, какая потерянности от рядового хамства ничтожного плебея».

Мой наездник — у трибун в цене,
Крупный мастер верховой езды
Ох, как бы я бегал в табуне, —
Но не под седлом и без узды!

(1978)

Уж не главный ли режиссер Театра на Таганке Юрий Любимов скрывается под этим — «крупный мастер верховой езды»? А «седло» и «уздечка» — это то, что всегда мешало

Высоцкому в его работе в театре, — сверхдисциплина Любимова, его раздражение по поводу строптивости Высоцкого, его неприятие творческой самостоятельности артиста.

Высоцкий проработал в Театре на Таганке 14 лет, стал ведущим артистом театра, который принес ему заслуженную славу, — но так и не удостоился никакого звания. Несколько лет назад он мог быть удостоен звания «Заслуженный артист РСФСР», но высокое начальство так и не довело дело до счастливого конца. В тот год три артиста Таганки претендовали на это звание: Высоцкий, Золотухин, Шаповалов. В горьком парии кандидатуры Высоцкого и Золотухина (он «провинился» на одном из спектаклей) «задвинули» под сукно, и звание заслуженного получил Виталий Шаповалов, который в свое время очень понравился Гришину игрой в спектакле «А зори здесь тихие...»

И все же, пройдя в жизни через столько унижений и проявлений человеческой подлости, душа Владимира Высоцкого так и не смогла зачерстветь, покрыться коростой равнодушия и злобы. В. Абдулов о своем друге так и сказал: «Высоцкий был нежным». Многие коллеги Высоцкого по театру этого не видели, глаза их застилала обыкновенная зависть к таланту, непонимание того, кто живет и работает рядом с ними. И. Дыховичный вспоминал: «За его спиной всегда что-то шептали, что-то говорили, сводили-разводили, влезали в его жизнь, — это его ужасно злило. Хотя ведь в театре всегда так. А он старался держать небольшую дистанцию и держал ее иногда довольно резко.

Его любили в театре. Были люди, которые относились к нему равнодушно. Этих людей волновало, раздражало его имя. Они сами себе льстили, думая, что имя Высоцкого построено не на том, что он — хороший актер. Но еще раз повторяю: те люди, которые о нем в основном сейчас пишут, никогда не были с Володей в близких отношениях. Они были с ним «ни в каких отношениях».

Подобная ситуация, сложившаяся вокруг Высоцкого в стенах родного некогда театра, разрушительно действовала на его и без того расстроенную психику. Фотожурналист

В. Плотников, вспоминая об этом, отмечал: «Последние годы Высоцкий становился все круче и неуправляемее. Часто бывал раздражительным, взрывался по малейшему поводу. Договаривались с ним о съемках, а он не приходил. Что с ним происходило, я не знаю. Может быть, силы были на исходе. Ведь в буфете театра он просил: «Сделайте мне не двойной, а десятичной кофе».

С тех пор, как в 1975 году он сыграл роль Лопухина у Анатолия Эфроса, он ни в одном из новых спектаклей Таганки занят не был и фактически был выведен из репертуара. В 1977 году, в период подготовки «Мастера и Маргариты», ему была предложена роль Бездомного, роль третьестепенная в спектакле, от которой он сам и отказался. В «Трех сестрах» им вновь пренебрегли — зная, что он мечтал сыграть Вершинина, ему дали роль Соленого, и Высоцкий в конце концов «сошел с дистанции», перестал ходить на репетиции. В конечном счете, все шло к тому, чтобы Высоцкий покинул театр. Но в его судьбу вмешался случай. Ю. Карякин, воскрешая события тех дней, вспоминал: «В начале 1978 года у меня шел спектакль по Достоевскому в «Современнике» и только-только начиналось что-то с Таганкой. Я говорю Высоцкому: «Володя, давай съездим в «Современник». Там совершенно фантастически играл Раскольников Костя Райкин. Высоцкий приехал. Мы посмотрели спектакль, поехали к нему. И тут как раз он сказал, что хочет уходить из театра. Я перед ним чуть на колени не встал, умолял: «Останься и сделай Свидригайлова». Так бывает нечасто, но никого другого в этой роли я тогда просто представить себе не мог. Мне повезло: у него было одно спасительное для меня качество — соревнование с самим собой, азарт. Не знаю, кто или что тому виной, но в конце концов этот азарт сработал и здесь. У Высоцкого возникла потребность даже не то чтобы сыграть... понять, раскусить еще и этот орешек».

Думается, не только азарт послужил источником желания Владимира Высоцкого сыграть развратника и самоубийцу Свидригайлова. Немалое место в мыслях Высоцкого

на этот счет занимало то, что приближение Свидригайлова к смерти, его сосредоточенность на мысли о «там», гамлетовской мысли «жить или не жить», было в тот период близко и самому Высоцкому. Таким образом, Высоцкий играл не Свидригайлова, он играл самого себя.

В том году Высоцкий был на обследовании у врача, и тот сказал ему после осмотра, что дело плохо, следует провести более серьезные исследования, что сердце Высоцкого неблагоприятно, нужен длительный отдых. Но Высоцкий голову ученого эскулапа не внял. Да и можно ли было представить себе отдыхающего Высоцкого, в домашних тапочках у телевизора? К тому периоду Высоцкий уже догадывался о своей незавидной участи, понимал, что его вконец изношенный организм работает на последних оборотах.

Помимо желания сыграть Свидригайлова, Владимира Высоцкого удерживала в стенах театра еще одна причина, не менее серьезная. Дело в том, что у него не было никакого официального звания, он нигде не публиковался, как киноактер не состоял ни в одном штате, не являлся членом какого-нибудь творческого союза. Единственным местом творческой прописки Высоцкого была Таганка. Именно здесь он получал свою официальную зарплату (170 рублей), здесь на него составлялись характеристики для поездок за границу (а ездил он довольно часто). Покинув же театр, он фактически становился тунеядцем. А в Советском Союзе подобное «звание» всегда преследовалось по закону официальными властями. Тем более в те годы. Например, в номере 48 «Хроники текущих событий» была опубликована большая статья под лаконичным названием «Литераторы-тунеядцы». В ней писалось: «С начала 1978 года активизировалась деятельность административных властей, направленная на квалификацию ряда живущих в СССР писателей в качестве «тунеядцев», или «лиц, ведущих паразитический образ жизни» (наиболее известный из предыдущих случаев такого рода — ленинградский судебный процесс 1964 года над Иосифом Бродским).

В начале января сотрудники милиции посетили кварти-

ры исключенных в разное время из Союза писателей СССР Владимира Корнилова, Владимира Войновича, Льва Копелева и вышедшего из Союза писателей Георгия Владимова, а также историка, литератора и издателя Роя Медведева. От каждого из них потребовали «объяснений» источников их доходов».

Именно боязнь стать тунеядцем и дать властям серьезный повод завести на него еще одно дело и удерживала Владимира Высоцкого от того, чтобы порвать с театром раз и навсегда...

Отлученный от основного репертуара Таганки, Высоцкий решает попробовать себя в театральной режиссуре, осуществить на практике ту мечту, которую он давно в себе носил. Вместе с актрисой Театра на Таганке Аллой Демидовой он выбирает для постановки пьесу Т. Уильямса «Игра для двоих». Постановкой этого спектакля им хотелось уйти от вечного таганковского балагана, создать спектакль камерный, глубоко лирический. В тот период, в конце 70-х, Высоцкий и Демидова одними из первых почувствовали то, о чем всю заговорят в 80-х: о театральном застое. Своим желанием уйти от привычного густонаселенного действия, поставив спектакль всего для двух актеров, они как бы говорили: в том виде, в каком существовал тогдашний театр, — без экспериментов, — он, без сомнения, скоро умрет. Судьба тогдашней Таганки была наглядным тому примером.

Между тем Юрий Любимов, видя желание своих актеров поставить подобный спектакль, откровенно над ними смеялся и во всеуслышание заявлял: «Вы просто больны звездной болезнью!»

В пьесе было всего два действующих лица: режиссер спектакля, который он ставит по ходу пьесы, сам же в нем и играет (роль Высоцкого) и сестра этого режиссера — актриса талантливая, но уставшая, во многом разочарованная (роль Демидовой). Во время первых репетиций спектакля Высоцкий предложил расширить роль Демидовой и сделать ее героиню еще и наркоманкой, которая употребляет наркотики для того, чтобы вытаскивать из себя ту энергию, ко-

торая в человеке хоть и заложена, но генетически еще спит, пробуждаясь только в ситуациях экстремальных. Соглашаясь на расширение своей роли за счет таких добавлений, могла ли знать Алла Демидова, что предложивший ей это Высоцкий сам вот уже около года вытаскивает из себя энергию с помощью тех же наркотиков?

Приблизительно в то же самое время (июль 1978-го) Олег Даль начинает работу в телевизионном фильме «Отпуск в сентябре» по пьесе А. Вампилова «Утиная охота» (режиссер В. Мельников). В свое время Юрий Любимов в Театре на Таганке собирался поставить эту замечательную пьесу, но это мероприятие, как и многие другие, «благополучно» сорвалось.

В телевизионной постановке Олег Даль играл роль Виктора Зилова. С тех пор как он впервые услышал в компании друзей эту пьесу, Даль не уставал повторять: «Зилова может сыграть только один актер — Олег Даль!» Даль буквально «заболел» Зиловым, всем существом своим, по-видимому, ощущая свое духовное и физическое родство с этим человеком, которого окружающее пространство безверия превратило в духовного мертвеца. Но главный смысл пьесы, по мнению Е. Стрельцовой, в том и заключался, что она была задумана и написана А. Вампиловым «ради воскресения человека, но не ради того, чтобы еще и еще раз пнуть ногой эту падаль». Пьеса «Утиная охота» — о силе, а не о слабости духа.

Перед самым началом съемок В. Мельников получил от Гостелерадио рекомендацию к постановке — «усилить тему пьянства». Исполнителю главной роли Олегу Далю эта тема была хорошо известна не понаслышке.

Вспоминая об этой работе актера, Н. Галаджева писала в книге «Олег Даль»: «Герой — образ страдательный. Он не ощущает своей нужности в этой жизни, в этом обществе. Он не осуществлен. Он оказался лишним со всеми своими талантами... И чего-то все время ищет Зилов, меня партнерш, совершая подлог на работе, которая, к слову сказать, доброго слова не стоит. С точки зрения общества поступки плохие. Но какого общества? В котором говорится одно, ду-

мается другое, а делается третье? Так ведь оно ничуть не лучше. Оно — хуже, потому что абсолютно уверено в собственной непогрешимости...»

Просто сняться в антиалкогольном фильме Далю было, конечно, неинтересно. В свое время он отказался от главной роли в фильме Д. Асановой «Беда» (снят в 1977 году с Алексеем Петренко в главной роли). Отказался потому, что Далю было важно поставить вопрос: если человек сохранил в себе мыслящее начало, только ли он виноват в происходящем с ним: почему он стал тем, кем он стал? Когда утрачены истинные ценности, отсутствуют нравственные критерии, происходит смещение понятий, и человеку приходится выстраивать индивидуальную систему ценностей. И он терпит естественный крах. Но в этом не его вина, это его трагедия. Фильм «Отпуск в сентябре» был показан по Центральному телевидению 4 апреля 1979 года.

Роль в пьесе Т. Уильямса так и не была доведена до конца Владимиром Высоцким: помешала смерть. Но другая роль, начатая им в том же 1978 году, была завершена и дожила до своей премьеры. Весной 1978 года режиссер Одесской киностудии Станислав Говорухин (в 1966 году Высоцкий снимался у него в «Вертикали») приступает к съемкам многосерийного телевизионного фильма «Место встречи изменить нельзя» по роману братьев Вайнеров «Эра милосердия». Со дня прочтения этой книги в 1976 году Владимир Высоцкий мечтал сыграть роль капитана МУРа Глеба Жеглова. И вот мечта его, кажется, сбывается. Но съемки картины начинаются не в самый благоприятный момент в жизни Высоцкого. С. Говорухин вспоминает: «10 мая 1978 года — первый день съемок «Место встречи изменить нельзя». И день рождения Марины Влади. Мы в Одессе, на даче нашего друга. И вот — неожиданность. Марина уводит меня в другую комнату, запирает дверь, со слезами просит: «Отпусти Володю, снимай другого артиста». И Володя: «Пойми, мне так мало осталось, я не могу тратить год жизни на эту роль».

Теперь мы знаем, что тот год жизни Владимира Высоц-

кого, когда он играл бесстрашного Глеба Жеглова, был потрачен не впустую. Тогда же, в начале съемок, Высоцкий предчувствовал свой близкий конец и, как показала жизнь, почти не ошибся в своих прогнозах. Какая разительная перемена произошла с Высоцким за последние пять лет! В 1973 году он писал:

...одно наверняка я знаю —
мне будет не хотеться умирать!

В 1978 году в его стихах звучит обреченность перед мыслью о смерти:

Пора! Кто знает время сей поры?..
Я когда-то умру — мы когда-то всегда умираем...

Тяжелая болезнь, исподволь сжирающая его тело, не дает ему шансов на успех. Еще в 1975 году он горько констатировал:

Я был слаб и уязвим,
Дрожал всем существом своим,
Кровоточил своим больным
Истерзанным нутром...

Однажды, когда Юрий Любимов посетовал на Высоцкого за то, что тот опять в ущерб работе в театре уезжает за границу, Высоцкий не сдержался и почти прокричал: «Юрий Петрович, я же весь гнилой. Какой театр? Дайте мне посмотреть хоть что-нибудь, увидеть других людей, другие страны — я могу не успеть!»

В тот год на острове Сицилия, в городе Таормина, проходил Международный кинофестиваль, в котором наша страна участвовала впервые. Мы выставили на фестиваль экран фильм И. Хейфица «Плохой хороший человек» с Владимиром Высоцким и Олегом Далем в главных ролях. И кто бы мог подумать, что в конце работы фестиваля, во время торжественного оглашения победителей, приз за лучшее исполнение мужской роли получит Владимир Высоцкий. Присутствовавший на фестивале И. Хейфиц по возвращении в Москву несколько раз звонил домой Высоцкому, чтобы обрадовать его этой приятной новостью, но того каж-

дый раз не оказывалось на месте. Печально, если учитывать то, что в последние годы жизни Владимира Высоцкого любая приятная весть для него была как глоток свежего воздуха. Друзья знали это и по мере своих сил и возможностей старались сделать ему приятное. Например, администратор Театра на Таганке Валерий Янкович в январе 1978 года через своих знакомых сделал расшифровку песен Высоцкого и получившийся двухтомник этих песен подарил Высоцкому к его 40-летию. Такому неожиданному подарку Высоцкий был по-настоящему, искренне рад.

В начале лета Высоцкий в очередной раз улетает в Париж. К этому времени чудотворное влияние заговора тибетского гуру успело иссякнуть, и Высоцкий с Михаилом Шемякиным вновь вступают на свою привычную стезю. В воспоминаниях Шемякина этому уделено значительное место: «Обычно я с ним не пил. Но тогда Марина выгнала нас совершенно безобразно... Она звонит: «Володя уже «поехал»... Я приезжаю туда — у них была крохотная квартирка... Володя сидит в дурацкой французской кепке с большим помпоном, — почему-то он любил эти кепки... А я-то его знаю как облупленного — вижу, что человек «уходит», но взгляд еще лукавый... А Марина — злая ходит, хлопает дверью: «Вот, полюбуйся!» И она понимает, что Володю остановить невозможно. Пошла в ванную... Володя — раз! — и на кухню, я бежать за ним! Хотя знаю, что вина в доме не должно быть. Но Володя хватает какую-то пластиковую бутылку (у французов в пластике — самое дешевое красное вино), берет эту бутылку и большой глоток оттуда — ах! И я смотрю, с ним что-то происходит — Володя весь сначала красный, потом — белый! Сначала красный, потом — белый... Что такое?! А Володя выбегает из кухни и на диван — раз! — как школьник. Но рожа красная, глаза выпученные.

Тут Марина выходит из ванной: «Что с тобой?» — она как мама... Я тоже спрашиваю: «Что с тобой?» — молчит. Я побежал на кухню, посмотрел на бутылку — оказывается, он укуса долбанул! Он перепутал — есть такой винный укус, из красного вина — и тоже в пластиковых бутылках. Че-

рез несколько минут и Марина увидела эту бутылку, все поняла... С ней уже истерика... «Забирай его! Забирай его чемодан, и чтобы я вас больше не видела!» А Володя по заказам всегда набирал всякого барахла — и Марина вслед ему бросает два громадных чемодана!..

Так вот, я беру эти тяжелые чемоданы, — а Володя уже пропал. Выхожу на улицу — ночь, пусто... Потом из-за угла появляется эта фирменная кепочка с помпоном! Забросили мы эти чемоданы в камеру хранения на вокзале, и Володя говорит: «Я гулять хочу!» И удерживать его бесполезно... Поехали к Татляну... Татлян нас увидел... «Давайте, ребята, потихоньку, а то мне полицию придется вызывать». Мы зашли в какой-то бар, Володя выпивает... Я ему-то даю, а сам держусь. Он говорит: «Миша, ну сколько мы с тобой друзья — и ни разу не были в загуле. Ну, выпей маленькую стопочку! Выпей, выпей...» Взял я эту стопочку водки — и заглотнул. Но я тоже как акула — почувствовал запах крови — уже не остановишь.

Вот тогда и началась эта наша заваруха с «черным пистолетом». Деньги у нас были, и была, как говорил Володя, «раздача денежных знаков населению». Но я должен сказать, что в «Распутине» цыгане гениально себя вели. И Володя начал бросать деньги — по 500 франков! — он тогда собирал на машину... И Валя Дмитриевич все это собирала — и к себе за пазуху. Пришел Алеша, запустил туда руку, вытащил всю эту смятую пачку — и отдал Володе: «Никогда нам не давай». И запел. У цыган это высшее уважение — нормальный цыган считает, что ты должен давать, а он должен брать. И потом Володя решил сам запеть, а я уже тоже был «под балдой»... И вот он запел: «А где твой черный пистолет?» А где он, этот пистолет? — А вот он! Пожалуйста! — Бабах! Бабах в потолок! И когда у меня кончилась обойма, я вижу, что вызывают полицию... Я понимаю, что нужно уходить: «Володя, пошли. Быстро!» Мы выходим и видим — подъезжает полицейская машина — нас забирать... И мы — в другой кабак. Значит, стрелял я в «Распутине» — меня туда больше не пускали, — а догуливать мы пошли в «Царевич»...»

Вернувшись в августе из Парижа в Москву, Владимир Высоцкий написал посвящение Михаилу Шемякину и озаглавил его весьма витиевато: «Эта песня посвящена одному странному такому загулу, который произошел не так давно и, надеюсь, более не повторится»:

...Пить — наши пьяные умы
Считали делом кровным.
Чего наговорили мы
И правым, и виновным...
Армян в браслетах и серьгах
Икрой кормили где-то,
А друг мой в черных сапогах
Стрелял из пистолета.

О загулах Высоцкого и Шемякина во Франции Марина Влади в своих воспоминаниях упоминает скупо: «Сколько раз Рива, Дороте и я, охая под тяжестью, затаскивали вас обоих в квартиру напротив Лувра. Собаки, не переносящие запаха алкоголя, яростно лают. Попугай ужасно ругается. Мы не знаем, смеяться нам или плакать, потому что насколько ораторские способности исчезают у тебя (Высоцкого), как только ты выпил, настолько Миша любит в этом состоянии декламировать длинные нецензурные монологи. И его, обычно изображающего из себя мрачного и молчаливого принца, невозможно заставить замолчать».

В последние годы жизни Владимира Высоцкого благотворное влияние Марины Влади на него заметно уменьшилось: порой Высоцкий тяготился ее присутствием рядом с собой, раздражался ее практицизмом. Звездный знак Володея (Высоцкий) входил в противоречие со звездным знаком Тельца (Влади). По-видимому, тогда и вошла в жизнь Высоцкого еще одна женщина, которая на два последних года его земной жизни стала ему близкой. Об этой женщине В. Янклович позднее скажет: «Последние годы Володя очень серьезно относился к этой девушке. Хотя меня тогда она немного раздражала... Но я видел Володино отношение: он принимал участие в ее жизни, вникал в ее студенческие дела... Конечно, она сыграла в жизни Высоцкого определенную роль. Было бы очень интересно и важно, если бы она

сама рассказала... Но ее молчание, конечно, можно понять...» Для самой Марины Влади связь эта раскрылась значительно позднее, когда Высоцкого уже не было в живых.

«Я узнаю — потому что все в конце концов узнается — о твоих многочисленных изменах. Просто больная от ревности, я не понимаю того, что все это — отчаянные попытки уцепиться за жизнь, доказать себе самому, что ты еще существуешь. Ты кричишь о главном — я вижу лишь то, что на поверхности. Ты стонешь о своей любви — я вижу только измену».

Павел Леонидов, предаваясь воспоминаниям на ту же тему, писал: «А сколько у него (Высоцкого) было «любвей»! Я знаю. О многих Юрий Петрович Любимов знает. Кое-кого из «любвей» он даже в трупку на «подносы» брал».

С точки зрения астрологии союз Водолей — Телец был тяжелым, трудносовместимым. Водолея прежде всего привлекали в Тельце преданность, домовитость, ведь несмотря на то, что Водолея всегда манила свобода, ему необходимо ощущение надежного тыла, нужен дом, в который он мог бы всегда вернуться. Ни в отношениях с Изой Жуковой, ни с Людмилой Абрамовой такого ощущения у Высоцкого, видимо, не было, что в конечном итоге и предопределило его развод с ними.

В конце концов и с Мариной Влади у Высоцкого должны были возникнуть серьезные проблемы в связи с тем, что для Тельца невыносима свобода Водолея. Влади хотела надежного, стабильного брака, ее практицизм входил в явное противоречие с «легкомысленностью» Водолея. Поэтому их брак переживал то холод, то жар отношений, взрывы чувств, конфликты и отчуждение. Такой союз обычно удерживается редко, и союз Высоцкого и Влади, как видно, на десятом году существования подошел к этому критическому рубежу.

Вернувшись из Франции, Владимир Высоцкий вновь с головой уходит в концертную деятельность: с 20 сентября по 10 октября он гастролирует по Ставрополю (24 концерта за неделю работы в Ставрополе) и по Северному Кавказу (15 концертов за пять дней работы в Грозном).

Очевидец тех гастролей В. Гольдман вспоминает: «Кав-

казские гастролы — это осень 1978 года. Орджоникидзе, Грозный, Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск — это была самая длинная наша поездка. В Пятигорске мы работали в летнем театре. И вот перед концертом подошли товарищи «из органов» и сказали, что будут гости:

— Владимир Семенович, надо, чтобы репертуар соответствовал.

Он ответил:

— Я буду петь то, что я пою.

Это я помню дословно. Да, я знаю, что первым секретарем Ставропольского крайкома тогда был Горбачев. Но был ли он на концерте, точно сказать не могу. Я знаю, что к Высоцкому очень хорошо относился один из секретарей, но кто конкретно? Я занимался своими делами, а «гости» после концерта заходили к Высоцкому — во всяком случае, мне тогда так сказали...

А в Грозном Махмуд Эсамбаев «отколол номер». Там Володя впервые спел песню про «республику чечено-ингушей» («Я сам с Ростова») — о переселении чеченцев и ингушей за Урал после войны. Был стадион на 10 тысяч, и там такое творилось! Шел сильный дождь, Махмуд в белоснежном костюме выскакивает на сцену и — на колени!

— Володя, спасибо тебе!

— Да ладно, Махмуд... Ты что — с ума сошел?! Встань!

В Северной Осетии министр культуры говорил Володе:

— Володя, хочешь, мы тебе дадим «народного»?

Запросто бы дали... Ведь последние два года мы работали от Северо-Осетинской филармонии и всю прибыль отдавали туда. Благодаря Володе они очень хорошо жили, мы делали им громадные деньги!»

Об этом случае — когда В. Высоцкому чуть было не присвоили звание народного артиста Северо-Осетинской АССР — более подробно рассказал позднее Н. Тамразов:

«Министром культуры в Северной Осетии был тогда Сослан Евгеньевич Ужегов, по работе мы хорошо знали друг друга. Когда я стал работать в Москве, наши отношения не прерывались, в республике меня «держали за своего». К тому

времени Сослан Евгеньевич работал уже заместителем председателя Совета Министров Северной Осетии. Звоню ему:

— Такой человек работает в вашей республике, работает по всей стране от вашей филармонии. Примите нас... (Володя несколько лет работал на фондах Северо-Осетинской филармонии).

Ужегов сказал:

— Приходите.

Мы пришли в кабинет к Сослану Евгеньевичу втроем: Володя, Гольдман и я. Говорили обо всем, потом подняли и эту тему... Ужегов сказал:

— Никаких проблем. Нам будет только приятно, что такой человек носит имя нашей небольшой республики.

Он дал команду заполнить документы, и на этом мы с Ужеговым расстались. Документы такие: Высоцкого — на заслуженного артиста, меня — на заслуженного деятеля искусств.

Выходя из кабинета, Володя говорит:

— Тамразочка, ты представляешь, я — заслуженный артист Северной Осетии. Как-то смешно...

— Действительно смешно. Вот народный...

Я вернулся в кабинет:

— Сослан Евгеньевич! Уж давать — так давать! Это же Высоцкий — его вся страна знает. Я уже не говорю, сколько он нашей филармонии денег заработал...

— Но мы же говорили о «заслуженном»... «Народного»? Почему нет?

Он тут же позвонил и переиграл ситуацию: в филармонии стали заполнять документы на «народного».

А что произошло дальше? Я думаю, что для реализации этой идеи Ужегову пришлось выходить на обком партии, а там это дело задавили. Скорее всего, эти перестраховщики из обкома подумали: как это так — в Москве Высоцкому не дают, а мы — дадим?! А может быть, и позвонили «наверх», не знаю. Но чтобы Володя сам отказался — этого я не помню.

В тот год в Москве писатели Виктор Ерофеев и Василий Аксенов задумали издать независимый литературный альманах «Метрополь», в котором должны были быть представ-

лены нетрадиционные для советской литературы произведения Ф. Искандера, А. Битова, А. Вознесенского, Е. Попова, Б. Ахмадулиной, Е. Рейна, Ю. Алешковского. Согласился отдать в альманах свои стихи и Владимир Высоцкий. Правда, среди представленных в «Метрополь» двух десятков его произведений не было ни одного нового. Это были: «Лукоморье», «Охота на волков», «В тот вечер я не пил, не ел» и др.

Все участники создания первого независимого литературного альманаха собирались на квартире Виктора Ерофеева недалеко от Ваганьковского кладбища, о чем наглядно говорит одна из известных фотографий, сделанных там. По словам хозяина квартиры, обычно после звонка Высоцкого в дверь и привычного вопроса «кто там?» следовал ответ Высоцкого: «Здесь печатают фальшивые деньги?» Без сомнения, сборища подобного рода не могли остаться без внимания со стороны официальных властей, в том числе и КГБ, и поэтому за большинством авторов «Метрополя» бдительно следили. До официального скандала оставалось всего несколько месяцев.

Тем временем официальные игрища вокруг больного и дряхлого генсека в тот год достигли своей кульминации. 20 февраля Леониду Брежневу был торжественно вручен высший знак воинского отличия — орден «Победа». Бывший замполит стараниями верных лизоблюдов стремился превратиться чуть ли не в главного организатора и вдохновителя побед на фронтах Великой Отечественной войны. Смелость Брежнева была продиктована тем, что плеяда истинных героев-полководцев к этому времени уже ушла из жизни. Один за другим ушли: Рокоссовский (1968), Соколовский (1968), Мерецков (1968), Воронов (1968), Захаров (1972), Жуков (1974), Василевский (1977), а те, кто остался еще в живых, безропотно взирали на рождение нового «великого полководца».

В марте 1978 года на прилавках советских книжных магазинов появляется мировой бестселлер — книга воспоминаний Леонида Брежнева «Малая земля». Мировой бестселлер не взят мной в кавычки потому, что он действительно таковым и являлся — помимо стран социалистического со-

дружества, где он появился одновременно с советским изданием, он появился и на прилавках магазинов в Югославии и Португалии. Кроме того, книгу Л.И. Брежнева «Страницы жизни» в январе того года выпустило шведское издательство «Корона», а в апреле — американское издательство «Саймон энд Шестер» и английское «Пергамон пресс».

Придворная кремлевская камарилья только успевает протыкать новые дырочки на костюме почти невменяемого генсека. 2 июня ему вручается высшая награда Чехословакии — орден Клемента Готвальда; 28 июня — высшая перуанская награда — Большой крест ордена «Солнце Перу», 23 ноября — международная Димитровская премия и, наконец, в день его 72-летия — высшая награда Родины — орден Ленина и третья Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Умиление Брежнева просто не знает границ. Вся страна видит это на экранах своих телевизоров. Под впечатлением подобных просмотров из-под пера Владимира Высоцкого рождаются строчки:

«Какие ордена еще бывают?» —
Послал письмо в программу «Время» я.
Еще полно — так что же не вручают?!
Мои детишки просто обожают, —
Когда вручают — плачет вся семья.

Свидетель одного из осенних выступлений Владимира Высоцкого в Москве И. Повицкий вспоминает: «Высоцкий пел: «Добрый день, добрый день, я — оборотень...» — пропел так, что Брежнева нельзя было не узнать, а припев: «Ох, что-то стала нам всем изменять Наша Нечистая Сила!» — ставил все точки над «i». Все узнали КПСС».

Вадим Туманов рассказывал, что, когда однажды Высоцкому позвонили домой и женский голос предложил ему выступить с концертом перед работниками Секретариата ЦК КПСС, Высоцкий сухо ответил: «В ближайшее время я совершенно не располагаю временем». Удивлению женщины на другом конце провода не было границ: «Вы что же, и ИМ так ответите?» «Я же сказал, что у меня нет времени», — повторил Высоцкий свой ответ и повесил трубку.

В дни, когда прилавки книжных магазинов начали ломиться от «Малой земли», артисты Большого театра Мстислав Ростропович и Галина Вишневская были в Париже. Там 15 марта, сидя у экрана телевизора, они совершенно случайно узнали, что Председатель Президиума Верховного Совета СССР, по совместительству — писатель, — Леонид Ильич Брежнев одним росчерком пера лишил их советского гражданства. Эту печальную судьбу разделил с ними в тот год и писатель Александр Зиновьев, фронтовик, профессор, автор нашумевшей книги «Зияющие высоты». И, что самое удивительное, — 6 апреля 1978 года, правда, исключительно по собственному желанию, в эту же компанию попал и высокопоставленный государственный чиновник — заместитель Генерального секретаря ООН, Чрезвычайный и Полномочный посол СССР Аркадий Шевченко, попросивший политического убежища в США. Поистине парадоксальный поступок со стороны человека, имевшего в своей жизни все блага!

В то время, как одних насильно выдворяли из страны или они сами соскакивали с высоких ступенек, другие шли по этим ступенькам вверх. После загадочной кончины 17 июля 1978 года секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству Федора Кулакова начала свое стремительное восхождение на кремлевском небосклоне звезда 47-летнего Михаила Горбачева, переведенного в конце того года из Ставрополя в Москву и получившего место усопшего Кулакова. По словам кремлевского бытописателя Роя Медведева, до этого каждый свой приезд в Москву супружеская чета Горбачевых обязательно посвящала посещению столичных театров, среди которых спектакли Театра на Таганке стояли на одном из первых мест.

Через 7 лет после своего переезда в Москву поклонник таганковских подмостков Михаил Горбачев объявит в стране перестройку, которая вернет из официального забвения и имя Владимира Высоцкого.

Под визг лебедек и под вой сирен
Мы ждем — мы не созрели для оваший, —
Но близок час великих перемен
И революционных ситуаций!

1979 год

В последнюю неделю года уходящего и в первую неделю года наступившего Владимир Высоцкий был целиком поглощен совместной с драматургом Эдуардом Володарским работой над сценарием под названием «Каникулы после войны». Идея написания этого сценария целиком принадлежала Высоцкому, который однажды, встретившись с фронтовиком генералом Войтенко и наслушавшись его рассказов о злоключениях в побежденной Германии вместе с поляком и французом, решил создать на этой основе сценарий полнометражного фильма. За помощью Высоцкий обратился к маститому кинодраматургу и своему другу Эдуарду Володарскому. Работать они начали на даче Володарского, и работа эта забирала у обоих все силы. Кроме этого, Высоцкий успевал ежедневно ездить на репетиции и спектакли в театр.

Через пять дней кропотливого труда 87 страниц машинописного текста были написаны. Правда, с самого начала работы над этим сценарием Володарский предупреждал Высоцкого о том, что это произведение в Союзе — непроходное. Впоследствии так оно и оказалось: ни одна киностудия не решилась поставить фильм по этому сценарию. Тогда авторы его решили пробить свое предприятие на Западе. Марина Влади по своим каналам перевела текст на французский и показала его своим друзьям. Принципиальное согласие на участие в съемках подобного фильма дал Жерар Депардьё. Польского героя согласился сыграть Даниэль Ольбрыхский. А воплотить на экране образ Войтенко должен был, естественно, сам Владимир Высоцкий. Дело было за продюсером, которого никак не могли найти.

Сценарий был переведен и на английский язык, и его судьбой решил заняться проживавший в США Михаил Барышников. Но в результате неаккуратного обращения с рукописью он ее попросту потерял.

В конце концов первоначальный пыл всех участников этой затеи иссяк, и дело было спущено на тормозах. Фильм так и не был снят, и лишь его сценарий появился на книж-

ных прилавках страны, да и то после смерти Владимира Высоцкого, в 1988 году.

В середине января 1979 года Владимир Высоцкий по приглашению ряда американских колледжей улетает в десятидневную поездку в США и Канаду. Маршрут его гостевой поездки весьма насыщен: Нью-Йорк (Бруклин колледж, Вайтмэн Холл, Куинс колледж, Голд Сентер), Бостон (Темпл Сентер, Охабет Шалом), Нью-Джерси (Хэмилтон Мидскул), Балтимор (Информационный центр), Филадельфия (1009 Анрах Авеню, Тиккет Информейшн Холл), Лос-Анджелес (Файярфэкс Хайскул), Торонто («Ин он зе Парк»), Детройт (Лазруп Хайскул) и, наконец, Чикаго (5959 Норт Шеридан Род).

Если советские средства массовой информации по поводу этой поездки сохраняли гробовое молчание, то американская пресса уделила значительное место на своих страницах приезду «советского бунтаря». Более того, как только нога Высоцкого ступила на американскую землю, в нью-йоркском аэропорту толпы журналистов окружили плотным кольцом русского гостя. Всем хотелось услышать от бунтаря Высоцкого что-нибудь сенсационное по поводу «ужасного коммунистического режима». Но Высоцкий на все вопросы подобного содержания спокойно ответил: «Не думаете ли вы, что если у меня есть проблемы с моим правительством, то я приехал решать их здесь?»

Говорят, что когда отцу Владимира Высоцкого передали эти слова сына, он был искренне обрадован и горд. Ведь ему, отставному полковнику, директору московского почтово-телеграфного училища, так часто до этого приходилось давать объяснения высоким начальникам по поводу выходов собственного сына. Было дело, он и сам, не дожидаясь разносов свыше, написал письмо о безобразном поведении сына и отослал его в соответствующую инстанцию. Об этом случае вспоминал друг Владимира Высоцкого Артур Макаров: «Лишь однажды я видел слезы в глазах Высоцкого. Мы сидели у Гладкова-Прохоренко, Тарковский и я. Володя пришел позже... Чтобы рассказать, что отец написал

на него письмо в соответствующую инстанцию. И, словно стыдясь минутной размягченности, крепко сжал мои руки: «Ты же знаешь, Артур, я совсем не такой слабый».

Марина Влади на страницах своих воспоминаний писала: «Всю свою жизнь ты разыгрываешь некое тихое помешательство, чтобы скрыть глубокий внутренний разлад. Ты каждый день маскировал отчаянье шутками... Твое мужество тем более велико, что никто тебя не поддерживает — твои близкие отказались от тебя, мучают тебя и предают. И твои стихи, полные скрытого смысла, здорово их раздражают».

Удивительно, но почти то же самое писала о своем муже — Олеге Дале — его жена Елизавета: «К моменту нашего знакомства в 1969 году Олег считал себя бродягой и дом не любил. Жилось ему дома трудно и неуютно. В семье его не понимали и не одобряли. Вообще он удивительным образом не походил ни на кого из родственников».

Воистину гениальные люди никогда не бывают понимаемы своими ближайшими родственниками!

Нежелание Высоцкого вступать в полемику с западными журналистами было продиктовано прежде всего тем, что он не хотел осложнять свои и без того сложные отношения с официальными советскими властями. Перспектива стать невозвращенцем Высоцкого не прельщала. Хотя, с другой стороны, в том же Нью-Йорке Высоцкий жил в доме не кого-нибудь, а самого Михаила Барышникова. Перед поездкой в Америку бдительные чекисты вызвали Высоцкого к себе и спросили: «Если вдруг вы встретитесь там с Барышниковым, то как будете себя вести?» «Так же, как в Ленинграде, он же мой друг», — ответил Высоцкий.

Год назад Владимир Высоцкий посвятил своему другу Михаилу Барышникову песню «Гранд-опера лишилась гранда».

Старавшийся на людях казаться бодрым и здоровым, наедине с собой Высоцкий по-прежнему терзался своим многолетним недугом. Даже в Америке он не мог долго находиться без привычного допинга. Встретившийся с ним у

Михаила Барышникова Павел Леонидов вспоминал те январские дни:

«— Ты хочешь? — Володя идет куда-то в глубь квартиры.

— Я — не хочу, больше никогда не захочу, — говорю я, смотрю ему в спину и думаю, что часа через два-три он будет готов.

Слышу, как в коридорчике перед кухней открывается дверь холодильника, слышу позвякивание горлышка бутылки о стакан — руки трясутся, и бульканье жадное...

Володя сидит с закрытыми глазами и вслушивается в происходящее с ним.

— Тоска какая! — Он это простонал тихо-тихо. — Такая тоска, и от питья тоска, и от непитья тоска, зажигаюсь, только когда ночью напад на новую песню. Даже петь становится неинтересно. Я Марину люблю... и не люблю, но не в том смысле, что не люблю, как это обычно бывает, а моя любовь к ней больше не спасает ни от чего, а раньше — спасала.

Сейчас — не за что ухватиться. Сыновья, и они не могут ничего изменить, знаешь, какая-то подвешенность на чем-то гнилом, на чем-то, что в любую секунду может оборваться, и ты грохнешься... Вмятку».

Гастроли Владимира Высоцкого по Америке завершились раньше положенного срока: 28 января услужливый работник советского посольства сообщил Высоцкому о том, что его гастроли в США закончены и обратный билет на родину ему уже куплен. Отменив шесть запланированных концертов, Высоцкий сел в самолет и улетел в Москву, заработав на 14 концертах 38 тысяч долларов. Правда, все эти деньги он отдал Марине Влади, в те же дни проходившей лечение в США.

Пока Владимир Высоцкий колесил по дорогам Америки и Канады, на его родине вокруг его имени сгушались тучи. В Театре на Таганке близилась дата премьеры спектакля «Преступление и наказание». Свидетель тех событий В. Смехов вспоминает: «В январе 1979 года, когда Володя продлил свое пребывание в США с концертами, а на Таганке без не-

го «Преступление и наказание» уже шел на выпуск, меня вызвал Любимов. Разговор был тяжелый:

— Я прошу тебя, Вениамин, сегодня же возьми роль Свидригайлова и давай активно в нее входи...

— Как это? Володя придет и...

— Не надо мне про Володю! Надоели его штучки и заграничные вояжи! Бери роль и работай!

...Я еле отговорился: сказал, что смогу глядеть в текст роли только тогда, когда смогу глядеть ему, Высоцкому, в глаза. При нем — это одно дело, а за его спиной — другое. На это было резко отвечено: мол, он же просил у меня твоего Воланда! На это я: да, но я плохо репетировал, и это было вначале, и вообще все об этом знали... Хотя, конечно, Юрий Петрович, если как человек я против, то как солдат я готов подчиниться приказу командира... Хитрость удалась, ибо покушаться на чужую свободу, видимо, не было в правилах создателя Таганки...»

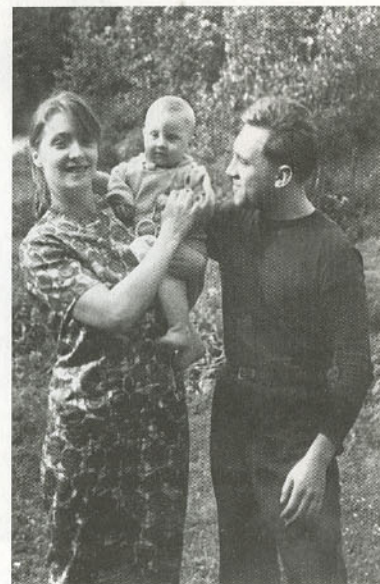
В те же дни, когда Любимов готовил замену Высоцкого в спектакле по роману Ф. Достоевского, должна была решаться и судьба литературного альманаха «Метрополь», на страницах которого были представлены и поэтические произведения Владимира Высоцкого. 17 января Василий Аксенов и Виктор Ерофеев принесли копию сборника для обсуждения в Московскую писательскую организацию. Но не надо было быть большим знатоком нравов, что царили тогда в обществе, чтобы заранее предсказать реакцию высоких литературных начальников на инициативу нескольких литераторов издать собственными силами неподцензурный сборник. Естественным ответом на эту инициативу был категорический отказ.

Тогда, 25 января (в день рождения Владимира Высоцкого), Карл Профер в интервью радиостанции «Голос Америки» заявил, что оригинал сборника находится в его руках и принят к изданию в издательстве «Ардис Пресс». Это был откровенный вызов властям со стороны составителей сборника, и остаться без должного ответа эта акция никак не могла.

Любимые женщины Высоцкого

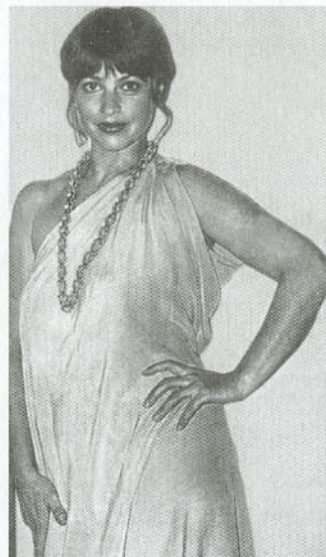
Высоцкий и Иза Жукова.
Конец 50-х годов.

Высоцкий, Людмила Абрамова
и Аркадий Высоцкий.
Июль 1963 года.

Высоцкий и Марина Влади.
1970 год.

Татьяна Иваненко.
1972 год.

Высоцкий и Оксана Афанасьева.
Январь 1979 года.

Высоцкий и Всеволод Абдулов. Конец 70-х.

Высоцкий и Михаил Шемякин. Конец 70-х.

Я никогда не верил в миражи,
I Вредущий рад не ладий гладыша -
Улыбка, сохранила мне ниши
и вырвало после Лоздана и неосторожн. от
двух пачками - одна - была.

Но свисела глыба на небесах
II от них я отлучился очень рано -
Занежи не отбил Вязовицт,
А Прага сердыт нас не разорвала

III И мы шумели в жизни и на сцене:
Мы вступили, малыми бока,
Но скоро нас заметит и очертит,
Да / Протит кто?
Но имен саз бока!

IV Но мы ушли в забвения охотности
Задолго до начала холодов
С бесстыдством и лжи призрака чужости
И рвни задырала на сцене

Дура не был-вал, вращае-вал-вал-вал-вал
и нас, хотя расцвели не косили,
Но ждали мы, бедней не смея гляд -
Мы тоже зети отрацили лет России,
Бездельники считано вору в нас.

(Прочти поэзию пробали вместе с нас)

Этот мир не жалеет в памяти нас -
И мы ждем в разлуке друг друга
Правду и любовь, и любовь и любовь
И вот, что жальче, и любовь, что в жизни -
И любовь, что жальче, и любовь, что в жизни -

Иногда мне жальче, что я не
Отдам жизнь в любви и в любви
Вот ты встаешь на пути судьбы,
Любишь, жальче и жальче и жальче
И жальче, жальче, жальче

Рукопись песни «Я никогда не верил в миражи». 1979 год.

Высоцкий в роли Глеба Жеглова в фильме «Место встречи изменить нельзя». Павильон Одесской киностудии, осень 1978 года.

Высоцкий и Наталья Белохвостикова в фильме «Маленькие трагедии». Павильон Мосфильма, 28 мая 1979 года.

Похороны Высоцкого. Москва, Ваганьковское кладбище, 28 июля 1980 года.

Руководитель московских писателей Феликс Кузнецов разродился статьей под названием «Конфуз с «Метрополем». Литые строки этой статьи должны были навсегда припечатать к позорному столбу литературных отщепенцев из «Метрополя».

«Так называемый альманах, в действительности сборник тенденциозно подобранных материалов и прежде всего — предисловие к нему.

Здесь нет и отзвука заботы о советской литературе, зато много неправды о ней.

Предисловие это, как подчеркнуто в нем, адресовано людям, не вполне знакомым с некоторыми особенностями нашей литературной «жизни». А особенности эти охарактеризованы так: «хроническая хвороба, которую можно определить как «боязнь литературы», «муторная инерция, которая вызывает состояние застойного, тихого перепуга», и как следствие — чуть ли не подпольное существование некоего «бездомного пласта литературы», «целого заповедного пласта отечественной словесности, обреченного на многолетние скитания и бездомность», который, как оказывается, и представляет указанный альманах...

Натуралистический взгляд на жизнь как на нечто низкое, отвратительное, беспощадно уродующее человеческую душу, взгляд через замочную скважину или отверстие ватерклозета сегодня, как известно, далеко не нов. Он широко прокламируется в современной «западной» литературе. При таком взгляде жизнь в литературе предстает соответствующей избранному углу зрения, облюбованной точке наблюдения. Именно такой, предельно жесткой, примитивизированной, почти животной, лишенной всякой одухотворенности, каких бы то ни было нравственных начал, и предстает жизнь со страниц альманаха, — возьмем ли мы стилизованные под «блатной» фольклор песни В. Высоцкого, или стихотворные сочинения Е. Рейна, или безграмотные вирши Ю. Алешковского, исключенного из Союза писателей и уже выехавшего в Израиль».

Высоцкий прилетел из Америки в Москву в тот момент,

когда скандал с «Метрополем» был только в самом начале и к участникам альманаха еще не успели применить меры «воспитательного» характера. Все это еще впереди, а пока Владимир Высоцкий дает несколько концертов в Москве и Дубне (3—11 февраля). 12 февраля в Театре на Таганке состоялась премьера «Преступления и наказания». В роли Свидригайлова — Владимир Высоцкий.

Говоря о своем герое, Высоцкий позднее объяснял: «Свидригайлов — человек уже оттуда, потусторонний такой господин. И даже у самого Достоевского написано в дневниках, что он должен выглядеть как привидение с того света, тем более что он все время ведет разговор о привидениях. Так что я знаю, как там, на том свете, в потустороннем мире, что там происходит. Поэтому у меня сейчас очень сильное потустороннее настроение...»

Откровенное признание Высоцкого о том, что он «знает, как там, на том свете», не может быть подвергнуто сомнению, так как за последние десять лет Владимир Высоцкий дважды находился в состоянии клинической смерти. Последний раз — через пять месяцев после премьеры «Преступления» во время гастролей по Средней Азии. Но об этом — разговор ниже.

Значительно позднее, уже после смерти Высоцкого, критики об этой его роли напишут, что роль эта будто рождала в нем какой-то очень личный внутренний отзвук, он все время как бы прислушивался к нему, поражаясь чему-то в себе самом, какой-то роковой связи между судьбой героя и судьбой собственной. «В этой роли так обнаженно, хотя вроде бы спрятано, прорвалась обостренная жажда жизни и трезвое до цинизма понимание слишком приблизившегося конца» (Р. Кречетова).

Жизнь тем временем идет своим чередом. В начале апреля Высоцкий и Влади отправляются в Западную Германию. Высоцкий, заработав во время гастролей в Америке и Канаде приличную сумму, покупает себе новый «шоколадный» «Мерседес». Это вторая машина подобной марки у Высоцкого, до этого он ездил на «Волге», «Жигулях», «БМВ». Но с

тех пор, как в народе пошли разговоры о многочисленных «Мерседесах» в коллекции Леонида Брежнева, Высоцкий тоже решает не отставать от моды. Да и с практической стороны это выгодно: запчасти к этой машине можно легко найти и в Москве у немецких дипломатов, с которыми знаком Высоцкий.

Итак, новый «Мерседес» куплен, и Высоцкий и Влади возвращаются на нем в Москву. Марина Влади вспоминает: «Только что купленная «шоколадка» — спортивная и норовистая — везет нас из Германии в Москву... Мы едем со скоростью больше двухсот километров в час по немецким дорогам, проезжаем польскую границу, и ты с гордостью общаешь мне, что для Олимпийских игр строится дорога Брест — Москва: «Покончено наконец с той жуткой дорогой в ухабах и рытвинах. Теперь и у нас можно нестись на полной скорости».

27 апреля Владимир Высоцкий, Валерий Золотухин, Леонид Филатов, Дмитрий Межевич и другие артисты Театра на Таганке приезжают в Ижевск, в котором дают несколько представлений спектакля «В поисках жанра». Администратор театра Валерий Янкович вспоминает: «Люди из Ижевска пришли ко мне в театр с просьбой посодействовать участию Любимова в их мероприятиях. В качестве режиссера, разумеется. (Высоцкий еще работал в театре, но был на грани ухода.) Петрович согласился. За постановку спектакля «В поисках жанра» на сцене Дворца спорта ему обещали 1200 рублей. Договорились, что Володя отработает в этом спектакле, а потом пять дней будет выступать один.

За эти одиночные концерты Высоцкому предложили весьма приличную по тем временам плату: триста рублей за концерт. Причем заранее оговаривалось, что если концерты не состоятся не по вине Высоцкого, деньги все равно будут ему выплачены. В Глазове, например, так и получилось. Народ из-за непогоды добраться туда не смог, но Высоцкому за сорванный концерт деньги заплатили».

К этому времени власти усилили давление на многих из тех, кто участвовал в составлении альманаха «Метрополь».

Не упустили они и Владимира Высоцкого. Вскоре после его отъезда из Ижевска органы БХСС завели на всех организаторов и участников концертов уголовные дела. Кое-кого даже арестовали. Для Высоцкого все это совпало с очередным обострением отношений в театре и с Мариной Влади. В отношениях с последней дело доходило до того, что впервые за эти шесть лет он мог не поехать в отпуск во Францию.

Именно тогда с Мариной Влади случилось несчастье, едва не стоившее ей жизни. Об этом случае рассказывает Н. Тамразов: «Работали в Глазове... Жили в каком-то партийном коттедже: двухэтажный роскошный особняк. Мы жили на втором этаже, заняли две спальни: шиковать так шиковать... Володя звонил Марине. Вначале ее не нашли: она была на съемках фильма «Багдадский вор»... Марина играла героиню, и когда она «летала» на ковре-самолете, вся эта конструкция рухнула. Она упала и разбилась.

Вечером сидим, ужинаем. А у Володи в Москве были девочки-телефонистки, которые ему помогали. Они нашли Марину в больнице, и Марина подробно рассказала, что и как... Как она летела вниз головой...

— Володя, только ты не волнуйся!

А Володя кричал:

— Я немедленно вылетаю!

Марина его успокаивала...»

В эти же самые дни готовилось его выступление в Политехническом музее в Москве. Все было уже заранее обговорено и даже отпечатаны афиши к выступлению. Утром Высоцкий отыграл в спектакле на Таганке, а вечером перед самым выступлением в Политехе узнал, что концерт отменен решением из Отдела культуры ЦК КПСС. Трудно объяснить, на что надеялся Высоцкий, рассчитывая выступить в здании, стоявшем напротив зданий ЦК КПСС и КГБ. 9—10 июня Высоцкий отыграл несколько концертов в Минске. Но последний его концерт был отменен, так как выяснилось, что администратор концертов попросту «химичил» с билетами: вместо положенных 50 копеек взимал со зрителей по два рубля пятьдесят копеек. Когда его уличили в этом,

он, недолго думая, свалил все на Высоцкого, заявив, что все левые деньги отдавал ему. Возникло еще одно уголовное дело на Владимира Высоцкого. Правда, следователь оказался грамотным и быстро во всем разобрался. Но вся нервозность, связанная с этим, не проходила для Высоцкого даром.

После минских гастролей Высоцкий решил отдохнуть в Сочи, благо там находился и его друг Валерий Янкович. Но даже там по какому-то роковому стечению обстоятельств неприятности не оставляли его. В. Янкович вспоминает: «Возвращаемся в санаторий. А я жил в номере рядом с Алексидзе (он тогда был председателем Союза театральных деятелей Грузии). Он говорит:

— Вы знаете, к вам залезли воры.

— Как это залезли воры?

— А очень просто, через балкон.

Входим в номер. Украли зонт, Володины джинсы и куртку. Бритву «Филипс» почему-то оставили. А в куртке у него были паспорт, водительское удостоверение, другие документы, ключ от московской квартиры — в общем, все! Даже из Сочи не вылетишь, а он все же собрался лететь к Марине.

На следующее утро мы пошли в милицию. Начальника нет. Все стали глазеть на Высоцкого, это начало его раздражать... Пришел начальник, завел разговор о задержании какого-то барыги... Наконец дали нужную справку. Мы поехали в аэропорт за билетом. Возвращаемся в санаторий — лежат куртка и письмо на имя Высоцкого. Вскрываем письмо — оно примерно такого содержания: «Дорогой Владимир Семенович! Прости, не знали, чьи это вещи. К сожалению, джинсы мы уже продали. Возвращаем куртку и документы».

А я уже позвонил в Москву администратору, чтобы тот вызвал хорошего слесаря: надо было открыть Володину квартиру, а там был американский замок, который и взломать-то очень сложно».

Вернувшись в Москву, Высоцкий в начале июля все-таки улетает в Европу по маршруту Рим — Париж. 2 июля даже выступает в римском ресторане «Да Отелло». 14 июля он

уже вновь в Москве, поет свои песни в МИНХе имени Плеханова. После этого летит с гастролями в Среднюю Азию по маршруту Заравшан — Учкудук — Навои. И эти гастроли едва не стоили ему жизни. Смерть вновь пришла за ним и опять, как и десять лет назад, ошиблась временем. Врач Анатолий Федотов, бывший в те дни рядом с Высоцким и вернувший его к жизни, вспоминает: «В июле он собирался на гастроли в Среднюю Азию. Я знал, что с ним едут Валера Янкович, Сева Абдулов, Володя Гольдман... Высоцкий собирает вещи, я стою рядом...

— Володя, а ты не хочешь взять меня с собой?

— Толян, с большим удовольствием! Почту за счастье.

Я как раз был в отпуске, и меня оформили артистом «Узбекконцерта»... В Бухаре он проснулся очень рано, часов, наверное, в шесть. И пошел на рынок, что-то там съел. Я тоже встаю рано. Вдруг прибегает Гольдман:

— Володе плохо!

Я — туда. Он абсолютно бледный: беспокойство, громадные зрачки. Клиника отравления, но не только пищевого. И на глазах ему становится все хуже и хуже.

А все стоят напуганные. Я закричал:

— Ребята, он же умирает!

Он успел сказать:

— Толя, спаси меня...

Сказал и упал.

Я успел ввести ему глюкозу, но дизинтоксикация не наступала. Остановилось дыхание, на сонной артерии нет пульсации. И полное отсутствие сердечной деятельности.

У меня был кофеин — ввел прямо в сердце. И стал делать искусственное дыхание: рот в рот. Абдулову показал, как делать массаж сердца. И, видимо, сердечная мышца возбудилась — сердце заработало. Минут через пять стали появляться самостоятельные дыхательные движения. Я с таким остервенением дышал за него, что он, когда пришел в себя, сказал:

— Я чувствовал, что моя грудная клетка расширяется — чуть не разрывается.

Это была самая настоящая клиническая смерть. Я был

рядом, поэтому удалось его спасти. А стоило чуть-чуть опоздать — и я бы ничего не смог сделать.

Володя немного отошел и говорит:

— А концерт?

Я — ему:

— Нет, Володя, с таким сердечком и в таком состоянии твои концерты здесь закончены.

Написал записку, что делать, если приступ повторится, засунул в карман куртки. И в тот же день мы с ним улетели в Ташкент, а оттуда отправили его в Москву.

После этого случая врач прописал Высоцкому два месяца восстановительного отдыха. Но уже через месяц после случая в Бухаре Высоцкий летит в Минск с новыми концертами.

Вторая клиническая смерть Владимира Высоцкого случилась ровно за год до настоящей кончины. Поистине июль был роковым месяцем в судьбе Высоцкого: июль 1969-го... июль 1979-го... июль 1980-го... Как будто смерть гналась за ним по пятам, а он ускользал от нее, вырывался из ее цепких костлявых лап, чтобы в скором времени вновь попасть в них и опять из них вырваться. Ведь одних автомобильных катастроф, после которых он мог не выжить, на его веку было несколько.

Но июль 79-го, по всей видимости, впервые по-настоящему заставил Высоцкого почувствовать, что его гонки со смертью подходят к концу. После этого «хождения во смерть» и возвращения обратно Владимир Высоцкий часто повторял друзьям, что к жизни вернули другого человека. Вспомним его слова о Свидригайлове: «Так что я знаю, как там, на том свете, в потустороннем мире, что там происходит».

Это «сильное потустороннее настроение» преследовало Высоцкого и в другой его работе того года: в фильме Михаила Швейцера «Маленькие трагедии» Высоцкий играл Дон Гуана. И как писал один из критиков: «Дон Гуан Высоцкого вовсе не падок до веселья и любовных забав... Пройдя половину жизненного пути, познав немало побед, но и немало разочарований, гонимый за нарушение общественной морали властями и церковью, Дон Гуан не перестал

предаваться ночным похождениям, подталкиваемый собственной славой и именем. Но он уже осознал, что преследует недостижимые цели и что его ждет глубокая душевная пустота. Вся роль Высоцкого — вдохновенно спетая песнь о жизни, любви и смерти».

Вспоминая Высоцкого тех дней, его лечащий врач Леонид Сульповар рассказывал: «В 1979 году мы сидели с ним в машине и часа полтора разговаривали. Его страшно угнетало болезненное состояние, он чувствовал, что уже не может творчески работать, что он теряет Марину. Он говорил обо всем, чего уже никогда не сможет вернуть в своей жизни...

К этому времени я уже знал о наркотиках. Володя говорил, что ощущает в себе два «я»: одно хочет работать, творить, любить — и второе, которое тянет его совсем в другую сторону, в пропасть безысходности. Он метался из одной стороны в другую. Два раздирающих начала делали его жизнь страшной и невыносимой...»

Меня опять ударило в озноб,
Грохочет сердце, словно в бочке камень, —
Во мне живет мохнатый злобный жлоб
С мозолистыми цепкими руками.
Когда, мою заметив маету,
Друзья бормочут: «Снова загуляет», —
Мне тесно с ним, мне с ним невмоготу!
Он кислород вместо меня хватает.
Он не двойник и не второе «я» —
Все объясненья выглядят дурацки, —
Он плоть и кровь, дурная кровь моя, —
Такое не приснится и Стругацким.
Он ждет, когда закончу свой виток —
Моей рукою выведет он строчку, —
И стану я расчетлив и жесток,
И всех продам — гуртом и в одиночку.
Я оправданья вовсе не ишу —
Пусть жизнь уходит, ускользает, тает —
Но я себе мгновенья не прошу —
Когда он вдруг меня одолевает.
Но я собрал еще остаток сил, —
Теперь его не вывезет кривая:
Я в глотку, в вены яд себе вгоняю —
Пусть жрет, пусть слохнет, я перехитрил!

(1979)

Л. Сульповар: «Болезнь Высоцкого к этому времени зашла уже очень далеко... Наркотики — для меня были очень трудным открытием — с наркотиками бороться куда трудней.

Доз я не знал. Хотя слышал, что они были совершенно фантастическими! Мы с Володей об этом никогда не говорили. Но отказ от них мог привести к смерти — вот как далеко уже зашла болезнь. Абстинентный синдром. Это трудно себе представить, как мучаются люди. Страдает все, весь организм. Но Высоцкий боролся. У него в последнее время был такой настрой: или вылечиться, или — умереть. Дальше так он существовать уже не мог. И откровенно говорил об этом...

И я начал искать, что еще можно сделать. Единственный человек, который этим тогда занимался, был профессор Лужников. К нему я и обратился. И у меня была большая надежда — и я Володю в этом убедил, — что мы выведем его из этого состояния. Лужников разрабатывал новый метод — гемосорбцию, но... То не было абсорбента, то ребята выезжали в другие города. А Володя ждал, каждый день звонил: «Ну, где? Ну, когда?» И наконец мы это сделали. Я пришел к нему, посмотрел — и понял, что мы ничего не добились. Тогда мы думали, что гемосорбция поможет снять интоксикацию, абстинентный синдром. Но теперь ясно, что это не является стопроцентной гарантией...

Поэтому я так расстроился, когда после гемосорбции посмотрел ему в глаза. Хотя сам Володя говорил:

— Все нормально. Все хорошо.

Но я-то вижу. По-моему, это был последний удар. Рухнула последняя надежда. А ведь мы так его настроили. «Это гарантия!»

...Я от суда скрываться не намерен,
Коль призовут — отвечу на вопрос.
Я до секунд всю жизнь свою измерил —
И худо-бедно, но тащил свой воз.
Но знаю я, что живо и что свято, —
Я понял это все-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята. —
Мне выбора, по счастью, не дано.

(1979)

Будучи уже серьезно болен, Высоцкий летом того года закончит работу над ролью капитана Жеглова в фильме Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя». В один из тех дней Высоцкого встретил его друг и участник работы над этим же фильмом Олег Савосин. Он вспоминает: «Я закончил эпизод в фильме «Место встречи изменить нельзя», почти всю ночь мы не спали, — а утром должен был лететь в Москву. И примерно в это же время прилетел Володя вместе с Аркадием Свидерским (тоже снимался в этом фильме). Они вышли из самолета и идут мне навстречу. И я взял и схватил его в охапку, даже приподнял немного...

— Да ты что, очумел! Мне же больно!

Володя буквально закричал на меня, а я же не знал, что он болен: никто и никогда не говорил мне об этом, а сам он все время скрывал. Я поставил его на землю:

— Извини, Володя, — я не знал.

И вся наша встреча была испорчена...»

Надо сказать, что в период работы над этой ролью большое тело Владимира Высоцкого «терзали» не только друзья, но и всякие экзальтированные поклонники, которые после этого даже не извинялись. Подобный эпизод произошел на одной из улиц Москвы, где снимался очередной эпизод фильма. Одна из женщин, стоявших вокруг съемочной площадки, внезапно выскочила из толпы и, подбежав к ничего не подозревавшему Высоцкому, укусила его за руку. Высоцкий от боли вскрикнул, да так громко, что на этот крик сбежалась чуть ли не вся съемочная площадка, которая и помогла ему отцепить от себя ненормальную поклонницу. С того дня места, где проходили съемки, окружались милицеескими кордонами, а сам Высоцкий в перерывах между съемками отдыхал в милицееской машине.

Летом 1979 года у В. Высоцкого, кажется, появляется реальная возможность в качестве режиссера-постановщика снять художественный фильм «Зеленый фургон». И. Шевцов вспоминает:

«Владимир Семенович, у меня есть предложение... — говорю не торопясь, представляя себе, как он нетерпеливо

держит трубку, готовый швырнуть ее на рычаг, — в Одессе должен сниматься «Зеленый фургон» по моему сценарию. Это...

Коротко пересказываю, он терпеливо слушает.

— Там будет несколько песен. Можно на вас рассчитывать?

И вдруг — полная неожиданность:

— Почему же только песни? Я с удовольствием и сам снял бы эту картину.

— Как? Режиссером-постановщиком?

— Ну да! Я эту книжку знаю, люблю... Несколько лет назад на радио была постановка, я участвовал... А почему «Зеленый фургон»? Ведь уже была картина?

— В том-то и дело, что была, — я, конечно, зачастил, «зашестерил» в предвкушении неожиданной удачи, — так она была двадцать лет назад (на самом деле — поменьше), снимал ее Габай, а он уехал.

— А что? Это заманчиво.

— И вы готовы на полтора-два года уйти из театра?

— Готов.

— А поехать в Одессу?

— Да, готов, готов!..

— Владимир Семенович, случай неординарный, но давайте попробовать.

— Нет! Я никого ни о чем просить не буду. Сейчас, после картины («Место встречи» к этому времени уже сняли), они ко мне хорошо относятся, но я — просить не буду!

— Так давайте я начну!

— Вот и начинайте! Получится — я готов. Договорились, Игорь?

— Договорились.

— Ну, звоните».

Но после этого столь многообещающего разговора пройдет еще несколько долгих месяцев, прежде чем идея с режиссерством В. Высоцкого начнет реально воплощаться в действительность.

Между тем скандал вокруг альманаха «Метрополь» не

утихал. В мае журнал «Советская литература на иностранных языках» опубликовал на английском языке перепечатку статьи «Мнение писателей о «Метрополе»: порнография духа». Из газеты «Московский литератор». В начале августа пять известных американских писателей — Э. Олби, А. Миллер, Дж. Апдайк, К. Воннегут и У. Стайрон — направили в Московскую писательскую организацию телеграмму протеста по поводу запрещения альманаха и тех репрессивных акций, которые имели место в отношении составителей и участников альманаха, стремившихся получить разрешение на публикацию антологии, минуя цензуру. 12 августа эту телеграмму на своих страницах опубликовала газета «Нью-Йорк таймс». 22 августа из Московской писательской организации был послан ответ американским коллегам. В сентябре этот ответ, в несколько сокращенном виде, был опубликован в «Нью-Йорк таймс».

«Но мы верим, — писали в своем письме московские писатели, — что те глубокие и органические связи, которые связывают подлинных писателей с родной литературой и родной землей, неразрывны.

Эти надежды распространяются и на начинающих литераторов В. Ерофеева и Е. Попова. Секретариат правления Союза писателей РСФСР, как вы правильно заметили, «приостановил» окончательное решение о приеме их в Союз писателей СССР. Но, простите, прием в Союз писателей — это уж настолько внутреннее дело нашего творческого союза, что мы просим дать ему возможность самому определять степень зрелости и творческого потенциала каждого писателя».

В это самое время на имя Владимира Высоцкого из Ижевска приходят повестки: немедленно явиться для дачи показаний в связи с незаконными заработками во время апрельских концертов. Но Высоцкий, вместо того чтобы ехать в Ижевск, в начале сентября вместе с Театром на Таганке отправляется на гастроли в Тбилиси. Вспоминает В. Янлович: «Планировались выступления Высоцкого в спектакле «В поисках жанра» вместе с Золотухиным, Филатовым, Ме-

жевичем. В течение пяти дней по два спектакля во Дворце спорта, а уже потом начинались официальные гастроли Театра на Таганке.

Мы приезжаем, и неожиданно выясняется, что зритель во Дворец спорта не идет. Все билеты на «Мастера и Маргариту», на «Гамлета» давно проданы, а на «Поиски жанра» (практически на Высоцкого) — никаких аншлагов. Вместо десяти спектаклей прошло всего пять. А вот на концертах в институтах и других залах были битковые сборы. Это несколько приободрило Володю, а то он очень переживал... И только позже мы узнали, что тбилисцы вообще не любят ходить в свой Дворец спорта...»

Нервы Высоцкого в те дни были на пределе. Не дождавшись конца гастролей театра, он ночью внезапно срывается из гостиницы и уезжает в Москву. Но там его ждут новые повестки от ижевских следователей, в Ижевске уже назначена дата суда, и требуется присутствие на нем и Высоцкого. Но по совету знакомого юриста Высоцкий и на этот раз остается в Москве.

И вновь — обострение болезни, новые уходы «в пике до чертиков».

Слева бесы, справа бесы.
Нет, по новой мне налей!
Эти с нар, а те из кресел, —
Не поймешь, какие злей.

(1979)

Эдит Пиаф, сама много раз переживавшая подобное состояние, в своих воспоминаниях писала: «В течение сорока восьми часов я не переставая выла, билась на постели в белой горячке, я видела вокруг себя кишашую толпу гномов в белых халатах, с громадными ухмыляющимися лицами, а прямо перед собой — огромного хирурга.

Гномы и хирург потрясали надо мной кулаками, а потом начинали меня бить. В этот момент я от страха приходила в себя, и видение исчезало на несколько секунд.

Потом кошмар начинался снова. Вновь появлялись гномы и доктор, они проклинали меня, бранились, грозили ку-

лаками... И каждый раз, стоило мне только закрыть глаза, я начинала видеть их...»

Коллега Владимира Высоцкого по театру И. Дыховичный высказался на этот счет кратко: «В последний год или полтора это была жизнь в аду. В аду, который я не пожелал бы ни одному своему врагу».

В периоды затишья, когда Высоцкий приходил в себя, он вспоминал о своих близких.

Его вторая жена Л. Абрамова рассказывает: «Володя позвал меня к себе на Малую Грузинскую. Я там была единственным раз. А до этого Володя встретился с ребятами, и что-то его беспокоило. Аркаша уже перешел в 10-й, Никита в 9-й класс...»

Все, что он мне тогда сказал, можно уложить в одно предложение... Куда бы ребята ни захотели поступить — хоть в литинститут или в военную академию, — куда угодно, он это сделает. Но ему тогда хотелось, чтобы Аркаша пошел в геолого-разведочный институт, а Никита — в институт военных переводчиков. Еще его беспокоило, какие у них друзья... А не пьют ли они? Нет ли у них каких-то рискованных друзей? А я с ним немножко невпопад общалась: его беспокоили дети, а я только о нем думала. И ничего умного и связанного про ребят я ему не сказала.

И тревожно было, — почему-то очень много замков в квартире... И как-то уж очень он меня убеждал, что у него здоровый, совершенно молодой организм: в Штатах так тщательно его обследовали, просветили все на свете. Как будто ему двадцать лет... Он меня в этом убеждал, а мне совсем наоборот показалось. И мрачен он был, вот я и испугалась».

Будучи с детских лет веселым, легким на подъем человеком, душой любой компании, Высоцкий к концу жизни очень изменился, и не в лучшую сторону. Непростая судьба и многолетний тяжкий недуг сделали свое дело. Олег Савосин вспоминал: «Мы встречались, разговаривали, вспоминали. Но Володя часто был усталый, мрачный, раздражительный. Он к тому времени здорово изменился — мне показалось, что он очень сдал. Он выглядел старше своих лет,

часто плохо себя чувствовал. Даже характер у него изменился: появились какие-то другие черты. Прежняя его веселость бывала уже очень редко».

«Но с годами тот, который был способен на всевозможные эскапады, розыгрыши, шутки, уступал место человеку необщительному, замкнутому, сдержанному. Круг друзей и знакомых заметно сужался, лишь к немногим близким ему по «группе крови» людям сохранял он дружеское расположение. Однако общаться даже с ними становилось мучительно — чем дальше, тем больше: и нехватка времени, и отсутствие радостей, а делиться неприятностями не хотелось — у всех их было предостаточно. Потому-то желания «почудить» хватало с некоторых пор только для дома».

Слова эти, сказанные Н. Галаджевой про Олега Даля, вполне могут быть отнесены и к Владимиру Высоцкому последних лет жизни. И вновь поражаешься, как много общего в судьбе этих двух, совершенно разных по характеру, людей.

Мне скулы от досады сводит:
Мне кажется который год,
Что там, где я, — там жизнь проходит,
А там, где нет меня, — идет.
А дальше — больше — каждый день я
Стал слышать злые голоса:
«Где ты — там только наваждение,
Где нет тебя — все чудеса.
Ты только ждешь и догоняешь,
Врешь и боишься не успеть,
Смеешься меньше ты, и, знаешь,
Ты стал разучиваться петь!
Как дым твои ресурсы тают,
И сам швыряешь все подряд.
Зачем? Где ты, там не летают,
А там, где нет тебя, парят.
Я верю крику, вою, лаю,
Но все-таки друзей люблю,
Дразнить врагов я не кончаю,
С собой в побеге от стыда, —
Я каждый день хочу отсюда
Сбежать куда-нибудь туда...
Хоть все пропой, протарабань я,
Хоть всем хоть голым покажись —

Пустое все, — здесь прозябанье,
 А где-то там такая жизнь!
 Фартило мне, земля вертелась.
 И, взявши пары три белья,
 Я — шась — и там. Но вмиг хотелось
 Назад, откуда прибыл я.

(1979)

Осенью 1979 года на телевизионных экранах страны прошла премьера пятисерийного фильма «Место встречи изменить нельзя». За многие годы страна не знала такой телевизионной премьеры: улицы городов буквально вымирали во время показа очередной серии. Люди упивались неотразимым Глебом Жегловым в исполнении Владимира Высоцкого. Даже дружная армия кинокритиков впервые за долгие годы благожелательно отозвалась об очередной роли Владимира Высоцкого. В хор этих голосов включилась даже антитаганковская «Литературная газета», поместившая 28 ноября на своих страницах статью Ольги Чайковской с похвалой в адрес фильма. 29 ноября, после месячного перерыва, Высоцкий возобновляет свою концертную деятельность концертом в московской библиотеке № 60. Затем улетает в Канаду и 4 ноября уже выступает с концертом в Торонто. В этом году он даст около ста концертов в различных городах Союза и за рубежом. Сил на то, чтобы повторить прошлогодний рекорд (150 концертов), уже не остается. Количество произведений, созданных в этом году, колеблется в пределах 25. Веселых, жизнерадостных, полных едкой сатиры и юмора произведений среди них почти нет.

Смеешься меньше ты, и, знаешь,
 Ты стал разучиваться петь!

В середине декабря вновь дает о себе знать сценарист с Одесской киностудии Игорь Шевцов, предложивший летом этого года В. Высоцкому совместно работать над картиной «Зеленый фургон». В середине декабря И. Шевцов вернулся из Крыма и в Москве встретился с В. Высоцким. К этому времени было уже получено окончательное разрешение Одесской киностудии на то, чтобы режиссером картины

был В. Высоцкий. И вот после этого И. Шевцов и В. Высоцкий, на квартире последнего, приступают к совместной работе над сценарием. И. Шевцов вспоминает:

«В последнюю неделю декабря мы встречались почти ежедневно. Вечером я приезжал к нему на Малую Грузинскую. У Володи всегда были люди. Всегда шум, гам. Он то играл спектакли, то уезжал на концерт, а потом, наговорившись, накричавшись вдоволь, все понемногу расходились, и мы начинали работать. Уже наступала поздняя ночь.

Он говорил, фантазировал. Однажды наговорил целую кассету, я с ним спорил, мы страшно, по-черному, матерились, а потом сломался диктофон. Жалко, если он стер кассету. Я же дома только расшифровал ее для работы. Там был его живой голос, темперамент — и это звучало убедительно, а втолковать все это в сценарий никак не удавалось. Он фантазировал, разрывал сюжет, активно проигрывал роли разных персонажей, сыпал одесско-еврейским жаргоном и при этом почему-то все время называл одного из героев, начальника оперативной части угрозыска (сокращенно начоперот), — начапортом. Все, что было можно, я сначала старался втискивать в сценарий, но возникали противоречия, нелепости в тексте, и я... терялся.

Приближался Новый год, Володя собирался ехать на дачу, где сидела Марина, и — «там мы все сделаем». Я не знаю точно, была ли там Марина, но он так говорил. И я к нему на дачу в Пахру так и не выбрался — заболел гриппом...

Дальше трудно восстановить в деталях, как мы работали, но несколько длинных ночных разговоров пока еще в памяти, отчетливо вижу «картину» — так фрагментами и передаю.

Глубокая ночь. Володя утомился и пошел к себе спать. Я остаюсь за письменным «таировским» столом в кабинете, записываю. Через час-полтора он вдруг заходит:

— Ну как?

— Да вот — пишу.

Видно, что ему не спится. А мне, конечно, болтать с ним куда интереснее, чем писать сценарий. Я подбрасываю ветки в костер:

— Володь, а зачем тебе это кино вообще? При том бардаке, который там сейчас, ты же просто утонешь в пугине.

— Знаешь, а мне надо!

— Ты пишешь прекрасные вещи. Есть просто гениальные. — Я не хочу льстить, но и не сказать, что так думаю, не могу, раз уж поехало.

Он усмехается, и в этой усмешке вдруг видно что-то... не знаю... незащищенность какая-то... неуверенность...

— Я давно удивлялся, Володя, твоей рифме. Кажется, Брюсов утверждал, что трехсложная рифма в русском языке — редкость, а у тебя — сплошь и рядом.

— Я почти времени на это не трачу. Проглядел «Словарь русских рифм» (я о таком словаре не знал) — там для меня мало нового. Но дело не в этом. Мне нужно менять поле... Актерство, лицедейство — это я не люблю. Ненавижу!!! — это вдруг прозвучало так страстно, что я удивился».

Между тем подходят к концу 70-е. Кажется, что уже ничто не сможет разбудить эту некогда великую державу. Булат Окуджава пишет свою знаменитую «Римскую империю времен упадка»:

Римская империя времен упадка
сохраняла видимость твердого порядка:
цезарь был на месте, соратники рядом,
жизнь была прекрасна, судя по докладам...
Римляне империи времени упадка
ели, что достанут, напивались гадко,
а с похмелья каждый на рассол был падок...
Видимо, не знали, что у них упадок...

В июне Леонид Брежнев и Джеймс Картер в Вене подписали Договор ОСВ-2. Советский руководитель выглядел весьма плохо: весь мир обошли фотографии, где его буквально на руках несут дюжие телохранители. Тем временем во Франции и в Японии выходит в свет его трилогия: «Малая земля», «Возрождение», «Целина». Вдобавок к этому и «Страницы жизни». По центральному советскому телевидению Вячеслав Тихонов с упоением читает «Малую землю» и «Возрождение».

18 января в Москве, всеми забытый, в возрасте 55 лет

скончался известный советский киноартист Валентин Зубков, блиставший в 50—60-х годах в таких фильмах, как «Летят журавли», «Иваново детство», «Евдокия» и др. 12 апреля в Киеве в автомобильной катастрофе трагически погиб 50-летний замечательный советский актер и режиссер Леонид Быков, навсегда оставшийся в живых в «Алешкиной любви», «Максиме Перепелице», «В бой идут одни старики», «Аты-баты, шли солдаты».

Породив невероятное количество слухов, навсегда уехал в США киноартист Савелий Крамаров. И чего только о нем не говорили: и что наследство огромное получил, и что Родину из-за него продал. На самом деле Крамаров уехал из Союза почти налегке: оставив московской синагоге все свои сбережения и прихватив с собой лишь два полупустых чемодана.

На экраны страны в тот год выходят новые фильмы: «Москва слезам не верит» (побил все рекорды посещаемости!), «Пираты XX века» (на 2-м месте после «Москвы»), «Сибириада», «Вкус хлеба», «Осенний марафон», «Несколько дней из жизни Обломова». В ноябре этого года, когда неутомимые следователи из Ижевска пытались уличить Владимира Высоцкого в незаконно полученных за концерты деньгах и слали ему повестки в Москву, грозя арестом, в это самое время антикварные ценности на сумму 248,8 тысячи рублей, являвшиеся вещественными доказательствами по уголовному делу валютчика М.С. Акопяна, были перевезены на квартиру министра внутренних дел СССР Николая Щелокова на улицу Герцена с его дачи в Серебряном Бору и заняли достойное место в его частной коллекции.

А мы живем в мертвящей пустоте, —
Попробуй надави — так брызнет гноем, —
И страх мертвящий заглушаем воем —
И те, что первые, и люди, что в хвосте
И обязательные жертвоприношения,
Отцами нашими воспеты не раз,
Печать поставили на наше поколение —
Лишили разума, и памяти, и глаз

(1979)

В декабре Высоцкого сразил новый сердечный приступ. Вновь, как и в прошлом году, он отправился в свою поликлинику. Кардиограмма показала предынфарктное состояние. Врачом ему был предписан немедленный отпуск и лечение. Придя домой и бросив выписку врача в стол, Высоцкий через несколько дней о ней забыл.

27 декабря 1979 года советские войска пересекли государственную границу Республики Афганистан, вызвав этим бурю возмущения во всем мире. Тут же последовало американское торговое эмбарго против СССР и решение бойкотировать Олимпийские игры в Москве. Афганская акция была задумана и блестяще проведена с подачи Юрия Андропова, обеспокоенного наметившейся после июньской встречи Брежнева и Картера в Вене разрядкой отношений между Советским Союзом и США. К этому времени Юрий Андропов обрел реальную власть в Политбюро, убрав из него Николая Подгорного (в октябре 1977-го) и лишив фактической власти Алексея Косыгина. До восшествия Андропова на престол оставалось без малого три года. Большинство советских людей встретили весть о вторжении в Афганистан без особого энтузиазма, но и без особой боли. Помогать голодающим в Африке или нуждающимся в нашей помощи тем же афганцам мы считали делом хоть и хлопотным, но нужным. В среде же особ высокопоставленных и обладавших большей информацией о реальном положении вещей реакция на это событие была не столь простой и однозначной.

За несколько дней до вторжения на собственной квартире покончил жизнь самоубийством заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант Виктор Папутин. В этом году это было уже второе самоубийство в среде высокопоставленных работников МВД. Первым пустил себе пулю в голову 19 апреля затравленный Щелоковым генерал-лейтенант С.М. Крылов, начальник Академии МВД. С этим человеком В. Высоцкий дружил и в трудную минуту всегда мог рассчитывать на его поддержку. Когда С.М. Крылов покончил с собой, В. Высоцкий был в Москве (он только-только вернулся из Германии), и эта смерть его потрясла.

Смерть же В.С. Папутина была напрямую связана с афганскими событиями. Свидетель тех событий, бывший заместитель министра МВД Юрий Чурбанов, рассказывал: «Зимой 1979 года произошло трагическое событие. Виктор Семенович Папутин неожиданно покончил с собой. Помню, я был дома, когда раздался звонок от дежурного по министерству, сообщившего, что Папутин застрелился на квартире... Смерть была зафиксирована в его рабочем кабинете, он почему-то находился в верхней зимней одежде, но без головного убора, пуля прошла навылет, но самое главное — Папутин был в состоянии сильного алкогольного опьянения. Думаю, что причиной этого самоубийства стали Афганистан, его частые выпивки, прогрессирующая болезнь печени... Щелоков пытался организовать некролог в «Правде», но «Правда» отказалась его печатать из-за факта самоубийства. Некролог появился в «Известиях», он был очень короткий, даже без фотографии покойного. Никто из секретарей ЦК, кроме Капитонова, его не подписал... Похоронили Папутина на Новодевичьем кладбище, ему были отданы все воинские почести, но на митинге выступал, по-моему, только Щелоков, даже из обкома партии никто не приехал. Думаю, все ориентировались на некролог. Он был как сигнал. Те, кто хоронил Папутина, прекрасно знали, что он крепко пил, что из Афганистана его привезли в плохом состоянии, что потом он довольно долго находился в больнице с подозрением чуть ли не на болезнь Боткина, причем тогда ходили всякие разговоры, что в алкоголь ему добавляли какой-то яд или очень сильный наркотик, ибо руководство Афганистана, которое уже тогда за спиной Советского Союза все больше сближалось с американцами, не было заинтересовано в той объективной информации, за которой приехал в Афганистан Папутин...»

О реакции Владимира Высоцкого на вторжение советских войск в Афганистан рассказывает Михаил Шемякин: «События в Афганистане потрясли его. Он с болью говорил о том, как потрясла его фотография девочки, обожженной советским напалмом. Закрыв лицо руками, он почти кри-

чал: «Я не могу после этого жить там! Не могу больше!» На другой день он взял гитару и спел песню, написанную накануне ночью. Это была песня о страшных событиях. Помню пару строк, где сегодняшнего папу римского уговаривают не лететь в самолете, что, мол, это опасно, и папа отвечает:

Мне не страшно — я в сутане,
А нынче смерть — в Афганистане...»

Пока в архивном наследии Владимира Высоцкого эта песня не найдена. Вполне вероятно, что текст ее могли уничтожить близкие поэта после его смерти, когда, боясь официальных властей, они спешно подчищали архив Высоцкого. А может быть, эта песня когда-нибудь еще и всплывет, как появились на свет другие стихотворения, посвященные тому же:

И я не отличался от невежд,
А если отличался — очень мало, —
Занозы не оставил Будапешт,
А Прага сердце мне не разорвала.
Но мы умели чувствовать опасность
Задолго до прихода холодов,
С бесстыдством шлюхи приходила ясность —
И души запирали на засов.
И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз, —
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

(1979)

Самая известная песня Владимира Высоцкого, написанная в 1979 году, — «Лекция о международном положении». В ней мы узнаем прежнего, полного едкой сатиры и юмора Высоцкого, у которого за внешней видимой легкостью веселых строк скрывается потаенный смысл. Вот и эта песня о том, что течение мирового политического процесса может резко измениться, если дать «волю» Советскому Союзу и его «соседям по камере» — странам социалистического содружества. Ровно через десять лет после написания этой песни рухнула Берлинская стена, и правота Высоцкого во многом подтвердилась.

В сентябре 1979 года во время выступления Владимира Высоцкого по Пятигорскому телевидению ведущий передачи спросил поэта: «Какой вопрос вы бы хотели задать самому себе?» Высоцкий ответил: «Я вам скажу... Может быть, я ошибусь... Сколько мне еще осталось лет, месяцев, недель, дней и часов творчества? Вот такой я хотел бы задать себе вопрос. Вернее, знать на него ответ».

Было это 14 сентября. Земной жизни судьба отпустит Владимиру Высоцкому еще 314 дней.

1980 год

Последний в земной своей жизни год Владимир Высоцкий встретил на даче у Эдуарда Володарского под Москвой. Среди приглашенных, кроме Высоцкого и Влади: Всеволод Абдулов, Валерий Янклович, писатели Юрий Трифонов, Василий Аксенов. После обильного застолья Высоцкий внезапно «заводится»: у него кончились наркотики, и он решает срочно ехать в Москву. Но рядом находится жена, которая пока не догадывается о «болезни». И Высоцкий хочет в очередной раз ее обмануть. Для этого он просит В. Янкловича придумать подходящую причину для отъезда. Тот придумывает: ему, мол, надо успеть в театр на утренний спектакль. Влади отпускает Высоцкого отвезти Янкловича на своей машине, но только до ближайшей трассы в сторону Москвы. Далее В. Янклович вспоминает: «Мы садимся в машину (Сева Абдулов тоже поехал) — и Володя гонит на скорости двести километров, не обращая внимания ни на светофоры, ни на перекрестки...»

На Ленинском проспекте, прямо напротив Первой Градской больницы, машина врывается в троллейбус. Сева ломает руку, у меня сотрясение мозга. Подъезжает «Скорая», Володя пересаживает нас туда, а сам на десять минут уезжает на такси. Вскоре появляется в больнице — поднимает на ноги всех врачей! Мне делают уколы, Севе вправляют руку. Пер-

вого января вся Москва гудела, что Высоцкий насмерть разбился на своей машине».

Так, со всенародных слухов о его смерти, начинался для Владимира Высоцкого год 1980-й — год високосный (по восточному гороскопу — год Обезьяны, тот самый, про который древние астрологи говорили: «Обезьяна умирает в год Тигра, а Тигр умирает в год Обезьяны»). Владимир Высоцкий по своему гороскопу, как известно, был Тигром.

Начавшись с неприятностей, год этот ими и продолжился. Из Ижевска в Москву срочно прилетел полковник Кравец, который вел дело о прошлогодних незаконных концертах Высоцкого. Первым делом он едет в больницу к Янкловичу для обстоятельного допроса, хотя не имеет на руках никакой законной санкции на это. Из-за этого между ним и приехавшим в больницу Высоцким происходит серьезная словесная перепалка. Кравец тут же составляет бумагу на Высоцкого с обвинениями его в том, что он сознательно устроил аварию, чтобы укрыть в больнице свидетеля по делу — Янкловича. Высоцкого и его друзей вызывают к высокому начальству на Петровку, 38. Как вспоминает все тот же В. Янклович: «Я понял, что все это неспроста: они хотят сделать что-то с Высоцким...»

В середине января Высоцкий улетает с театром на гастроли в города Курган и Пермь. Но эти гастроли не прибавляют ему здоровья. Более того, к этому моменту его отношения с руководством театра окончательно разладились, и разрыв висел на волоске. В том январе в интервью корреспонденту «Литературной России» В. Высоцкий сказал: «Я ведь не очень люблю актерскую профессию и сейчас ухожу из нее потихонечку (и из театра, и из кино). Буду сам делать фильмы. Я предпочитаю исполнительской работе творческую, авторскую, когда сам делаешь и сам воплощаешь».

К этому моменту Высоцкий уже написал очередное заявление об уходе из театра. Но Юрий Любимов, вызвав его к себе в кабинет, более часа уговаривал не порывать навсегда с театром. Высоцкий в конце концов согласился и переписал заявление. Теперь там значилось: «продолжительный

отпуск с творческими целями». В театре за Высоцким по-прежнему оставалась роль в спектакле «Гамлет». Между тем творческий отпуск нужен был Высоцкому для серьезных занятий режиссурой: он намеревался снять фильм в качестве режиссера, соавтора сценария (вместе с И. Шевцовым), исполнителя одной из главных ролей и автора песен. Но год 1980-й стал одним из самых неудачных в творческой биографии Владимира Высоцкого, когда многие его идеи и начинания так и не смогли осуществиться. И. Шевцов вспоминает: «Сценарий «Зеленого фургона» был переписан полностью. От прежнего осталось несколько эпизодов, но соединить, да еще на скорую руку, два совершенно разных стиля мне, конечно, не удалось. Я быстро перепечатал эти полторы сотни страниц и отнес Володе».

Через день он сам позвонил мне и устроил чудовишный разнос. Кричал, что все это полная...! Что я ничего не сделал! Что, если я хочу делать такое кино, — пожалуйста! Но ему там делать нечего!

— Ты думаешь, если поставил мою фамилию, то уже и все?! — орал он.

Я не мог вставить в этот бешеный монолог ни слова. Его низкий, мощный голос рвал телефонную трубку и... душу. И я решил, что наша совместная работа на этом закончилась.

Проболтавшись по улицам пару часов в полном отчаянии, я доехал до метро «Баррикадная» и позвонил ему из автомата. Приготовил слова, которые надо сказать, чтобы достойно распрощаться...

Но когда он взял трубку, он ничего не дал мне сказать. Он опять выругался, а потом добавил совершенно спокойно:

— Будем работать по-другому. Сядешь у меня и будешь писать. Вместе будем. Сегодня. Машинка есть? Ты печатаешь? Вот и хорошо. Жду вечером.

Вечером все стало на свое место. Он сказал, что в сценарии много... но времени нет: надо отдавать, чтобы читало начальство.

— В Одессу посылать не будем, я сам поеду к Грошеву (главный редактор «Экрана»). Так двинем быстрее.

— Володя, чего тебе ездить? — предложил я. — Ты ему позвони, а я отвезу. За ответом поедешь сам.

Так и сделали. Грошев обещал прочитать к пятнице, через три дня, но Высоцкий перепутал, поехал к нему в четверг, и убедить его, что ехать рано, мне так и не удалось. В четверг я позвонил ему:

— Ну как?

— Никак! Я отказался от постановки, — мрачно заявил он мне в трубку.

Я кинулся к нему.

Он лежал на тахте. Что-то бурчал телевизор, почти всегда у него включенный. Тут же сидел Сева Абдулов с рукой в гипсе (после аварии), задранной к подбородку, еще кто-то, кажется, Иван Бортник. У всех вид такой, точно объелись слабительного. Я встал у стены.

— Ну что стоишь!.. — рявкнул Володя. — Снимай пальто! В общем, я отказался от постановки.

— Ты не спеши.

— Да что ты меня уговариваешь! Я приезжаю к этому Грошеву! Он, видите ли, за три дня не мог прочитать сценарий! Я, Высоцкий, мог, а он не мог, твою мать!

— Да он и не обещал...

— Да ладно тебе! И как он меня встретил: «Владимир Семенович, я вас прошу больше в таком виде не появляться!» В каком виде? Я-то трезвый, а он сам пьяный! И мне такое говорит! Мне!!!

(К слову сказать, Володя действительно тогда не был пьян, но очень болен. А уж Грошев, конечно, тем более не был пьян.)

— Я ему стал рассказывать, как я хочу снимать, а он смотрит — и ему все, я вижу, до...!

— Володя, — успеваю вставить я, — а чего ты ждешь?.. и т.д. — но он сейчас слушает только себя.

— Больше я с этим... телевидением дела иметь не хочу! Удавятся они! И сегодня на «Кинопанораму» не поеду! Пусть сами обходятся! Ничего, покрутятся!»

Разговор этот происходит 23 января, а накануне, 22 ян-

варя, В. Высоцкий впервые в своей жизни записывался с собственными песнями на Центральном телевидении, в передаче «Кинопанорама». Запись эта происходила ночью, когда все высокое начальство давно уже разъехалось по домам и кроме съемочной бригады «Кинопанорамы» в студии никого не было. В. Высоцкий с большой серьезностью откликнулся на приглашение режиссера передачи Ксении Марининой, но и здесь его ждало разочарование. Тот же И. Шевцов вспоминает слова В. Высоцкого после той записи на ЦТ: «Ну, сделали запись. Я час с лишним, как полный... выкладывался. А потом она (Маринина) подходит и говорит: «Владимир Семенович, вы не могли бы организовать звонок к Михаилу Андреевичу Сулову?» Я аж взвился: «Да идите вы!.. Стану я звонить! Вы же сказали, что все разрешено?» — «Нет, но...»

Короче, сюжет с В. Высоцким в «Кинопанораме» так при его жизни и не вышел (с большими купюрами его показал Э. Рязанов в 1981 году, а полностью его показали только в 1988 году, в период празднования 50-летия со дня рождения В. Высоцкого).

Между тем из Министерства культуры СССР в Театр на Таганке приходит бумага о том, чтобы руководство театра готовило документы на присвоение В. Высоцкому звания «Заслуженный артист РСФСР». Заведующая отделом кадров театра Елизавета Авалдуева сообщила эту приятную новость Высоцкому. Но тот среагировал на нее на удивление спокойно.

— Я еще не заработал, — ответил он Е. Авалдуевой. — Вот не дадут — вам будет больно, а мне — обидно. Еще поработаю как следует — тогда будем оформляться.

Только нежелание в очередной раз получить «пощечину» от чиновников Минкульта могло заставить В. Высоцкого ответить подобным образом.

Как уже сказано, 22 января 1980 года Владимир Высоцкий впервые записывался с собственными песнями на Центральном телевидении. У него и до этого были возможности записать свои выступления на телевидении, но он не вос-

пользовался ими по принципиальным соображениям. Его коллега по театру Борис Хмельницкий, вспоминая об этом, рассказывал: «Все знают, что песни Высоцкого не пускали на радио и на телевидение. Считается, что по идеологическим соображениям. Но есть один очень важный момент: Володя не хотел давать им взятку. У нас с ним был как-то разговор на эту тему. За пятьсот, говорит, не разрешат записать. За тысячу — не разрешат. Ну предложу им полторы, две, три — и разрешат. Но он принципиально не платил, потому что знал, что тогда так бы уже не написал».

На этот раз осознание Высоцким своего возможного внезапного конца предопределило исход дела, и он пришел на телевидение. Глядя теперь на кадры этой съемки, трудно вообразить себе, что В. Высоцкий снимался буквально на грани возможного. Его здоровье к этому моменту было окончательно подорвано, по сути на экране перед нами выступает абсолютно больной человек.

Через три дня после этой съемки, 25 января, в свой день рождения В. Высоцкий делает очередной отчаянный шаг хоть как-то заглушить в себе болезнь. Вместе с врачом Анатолием Федотовым он закрывается на несколько дней у себя на квартире. А. Федотов рассказывает: «В январе 1980 года мы с Высоцким закрылись на неделю в квартире на Малой Грузинской. Я поставил капельницу — абстинентный синдром мы сняли. Но от алкоголя и наркотиков развивается физиологическая и психологическая зависимость. Физиологическую мы могли снять, а вот психологическую... Это сейчас есть более эффективные препараты. Да, сила воли у него была, но ее не всегда хватало».

Об этом же слова В. Янкловича: «Высоцкий запирается вместе с врачом. Врач пытается что-то сделать. День, два... На третий день — срыв. Ничего не помогает — так делать нельзя. Даже врачи уже не верили в успех». Вскоре после этого лечения В. Высоцкий улетает к жене во Францию, а с 20 февраля продолжает свои гастрольные выступления в Союзе. Правда, его здоровья уже не хватает на дальние переезды, и он выступает в черте города Москвы и Москов-

ской области. С 20 по 29 февраля он дал пять концертов в городе Долгопрудном и столько же в Москве.

Здоровье Высоцкого вызывает серьезную тревогу у его друзей. В конце марта В. Янклович и В. Абдулов, в обход Высоцкого, попадают на прием к врачу и описывают ему состояние здоровья своего друга. Врач констатирует неизбежное: «Если Высоцкий проживет еще месяца два — это будет хорошо».

Высоцкому делают гемосорбцию — очистку крови. Об этом вспоминает В. Янклович: «В Москве ему впервые в Союзе делают гемосорбцию. Это было весной 1980 года. В Институте Склифосовского работал Леонид Сульповар, который помогал Володе лет десять. Сульповар договорился с профессором, который занимался этим. Профессор попросил Володю обо всем рассказать откровенно, иначе не имеет смысла пробовать... Володя рассказал все: когда, сколько и как... Когда он может бороться, а когда нет... Решили попробовать. Володя остался в больнице — гемосорбцию сделали...»

Свидетель тех событий врач А. Федотов продолжает рассказ: «Кровь несколько раз «прогнали» через активированный уголь». Это мучительная операция, но он пошел на это. Но гемосорбция не улучшила, а ухудшила его состояние. Мы зашли к нему в больницу на следующий день. Он был весь синий.

— Немедленно увезите меня отсюда!»

Не надеясь уже ни на что и устав от поражений в этой долгой и изнурительной борьбе, Высоцкий продолжает убивать себя алкоголем. Жившая у него на квартире американка Барбара Немчик (она училась в аспирантуре МГУ) вспоминает: «В багаже у меня был запас вин, — я собирала подарки в Польшу, там у меня живут родственники... В валютных магазинах покупала самые разные напитки. Володя и Валера Янклович хорошо помнили, что у меня это есть, этот ящик с бутылками. А я уехала на неделю в Среднюю Азию... И когда меня не было, Володя вспомнил про эти бутылки.

Они взяли этот ящик и выпили все! Я страшно разозлилась, я же специально собирала эти подарки!

— Ну и что, мы тебе такие же купим... Но как ты можешь эту гадость пить? Мы так мучались!

А они мешали розовое португальское вино с испанским ликером — делали себе такие коктейли! Портили все и — пили!»

В те дни закончился ремонт на новой даче Высоцкого и Влади под Москвой. Строительство длилось с лета прошлого года, и вот все готово. Влади пишет: «...но из-за твоего тяжелого состояния мы проводим лишь двое суток на даче, о которой столько мечтали. Все эти усилия, все потраченные деньги, все эти вещи никогда нам не послужат. Две короткие ночи, несколько часов уединенной работы, множество планов и надежд — и все обрывается».

К этому времени прошлогоднее «ижевское дело» вступает в свою завершающую стадию. Окончательно назначена дата суда, и судебные власти требуют присутствия на нем Высоцкого. Тот в ответ телеграфирует в Ижевск, что сделать этого не может, но подтверждает все свои предыдущие показания по этому делу. Вскоре суд заканчивает свою работу и выносит администратору Таганки Валерию Янковичу частное определение, а Владимира Высоцкого обязывает выплатить две с половиной тысячи рублей, будто бы незаконно полученных им за «левые» концерты.

В апреле 1980 года Владимир Высоцкий дает 13 концертов в Москве, Ленинграде и Троицке. Дни концертов распределяются весьма неровно: 7, 13, 16, 17, 18, 28 (два концерта), 29 апреля. Этот месяц станет самым насыщенным с точки зрения концертной деятельности Высоцкого в 1980 году. 12 апреля 1980 года скоропостижно умирает один из легендарных представителей подпольного песенного творчества Аркадий Северный (Звездин). Ему было всего 41 год.

Отношение Высоцкого к Северному было сложным. В свое время Северный, помимо песен блатного одесского цикла, включал в свой репертуар и песни Высоцкого, что крайне раздражало последнего. Он не хотел, чтобы его твор-

чество у людей ассоциировалось с пьяным бытовым фольклором, от которого он сам отошел еще в конце 60-х годов. Внуков об этом писал: «Высоцкий был не прав, упрекая Северного. Очевидцы утверждают, что он очень любил Высоцкого, потому и пел его песни и никогда не приписывал их себе, так же как никогда не приписывал свои песни — Высоцкому. Вообще в их судьбе много общего: оба пришлось не ко времени, оба много вынесли от властей предрержащих. Они и умерли в один год, с разницей в три месяца: один — в Ленинграде, другой — в Москве».

В те весенние дни 80-го Высоцкий намеревался отправиться в Америку с концертами и для деловых встреч с русской эмиграцией. Ему так хотелось связать этих людей с оторванной от них родиной. В те дни даже была оформлена американская виза для его отъезда.

Здоровье Высоцкого не дает ему повода для оптимизма. Понимая это, он решается на откровенный разговор с Мариной Влади. Происходит он в Венеции, и, вспоминая о нем, Влади пишет: «Этой ночью было сказано все, и наконец между нами нет больше тайны...»

Очевидно, после очередного срыва ты по преступному совету одного приятеля впервые вкальываешь себе морфий... Теперь я знаю все. Ты осмелился произнести запретные слова.

Я наслаждаюсь этими минутами с болезненным ликованием, как мог бы наслаждаться последними минутами жизни смертельно раненный человек. Мы снова вернулись к началу нашей любви. Мы больше не прячемся друг от друга, нам нечего друг от друга скрывать. Для нас с тобой это — последний глоток воздуха...

Ты принимаешься вдруг говорить о нашем будущем: путешествия, работа, творчество, свобода. Ты мечтаешь приехать пожить во Франции полгода, заняться прозой. Ты говоришь мне, что обязательно поправишься, и чувствуешь сам, что это — конец.

— Я возьму себя в руки. Как только я приеду в Париж, мы начнем соблюдать режим, мы будем делать гимнастику, вся жизнь еще впереди.

В конце концов нам всего по сорок два года! Ты обещаешь, что к моему дню рождения в мае «все будет в порядке».

Ты дрожишь сильнее, и я накидываю на тебя свою куртку. Но эта дрожь не от холода...

Ты глотаешь украдкой какую-то таблетку, и тебе ненадолго становится легче».

В начале мая Высоцкий и Влади приезжают в Париж. Здесь Высоцкий ложится в клинику для серьезного лечения. Свидетель тех событий, друг В. Высоцкого М. Шемякин вспоминает: «Володька попал в сумасшедший дом. Был жуткий запой, его напоили свои же доброхоты: Высоцкий едет с нами! Ну как не выпить с Высоцким — на всю жизнь сувенир! Две бутылки коньяка ему дали в самолете... А я узнаю об этом во время жуткого своего запоя — звоню домой, супруге, она говорит: «А ты знаешь, Вовчик уже давно на буйном...»

И я — еще погудевши там ночь, полдня — думаю: нужно увидеть Володю. И вот я стою перед громадным таким, мрачным зданием. А там, где-то в середине, сидит Вовчик, к которому мне нужно пробиться, но как? Во-первых, у меня — такой первобытный страх, по собственному опыту знаю, что такое психиатрическая больница, во-вторых, — все закрыто. Я перелезаю через какие-то стенки, ворота, бочком прячусь между кустов сирени... Вижу — какая-то странная лестница, я по ней поднимаюсь, почему — до сих пор не могу понять, это чисто звериная интуиция! — поднимаюсь по этой лестнице до самого верха почему-то, там — железная дверь и маленькие окошечки, в решетках. Я в них заглядываю — и вдруг передо мной выплывает морда такого советского психбольного. Он мне подмигивает так хитро из окошечка: «Э-э-э!» — и так двумя пальцами шевелит. А я ему тоже: «Э-э-э!» Мол, давай, открывай, чего ты мне рожки строишь?

У них — проще, чем в советских психбольницах, он берет и открывает дверь — за что-то дернул, а может, плечом нажал посильнее. Я вхожу. Вонючка такая же, как в советских психбольницах, — инсулиновый пот. И я по коридору почему-то сразу пошел налево, и вдруг — у окна, — помни-

те, в «Мастере и Маргарите», когда Иван Бездомный почему-то ткнул пальцем в пунцовую байковую пижаму? — так вот в пунцовой байковой пижаме — Вовчик, у окошка стоит. Он обернулся — а он тогда в каком-то фильме снимался — волосы такие рыжеватые, и все так сплетается, в таком ваноговском колорите, сумасшедшем. И — мне навстречу: «Миша!» А я — после запоя, в еще более сентиментальном настрое: «Вовчик!..»

Он повел меня к себе в палату, в такой... закуток. Я говорю:

— Что? Вот так-то...

А он:

— Да... Да... Вот, напоили!

И вот так он сидит, а я говорю:

— Ну что? Что? Все нормально, все будет хорошо...

А он мне:

— Мишка, я людей подвел!..

И заплакал вдруг. Я спрашиваю:

— Каких людей?

— Да понимаешь, я там обещал кому-то шарикоподшипники достать для машины... (Не то колесо там или покрышку.)

Я говорю:

— Вовчик, ну каких людей? Чего они из тебя тянут?!

— Ну, я могу достать, там, понимаешь, при помощи своего имени... Они ж не могут! Я вот пообещал, я так людей подвел...

Он прислонился к окошку, а там идет другая жизнь, никакого отношения к нам не имеющая, — там солнышко, которое на нас абсолютно не светит и не греет... И вот так мы стоим, прислонившись лбами к стеклу, и воем потихонечку... Жуть! Вот этого — не передать! Этой тоски его, перед самой его смертью, которая его ела! Казалось бы — ну что еще нужно парню? Живет в том же месте, где живет Ив Монтан, у жены его там колоссальное поместье, сад, деревья подстрижены, и цветочки...

Самая страшная из наших последних встреч была — в дурдоме этом жутком!»

В дни, когда В. Высоцкий лечился в клинике, Театр на Таганке готовился к майским выступлениям в Варшаве на смотре театров мира. На нем должен был быть представлен спектакль «Гамлет». И в это самое время из Парижа звонит Марина Влади и сообщает, что Высоцкий лег в клинику и приехать в Варшаву не сможет. По словам Валерия Янкловича, после этого звонка в театре поднялся невообразимый шум. Из-за какого-то Высоцкого нас не пустят в Польшу! — возмущенно говорили многие. Дали об этом знать Высоцкому в Париж. Он, естественно, не смог вынести такого поворота и 11 мая вылетел в Варшаву. Леонид Филатов оставил о том приезде Высоцкого свои воспоминания: «Прилетел из-за границы в Варшаву и играл «Гамлета», вот тогда стало понятно, как будто из него выпущен воздух. Осталась только его энергетика, но она выражалась не в Володином рычащем голосе, не в какой-то внешней энергии, а в глазах и в быстром проговаривании, почти шепотом...»

20 июля в варшавском журнале «Театр» театральная критик Эльжбета Жмудска писала о тех выступлениях Высоцкого: «Во Вроцлаве в дни 2-х Международных театральных встреч Таганка показала «Доброго человека из Сезуана» Брехта и «А зори здесь тихие» Васильева. В Варшаве, кроме того, «Гамлета» с Высоцким. Высоцкий ехал в Польшу через Париж, где некстати заболел и не попал на выступление своего театра во Вроцлаве. В Варшаву он приехал перед вторым представлением «Доброго человека из Сезуана», и мы увидели его в роли Ян Суна, безработного летчика (в первом представлении эту роль играл М. Лебедев)...»

Так случилось, что Высоцкий полностью был в форме лишь в спектакле «Добрый человек из Сезуана». Напряжение, в котором он просто находится на сцене, не имеет себе равных...

В «Гамлете» он был притихшим, лишенным темперамента. Можно было лишь догадываться, что представляет собой эта роль тогда, когда Высоцкий играет в полную силу...

Жаль, что таким мы его не увидели. Однако, несмотря ни на что, таганковского «Гамлета» стоило посмотреть».

Стоит отметить, что на этом смотре Таганка взяла первую премию.

Отыграв в «Гамлете», Высоцкий 14 мая вновь улетает в Париж. Он выжат и измотан физически настолько, что даже не может встретиться с матерью, которая в эти дни находится в столице Франции. Единственное, на что его хватило, — позвонить в отель, где она остановилась.

Пролежав в клинике несколько дней, Высоцкий улетает в Москву. И это лечение не прибавило ему надежды и сил в борьбе с недугом. О возвращении В. Высоцкого из Франции воспоминания В. Янкловича: «Он вернулся в ужасном состоянии, просто в катастрофическом... Володя позвонил из ФРГ, звонил от Романа (Фаубсона): жена Романа передала два чемодана с вещами, надо его встретить... Он приехал поездом, мы с Володей Шехтманом встречали его на Белорусском вокзале. Володе было так плохо, что он даже не стоял — ревел... Я говорю:

— Володя, ты что! Люди же кругом.

Приехали домой, Володя в таком же состоянии. И тут звонит Марина:

— Пусть Володя подойдет к телефону.

— Марина, он спит.

— Не ври. Пусть он сам подойдет.

Конечно, она все поняла».

Встретивший В. Высоцкого в те же дни некогда лечивший его врач Михаил Буянов вспоминает: «Мы случайно столкнулись с ним на улице, он с трудом узнал меня, а потом стал жаловаться, что во Франции, где он вроде бы тоже лечился, врачи «гладили его по шерсти», уговаривали не пить и не колоться.

— Я и без них знаю, что лучше не пить, но пью. Почему они не отучают меня от этого?

— Конечно, на всякую привычку есть отвычка, и врач может использовать метод насильственного отучения от некоторых привычек...

— Почему насильственного? Я хочу добровольно отучиться.

— Кто же вам мешает? Отучайтесь добровольно. Врачи ведь не няньки, а вы взрослый человек. Поете о романтике, о силе воли, о товариществе — вот на деле и покажите себя. А то в песнях вы одно, а в жизни совсем другое.

— Вы говорите не как врач. Врачи всегда соглашаются, а вы со мной спорите. И в «Соловьевке» спорили. Можно сказать, за человека не считали, видели во мне лишь алкаша.

— Видите ли, пьянство и наркомания — это не аппендицит или инфаркт, которые мало зависят от воли человека. Пьянство — следствие свободы выбора, человек совершенно сознательно и самостоятельно приобщается к этому пороку и по собственной воле расстается с ним. Не случайно наибольшую помощь подобной публике оказывают не медики, а священники и разные другие люди. В психиатрии главное оружие врача — это его личность. Если личность лекаря сильнее личности пьяницы и лекарю удастся его отговорить от такого образа жизни, в котором стержнем является водка, то вовсе неважно, кто по профессии этот лекарь. Если человек не намерен избавиться от своего порока, никто не сможет это сделать помимо его воли.

— Так, выходит, я не больной человек?

— Вы больной, болезнь ваша вытекает из вашего образа жизни, который вы сознательно выбрали. Измените образ жизни — и ваша болезнь пройдет. В мире не описано такой наркомании и такого этапа этой болезни, когда сам человек, без всякой посторонней помощи, не смог бы избавиться от пьянства и наркотиков.

— Но ведь вся страна пьет, а среди актеров половина — алкаши.

— Не вся страна пьет, кто-то и работает. А те, кто пьет да не лечится, плохо кончат, страну развалят, через 10—15 лет превратятся в живых трупов, которым на все наплевать. Пьющие же актеры, или врачи, или инженеры в массе своей не алкоголики, как вы, а просто распущенные люди, которых нужно перевоспитывать, а не лечить.

На это Высоцкий ничего не ответил, мы попрощались и более не виделись».

К сожалению, эта встреча ничего уже не могла изменить в судьбе Владимира Высоцкого. Старуха Смерть подошла почти вплотную и протянула к нему свои костлявые руки. «Уйду я в это лето в малиновом плаще», — вывела в те дни рука Владимира Высоцкого пророческие строки.

Но выпадали в те дни и радостные минуты в жизни поэта. В майском номере ленинградского журнала «Аврора» были напечатаны небольшие очерки Вениамина Смехова о своих коллегах по Таганке. Среди имен Зинаиды Славиной, Валерия Золотухина, Аллы Демидовой значилось и имя Владимира Высоцкого. Статья эта настолько тронула израненную душу Высоцкого, что, укладываясь спать, он положил номер журнала на столик рядом с кроватью, чтобы утром снова и снова перечитать две странички малого формата, увидеть свое имя «не латинским шрифтом», как он сам говорил, перечитать вновь слова, продиктованные сочувствием и пониманием.

В те майские дни судьба в последний раз свела вместе Владимира Высоцкого и Олега Даля. Случилось это на квартире поэта на Малой Грузинской, и Н. Галаджева о той встрече писала: «В феврале 1980 года Даль сказал: «Сначала уйдет Володя, потом — я». Они очень редко общались, не сидели в компаниях, не дружили домами, но очень хорошо понимали и чувствовали друг друга. И, наверное, поэтому такими редкими и короткими бывали их встречи. Когда настолько все ясно — говорить трудно. Хочется молчать. Или как тогда, в мае 1980-го, три проведенных у Высоцкого дня слушать его стихи. Давно не слышавший друга, Даль поразился, как сильно вырос и окреп голос поэта. Это была их последняя встреча».

К тому времени Высоцкий все чаще впадал в состояние депрессии, когда его воля отказывалась слушаться его, а разум был затуманен алкоголем. Барбара Немчик, вспоминая его таким, рассказывала: «У него у самого было какое-то чувство безысходности, однажды он сказал мне:

— Знаешь, мне только и осталось, что пустить себе пулю в лоб».

Мне снятся крысы, хоботы и черви. Я
 Гоню их прочь, стена и браня,
 Но вместо них я вижу виночерпия,
 Он шепчет: «Выход есть — к исходу дня
 Вина! И прекратится толкотня,
 Виденья схлынут, сердце и предсердие
 Отпустят, и расплавится броня!»
 Я — снова — я, и вы теперь мне верьте, я
 Немного прошу взамен бессмертия, —
 Широкий тракт, холст, друга да коня,
 Прошу покорно, голову склоня:
 Побойтесь Бога, если не меня,
 Не плачьте вслед во имя Милосердия!
 Что Фауста ли, Дориана Грея ли,
 Но чтобы душу дьяволу ни-ни!
 Зачем цыганки мне гадать затеяли?
 День смерти уточнили мне они...
 Ты эту дату, Боже сохрани, —
 Не отмечай в своем календаре или
 В последний миг возьми и измени,
 Чтоб я не ждал, чтоб вороны не реяли
 И чтоб агнцы жалобно не блеяли,
 Чтоб люди не хихикали в тени.
 От них от всех, о Боже, охраня
 Скорее, ибо душу мне они
 Сомненьями и страхами засеяли!

(1 июня 1980)

В Париже не находила себе места от той же безысходности поверившая было в лучшее, а теперь разочаровавшаяся Марина Влади. Б. Немчик вспоминает: «При мне Марина звонила, а Володя был в такой плохой форме, что даже не мог говорить... Марина тогда сказала, что пойдет в посольство и сама разведется с ним... И Володя этого боялся... Мне он однажды признался:

— С ней уже не могу, а без нее тоже не могу...»

В конце мая Высоцкий вновь срывается в Париж, но до Марины не доезжает. По словам все той же Б. Немчик: «Он просто пропал в Париже. Он позвонил Марине, что встречать не надо, что он сам доедет... А на другой день она звонит:

— Где Володя? Он не приехал! Я не знаю, где он!

А Володя просто сбежал. Он там тоже выпивал».

В воспоминаниях самой Марины Влади тоже есть строки об этом «исчезновении» Высоцкого: «...однажды ночью — звонок моей подруги. Ты уже несколько часов в Париже — в одном из русских ресторанов, — и дело плохо, надо ехать за тобой. Я бужу Петю — мне нужна помощь. Мы находим тебя на банкетке, обитой красным плюшем, в самом темном углу. С тобой гитара и чемодан, ты похож на оставшего от поезда пассажира.

Наш добрый доктор Поль Онигман не может ничего сделать — тебя нужно класть в больницу. В коридоре доктор Дюгерен смотрит на меня и спрашивает:

— На этот раз кто?

— Мой муж.

— Бедняжка...

В том же коридоре несколько лет назад находился мой старший сын. Прошло время. Ты приходишь в сознание, а дальше — угрызения совести, отчаяние и, наконец, откровенный разговор со мной. Я отказалась, несмотря на советы врачей, оставить тебя в специальной клинике. Быть может, я должна была на это решиться. Но могла ли я посягнуть на твою свободу, которой ты дорожил больше жизни?»

После того как Высоцкий пришел в себя, они с Влади отправляются на юг Франции в дом сестры Влади Одиль. Высоцкий хочет отдохнуть, успокоиться, но Смерть уже взяла его за плечи и заглянула в глаза. «Я больше не могу, я уеду, я больше не хочу, это слишком тяжело, хватит», — буквально кричит он, задыхаясь от безысходности. Виза в паспорте Высоцкого кончается, в посольстве ее не продлили, да и сам он не очень этого хотел, и 11 июня он вернулся в Москву.

Тем временем Одиль, у которой несколько дней назад они гостили, умирает от рака. Случилось это 23 июня, через 12 дней после отъезда Высоцкого. Узнав об этом, он хочет немедленно вновь приехать во Францию, но получить визу так скоро ему на этот раз не удастся.

С 17 по 22 июня В. Высоцкий дает шесть концертов в подмосковном Калининграде на сцене Дворца спорта

«Юность». Администратор этих концертов В. Гольдман вспоминает: «Последний раз мы работали с Володей во Дворце спорта в Калининграде...Высоцкий уже очень плохо себя чувствовал. Мы отработали четыре дня, на пятый, перед последним концертом, Володя говорит:

— Я не могу... Не могу я работать!

А потом спрашивает:

— А тебе очень надо?

— Володя, откровенно говоря — надо... Если ты сможешь. 5 тысяч человек приехали из области...

— Ну ладно, я буду работать, но только без гитары.

— Хорошо, гитару оставляем здесь...

На сцену вышел Коля Тамразов и сказал, что Владимир Семенович Высоцкий очень плохо себя чувствует:

— Петь он не может, но он все равно пришел к вам. Он будет рассказывать и читать стихи. Вы согласны?

Все:

— Конечно!

И впервые Володя работал концерт без гитары — час стоял на сцене и рассказывал. Муха пролетит — в зале слышно. А с нами в Калининграде работали «Земляне» — тогда они только начинали. И они должны были заканчивать концерт. Володя на сцене, а они стали за кулисами брэнчать на гитарах. Я подошел и сказал:

— Ребята, Владимир Семенович плохо себя чувствует. Потихе.

Второй раз подошел. А один сопляк говорит:

— Да что там... Подумаешь — Высоцкий!

— Что?! Ах ты, мразь! Ничтожество! Еще услышу хоть один звук!..

И только я отошел, он снова: дзинь! Я хватаю гитару — и ему по голове! А они все четверо человек — молодые, здоровые жлобы — накинулись на меня! А я один отбиваюсь этой гитарой... Тут Коля Тамразов спускается по лестнице — увидел, кинулся ко мне!

— Сейчас Высоцкий скажет в зале одно только слово — от вас ничего не останется!

Ну, тут они опомнились, разбежались...»

Об этом же концерте вспоминает и Николай Тамразов: «Ситуация к последнему концерту такая. У Володи совершенно пропал голос: не то что петь — разговаривать он мог с трудом. Все-таки он выходит на сцену, берет первые аккорды... Затем прижимает струны, снимает гитару и говорит:

— Не могу... Не могу петь. Я надеялся, что смогу, поэтому и не отменил концерт, но не подчиняется голос. Но вы сохраните билеты. Я к вам очень скоро приеду и обещаю: буду петь столько, сколько вы захотите.

Кто-то из зала крикнул:

— Пой, Володя!

— Вот, видит бог, не кобенюсь. Не могу. (Это его слова — «не кобенюсь».)

Потом он как-то естественно перешел к рассказу о театре... Стал читать монолог Гамлета, потом стал рассказывать о работе в кино, о том, что собирается сам снимать «Зеленый фургон» на Одесской киностудии... Пошли вопросы из зала, Володя стал отвечать. И вот целый час он простоял на сцене: рассказывал, читал стихи, отвечал на вопросы... Вечер был просто неожиданным. К сожалению, не было записи, я потом узнал об этом...

Володя закончил словами из песни: «Я, конечно, вернусь...»

Зал скандировал:

— Спасибо! Спасибо!

Володя уходил со сцены, еще не дошел до кулисы — вдруг в зале зазвучала его песня! Это радисты включили фонограмму... Володя ко мне:

— Тамразочка, это ты срежиссировал?

— Нет, я здесь сижу...

Володя вернулся к кулисе, нашел щелку и, наверное, песни две, не отрываясь, смотрел в зал. Потом подошел ко мне — в глазах чуть ли не слезы:

— Тамразочка, они сидят! Они все сидят!

Действительно, ни один человек не ушел, пока звучали песни Высоцкого».

Затем дает несколько концертов в Люберцах и Лыткарино (до 4 июля), после чего, дождавшись визы, улетает в Париж. Но этот приезд, кажется, уже ничего не может решить в судьбе Высоцкого и Влади. Их земная любовь закончилась, и оба они прекрасно это понимают. Пробыв в Париже неделю, Высоцкий вновь собирается в Москву. Об их последнем прощании Влади вспоминает: «Одиннадцатое июля восьмидесятого года. Чемоданы в холле, ты уезжаешь в Москву. Нам обоим тяжело и грустно. Мы устали. Три недели мы делали все, что только было в наших силах. Может быть, мне не хватило духу? Все тщетно. Ты вынимаешь из кармана маленькую открытку. На ней наскоро набросано несколько строк. В большом гулком холле твой голос звучит как погребальный колокол. Я тихо плачу. Ты говоришь:

— Не плачь, еще не время...

Мы едем в аэропорт. Твои стихи звучат во мне. Лед, о котором ты много раз говорил, давит нас, не дает нам сдвинуться с места. И я ничего не в силах сказать тебе, кроме банальных фраз: «Береги себя. Будь осторожен. Не делай глупостей. Сообщай о себе». Но сил у меня больше нет. Мы уже далеко друг от друга. Последний поцелуй, я медленно глажу тебя по небритой щеке — и эскалатор уносит тебя вверх. Мы смотрим друг на друга. Я даже наклоняюсь, чтобы увидеть, как ты исчезаешь. Ты в последний раз машешь мне рукой. Я больше не увижу тебя. Это конец».

В жизни Владимира Высоцкого было много женщин, но только трем из них он подарил свою любовь. Каждая из них была по-своему с ним счастлива и несчастлива одновременно. Для двух из них Высоцкий оставался мужем в течение 5—7 лет, так как, по-видимому, это был тот критический рубеж, после которого он сильнее всего ощущал свою духовную и физическую несвободу от уз Гименея. Так было с Изой Жуковой, с которой он прожил 5 лет, так было и с матерью двух его детей Людмилой Абрамовой, с которой он прожил под одной крышей 7 лет. Так могло быть и с Мари-

ной Влади после шести лет знакомства, когда в 1973 году он, чтобы не потерять ее, решился на «вшивание торпеды». Боязнь окончательно потерять женщину, которая любила его как равного, стараясь ни в чем не ограничивать его духовную и физическую свободу, заставила Высоцкого начать новую борьбу со своим тяжелым недугом. Но через роковые 5—7 лет их отношения вновь обострились, подошли к тому рубежу, за которым так зримо маячил окончательный разрыв. Их земная любовь закончилась чуть раньше того часа, когда сердце Высоцкого остановилось.

Лед подо мною — надломись и тресни!
Я весь в поту, как пахарь от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Все помня, даже старые стихи.
Мне меньше полувека — сорок с лишним.
Я жив, двенадцать лет тобой храним.
Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним.

13 июля в Театре на Таганке 217-е представление «Гамлета». Высоцкий хотел пропустить это лето в театре, отдохнуть, но Юрий Любимов уговорил его отыграть перед гостями московской Олимпиады. В дневнике Аллы Демидовой читаем: «13 июля 1980 года. В 217-й раз играем «Гамлета». Очень душно. И мы уже на излете сил — конец сезона, недавно прошли напряженные и ответственные для нас гастроли в Польше. Там тоже играли «Гамлета». Володя плохо себя чувствует: выбегает со сцены, глотает лекарства... За кулисами дежурит врач «Скорой помощи». Во время спектакля Володя часто забывает слова. В нашей сцене после реплики: «Вам надо исповедаться» — тихо спрашивает меня: «Как дальше, забыл...»

В антракте поговорили... о плохом самочувствии и о том, что, слава богу, — можно скоро отдохнуть. Володя был в мягком добром состоянии, редком в последнее время».

С 14 июля возобновились концертные выступления Высоцкого — первый концерт был дан в НПИЭМе, Высоцкий впервые исполнил последнюю из написанных им песен «Грусть моя, тоска моя».

Шел я, брел я, наступал то с пятки, то с носка.
 Чувствую, дышу и хорошою!
 Вдруг тоска змеиная, зеленая тоска,
 Изловчась, мне прыгнула на шею.
 Я ее и знать не знал, меняя города,
 А она мне шепчет: «Как ждала я!..»
 Как теперь? Куда теперь? Зачем да и когда
 Сам связался с нею, не желая?
 Одному идти — куда ни шло, еще могу, —
 Сам себе судья, хозяин — барин:
 Впрягся сам я вместо коренного под дугу,
 С виду прост, а изнутри коварен.
 Я не клеветчу! Подобно вредному клеветчу,
 Впилился сам в себя, трясусь за плечи.
 Сам себя бичую я и сам себя хлещу,
 Так что — никаких противоречий.
 Одари, судьба, или за деньги отоварь, —
 Буду дань платить тебе до гроба!
 Грусть моя, тоска моя, чахоточная тварь, —
 До чего ж живучая хвороба!
 Поутру не пикнет, как бичами ни бичуй,
 Ночью — бац! — со мной на боковую.
 С кем-нибудь другим хотя бы ночь переночуй!
 Гадом буду, я не приревную.

18 июля на последнем в своей жизни концерте в подмосковном Калининграде Высоцкий чувствует себя так плохо, что не может петь. Он выходит на сцену, извиняется перед зрителями и предлагает эти полтора часа, отпущенные им, просто поговорить. Зал соглашается. Вечером в театре Высоцкий играет Гамлета. Последний раз в своей земной жизни. В дневнике Аллы Демидовой читаем: «18 июля 1980 года. Опять «Гамлет». Володя внешне спокоен, не так возбужден, как 13-го. Сосредоточен. Текст не забывает. Хотя в сцене «мышеловки» опять убежал за кулисы — снова плохо с сердцем. Вбежал на сцену очень бледный, но точно к своей реплике. Нашу сцену сыграли ровно. Опять очень жарко. Духота! Бедная публика! Мы-то время от времени выбегаем на воздух в театральный двор, а они сидят тихо и напряженно. Впрочем, они в легких летних одеждах, а на нас — чистая шерсть, ручная работа, очень толстые свитера и платья. Все давно мокрое. На поклоны почти выползаем от устало-

сти. Я пошутила: «А слабо, ребятки, сыграть еще раз». Никто даже не улыбнулся, и только Володя вдруг остро посмотрел на меня: «Слабо, говоришь? А ну как не слабо?» Понимаю, что всего лишь «слова, слова, слова...», но, зная Володин азарт, я, на всякий случай, отмежевываюсь: «Нет уж, Володечка, успеем сыграть в следующий раз — 27-го...»

На следующий день, 19 июля, в Москве торжественно открываются XXII Олимпийские игры. Г. Елин вспоминает Москву тех дней: «Красота, а не город. Идешь себе по улицам — один-два прохожих навстречу. Заходишь в магазины — один-два человека в очереди, спускаешься в метро — пять-шесть пассажиров в вагоне, и тебе из динамика — нежный иностранный голос: «Некст стоп «Аэропорт». Так и хочется ответить: «Ол райт!»

С диссидентами все ясно, но вот куда в одночасье исчезли цыганки с вокзалов и базаров?.. на какие божидеры вывезены, за какие 101-е километры и когда? как?..

В восьмидесятом появилось несколько неглупых и занимательных игр. Индивидуальная — шестицветный кубик, гениальное изобретение венгерского архитектора-дизайнера Эрне Рубика...

Любимой игрушкой 80-го года стал и сувенирный медвежонок работы книжного художника Виктора Чижикова...»

В преддверии Олимпиады, 22 января, академика Андрея Сахарова по постановлению Президиума Верховного Совета СССР лишили всех правительственных наград и сослали в город Горький. Вслед за этим сначала в «Литературной газете» от 30 января появилась статья В. Борисова «Клеветник и фарисей», а затем и в «Комсомольской правде» от 15 февраля статья А. Ефимова и А. Петрова «Цезарь не состоялся», в которых А.Д. Сахаров характеризовался не иначе как «духовный отщепенец и провокатор». В день ареста академика А.Д. Сахарова Владимир Высоцкий впервые в своей жизни записывался на Центральном телевидении...

Между тем шумный праздник олимпийского спорта совпал с одним из самых тяжелых периодов в жизни Влади-

мира Высоцкого. Его часы отсчитывали последние 150 часов земной жизни.

Врач А. Федотов вспоминает те дни: «19 июля Володя ушел в такое пике! Таким я его никогда не видел. Что-то хотел заглушить? От чего-то уйти? Или ему надоело быть в лекарственной зависимости? Хотели положить его в больницу, уговаривали. Бесполезно! Теперь-то понятно, что надо было силой увезти...»

В те последние дни его жизни многие друзья и близкие бывали в его квартире на Малой Грузинской, встречали на улице. Их воспоминания об этом воскрешают для нас те дни. В. Нисанов: «Володя часто говорил мне: «Нисанов, мне плохо! Мне плохо, Нисанов!» В голосе — безумное страдание, а глаза — абсолютно четкие, наблюдающие за тобой... Все кричит, все орет, все гибнет вокруг — а глаза серьезные, смотрящие на тебя. Я это видел — не раз... Но бывало, что не находил себе места, метался по квартире, стонал». В. Шаповалов: «Моя супруга бывшая... она видела его в те дни на улице Горького. Говорит — поразительное лицо было у него, настолько отрешенное. «Таким я его не видела, ведь он все время чем-то занят, все время что-то делает, что-то думает, а тут вот такое... Он меня даже не увидел, сквозь меня посмотрел, хотя он знает меня... Я ему говорю: «Здравствуй, Володя!», а он не видел, он был отрешен от всего...»

29 июля Высоцкий должен был вновь улететь в Париж к Марине Влади, у него уже был куплен билет на самолет, он получил новую визу, паспорт. Олимпийские игры были в разгаре, но Высоцкого не пригласили ни на одно праздничное мероприятие. Правда, друзья-космонавты попросили его приехать 27 июля в Звездный городок и в прямом эфире с космосом спеть свои песни для находившихся на космической орбите В. Горбатко и вьетнамца Фам Туама. Высоцкий пообещал, но ехать на это мероприятие не хотел.

В те же дни он написал официальное заявление в Союз писателей СССР с просьбой принять его в ряды Союза. Ответ естественный — отказ. Воспитанные на книгах, подобных трилогии Леонида Брежнева «Малая земля», «Целина»

и «Возрождение», писатели-начальники не желали иметь в своих рядах «блатного певца дворов и подворотен». Недавно, 31 марта, в торжественной обстановке 1-й секретарь Союза писателей СССР Г. Марков добавил к наградам многозвездного генсека Ленинскую премию за его трилогию, и это славное событие не должно было быть омрачено приемом в Союз писателей Владимира Высоцкого. Логика проста и убийственна.

22 июля Центральное телевидение начало премьерный показ трехсерийного телевизионного фильма «Маленькие трагедии» (реж. М. Швейцер). В третьей серии, показанной 24 июля, В. Высоцкий играл главную роль — роль Дон Гуана. Видел ли В. Высоцкий себя в тот день на экране? Вряд ли. И хроника тех дней, запечатленная в свидетельствах многочисленных очевидцев, наглядно подтверждает этот факт: В. Высоцкому тогда было не до премьер.

А. Балычев: «Я встретил Высоцкого 23 июля в ресторане ВТО. Володя был в плохой форме. Он приехал около одиннадцати. Мы сели за один столик, начали что-то есть... Все время подходили люди: было такое впечатление, что они его тысячу лет не видели. И все они хотели выпить с Володей. Видя его состояние, я старался эту толпу отогнать.

Потом Володя попросил меня:

— Толя, ты возьми бутылку с собой... Я пить не буду — буду только угощать.

Еще я хорошо запомнил, что у него с собой было много денег — целая пачка. И мне показалось, что он от них хотел избавиться, пытался их отдать. Как будто предчувствовал...

Да, бутылку я взял... Володя, который очень редко кому-нибудь доверял машину, сам попросил вести «Мерседес». Отдал мне ключи...

С нами поехал еще актер Дружников (В. Дружников, 1922 г. рождения, народный артист РСФСР с 1974 г.). Когда мы подъехали к дому, Володя все-таки отобрал у меня эту бутылку водки.

— Я ее беру, ко мне должны приехать...

Ну а переубедить, уговорить его было просто невозможно...»

В. Нисанов: «В эти последние дни Володя редко выходил из дома, но я хорошо помню, что он ездил в ВТО. Привез актера Дружников и поднялся ко мне. На кухне посадил его напротив себя и говорит: «Давай, рассказывай про всех наших ушедших друзей... Рассказывай, как жили...» Дружников рассказывал по мере своих сил. А потом спросил: «Володя, а правда, что у тебя два «Мерседеса»? А правда, что у тебя квартира 150 метров?» — «Да, правда...» Обыкновенная зависть... И это не понравилось Володе... «Ну, я пошел, Валера, ты его проводишь?» И ушел к себе».

А. Штурмин: «23 июля я приехал к Володе снова. Он был в очень плохом состоянии... Сначала он меня не узнал... Потом узнал, подошел, обнял. Никогда в жизни не забуду напряженное, твердое, как камень, тело».

М. Влади: «Вечером двадцать третьего июля — наш последний разговор: «Я завязал. У меня билет и виза на двадцать девятое. Скажи, ты еще примешь меня?»

— Приезжай. Ты же знаешь, я всегда тебя жду.

— Спасибо, любимая моя.

Как часто я слышала эти слова раньше... Как долго ты не повторял их мне... Я верю. Я чувствую твою искренность...»

Б. Немчик: «Я позвонила на квартиру Высоцкого 23 июля. К трубке подошел Валера Янклович.

— Как у вас там дела?

Валера ответил:

— Сама не слышишь?

(Было слышно, как Володя стонал: «А-а! А-а!»)

— И так все время?

— Все время...»

А. Федотов: «23 июля при мне приезжала бригада реаниматоров из Склифосовского. Они хотели провести его на искусственном аппаратном дыхании, чтобы перебить дипсоманию. Был план, чтобы этот аппарат привезти к нему на дачу. Наверное, около часа ребята были в квартире — решили забрать через день, когда освобождался отдельный бокс.

Я остался с Володей один — он уже спал. Потом меня сменил Валера Янклович».

Л. Сульповар: «23 июля я дежурил. Ко мне приехали Янклович и Федотов. И говорят, что Володя совсем плохой. Что дальше это невозможно терпеть и надо что-то делать.

Мы поехали туда. Состояние Володи было ужасным! Стало ясно, что или надо предпринимать более активные действия, пытаться любыми способами спасти, или вообще отказаться от всякой помощи.

Что предлагал я? Есть такая методика: взять человека на искусственную вентиляцию легких. Держать его в медикаментозном сне, в течение нескольких дней вывести из организма все, что возможно. Но дело в том, что отключение идет с препаратами наркотического ряда. Тем не менее хотелось пойти и на это. Но были и другие опасности. Первое: Володю надо было «интубировать», то есть вставить трубку через рот. А это могло повредить голосовые связки. Второе: при искусственной вентиляции легких очень часто появляется пневмония как осложнение. В общем, все это довольно опасно, но другого выхода не было.

Мы посоветовались (вместе со мной был Стас Щербаков, он тоже работал в реанимации и хорошо знал Володю) и решили: надо его брать. И сказали, что мы Володю сейчас забираем. На что нам ответили, что это большая ответственность и что без согласия родителей этого делать нельзя. Ну что делать — давайте выясняйте. И мы договорились, что заберем Володю 25 июля».

Емельяненко: «24 июля мы приехали на Малую Грузинскую податые, веселые... Володя спел пару песен. Знаете, мы его никогда не просили петь, он не любил, чтобы его просили. Он вдруг сам, ни с того ни с сего, брал гитару и пел. Это возникало спонтанно... Он сам высовывался со своими предложениями по этому поводу и не принимал чужих рекомендаций и просьб. А вот когда подходило у него, припирало, он говорил: «Так, спою чего-то новое сейчас или прокатаю новую песню...» А мы уже знали все эти механизмы у него и сами не просили петь.

Так вот, он спел пару песен, сейчас уже не помню, какие. Еще Вадим говорил: «Володя, ну что ты орешь, как сумасшедший, как резаный, мы же здесь рядом все!»

«А я иначе не могу» — и пошел... Орет, а мы рядом кружком сидим возле дивана, у нас перепонки лопаются... Спел он пару песен и еще в кайф вошел, он до этого укололся, видимо... Потом после песен он стал требовать выпить. Схитрил. Он действительно был парень с хитрецей. Сходил на кухню, потом скользнул мимо нас сразу в дверь и наверх. А там, по-моему, художник Налбандян жил или кто-то другой, где он всегда водку добывал, но уже и там не оказалось. Он говорит: «Ну, могут друзья мои съездить, достать мне водки, мне хочется выпить». Никто не смог достать... Володя вроде бы затих. Затих, смирившись с обстановкой, что нигде ничего не достанешь, ну куда же — час ночи... Я поднялся, мне было неудобно, пора уже было уходить. Вадим — со мной, мы взяли машину и уехали...»

А. Федотов: «24 июля я работал... Часов в восемь вечера заскочил на Малую Грузинскую. Володе было очень плохо, он метался по комнатам. Стонал, хватался за сердце. Вот тогда он при мне сказал матери Нине Максимовне:

— Мама, я сегодня умру...

Я уехал по неотложным делам на некоторое время. Где-то после двенадцати звонит Валера Янклович:

— Толя, приезжай, побудь с Володей. Мне надо побриться, отдохнуть.

Я приехал. Он метался по квартире. Стонал...»

В. Нисанов: «Двадцать четвертое... Вечером мы сидели у меня, примерно до половины первого ночи. Потом спустились вниз, я их оставил, поднялся к себе. По-моему, все разошлись... Я так понял, что Янклович уехал домой. Примерно в два часа ночи позвонил Федотов: «Принеси немного шампанского. Володе нужно». Я принес шампанское и ушел спать».

Наступила ночь с 24 на 25 июля 1980 года.

А. Федотов: «Эта ночь для Володи была очень тяжелой. Я сделал укол снотворного. Он все маялся. Потом затих. Он

уснул на маленькой тахте, которая тогда стояла в большой комнате.

А я был со смены — уставший, измотанный. Прилег и уснул — наверное, часа в три.

Проснулся от какой-то зловещей тишины — как будто меня кто-то дернул. И к Володе! Зрачки расширены, реакции на свет нет. Я давай дышать, а губы уже холодные. Поздно.

Между тремя и половиной пятого наступила остановка сердца на фоне инфаркта. Судя по клинике — был острый инфаркт миокарда. А когда точно остановилось сердце — трудно сказать».

4 часа утра — самое коварное время для человеческого организма. Давление еще низкое, мозг снабжается минимальным количеством крови. Это час, когда чаще всего умирают люди...

М. Влади: «В четыре часа утра двадцать пятого июля я просыпаюсь в поту, зажигаю свет, сажусь на кровати. На подушке — красный след, я раздавила огромного комара. Я не отрываясь смотрю на подушку — меня словно заколдовало это яркое пятно...»

А. Федотов: «В свидетельстве о смерти потом мы записали: «Смерть наступила в результате острой сердечной недостаточности, которая развилась на фоне абстинентного синдрома...»

Я сразу позвонил Туманову и Янкловичу. Вызвал реанимацию, хотя было ясно, что ничего сделать нельзя. Вызвал для успокоения совести. Позвонил в милицию, чтоб потом не было слухов о насильственной смерти.

Смог бы я ему помочь? Трудно сказать, но я бы постарался сделать все. До сих пор не могу себе простить, что заснул тогда... Прозевал, наверное, минут сорок...»

О. Емельяненко: «Толя Федотов пил беспробудно и на похоронах, и на девять дней, и на сорок. Он считал себя виновным в смерти Володи: вроде как он заснул... Ведь Володя настолько верил в него, настолько демонстрировал это и говорил всем, что это его личный врач... Толя Федотов ки-

дался с балкона, и его задержал кто-то. Вроде Валерка Янкович мне говорил, что Федотов был уже на той стороне и что он его за штанину или за пиджак задержал и перетянул...

Никто из ребят не считал его виновным, нет, 'Боже упаси, никто и никогда, что вы! Никто этого не показывал, наоборот, его подбадривали, поддерживали как могли. А он растаял, расплылся полностью... совершенно... все время пытался оправдаться, вешался на всех, плакал бесперерывно. Как только кто чего спросит, так и... Все сорок дней так...»

А. Федотов: «Приехал Вадим Иванович Туманов, Валера Янкович с еще одной реанимационной бригадой. А уже в шесть часов утра у дома стали собираться люди...»

В. Янкович: «Я приехал домой, отключил телефон, прилег. У меня уже сил не было: все это длилось уже почти неделю. Но вдруг меня как будто дернули — я вскочил и включил телефон. Сразу же раздался звонок. Сколько времени прошло с момента моего возвращения домой, не знаю. Схватил трубку, звонил Толя Федотов — врач, который остался с Володей в квартире:

— Валера, срочно приезжай! Володя умер!

Я в шоке выскочил из дома, сразу же поймал такси.

— В Склифосовского!

Побежал в реанимационную, испуганный таксист — за мной! Меня било как в лихорадке, там мне сделали какой-то укол... Врачи сразу же сказали:

— Мы едем за тобой!

Я — на такси, они — на реанимационной машине. Входим в дом, там уже Вадим Туманов с сыном. Вскоре подъехал Сева Абдулов. Состояние у всех лихорадочное. Никто не знает, что делать, как себя вести... Я говорю:

— Ребята, прежде всего надо позвонить в милицию. Это же — Высоцкий.

Врачи стали звонить кому надо по медицинской части. Стали обсуждать, кто будет звонить матери, отцу, Марине... Я сказал, что отцу еще могу позвонить, но матери — не смогу. Вадим позвонил Нине Максимовне, я — отцу. Кто будет звонить Марине? Конечно, Сева. Марины дома не оказа-

лось. Позвонили сестре — передали ей. Как только телефонистки узнали о смерти Высоцкого, весть быстро распространилась по Москве.

Шесть часов утра. Приехала милиция. Приехали отец и мать. Дозвонились Марине. Позвонили Боровскому и Любимову».

В. Нисанов: «Я проснулся от звонка в дверь. Это был Валерий Павлович Янкович. «Валера, Володя умер!» Я быстро оделся, спустился вниз.

Володя лежал в большой комнате на кушетке. Уже совершенно холодный. В квартире был милиционер — начальник паспортного стола нашего отделения милиции. Потом пришла Нина Максимовна... И начали появляться люди... Примерно к 11 часам ребята из реанимации подготовили тело...»

Л. Сульповар: «Двадцать пятого мне позвонили... И я вместо дежурства поехал туда...»

Приехал, народу уже было много. Внизу стояли ребята из школы карате Штурмина. Помню, что пришла племянница Гиси Моисеевны — помните «Балладу о детстве»? За мной ходил Туманов:

— Нет, ты скажи, от чего умер Володя?

Позже по этому поводу точно заметил Смехов:

— Он умер от себя...»

Е. Щербиновская, двоюродная сестра Л. Абрамовой: «Мы приехали рано. Народ стал толпиться у дома позже. Была тишина. В квартире соседки за незапертой дверью сидела Нина Максимовна и растерянно повторяла одну и ту же фразу: «Ну как же это? Девочки, ну как же это?» Стало страшно. Да, это была правда... Потом мы увидели Семена Владимировича — молчаливого, почерневшего лицом. Он провел нас в ту комнату, где на большой широкой застеленной кровати — весь в черном — лежал Володя... Это была наша последняя встреча...»

Л. Абрамова: «25 июля 1980 года. Мы с Никитой были у моей мамы — смотрели по телевизору что-то олимпийское. Ждали Аркашу с Физтеха — его не было. (В тот день он уе-

хал в Долгопрудный в Физико-технический институт узнать списки зачисленных. Его фамилии в списке не оказалось, так как его отец связан с границей.) Не дождалось, пошли домой. Еще из лифта был слышен телефонный звонок — я думала, это Аркаша, схватила трубку. Володя умер. Уже вся Москва знает. Он умер перед рассветом».

А. Штурмин: «25 июля Володя должен был приехать в Олимпийскую деревню, я работал там олимпийским атташе делегации Ирландии. Мы договорились, что в двенадцать часов он подъедет вместе с Янкловичем. Еще раньше я завез Володе оформленный пропуск, нарисовал план, обозначил место, где мы должны были встретиться...

Сплю, рано-рано утром, в половине пятого, раздался звонок... Автоматически я поднял трубку, и голос Туманова сказал: «Володя умер. Приезжай». Так же автоматически, в каком-то полубытьи, я положил трубку и подумал: «Какой страшный сон». Несколько минут я утешал себя, что это сон, а потом проснулся окончательно. И только одна мысль — звонок-то был! Еще через несколько минут я набрал телефон Высоцкого... Думаю, черт с ним, разбужу, только бы услышать его голос... Трубку поднял Вадим Иванович Туманов, и мне сразу стало не по себе...

— Вадим, что ты такое сказал? Не могу понять...

— Да, да. Умер Володя. Приезжай.

Я сразу же сел в машину и приехал. Володя лежал в спальне, я хорошо это помню... Был накрыт простыней, я только посмотрел ему в лицо. Но уже были врачи из «Скорой помощи», они собирались что-то делать...»

В. Серуш: «На даче у меня не работал телефон, и утром мне никто не мог дозвониться... Была Олимпиада, и я поехал смотреть прыжки в воду — обещал одной своей знакомой... Проезжаю мимо Володиного дома — его машины во дворе не было. Ну, думаю, все в порядке... Приезжаю в офис, который был в гостинице «Украина», звонит секретарша: «Вы знаете, звонили от Высоцкого, просили срочно приехать к нему домой».

Я поехал к Володе, меня встречает Валерий Павлович

Янклович, он открыл мне дверь и повел в спальню. Там лежал мертвый Володя».

А. Демидова: «25 июля. Приезжаю в театр к 10 часам на репетицию. Бегу, как всегда, опаздывая. У дверей со слезами на глазах Алеша Порай-Кошиц — зав. постановочной частью: «Не спеши». — «Почему?» — «Володя умер». — «Какой Володя?» — «Высоцкий. В четыре часа утра».

Репетицию отменили. Сидим на ящиках за кулисами. Остроты утраты не чувствуется. Отупение. Рядом стрекочет электрическая швейная машинка — шьют черные тряпки, чтобы занавесить большие зеркала в фойе...

В. Смехов: «25 июля, узнав о случившемся, я сорвался в театр. По дороге я нарушил правила, и меня остановил жезл милиционера. Какой у меня был каменный вид, постовой не заметил. Документы — справедливо потребовал он. И руки мои пробуют вынуть книжечку из кармана рубахи. Не выходит. Борюсь с карманом, вдруг бросил руки, взмолился: «Товарищ инспектор, не могу я... Пустите. Высоцкий умер...» «Сам?!» — постовой резко изменился, взглянул на меня, подтолкнул рукой — мол, езжай, — а другой рукой вцепился в свой транзистор и аж простонал по всей трассе: «Слушайте! Высоцкий умер!» И тут рухнула на меня каменная гора, и мир в глазах помрачился — будто только из-за постового я впервые понял, что такое случилось на свете».

В. Янклович: «Дежурный по городу — генерал милиции неожиданно присылает людей и требует вести тело на вскрытие. И тут надо отдать должное Семену Владимировичу: он категорически запретил вскрытие. И действовал очень решительно. А было бы вскрытие — может быть, обнаружили бы побочные явления, узнали о болезни... Последовала бы отмена диагноза... Поэтому надо было очень быстро оформить все документы, получить свидетельство о смерти. А чтобы получить свидетельство о смерти, нужен паспорт — советский паспорт. А у Володи был заграничный паспорт и билет в Париж на 29 июля. Надо было съездить в ОВИР и заграничный паспорт обменять на советский — это сделал Игорь Годяев. Потом надо было получить медицин-

ское свидетельство о смерти, а без вскрытия это невозможно. Отец категорически против вскрытия. Позвонили знакомому врачу из Склифосовского и через него убедили патологоанатомов, что запрещение вскрытия — дело решенное. Отец тоже куда-то ездил по этому вопросу.

Леня Сульповар привез человека, который сделал заморозку тела. В конце концов приблизительно к двенадцати часам мы получаем свидетельство о смерти — в поликлинику ездил Толя Федотов. И милиция дает разрешение на похороны.

В квартиру постепенно прибывает народ. Приезжает Любимов. Начинаем обсуждать похороны. Возникает вариант Новодевичьего. Любимов звонит в Моссовет насчет Новодевичьего. Ему отвечают:

— Какое там Новодевичье?! Там уже не всех маршалов хоронят.

На каком же кладбище хоронить? Родители говорят, что на Ваганьковском похоронен дядя Володи — Алексей Владимирович Высоцкий, его Володя очень любил. Звоним Кобзону. Кобзон с Севой Абдуловым едут в Моссовет — пробивать Ваганьковское. Разрешение хоронить на Ваганьковском получено».

Л. Сульповар: «Я присутствовал при обсуждении — где хоронить Высоцкого. Отец настаивал:

— Только на Новодевичьем!

И все это было настолько серьезно, что начали пробивать. Попытались связаться с Галиной Брежневой, но она была в Крыму. Второй вариант — через Яноша Кадара хотели выйти на Андропова.

С большим трудом удалось уговорить отца. Тогда Новодевичье кладбище было закрытым».

В. Нисанов: «В большой комнате сидел Юрий Петрович Любимов и звонил сначала Гришину, потом Андропову... Можно ли хоронить Высоцкого — из театра? Ведь Володя не был ни заслуженным, ни народным... Гришин ответил, что хороните как хотите, хоть как национального героя...»

26 июля мы поехали на Ваганьковское кладбище: Мари-

на Влади, Иосиф Кобзон, Володя Шехтман, Митечка Виноградов и я. Директор долго водил нас по окраинам... Потом Кобзон зашел с ним в кабинет, — и мы получили это место...»

Л. Сульповар: «Кобзон рассказывал, что директор кладбища чуть не заплакал, когда ему предложили деньги.

— За кого вы нас принимаете?! Высоцкого! Да любое место!»

С 26 июля в зарубежной печати появляются первые отклики на смерть В. Высоцкого.

«Владимир Высоцкий, советский актер и бард, умер от сердечного приступа», «Нью-Йорк таймс», 26 июля 1980 года:

«Москва, 25 июля. Ведущий сатирик Владимир Высоцкий, бард и актер, чьи песни, высмеивающие строй, даже секретную полицию, сделали его столь же популярным здесь, как рок-звезды на Западе, умер прошлой ночью от сердечного приступа, как сообщили сегодня его друзья.

Г. Высоцкий был женат на Марине Влади, французской актрисе, и был ведущим актером Театра на Таганке в Москве, авангардистской труппы, возглавляемой Юрием П. Любимовым.

Его друзья сказали, что актер, которому было 46 лет (?), уже некоторое время болел и в момент смерти находился в больнице.

Г. Высоцкий был популярной кинозвездой, а также поэтом-бардом. Он отбывал срок в лагерях в юности (на самом деле Высоцкий никогда не сидел. — Ф. Р.), но был освобожден при Никите С. Хрущеве после смерти Сталина в 1953 году. Его лучшей ролью на Таганке был Гамлет в сценической постановке Сергея Есенина, поэта раннего советского периода.

Нападки за сатирические песни.

Он был хорошо известен по записям его песен, но многие распространялись нелегально, поскольку он часто подвергался резкой критике советских культурных структур за независимость мышления.

Он не всегда мог ездить за границу даже к своей жене в

Париж, поскольку его взгляды часто приводили его к конфликту с властями...

Сатира г. Высоцкого была не столь острой, чтобы сделать его персоной нон грата для советских властей, но и не столь беззубой, чтобы он потерял уважение советской молодежи...

Крейг Р. Уитни».

«Умер муж актрисы Марины Влади», «Пьеса сера» (Рим), 26 июля:

«Москва, 26. Умер от инфаркта советский актер и певец Владимир Высоцкий. Он успешно выступал на сцене (знаменит в ролях Гамлета и в «Галилее» Брехта). Высоцкий был также широко популярен как автор сатирических песен против советского строя, что сделало его имя особо широко известным среди публики. Высоцкий — которому было немногим более 40 лет — был женат на французской актрисе Марине Влади.

Высоцкий был самым популярным и любимым певцом в СССР: многие из его песен были основаны на переживаниях, которые он испытал в молодости в заключении в сталинских лагерях. Официально распространялись только песни, в которых не было резкого протеста. Своим «тяжелым» голосом Владимир Высоцкий пел не о «светлом будущем», а о трудностях сегодняшней обиденной жизни».

В тот день, 26 июля, еще пять зарубежных газет посвятили свои страницы безвременной кончине популярного советского актера и исполнителя. Среди них: «Новое русское слово» (США), «Юманите» (Франция), «Таймс» (Великобритания), «Унита» (Италия) и «Драпо руж» (Бельгия).

Между тем наступило 27 июля 1980 года.

А. Демидова: «27 июля всех собрали в театре, чтобы обсудить техническую сторону похорон. Обсудили, но не расходились — нельзя было заставить себя вдруг вот встать и уйти. «Мы сегодня должны были играть «Гамлета», — начала я и минут пять молчала — не могла справиться с собой. Потом сбивчиво говорила о том, что закончился для нашего

театра определенный этап его истории — и что он так трагически совпал со смертью Володи...»

М. Влади: «В комнате с закрытыми окнами лежит твоё тело. Ты одет в черный свитер и черные брюки. Волосы зачесаны назад, лоб открыт, лицо застыло в напряженном, почти сердитом выражении. Длинные белые руки вяло сложены на груди. Лишь в них видится покой. Из тебя выкачали кровь и вкололи в вены специальную жидкость, потому что в России с покойными прощаются, прежде чем хоронить. Я одна с тобой, я говорю с тобой, я прикасаюсь к твоему лицу, рукам, я долго плачу. Больше никогда — эти два слова душат меня. Гнев сжимает мне сердце. Как могли исчезнуть столько таланта, щедрости, силы? Почему это тело, такое послушное, отвечающее каждой мышцей на любое из твоих желаний, лежит неподвижно? Где этот голос, неистовство которого потрясло толпу? Как и ты, я не верю в жизнь на том свете, как и ты, я знаю, что все заканчивается с последней судорогой, что мы больше никогда не увидимся. Я ненавижу эту уверенность. Уже ночь. Я включаю нашу настольную лампу. Золотистый свет смягчает твоё лицо. Я впускаю скульптора, который поможет мне снять посмертную маску. Это очень верующий пожилой человек. Его размеренные движения меня успокаивают. Пока он разводит гипс, я мажу твоё лицо вазелином, и мне кажется, что оно разглаживается у меня под пальцами. Последняя ласка — как последнее успокоение. Потом мы молча работаем. Я несколько лет занималась скульптурой, я знаю, как делаются слепки, я вспоминаю почти забытые движения, эта работа вновь окунает меня в простоту жизни».

Скульптор, о котором упоминает Влади, — Юрий Васильев, он был знаком с Высоцким, оформлял многие спектакли Таганки. Делать посмертную маску с Высоцкого его пригласил Юрий Любимов. В тот день, 27 июля, кроме Марины Влади ему помогал и его сын Михаил. Как рассказывал позднее Ю. Васильев, во время этой скорбной работы случилась неожиданная сложность. Он по всем правилам наложил маску, как это делал всегда. Когда же он попытал-

ся ее снять, — это оказалось невозможным. Как будто какая-то сила прижала ее к лицу усопшего. Тогда Васильев обратился к Высоцкому: «Володенька, отпусти». После этого неожиданно легко маска снялась. Тогда же, вместе с маской, был сделан и слепок с руки Высоцкого.

«Смерть советского актера и певца Владимира Высоцкого», «Монд» (Париж), 27 июля 1980-го:

«Советский актер и певец Владимир Высоцкий умер в Москве от сердечного приступа в ночь с 24 на 25 июля в возрасте сорока трех лет (сообщение пришло 26 июля).

Владимир Высоцкий — для друзей Володя — был, несомненно, самым известным актером театра и кино, певцом в СССР, так как его популярность была велика во всех слоях общества. Он родился в 1937(?) году и в течение десяти лет был женат на французской актрисе русского происхождения Марине Влади. В течение нескольких лет он играл в Театре на Таганке в Москве. У режиссера-авангардиста Юрия Любимова он был Гамлетом, Галилеем, котом Бегемотом в «Мастере и Маргарите» Булгакова... Его песни часто украшали спектакли Таганки. Он пел еще для «Дома на набережной» Трифонова («Монд» от 9 июля), но свой последний успех он снискал на телевидении в детективном сериале «Место встречи изменить нельзя», основанном на реальных фактах.

Чтобы реабилитироваться перед властями, Высоцкий записал несколько весьма соцреалистических песен, прославляющих альпинистов, советских геологов... Однако своей популярностью он обязан другому реализму, более суровому и ироническому, который описывал условия жизни в лагерях — где он побывал еще подростком — и пребывание в психиатрических больницах, когда человек не является сумасшедшим.

Лишь один маленький диск на 45 оборотов с его песнями был официально выпущен в СССР, но записанные на кассетах его диски, выпущенные на Западе, переходят из рук в руки, а его сольные концерты в клубах и Дворцах культуры проходили всегда с необыкновенным успехом. Он пел своим голосом, хриплым, сильным, уже разрушенным

алкоголем, но вполне соответствующим его персонажам, жестким и нежным, для своих друзей до самого утра. Его последняя пластинка на 33 оборота, выпущенная в Париже в прошлом году, составлена из французских песен, написанных для него Максимом Лефорестье.

Владимир Высоцкий был представителем поколения ангажированных певцов вместе с Александром Галичем, умершим в эмиграции в Париже два года назад, и Булатом Окуджавой, который ничего не записывал уже несколько лет.

Даниэль Берне».

Наступило 28 июля — день похорон Владимира Высоцкого.

М. Влади: «Приходят друзья, чтобы положить тебя в гроб. Накатывает горе — волна за волной. Плач, крики, шепот, тишина и сорванные от волнения голоса, повторяющие твое имя. Пришли все. Некоторые приехали с другого конца страны, другие не уходили с вечера. Дом наполняется, и, как в большие праздники, балконы, коридор, лестничная площадка полны людей. Только все это в необычной, давящей тишине. Приносят гроб, обитый белым. Тебя осторожно поднимают, укладывают, я поправляю подушку у тебя под головой. Твой врач Игорек спрашивает меня, может ли он положить тебе в руки ладанку. Я отказываюсь, зная, что ты не веришь в Бога. Видя его отчаяние, я беру ее у него из рук и прячу тебе под свитер. Гроб ставят в большом холле дома, чтобы все могли с тобой проститься.

В пять часов утра начинается долгая церемония прощания. Среди наших соседей много артистов и людей, связанных с театром. Они идут поклониться тебе. И еще — никому не известные люди, пришедшие с улицы, которые уже все знали. Москва пуста. Олимпийские игры в самом разгаре. Ни пресса, ни радио ничего не сообщили. Только четыре строчки в «Вечерке» отметили твой уход».

Л. Сульповар: «28 июля, часа в четыре утра, в подъезде дома на Малой Грузинской была панихида. Были самые близкие — мать, отец, Марина, Людмила Абрамова, Володины сыновья.

Поставили гроб, играл небольшой оркестр студентов

консерватории, там рядом их общежитие. А потом на реанимобиле мы перевезли Володю в театр».

Л. Абрамова: «В сутолоке лиц, слов, встреч в эти дни проступило самое главное: это была огромная Смерть, ее хватило на всех, потому что его Жизнь была огромная. И еще одно: горе объединяет, все были вместе. Но «сердце рвется напополам», «ты повернул глаза зрачками в душу». Вот этот взгляд в собственную душу. Каждый — в свою. Каждый один на один с непостижимой тайной жизни и смерти. Со своими воспоминаниями. Страшно!

Много-много людей, с кем-то я встретила в впервые, кого-то не видела много лет...

«Я вернулся в театр», — сказал Колечка Губенко.

Седой Валя Никулин, седой Жора Епифанцев. Совершенно седой Володя Акимов сказал: «Пойдем, тебя Марина зовет».

«Люся, сестра...» — сказала Марина.

У Артура Макарова лицо от напряжения казалось свирепым. Я плохо запомнила, что было в эти дни. Только лица.

Все спрашивали о сыновьях, как они. Я не знала, как они. Я и сейчас не знаю, что они тогда чувствовали. Наверное, так же, как я, смотрели на лица. Наверное, так же, как все, смотрели в себя, в свою душу. Может быть, пытались понять, чем Володя был в их судьбе. Может быть, думали о том, как мало знали его. Очевидно, чувствовали себя чужими среди малознакомых людей».

Около пяти утра из дома на Грузинской вынесли белый гроб с телом умершего друга, актера и поэта. Траурный кортеж двинулся к театру. Собрались зрители и артисты. Когда Олег Ефремов вышел из дому, было уже светло. Хлопнул дверцей машины, проехал несколько метров и вдруг понял, что все равно не поедет на похороны. Нервы не выдержат. Он хорошо знал, к чему приводит его впечатлительность, понимал, что будет раздавлен.

В Театре на Таганке гроб с телом Владимира Высоцкого установили на высоком постаменте на сцене, на той, на которой он проработал 16 долгих лет, вся сцена была устлана свежими цветами. В зале множество запоздалых венков от

Министерства культуры РСФСР, Союза кинематографистов СССР, коллектива театра, от коллективов других столичных театров и учреждений.

М. Влади: «Мы приезжаем в театр, где должна состояться официальная церемония. Любимов отрежиссировал твой последний выход: сцена затянута черным бархатом, прожекторы направлены на помост, одна из твоих последних фотографий — черно-белая, где, скрестив руки на груди, ты серьезно смотришь в объектив, — висит, огромная, над сценой. Траурная музыка наполняет зал. Мы садимся. Я беру за руку твою бывшую жену, и мы обе садимся рядом с вашими сыновьями. Прошлое не имеет сейчас никакого значения. Я чувствую, что в эту минуту мы должны быть вместе».

На той панихиде присутствовали многие известные деятели искусства и литературы. Среди них: М. Ульянов, Н. Михалков, М. Козаков, А. Миронов, Р. Быков, М. Захаров, Б. Окуджава, Н. Губенко, К. Райкин, Н. Подгорный, Л. Дуров, Г. Чухрай, М. Вертинская, В. Абдулов и многие, многие другие. Каждый из них хотел выступить со своим прощальным словом и помянуть покойного.

Ю. Любимов: «Есть древнее слово — бард. У древних племен галлов и кельтов так называли певцов и поэтов. Они хранили ритуалы своих народов. Они пользовались доверием у своего народа. Их творчество отличалось оригинальностью и самобытностью. Они хранили традиции своего народа, и народ им верил, доверял и чтит их. К этому чудесному племени принадлежал ушедший, который лежит перед вами и который играл на этих подмостках долгое время своей зрелой творческой жизни. Над ним вы видите занавес из «Гамлета», вы слышали его голос, когда он заканчивал пьесу прекрасными словами поэта, такого же, как он, и другого замечательного поэта, который перевел этого гения, — Бориса Пастернака».

М. Ульянов: «В нашей актерской артели большая беда. Упал один из своеобразнейших, неповторимых, ни на кого не похожих мастеров. Говорят, незаменимых людей нет — нет, есть! Придут другие, но такой голос, такое сердце уже из нашего актерского братства уйдет».

Н. Михалков: «Умер Народный Артист Советского Союза. В самом истинном смысле этого слова, потому что его знали все, многие любили, многие не любили, но те, кто его любил, — знали, за что его любят, и те, кто его не любил, — знали, за что его не любят, потому что он был ясен, конкретен и чрезвычайно талантлив...»

Герцен сказал, что человек, поступки и помыслы которого не в нем самом, а где-нибудь вне его, — тот раб при всех храбростях своих. Володя был всегда человеком, поступки которого были внутри его, а не снаружи. И он всегда был человеком живым. Для нас он живым и останется».

Б. Окуджава: «Неправда, будто его творчество столь просто, что всеми воспринимается абсолютно и с любовью. Он не кумир людей с низким уровнем, им не восторгаются приверженцы эстрадной пошлятины. Он раздражает унылых ортодоксов и шокирует ханжей. Он — истинный поэт, и его широкое и звонкое признание — есть лучшее оружие в борьбе с возбужденным невежеством, с ложью и с так называемой массовой культурой».

Г. Чухрай: «Не стало Владимира Высоцкого. Артиста. Поэта. И десятки тысяч людей сейчас толпятся на улице. Десятки тысяч людей хотели и не сумели прийти сюда, чтобы поклониться ему. Значит, он был нужен им, такова их любовь и благодарность за то, что он сделал для них».

Пока в помещении Театра на Таганке шла панихида, все окрестности вокруг театра действительно заполнялись десятками тысяч людей. Кажется, что сюда, на Таганку, стянута вся милиция столицы. Белизна их форменных рубашек и фуражек режет глаз.

М. Влади: «Надлежащим образом проинструктированная милиция установила барьеры, улицы заполняются людьми. Перед театром образуется очередь (как потом выяснилось, очередь эта протянулась вдоль Большой Радищевской улицы до Зарядья на целых 9 километров!). Я поднимаюсь в кабинет Любимова. Он бледен, но полон решимости. Он не отдает эту последнюю церемонию на откуп чиновникам... Я возвращаюсь в зал, двери открывают — и потекла толпа. Москвичи пришли проститься со своим глашатаем...»

В. Акелькин: «Милиции явно не хватало, чтобы сдерживать огромную реку людей, и машины с дружинниками и милиционерами все прибывали и прибывали. Уже половина Большой Радищевской улицы оцеплена дружинниками и милицией, везде кордоны, все перекрыто, и только тоненький ручеек по два человека тянется ко входу в театр.

Допускали в основном делегации от различных организаций с венками. У нас не было заявки, но венки были куплены, и с ним пропустили двух человек, остальные остались за кордоном».

В. Нисанов: «На похоронах я снимал все подряд... У театра при мне генерал МВД сказал: «Надо вызывать армию». Они предполагали, что будет много народу, но чтоб столько... Смерть Володи действительно стала национальной трагедией, а похороны были по-настоящему народными».

Б. Серуш: «Видеозапись похорон делал мой сотрудник — Джордж Диматос. Этот Джордж — высокий такой парень — снимал обычной видеокамерой... И вдруг к нему подходит генерал МВД и запрещает снимать. Тогда я обратился к Иосифу Кобзону, который очень помог в организации похорон... «Слушай, Иосиф, тут такое дело... Нам запрещают снимать». И. Кобзон подходит к этому генералу — он знал его по имени-отчеству — и говорит: «И вам не стыдно, что я — еврей Кобзон — должен просить вас, чтобы эти люди могли снять похороны русского поэта?!»

После девяти утра я уехал из театра на очень важную встречу. Возвращаюсь обратно... Уже все оцеплено милицией, и никого не пускают. Как я ни пытался — ничего не получается... Ну ни в какую! А очередь протянулась вниз — почти до гостиницы «Россия». Я чуть не заплакал. Черт возьми! Неужели я не попрошаюсь с Володей?! Там стояли автобусы... И я взял и просто прополз под автобусом. Я поднимаюсь, а милиционер не может понять — откуда я взялся? В строгом черном костюме — из-под автобуса?!

— Ну есть у тебя хоть какое-нибудь удостоверение?

— Есть фотография с Володей... Вот, видишь, я его друг!

И меня выручила эта фотография, которая, по счастью,

оказалась у меня с собой. Милиционер меня пропустил, и я попрощался с Володей».

В. Делоне: «Ю.П. Любимов вынес из театра стопку фотографий Высоцкого. К нему бросилась толпа. И он в отчаянии, не зная, что делать, боясь, что его разорвут на части, отдал эту пачку милиционеру. И тут какая-то пожилая женщина в слезах закричала: «Кому же ты отдал фотографии Высоцкого? Менту!» Милиционер бросил форменную фуражку оземь, зарыдал: «Да что ж я — не человек, что ли!»

В. Акелькин: «Весь зал еще раз прошел мимо гроба, после чего все высыпали на улицу. Здесь нас ждало самое большое удивление, и если до того мы сдерживались, то на улице слезы потекли сами собой, да мы уже и не стеснялись их: вся Таганская площадь, с обеих сторон эстакады, была забита людьми. Люди заполнили крыши и окна домов, метро, ресторана «Кама», киосков «Союзпечати», универмага... Они не смогли попасть в театр, но все равно чего-то ждали, потому что любили Высоцкого...»

Вот начинают выносить венки, цветы. Люди взбираются на машины, чтобы лучше видеть.

Цветов много, стоит тяжелый, густой и какой-то гнетущий запах... Вот выносят крышку гроба. Из репродукторов поплыла над площадью грустная музыка...

Наконец выносят гроб с телом Высоцкого. Впереди — Ю.П. Любимов, за ним — Золотухин, Смехов, Джабраилов, Петров... Гроб вносят в автобус».

М. Влади: «Мы садимся в автобус, гроб стоит в проходе, мы все сидим, как школьники, уезжающие на каникулы. Любимов машет большим белым платком людям, собравшимся на крышах, на каменных оградах, некоторые залезли на фонари. Автобус трогается. И часть огромной толпы бежит за автобусом до самого кладбища.

Мы приезжаем на кладбище, на песчаную площадку, где в последний раз можно тебя поцеловать».

В. Акелькин: «На Ваганьковском кладбище и вокруг него столпились несколько десятков тысяч человек. Станция метро «Улица 1905 года» была закрыта уже в двенадцать часов дня.

Очень трудно пробиться к могиле. Над гробом выступает только директор Театра на Таганке Н. Дупак. Очень мало времени, все скомкано, неорганизованно».

М. Влади: «Я последняя наклоняюсь над тобой, прикасаюсь ко лбу, к губам. Закрывают крышку. Удары молотка звучат в тишине. Гроб опускают в могилу, я бросаю туда белую розу и отворачиваюсь. Теперь надо будет жить без тебя».

Те грандиозные похороны поразили своим размахом всех участвовавших в них и наблюдавших за ними со стороны. Ю. Любимов, например, после них с дрожью в голосе признался, что эти похороны заставили его по-иному взглянуть на москвичей, не побоявшихся в таком количестве прийти на Таганку. Можно смело сказать, что своим присутствием на похоронах любимого поэта москвичи бросали прямой вызов одряхлевшей и вконец утратившей последние остатки народного доверия власти.

Между тем российская история знавала не одни такие похороны. В книге Н. Эйдельмана «Грань веков» читаем строки о майских 1800 года похоронах опального полковника Александра Суворова: «В камер-фурьерском журнале 9 мая 1800 года не отмечалось какой-либо почести, отданной царем умершему полководцу. Меж тем похороны генералиссимуса всколыхнули национальные чувства. Греч, которому в этом случае можно верить, вспоминает, как 14-летним мальчиком поехал с отцом, чтобы проститься с Суворовым. Мы не могли добраться до его дома. Все улицы были загромождены экипажами и народом. Не правительство, а Россия оплакивала Суворова... Я видел похороны Суворова из дома на Невском проспекте, принадлежавшего потом Д.Е. Бенардаки... За гробом шли три гарнизонных батальона. Гвардию не нарядили под предлогом усталости солдат после парада. Зато народ всех сословий наполнял все улицы, по которым везли тело, и воздавал честь великому гению России.

А.С. Шишков помнил, как многие, опасаясь царской немилости, не осмелились попрощаться с Суворовым, — и тем удивительнее, что все улицы, по которым его везли,

усеяны были людьми. Все балконы и даже крыши домов заполнены печальными и плачущими зрителями...

Это были первые в новой русской истории похороны, имевшие подобный смысл: отсюда начинается серия особых прощаний русского общества с лучшими своими людьми (Пушкин, Добролюбов, Тургенев, Толстой...) — похороны, превращающиеся в оппозиционные демонстрации, выражение чувств личного, национального, политического достоинства. Павел, казалось бы, столь щепетилен к вопросам чести, национальной славы, совершенно не замечает, не хочет замечать того, что выражают петербургские проводы Суворова: той степени национальной просвещенной зрелости, которой достигло русское общество...

Может создаться впечатление, будто мы завышаем общественный, исторический смысл этого события: обычно при анализе его подчеркивается тема обиды, массового сочувствия полководцу, но, пожалуй, почти не замечается новый — уже характерный для XIX века — тип общественного, хотя и еще весьма ограниченного протеста. Если бы в России 1800 года существовало последовательное, развивающееся освободительное движение, то подобные похороны полководца вошли бы в предание, в традицию, «сагу» этой борьбы (как будет, например, с громкими преддекабристскими похоронами Чернова в 1825 году и общественным сочувствием опальному Ермолову). Но русское общество в последний год XVIII века еще не совсем понимает, сколь оно созрело: субъективно оно только выражает свое отношение к важному историческому факту, но объективно высказывается уже насчет общих, существенных проблем своей судьбы...»

Подобно Павлу, и Леонид Брежнев из крымского далека не хотел замечать, что выражают московские проводы Владимира Высоцкого. Между тем грозные похороны В. Высоцкого явились симптомом приближающихся событий ноября 1982 года («переворот» Андропова) и предчувствием общественного подъема 1985 года, когда к власти в Кремле придет Михаил Горбачев.

Поток скорбящих людей, не переставая, шел на Вагань-

ковское кладбище, к свежей могиле В. Высоцкого. А Утевский, вспоминая те дни, писал: «Мы с женой отдыхали у ее родителей в деревне, когда погиб Володя. Я ничего не знал: радио, телевидение, газеты о том молчали. В полном неведении я вернулся в Москву, где три дня назад состоялись похороны.

В тот же день, к вечеру, поехал на Ваганьковское кладбище. Поразили горы цветов и людская толпа. Мне хотелось побыть одному, попрощаться с Володей, но переждать не удалось — люди все шли и шли...»

«Советская полиция вмешивается, когда тысячи людей волнуются на похоронах барда», «Нью-Йорк таймс», 29 июля 1980-го:

«Москва, 28 июля. Тысячи молодых русских насмехались, свистели и кричали: «Позор, позор, позор!» сегодня, когда конная полиция пыталась рассеять их на похоронах Владимира Высоцкого, барда и актера.

За несколько часов до начала в 1 час дня панихиды в авангардистском Театре на Таганке, где 42-летний актер работал до своей смерти от сердечного приступа, в четверг площадь перед зданием начала заполняться скорбящими людьми, несшими цветы, чтобы отдать дань памяти.

Два часа спустя, когда открытый гроб был вынесен, возбужденная толпа, состоявшая, по мнению эмоциональных участников, от 10 000 до 30 000 человек, ринулась на полицейские кордоны, чтобы добраться до театра, где в окне была выставлена фотография в черной рамке.

Толпа бросала букеты через полицейских, часть сил безопасности, присланных на Олимпиаду, направила своих лошадей на толпу. Мегафоны призывали людей очистить площадь для транспорта. Среди криков, мяуканья и свиста в толпе вздымались сжатые кулаки и крики в унисон: «Позор!»

20-летний юноша, который гордо показывал свои шрамы и царапины после того, как все было кончено, сказал: «Полиция обесчестила память человека».

Пожилая женщина наставляла его: «Толпа может быть опасной. Полиция всего лишь делала свое дело».

Необычная сцена, имеющая не много аналогий в совре-

менной советской истории, была яркой демонстрацией силы слова в этой стране. Но толпа пришла еще и для того, чтобы почтить г. Высоцкого как человека, прошедшего некоторое время в сталинском лагере в юности и позднее обнажавшего темные стороны жизни как актер и поэт. Одной из величайших ролей его был «Гамлет» в переводе Бориса Пастернака.

Г. Высоцкий был как популярной звездой кино, так и звездой сцены. На дружеских встречах, после нескольких рюмок, он пел баллады, которые сделали его легендарной подпольной фигурой...

Не только недовольная молодежь пришла оплакивать г. Высоцкого. Все актеры Театра на Таганке, другие известные режиссеры, как, например, Олег Ефремов из Московского художественного театра, писатели и журналисты присутствовали на панихиде.

Со вдовой актера, французской актрисой Мариной Влади, они сопровождали его гроб на Ваганьковское кладбище, где также похоронен поэт Сергей Есенин. На кладбище были аналогичные сцены, как сказали некоторые из присутствующих. Эту сцену видели лишь несколько человек из тысячи иностранцев, присутствующих на Московской Олимпиаде. Таганская площадь далека от любого олимпийского объекта, и полиция перекрыла движение по главной кольцевой дороге, проходящей под ней, за несколько часов до начала сбора толпы.

Вечером, спустя несколько часов после этих событий, толпа из 200—300 человек еще стояла вокруг театра, но все знаки траура были убраны, и портрет г. Высоцкого был удален. Рядом стояла пожарная машина. Полиция, теперь более спокойная, говорила людям: «Проходите, собирайтесь где-нибудь в другом месте».

«Они убрали портрет, пока я был днем на работе, — сказал молодой человек в голубых джинсах. — Я знал, что они это сделают».

Женщина рядом ругала иностранцев. «Иностранцы, — зашипела она на двух иностранных корреспондентов. — Мы можем справиться со своими проблемами сами».

Цветы покрывали улицу перед театром. Под портретом стояла прислоненная гитара. Текст в стихах гласил, что г. Высоцкий имел в своей популярности то, в чем ему отказывало официальное признание. Надпись от руки на обрывке картона гласила: «Какой позор, что умирают не те».

Движение по площади, обычно являющейся оживленным перекрестком, было перекрыто. Сотни людей стали появляться на крышах, в верхних этажах домов, на афишных тумбах, чтобы бросить взгляд. Молодой человек стоял на афишной тумбе, откуда два полисмена постоянно пытались его стащить. Толпа веселилась всякий раз, как им это не удавалось. Наконец он наступил на руку полицейскому и спрыгнул, чтобы смешаться с толпой. На плакате было написано: «Наш советский образ жизни». Крейг Р. Уитни».

Только два советских официальных органа печати кратко упомянули на своих страницах о смерти Владимира Высоцкого — «Вечерняя Москва» и «Советская культура».

Зарубежная печать в связи с этой смертью своих газетных страниц не жалела. Вплоть до 23 августа за граница комментировала похороны советского барда. Всего же с 26 июля по 23 августа в свет вышло 42 статьи.

Один из аккредитованных в Москве французских журналистов после этих похорон писал: «По накалу, по размаху людской скорби Москва хоронила Высоцкого, как Париж хоронил Эдит Пиаф. Люди знали, что они теряли. (Только в Париже был национальный траур.) Пиаф была грешницей, а хоронили ее как святую. Она не щадила себя для людей. И они не пощадили себя в скорби по ней. То же повторилось с Высоцким. Пиаф воздали честь по ее масштабам. И если Высоцкий не пел, как Пиаф, то и она не играла на сцене, не писала стихов, как Высоцкий. Они были птицами одного полета. Всегда летели на огонь, прекрасно зная, что им не суждена судьба птицы Феникс».

В далекие сороковые случилась у маленького Володи Высоцкого встреча, о которой позднее поведал людям ее свидетель Павел Леонидов:

«На Зацепе в голодные годы была столовая. Коммерческая. В ней кормили без карточек. Там работала официант-

ка. Огромная женщина. Чокнутая: она была страшно добрая и копила деньги по копейке, чтобы после их кому-нибудь отдать... Однажды, сам не работавший, я взял с собой в эту столовую маленького Вову. Официантку звали Евдокия, но все алкоголики Замоскворечья называли ее Тетя Лошадь. Тетя Лошадь поглядела на Вову внимательно, погладила по вихрастой голове и сказала, причитая: «У пацана сердце без кожи. Будет не жить, а чуйствоваться и помрет быстро. И хорошо, что быстро, потому как отмучается...»

Вот и вышло, что смерть эта в июле 80-го, ставшая для миллионов людей огромной трагедией, для самого Владимира Высоцкого была избавлением от одному ему известных мук и терзаний. Одно слово — отмучился...

Покой и воля

Смерть Владимира Высоцкого была предопределена множеством различных факторов, но в первую очередь он умер не от алкоголя, а, по словам В. Смехова, «от самого себя».

В пушкинской речи 21-го года Александр Блок говорил: «Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, — тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем: жизнь потеряла смысл».

От такого же удушья и пагубной болезни через несколько месяцев после смерти Владимира Высоцкого ушел из жизни и Олег Даль. М. Козаков, встретив О. Даля на похоронах В. Высоцкого, написал горькие строки: «Волчек подошла ко мне и спросила на ухо: «Может, хоть это его оставит?» Не остановило. Метрах в тридцати от места, где стоит сегодня ограда, теперь лежит Олег».

После похорон В. Высоцкого Даль стал стремительно угасать. Г. Фигловская писала: «Я увидела человека с совершенно погасшими глазами, не хотевшего жить. Я была потрясена. Позже в разговоре с ним это ощущение стало

проходить, и я приписала его состояние работе, съемкам, усталости, плохому самочувствию. Но первое впечатление все-таки осталось. У него было утрачено желание чего-либо хотеть. Он устал биться, доказывать». В октябре 1980 года в дневнике Олега Даля появились первые строки о смерти: «Стал думать часто о смерти. Удручает никчемность. Но хочется драться. Жестоко. Если уж уходить, то уходить в настоящей драке...» Как у В. Высоцкого:

Я когда-то умру — мы когда-то всегда умираем, —
Как бы так угадать, чтоб не сам — чтобы в спину ножом..

В начале февраля 1981 года Олег Даль грустно заметил в разговоре с В. Седовым: «Не надо меня лечить, мне теперь все можно — мне теперь ничего не поможет, ведь я не хочу больше ни сниматься, ни играть в театре». А за несколько дней до этого разговора, в день рождения Владимира Высоцкого 25 января 1981 года, Олег Даль проснулся утром на даче и сказал своей жене: «Мне снился Володя. Он меня зовет». Позднее супруга артиста Елизавета Даль писала: «Что касается темы «Даль — Высоцкий», я думаю, здесь наиболее драматическая страница взаимоотношений Олега Ивановича и Владимира Семеновича в том, что случилось с Высоцким в июле и отразилось на последнем периоде жизни Олега Ивановича...»

Как и Владимир Высоцкий, который не вынес на своих плечах навалившегося на него безвременья, Олег Даль должен был умереть, едва переступив сорокалетний рубеж своей жизни. В последние месяцы жизни, вливая в свое больное и измученное тело новые и новые порции алкоголя, он как будто специально приближал к себе Смерть, торопил ее и ждал ее не как наказание, а как долгожданное избавление от опостылевшей ему вконец действительности.

3 марта 1981 года в городе Киеве сердце Олега Даля не выдержало. Он не дожил до своего 40-летия 83 дня. Он пережил Владимира Высоцкого на 221 день.

Часть вторая

Жизнь после смерти

В те июльские дни 1980 года власть сделала все от нее зависящее, чтобы смерть Владимира Высоцкого прошла незамеченной. Ничто, по ее мнению, не должно было омрачить грандиозный праздник спорта, который проходил в Москве. Тем более если это смерть «бунтаря и пьяницы» Высоцкого. Этим и объяснялось, что только несколькими строчками мелким шрифтом, напечатанными в газетах «Вечерняя Москва» и «Советская культура», были отмечены смерть и похороны Владимира Высоцкого.

Валерий Золотухин в те дни записал в своем дневнике: «Вражеское радио ежедневно делает о нем часовые передачи, звучат его песни. Говорят и о нашей с ним дружбе... У нас же даже приличного некролога, даже того, что мы редактировали у гроба, не поместили. Господи! Да куда же ты смотришь?..

Марина просила его сердце с собой во Францию... Любопытно, а вдруг вырезала и увезла? Ведь врач-то был при ней... Но и родители смотрели в оба».

Не успела остыть земля на могиле поэта, как в Театр на Таганке потянулись первые поклонники его творчества: они несли в театр те немногочисленные материалы и документы о нем, что были напечатаны в средствах массовой информации при жизни Высоцкого. Тогда и возникла идея создания при театре музея-клуба Владимира Высоцкого.

Тогда же Марина Влади написала письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева с прось-

бой отдать кооперативную квартиру на Малой Грузинской, 28, в которой последние пять лет они жили с Высоцким, его матери Нине Максимовне, а ее квартиру передать детям поэта. Эта просьба была удовлетворена.

Между тем родные поэта, оставшись наедине с его архивом, принялись за его подчистку. КГБ, державший ситуацию под своим контролем, не мог позволить, чтобы нелояльные по отношению к советскому режиму стихи такого поэта, как Владимир Высоцкий, начали вдруг в скором времени появляться в различных уголках страны или за рубежом.

В. Янклович по этому поводу вспоминает: «Судьба архива Высоцкого? Все началось с Любимова. Он приехал на Малую Грузинскую часов в десять утра 25 июля. Первый вопрос: как и где хоронить? Второй: Володин архив. Надо отдать должное Петровичу — через некоторое время он отозвал меня и сказал:

— Валера, я тебя очень прошу, надо сразу же заняться архивом. Ты даже не представляешь себе, как это важно.

— Юрий Петрович, а что надо сделать?

— Надо собрать весь архив и пока спрятать его.

И вот — Володи нет, еще ничего не ясно, а мы с Севой Абдуловым в чемоданах перетаскиваем все бумаги в кабинет. Мы выгребли все ящики, собрали все рукописи — и все это перенесли в кабинет. И по указанию Любимова дверь запираем на ключ. Знаем, что скоро начнут приходить люди — сотни, тысячи людей.

Марина прилетела вечером, я ее встречал. В первую ночь в квартире остались Марина и Нина Максимовна. Часа в три ночи звонит Марина и просит срочно приехать. Я приезжаю и понимаю, что у них произошел серьезный разговор. И Марина, наверное, хотела, чтобы я стал третейским судьей в каких-то вопросах. Она начинает говорить о том, что в последние годы именно я вел все Володиные дела — финансовые и творческие... Чувствую, что разговор пойдет об архиве. Марина меня спрашивает:

— Валера, ты не видел моих писем?! Я не могу их найти.

Я ответил, что не видел. Значит, эти письма в архиве были... Но куда они делись, до сих пор никто не знает...

На следующий день снова речь пошла об архиве. Любимов сказал, что архив надо из дома увезти...

— Мало ли что может случиться...

Решили отвезти архив к Давиду Боровскому как к самому надежному человеку. Это предложила Марина. И 29 июля или чуть позже мы перевезли архив к Боровскому.

Тут надо сказать, что вначале родители ни во что не вмешивались. Они во всем доверяли Марине и считали, что все, что она делает, — правильно. Отношение было такое: «Мариночка, Мариночка, Мариночка...» Но потом, когда Марина улетела, позиция у них переменялась: они стали требовать, чтобы архив вернули домой. Видимо, КТО-ТО стал влиять...

Родителям внушили, что вот Янклович женат на иностранке (брак с Барбарой Немчик уже был зарегистрирован), а Марина — вообще иностранка... Они хотят вывезти архив за границу и там продать его.

И родители говорят, что архива они вообще не видели и хотят на него взглянуть. Пожалуйста, мы ничего не имеем против. Они «взглянули». После этого мы решили срочно переснять весь архив, а потом передать его в ЦГАЛИ...

Тем временем друзья ушедшего поэта пробивали сквозь рогатки свирепствовавшей цензуры первые публикации о нем после его безвременной кончины. 31 августа в газете «Советская Россия» увидела свет первая публикация подобного рода: Алла Демидова написала статью «Таким запомнился».

Валерий Золотухин отметил это событие строчками в своем дневнике: «Теперь началась конкуренция у гроба. Кто скажет первый... Кто напишет скорее, кто вперед оправдается».

Следующей посмертной публикацией в центральной прессе станет статья киносценариста Эдуарда Володарского в декабрьском номере «Советского экрана» под названием «Среди непройденных дорог одна — моя». На этом «поток»

статей в центральной прессе иссяк, власти боялись излишней популяризации умершего артиста, напуганная размахом его похорон и поистине всенародной скорбью власть внезапно для себя осознала, что смерть этого бунтаря совершенно не сняла проблемы его популярности. Более того, власть воочию наблюдала неслыханный рост этой популярности, по своим масштабам, кажется, даже более огромной, чем прижизненная слава этого человека. И вот тогда, почувствовав и осознав все это и поняв, что сопротивляться этому бессмысленно, власть решила взять инициативу в свои руки и направить этот процесс в нужное для себя русло. Им не нужен был мученик Высоцкий, затравленный режимом, им нужен был поэт, сложно воспринимавший окружающую его действительность, но лояльно настроенный по отношению к существовавшему в стране режиму. Идеологи со Старой площади прекрасно просчитали ситуацию: так как вся сила и власть у них, то, значит, родные и близкие поэта, а также его друзья, пекущиеся об увековечении памяти Владимира Высоцкого в стихах, пластинках и т. д., вынуждены будут пойти на компромисс и беспрекословно выполнять все их, идеологов со Старой площади, советы и рекомендации. Началась кампания по «кастрации» творчества Владимира Высоцкого. «Неужели я вам нужен таким?» — пророчески вопрошал за семь лет до своей смерти поэт. Но он был теперь мертв, а живые хотели жить. Наблюдавший за всем этим из-за океана Павел Леонидов с грустью писал: «А Володю жалко, нет слов. Его, мертвого, выдали ЦК КПСС. Жена Марина и отец Семен Владимирович. Ну, с Марины взятки гладки. Она ведает, что делает, а отец ведь точно не ведает, что творит: он глуп, прости меня Господи, и разбирается лишь в женщинах, зажигалках, которые коллекционирует лет двадцать, и в сечении проводов связи — это как полковник-связист в отставке. Думает за него полжизни жена его Женя, умница армянка, так что предать Вову — ее грех, не его, уверен. Хорошо еще, что не запутали в эту мразь, в эту грязь, маму Володину, Нину Максимовну, жену Люсю и ребяташек. Однако, боюсь, и их втянут.

Я сразу предсказывал, а нынче сбылось: взялись они за Володю, теперь пух да перья полетят. Марине за это отступничество дали кооперативную квартиру в Москве, а это для нее открытый паспорт: летай «Париж — Москва». Марина квартиру Нине Максимовне отдала: умники подсказали, и теперь подвешен над пожилой женщиной колун — пикнет, отберут, что дадено».

При содействии идеологов со Старой площади товарищам Высоцкого дано было «добро» на публикацию первого сборника его стихов. Естественно, под контролем ЦК КПСС. И, чтобы свести к минимуму риск возможных разногласий, главным составителем сборника назначили благонадежного Роберта Рождественского, год назад удостоенного Государственной премии СССР за поэму «210 шагов».

Год 1981-й начался для поклонников Владимира Высоцкого со дня его рождения: 25 января на Ваганьковском кладбище мимо его могилы прошли десятки тысяч людей, оставив целое море свежих цветов. Но ни одна центральная газета об этом событии не обмолвилась и словом. Только в январском номере малочитаемого журнала «Мелодия» была помещена небольшая статья все той же Аллы Демидовой «Знакомый хрипловатый голос». В Театре на Таганке созрела идея постановки спектакля «Владимир Высоцкий». Первые его репетиции прошли в кабинете Юрия Любимова в конце мая.

Между тем в семье Высоцких радостное событие: в начале мая женился старший сын Владимира Высоцкого 19-летний студент МГУ Аркадий Высоцкий. На этой свадьбе Валерий Золотухин был желанным гостем и оставил в своем дневнике лаконичную запись: «7 мая. Поехал во Дворец бракосочетания, поздравил Аркадия и Таню. Заехали за Люсей, поехали на кладбище к Володе. Потом к Нине Максимовне. Потом на свадьбу. Был за хозяина, за тамаду. Пустил шапку по кругу, положил 50 рублей».

...Близилась годовщина со дня смерти Владимира Высоцкого. Каждый из друзей и врагов покойного готовился к ней по-своему. Набрала свой разбег так называемая «дачная

история», которая развела по разные стороны баррикад друзей В. Высоцкого — Эдуарда Володарского, с одной стороны, и Марину Влади, Всеволода Абдулова, Артура Макарова, с другой. А началась эта история сразу после похорон В. Высоцкого, когда М. Влади договорилась с Э. Володарским о том, что тот постепенно выплатит наследникам В. Высоцкого всю стоимость дачи покойного поэта (дача была построена на участке Э. Володарского). А пока эта дача могла бы служить местом встречи друзей В. Высоцкого. Но через несколько дней после первого разговора с М. Влади Володарский внезапно заявил, что он не потянет такую сумму (40 тысяч рублей), и предложил купить дачу кому-нибудь из друзей В. Высоцкого. На это предложение в конце концов согласились Артур Макаров и его жена Жанна Прохоренко. Они вскоре и въехали в эту дачу. 25 января 1981 года друзья В. Высоцкого, собравшись на этой даче, отметили день рождения своего покойного друга.

Но весной 1981 года события вокруг дачи стали приобретать поистине детективный оборот. Жена Э. Володарского Фарида, будучи в Париже, заявила М. Влади, что А. Макаров и Ж. Прохоренко отказались от этой дачи. Расстроенная М. Влади, вскоре прилетев в Москву, поинтересовалась у А. Макарова причиной столь неожиданного решения. Ответом на вопрос М. Влади было откровенное удивление А. Макарова, который, оказывается, и не собирался съезжать с дачи. Удивившись такому повороту событий, М. Влади встретила с женой Э. Володарского и напомнила ей их недавний разговор в Париже. Но всю ответственность за заявление жены внезапно взял на себя Э. Володарский. Он заявил, что существование этой дачи самым неблагоприятным образом отражается на нем, на его творчестве и репутации.

— Тут собираются диссиденты, тут пьют, — заявил М. Влади и ее друзьям Э. Володарский. — И я решил, что этого дома здесь не должно быть. Мне нужно этот дом разобрать.

Марина Влади и все, кто присутствовал при этом разговоре, попытались было успокоить Володарского, но все было напрасно, тот был непреклонен в своем решении. И только

тут многие из присутствующих заметили, что у фотографии В. Высоцкого, висевшей на стене, было разбито стекло. По всей видимости, и до этого разговора у Э. Володарского был весьма серьезный разговор, только уже с собственной женой.

И тогда М. Влади спросила:

— Мне все понятно. Но скажите мне, Эдик и Фарида: почему мебель, которую я везла из Англии, посуда, покрывала, даже постельное белье — почему они здесь, у вас?

— Мы все это возместим, — только и нашли что ответить супруги Володарские.

После этого разговора М. Влади пошла в Моссовет и добилась того, что в виде исключения участок Володарского разделялся, а дача Высоцкого передавалась наследникам. Но буквально через несколько дней это решение было переиграно. Оказалось, Э. Володарский вместе с Юлианом Семеновым были на приеме у заместителя председателя КГБ Семена Цвигуна, и тот пообещал им свою поддержку. А бороться с КГБ друзьям В. Высоцкого было, естественно, не под силу. В конце концов дача В. Высоцкого была разобрана.

В то время как Семен Цвигун занимался дачей В. Высоцкого, его непосредственный шеф Юрий Андропов, сидя в своем кабинете на третьем этаже знаменитого здания на Лубянке, ставил свою уверенную подпись под весьма серьезным документом. Шапка с грифом «секретно» указывала на его непроходящую значимость.

Секретно

ЦК КПСС

О возможных антиобщественных проявлениях в связи с годовщиной смерти актера Высоцкого

По полученным от оперативных источников данным, главный режиссер Московского театра драмы и комедии на Таганке Ю. Любимов при подготовке нового спектакля об умершем в 1980 году актере этого театра В. Высоцком пытается с тенденциозных позиций показать творческий путь Высоцко-

го, его взаимоотношения с органами культуры, представить актера как большого художника — «борца», якобы «незаслуженно» и нарочито забытого властями.

Премьера спектакля планируется 25 июля сего года, в день годовщины смерти Высоцкого.

В этот же день неофициально возникший «Комитет по творческому наследию Высоцкого» при Театре на Таганке (Ю. Любимов, администратор В. Янклович, художник Д. Боровский, актер МХАТа В. Абдулов и другие) намеревается провести мероприятия, посвященные памяти актера, в месте его захоронения на Ваганьковском кладбище в г. Москве и в помещении театра по окончании спектакля, которые могут вызвать нездоровый ажиотаж со стороны почитателей Высоцкого из околотеатральной среды и создать условия для возможных проявлений антиобщественного характера.

Сообщается в порядке информации. Председатель КГБ СССР.

Резолюция: тов. Зимянину, Шауро, Дементьевой. Прошу ознакомиться. М. Сулов, М. Зимянин.

Наконец наступило 25 июля 1981 года. Никаких «антиобщественных проявлений» в тот день не произошло, да и не могло произойти. Просто десятки тысяч людей со всей страны пришли на Ваганьковское кладбище к могиле своего любимого артиста, принесли ему благодарность за его честное творчество и боль за родное Отечество. Сотни агентов КГБ, рассредоточившись в многотысячной толпе, фиксировали каждое слово пришедших к могиле людей, скрытой камерой снимая это грандиозное действо.

В тот же день вечером в Театре на Таганке состоялось первое и пока последнее представление спектакля «Владимир Высоцкий». Спектакль прошел под строжайшим контролем со стороны властей: у театра были выставлены два кордона милиции и пришедшим на спектакль зрителям, прежде чем пройти в театр, нужно было показать милиции паспорт и билет на спектакль.

Через пять дней, 29 июля, из МГК КПСС в ЦК КПСС

пришла записка «О вечере памяти Высоцкого в Московском театре драмы и комедии на Таганке». В ней сообщалось:

«В соответствии с поручением МГК КПСС информируем о проделанной Московским городским комитетом партии, Ждановским РК КПСС, Главным управлением культуры Мосгорисполкома работе в связи с организацией главным режиссером Московского театра драмы и комедии на Таганке т. Любимовым Ю. П. вечера памяти В. Высоцкого.

...По мнению главка культуры, общая композиция представляла идейно-порочную направленность материала и искажала жизнь и творчество В. Высоцкого.

РК КПСС, Главным управлением культуры проводились неоднократные встречи и беседы с руководством театра... его главным режиссером, коммунистом Ю. Любимовым, на которых обращалось внимание на необходимость совершенствования литературного материала, предполагаемого к показу на вечере.

В беседах высказывались рекомендации по уточнению идейно-художественной направленности и смыслового звучания ряда стихов и песен поэта, представленных в композиции, указывалось на тенденциозность и одностороннее отображение творчества В. Высоцкого, его нравственных и духовных исканий, искусственное «выявление» конфликта поэта с существующей действительностью.

Руководству театра предлагалось заменить отдельные стихи и песни В. Высоцкого... Из 24 стихов, по которым сделаны замечания, т. Любимовым было заменено лишь 6. Кроме того, им было добавлено еще 23 новых стихотворения. При этом концепция спектакля не претерпела изменения, идейно-художественная ее направленность осталась прежней...

Присутствовавшие на беседе «друзья театра» — политический обозреватель газеты «Известия» А. Бовин, писатели Б. Можяев и Б. Ожуджава, критики Р. Кречетова, Р. Беньяш и другие дали высокую оценку композиции. А. Бовин, например, сказал: «Я не театровед и не критик, занимаюсь вопросами международной проблематики. Мне кажется, что здесь нет

конфликта поэта с обществом. Здесь очень точно отражена сложность и противоречивость нашей истории». Б. Можяев: «Это конфликт начальства с поэтом, но не с обществом... В обществе сложилось определенное мнение о поэте, и театр пытается восстановить его настоящее лицо». Вечер состоялся 25 июля т. г. в 19 часов в помещении Московского театра драмы и комедии на Таганке. На нем присутствовали около 600 приглашенных зрителей.

Принятыми МГК КПСС, РК КПСС, Управлением КГБ по г. Москве и Московской области, Главным управлением внутренних дел Мосгорисполкома мерами на кладбище, в театре и его окружении был обеспечен надлежащий общественный порядок.

Секретарь МГК КПСС Р. Дементьева.

Ознакомились: М. Суслов, М. Зимянин».

В феврале 1981 года с большой помпой прошел XXVI съезд КПСС. Полуживой Леонид Брежнев, накачанный лекарствами за кулисами этого поистине «театра теней и мумий», с трудом, но отыграл отведенную ему роль. И хотя жить ему оставалось еще почти два года, фактическая власть из его рук уже ушла, и в борьбу за нее включились люди, стоявшие у трона: Андропов и Черненко. За каждым из них стояли весомые силы, и борьба предстояла тяжелая и изнурительная.

В конце декабря 1980 года недалеко от поселка Печорка, что по дороге, ведущей в аэропорт Быково, был найден труп работника центрального аппарата КГБ с признаками насильственной смерти. В ходе следствия было выяснено, что убили его сотрудники милиции, несшие дежурство в Московском метрополитене. Прокуратура Союза в сотрудничестве с КГБ начала всю раскручивать это дело с целью компрометации ведомства Николая Щелокова, одного из самых серьезных деятелей в команде Брежнева — Черненко. Осенью 80-го, когда скончался председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин, на его место прочили именно Щелокова. Но Брежнев в конце концов остановил свой выбор на 75-летнем Николае Тихонове.

Одновременно с этим делом шла раскрутка уголовного

дела по обвинению в коррупции группы ответственных лиц Министерства рыбного хозяйства СССР (дело «Океан»). В августе 1981 года состоялся суд, приговоривший заместителя министра рыбного хозяйства Рытова к смертной казни, а его соучастников к различным срокам заключения. Сам министр рыбного хозяйства Алексей Ишков отделался легким испугом и был отправлен на пенсию.

Пропустив ряд серьезных ударов от ведомства Андропова, его противники отнюдь не собирались сдаваться. 11 ноября за свою бескомпромиссность в деле разоблачения высокопоставленных взяточников был снят со своего поста заместитель Генерального прокурора СССР Василий Найденов. Снятие произошло в кабинете секретаря ЦК КПСС Андрея Кириленко, под яростную матерщину хозяина кабинета.

За шесть дней до этого, 5 ноября, в Георгиевском зале Кремля Леонид Брежнев дрожащими руками нацепил орден Красного Знамени на грудь своего зятя, заместителя Щелочкова Юрия Чурбанова.

Тем временем продолжали собираться грозные тучи на границах Отечества. Еще с лета 80-го начала бурлить соседняя Польша. Со своего поста прошлой осенью был снят 1-й секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек. Этим июлем его исключили из партии. Польша 81-го грозила стать для Кремля Чехословакией 68-го. С целью недопущения подобного поворота событий кремлевские руководители стали готовиться к подавлению польского бунта танками. Развеселый «Кабачок 13 стульев» отыграл положенный ему срок. Закрутка идеологических болтов на ржавом каркасе умирающего режима продолжалась.

31 октября в Театре на Таганке состоялся очередной прогон спектакля «Владимир Высоцкий». Через несколько дней за этот прогон и за разрешение снимать его на видеопленку Юрию Любимову был объявлен строгий выговор с предупреждением об освобождении от работы. 10 ноября министр культуры СССР Петр Демичев составил ЦК КПСС документ с шапкой: «О поведении режиссера Любимова Ю. П. в связи с подготовкой спектакля «Владимир Высоцкий» в Театре на Таганке». В документе сообщалось:

«В последнее время главный режиссер Московского театра на Таганке Ю. П. Любимов обращается в директивные инстанции, к руководителям партии и государства по поводу чинимых ему препятствий в подготовке спектакля «Владимир Высоцкий». В этой связи Министерство культуры СССР считает необходимым сообщить следующее.

25 июля с. г. в годовщину смерти В. Высоцкого Театр на Таганке провел вечер его памяти по специально подготовленной литературной композиции. Одновременно руководство театра поставило перед Главным управлением культуры Мосгорисполкома вопрос о включении литературной композиции в текущий репертуар в качестве спектакля под названием «Владимир Высоцкий».

В. Высоцкий известен как популярный актер театра и кино, а также как автор и исполнитель песен, часть из которых записана на пластинке, выпущенной фирмой «Мелодия», а часть имеет широкое хождение в «самиздатовских» записях. В популярности Высоцкого, особенно после его смерти, отчетливо проявляется элемент нездоровой сенсационности, усиленно подогреваемой враждебными кругами за рубежом, заинтересованными в причислении Высоцкого к разряду диссидентов, «аутсайдеров»... Все содержание композиции сведено к доказательству тезисов о «затравленности» поэта, его конфликте с нашим обществом, предопределенности и неизбежности его гибели. Значительная часть песен, включенных в композицию, взята из пластинок, выпущенных за рубежом, из архива Высоцкого, не получивших разрешения Главлита. Содержащиеся в композиции отрывки из «Гамлета» Шекспира использованы тенденциозно, с определенным подтекстом. Этой же задаче подчинены отрывки из произведений американского драматурга Стоппарда, известного своими антисоветскими взглядами и сочинениями.

Предвзято выстроенный в композиции стихотворный и песенный ряд призван выявить «мрачную» атмосферу, в которой якобы жил Высоцкий... Во многих стихах и песнях Высоцкого преобладают кабацкие мотивы, говорится о драках, попойках, тюрьмах, «черных воронах», «паскудах» и «шлюхах»...

В стихотворениях Высоцкого о Великой Отечественной

войне показ героизма советских воинов нередко подменяется описанием подвигов штрафников, предательства и измены жен...

На беседе в Главном управлении культуры Мосгорисполкома Ю.П. Любимов заявил о намерении поставить спектакль о Высоцком в честь XXVI съезда партии, «восстановить доброе имя Высоцкого — русского поэта, гордости России, которому ничего не давали и не разрешали».

Ю.П. Любимову было предложено соблюдать установленный порядок работы над спектаклем, однако он высокомерно заявил, что представлять материалы и согласовывать их ни с кем не будет. От делового разговора по доработке материала Ю.П. Любимов в грубой, оскорбительной форме отказался. 15 июля с. г. руководство театра без разрешения Главка провело репетицию с приглашением зрителей, в числе которых были зарубежные дипломаты, представители иностранной прессы, радио и телевидения.

...На последнем обсуждении спектакля 31 октября с. г. Любимов выступил с провокационным заявлением, что если спектакль не будет принят, он будет вынужден уйти из театра...

Работа над композицией о Высоцком, упорство в отстаивании идеологически чуждых моментов, стремление во что бы то ни стало создать шумиху вокруг этой постановки свидетельствуют о том, что Ю.П. Любимов задался целью утвердить себя в общественном мнении, особенно за рубежом, в качестве лидера «альтернативного» театра, некоего «особого направления» в искусстве...

В сложившейся ситуации Министерство культуры СССР поддерживает позицию Главка и считает невозможным показ спектакля по литературной композиции «Владимир Высоцкий» в данной редакции».

С этой запиской П. Демичева в те же ноябрьские дни были ознакомлены секретари ЦК КПСС М.С. Горбачев, В.И. Долгих, М.В. Зимянин, М.А. Суслов, К.У. Черненко и другие.

Ответом на записку П. Демичева явилось письмо Юрия Любимова на имя Леонида Брежнева. В начале своего письма Любимов приводил убийственный аргумент, должный, по его мнению, размягчить суровое сердце дряхлого генсека: «Я слышал, что и Вы, Леонид Ильич, знаете и любите творчество безвременно умершего В. Высоцкого». Известно, откуда пошла гулять эта молва о благосклонности Брежнева к творчеству Высоцкого, но сам зять генсека Юрий Чурбанов рассказывал: «Когда внуки «крутили» кассеты с песнями Высоцкого и голос гремел по всей даче, Леонид Ильич морщился, хотя его записи на даче были в большом количестве, они лежали даже в спальне».

Однако внуки Брежнева никакого влияния на политику верхов не оказывали, поэтому письмо Юрия Любимова с просьбой разрешить постановку спектакля никакого положительного действия не возымело. Не повлияли на власть и написанные в те дни письма с просьбой разрешить постановку спектакля от Е. Евтушенко, академика Я. Зельдовича, летчика-космонавта Г. Гречко, народного артиста СССР М. Ульянова, писателей Ф. Абрамова, Б. Можаяева, Б. Окуджавы. Власть была непреклонна и устами секретаря ЦК КПСС М. Зимянина безапелляционно заявляла: «Пьеса антисоветская и поставлена быть не может».

Тем временем в издательстве «Современник» был выпущен в свет первый сборник стихов Владимира Высоцкого под названием «Нерв». Вполне покладистый главный составитель сборника Роберт Рождественский, в отличие от Юрия Любимова, не стал раздувать вокруг творчества поэта ненужную сенсационность и подготовил к печати вполне гладкую и безвредную для властей книгу.

Когда этот сборник дошел до Америки, прочитавший его Павел Леонидов с горечью написал: «Назвали сборник «Нерв». Редактор — стопроцентный антагонист Володи, Роберт Рождественский, наиболее талантливый из двух поэтов-заик СССР. Второй — дядя Степа Михалков сходит тихо на нет, грохоча на собраниях-заседаниях».

Роберт, честняга и миляга для хозяев, исполнил их жела-

ние и великолепно испохабил, испоганил, исказил многие живые и пульсирующие мысли Володи...»

Единственным оправданием для составителей этого сборника является то, что они любой ценой, даже ценой такой «кастрации», хотели донести до людей живое слово Высоцкого, доказать им, что поэт не умер, что он остался жить в своих стихах и песнях. Но, поступая таким образом, думали ли они о том, как бы сам Владимир Высоцкий отнесся к идее издания подобной книги, смог бы он составлять ее под диктовку идеологов из ЦК КПСС? Хотя почему бы и нет? Ведь тот же Павел Леонидов, касаясь этого вопроса, горько резюмировал: «Роберт не редактировал... строки, а выбирал. Вот принцип отбора был разбойничий. Володя помог и будет еще помогать им исказить свой облик человека и поэта. По пьяни и ради корысти он иногда менял смысл главных строк на обратный... К концу жизни Володя созрел к редакторству Рождественского, который, зная истинного Володю, выбирает варианты дипсоманика, а не барда... Тут надо не покривить душой: Володя — не без греха, дал им шанс исказить себя, знал же он — Марина — коммунистка и деньги любит. Ну, деньги он и сам любил, да и кто деньги не любит? Только сумасшедшие. Ну, пил он. Ну, кололся. Тоже шансы. Я б так много не писал об этом, но уверен: нет и одного стиха с малой ассоциацией, чтоб Роберт не перекорезил. Они так наследили за все свое послеоктябрьское время, что нет слова русского, чтоб не тянуло к ним чудовищных ассоциаций.

О названии «Нерв». Подлое название и умный финт. Хотят спрятать Володю за нерв, за захлест, за выхлест, за эмоции, то есть все его свойства борца на взлете, на нерве, на памяти, он — то, что Россия хотела вслух высказать работникам. Хотела и высказала многое его устами!»

Можно согласиться с выводом Павла Леонидова, что Высоцкий — не без греха, что порой сам давал повод кое-где исказить себя. Порой, устав от многолетней борьбы за свое официальное признание, он готов был в угоду высоким начальникам петь «нейтральные» песни (вспомним его письмо А. Косыгину о концертах в Лужниках). Бывали моменты,

что даже близкие друзья поэта начинали сомневаться в его принципиальности, неизменности его жизненной и творческой позиции. В своем дневнике в 1971 году писал об этом В. Золотухин. После смерти Высоцкого об этом же писал и В. Смехов: «Всем нам, кто работал с ним рядом 16 лет, уже вьявь виделось: понравилось Володе ездить, устал драться, хорошо одевается, прекрасная машина, квартира неплохая, пластинки пошли, взял на год отпуск для дебюта в кинорежиссуре, вот-вот здороваться перестанет, в секретари творческого Союза выберут, и пойдут заказные песни, известная суета... Плохо знали Высоцкого — и не только работавшие на Таганке, но и самые близкие люди...»

Сам поэт еще в 1973 году по этому поводу писал:

Посажен на литую цепь почета,
И звеня славы мне не по зубам

Но самым весомым аргументом в защиту Высоцкого является то, что, написав около 900 произведений, ни за одно из них он принципиально не мог стыдиться. Имеется в виду тот самый стыд, который, к примеру, мучил в последние дни жизни Александра Блока, который на смертном одре умолял свою жену: «Люба, хорошенько поищи и сожги, все сожги!», имея в виду экземпляры своей пробольшевистской поэмы «Двенадцать».

Среди песен Владимира Высоцкого можно встретить и проходные, и композиционно несовершенные песни, но ни одна из них не могла толкнуть его на поступок, подобный тому, что хотел совершить умирающий Блок. Высоцкий действительно «ни единою буквой не лгал», он писал свои стихи по велению души, а не по заказу вышестоящих инстанций.

Стыдно же должно быть тем, кто с молодежато-комсомольским задором сочинял поэтические вирши-однодневки про комсомольский или партийный билет или про героического защитника участка фронтовой земли, именуемого «Малой землей», полковника Леонида Брежнева. И после этого снисходительно заявлял: «Высоцкий, по моему мнению, не был ни большим поэтом, ни гениальным певцом, ни тем более композитором». (Е. Евтушенко).

И мне давали добрые советы,
 Чуть свысока, похлопав по плечу,
 Мои друзья — известные поэты
 — Не стоит рифмовать «кричу» —
 «торчу»

(1979)

Пройдет ровно два года со дня смерти Владимира Высоцкого, и в июльском номере журнала «Новый мир» за 1982 год будет опубликована пробольшевистская поэма Евтушенко «Мама и нейтронная бомба», которая окончательно подтвердит горькое резюме Беллы Ахмадулиной: «От Жени ушло Слово». Павел Леонидов от себя добавит: «Теперь от него ушла Совесть».

А. Мальгин в своей статье, посвященной Е. Евтушенко, написал: «Все кампании партии и правительства нашли отражение в его творчестве: от развенчания культа личности до строительства КамАЗа, от торжеств по поводу ленинских, космических, революционных и других юбилеев до насаждаемой горбачевской гласности под лозунгом «больше социализма», от надуманной пропагандистской кампании против «нейтронной бомбы» до борьбы с расхитителями социалистической собственности...»

«Гибкость» Евтушенко не знала себе равных среди писателей с именем. И не было у нас в стране (во всяком случае, в 60—70-е годы) поэта, столь много сделавшего для укрепления социалистического строя, как Евтушенко».

9 декабря 1981 года в ЦДА состоялся вечер, посвященный выходу в свет сборника стихов Владимира Высоцкого «Нерв». Один из участников того вечера журналист «Огонька» Феликс Медведев вспоминал: «Старинный особняк на улице Шусева оцеплен. В дверях — жесточайший контроль. Прорваться сквозь это плотное ограждение почти невозможно...»

За пятнадцать минут до начала перестали впускать даже с билетами, публике говорили, что зал переполнен. Я видел, как уважаемые люди — артисты, писатели, журналисты требовали пропустить их, потому что они хорошо знали чело-

века, которому посвящена встреча, работали с ним. Я слышал навзрыдные возгласы молодого композитора: «Пустите меня, вы не имеете права, меня пригласила на вечер Его мама».

Творились странные вещи. Приказали не впускать, например, всех, кто несет гитару. Актеру Театра на Таганке Валерию Золотухину было приказано не петь. Неведомым способом прорвавшийся Николай Губенко... все же решил исполнить несколько песен своего друга. За полчаса до начала меня, как организатора и ведущего, вызвал к себе в кабинет директор Центрального Дома архитектора Виктор Зазулин и заговорщически произнес: «Три раза звонили, рекомендовали не проводить мероприятие. И еще я прошу, чтобы все было в порядке, в зале люди оттуда, — Виктор Георгиевич показал пальцем вверх, — понимаете, с самого оттуда...»

Когда я вышел наконец на эстраду, чтобы открыть вечер, то увидел, что зал зиял пустыми местами. Как же так? Ведь там, на улице, объявляют, что мест нет. Присмотрелся. Что за люди пришли сегодня в ЦДА? Нет, многие из них не состояли в клубе библиофилов, который организовал вечер...

Тот памятный вечер в клубе библиофилов Москвы «Он был поэтом по природе», посвященный выпуску книги Высоцкого «Нерв», вечер, от которого хозяева застоя ждали провокации, инцидента, кликушеской истерии, а может быть, и хотели этого, чтобы с еще большей яростью наброситься на уже мертвого Владимира Семеновича, прошел достойно... Правда, директору дома объявили выговор, и в конце концов он был вынужден уйти с работы. Пострадали организаторы «идеологически вредного мероприятия».

Напомним, что дата этого мероприятия совпала с активизацией действий ведомства Юрия Андропова против выскопоставленных коррупционеров и идеологически вредных настроений в обществе. Загадочное убийство 10 декабря на своей квартире известной советской киноактрисы Зои Федоровой, собравшейся было улечь в США к своей дочери, также совпало с этим периодом. Никто не чувствовал себя в безопасности. Даже Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев был обложен Андроповым со всех сторон и

прижат им к стенке пухлым компроматом на дочь Галину и сына Юрия.

Для поклонников Владимира Высоцкого близился очередная юбилей: 25 января 1982 года поэту исполнилось бы 44 года. Но игры политиков на самом верху кремлевского Олимпа вновь вмешались в это событие.

Но сначала было 17 января и статья Роберта Рождественского в «Советской России» под названием «Мы не уйдем с гитарой на покой». В первом номере журнала «Дружба народов» была опубликована подборка стихов Владимира Высоцкого с предисловием к ним Андрея Вознесенского. В том же январском номере, но журнала «Москва», была также опубликована подборка стихов Высоцкого. Казалось, что дело сдвинулось с мертвой точки и с имени Высоцкого наконец-то снято официальное табу.

19 января на собственной даче в Усово покончил жизнь самоубийством 1-й заместитель Ю. Андропова генерал Семен Цвигун. Самоубийство это было результатом той сложной игры, которую вел председатель КГБ против команды Брежнева. Генерал Семен Цвигун был породнен с семьей многозвездного генсека через свою жену, которая была родной сестрой жены Леонида Брежнева. Перед своей смертью Цвигун был у кремлевского идеолога Михаила Суслова и имел с ним весьма серьезный разговор по поводу замешанности в делах о коррупции и других махинациях детей Брежнева. После этого разговора Цвигун и выстрелил себе в голову.

Не успела остыть земля на его могиле, как и второй участник того разговора отправился в мир иной: 25 января, как раз в день рождения Владимира Высоцкого, в Москве скончался и Михаил Суслов.

После смерти 80-летнего Михаила Суслова кресло главного идеолога занял в мае 82-го сам председатель КГБ Юрий Андропов. Несмотря на всю свою большевистскую принципиальность и жесткость, в среде интеллигенции о нем ходила молва как о справедливом, даже либеральном деятеле.

После прихода Андропова на Старую площадь в июньском номере журнала «Юность» за подписью все той же Ал-

лы Демидовой появилась одна из крупнейших посмертных статей о Владимире Высоцком под названием «Он играл Гамлета». Но одновременно с ней в номере «Литературной газеты» за 9 июня была опубликована статья поэта Станислава Куняева «От великого до смешного». По мнению С. Куняева, многие песни Владимира Высоцкого, особенно о войне, о товариществе, написаны талантливо и поэтому заслуженно популярны. Но не стоит закрывать глаза и на то, подчеркивал Куняев, что Высоцкий сочинил немало песен из «блатной» и «алкогольной» серий, в которых сумел подняться над своими «героями». В этих песнях жизнь изображена чем-то вроде «гибрида забегаловки с зоопарком». Лирический герой ряда песен Высоцкого — примитивный человек, будь то приклатненный Сережа или дефективные Нинка с Зинкою. Высоцкий, по мнению Куняева, был модным не только для «снобов» — он был модным и для торгаша из «игрушечки-Лады», и для «шашлычника», который, купив книгу Высоцкого, не прочитает ее, а поставит на полку, к роскошным подписным изданиям классиков, так как книги ему нужны для престижа, а исполнение — для «души». Зачем ему читать тексты, проще нажать кнопку стереомага, и автор отчаянным аккордом, щемящей хрипотцой, разрывающимися от напряжения связками вместе с «шашлычником» посмеется над жертвами своей острой наблюдательности.

Хорошо душе торгаша — это его мир, его лексика. Как же ему не любить Высоцкого? — задает вопрос Куняев. И сам же на него отвечает: «Высоцкий популярен и в этом чернорыночном мире...», который считает, что чуть ли не все поэты «немного наши».

Статья подобного содержания не могла не вызвать гнев со стороны многочисленных почитателей имени и творчества Владимира Высоцкого, расценивших ее как очередное покушение на доброе имя своего кумира, как продолжение той кампании травли, что сопутствовала ему как при его жизни, так и после смерти. Во многом этот гнев был справедлив, так как большинству читателей была хорошо известна позиция главного редактора «Литературной газеты»,

вечного антагониста Театра на Таганке, члена ЦК КПСС Александра Чаковского.

На редакцию газеты и лично в адрес Станислава Куняева обрушился настоящий девятый вал возмущенных откликов на эту статью. Но Станислав Куняев был непреклонен, объясняя позднее, что в своей статье он «всего лишь остановился на издержках почти неизбежных в случае, когда человек искусства становится сверхпопулярным и когда по закону обратной связи его творчество, порой независимо от него самого вынуждено, может быть, иррационально формировать то, что жаждет от творца публика». Куняев увидел в этом «определенную и фатальную взаимную несвободу поэта и его поклонников». Правда, Куняев признался, что «может быть, в своих размышлениях допустил несколько излишне резких формулировок».

Через две недели после письма С. Куняева в той же «Литературной газете» была опубликована статья доктора философских наук В. Толстых под названием «Парадоксы популярности» как ответ на публикацию С. Куняева. В своей статье В. Толстых справедливо замечал, что творчество Владимира Высоцкого — «явление народное — по выраженной с такой искренностью и страстью причастности поэта к тому, что задевает, волнует, радует и огорчает именно массы людей. Понятно, что не все его любят, приемлют. В конце концов это дело вкуса. Принципиально другое: вы не найдете в его (безусловно, неровном) множестве стихов-песен ни одной пустой, бессмысленной или написанной без внутреннего волнения вещи... Вы видите, как торгаши пытаются прибрать к рукам и сделать «своим» Высоцкого? Но то же самое они пытались сделать и с Сергеем Есениным, превращая его прекрасные стихи в ресторанные шлягеры. Мода может нанести ущерб какому-то духовному явлению, но только на время и в глазах тех, кто не знает истинной ценности явления. С. Куняеву и тем, кто с ним согласен, предстоит еще разобраться, почему так волнует, трогает Высоцкий своими песнями (и не только о войне и мужском товариществе) профессоров философии и медицины, рабочих и

космонавтов, инженеров и студентов, не мешая всем любить и понимать Пушкина, Моцарта и Блока».

После статьи С. Куняева в центральной прессе появилось всего две публикации, в которых упоминалось имя Владимира Высоцкого (журналы «Молодая гвардия» № 7 и «В мире книг» № 5). В то же время в периферийных газетах и журналах статей о В. Высоцком до конца года появилось в два раза больше.

В апреле 82-го Леонид Брежнев пережил клиническую смерть, но все-таки выжил. Это была какая-то насмешка над реальной жизнью, так как больное тело 75-летнего старика фактически давно превратилось в развалину. И хотя и после этой клинической смерти Брежнев изредка, но появлялся на экранах телевизоров, для всех, кто видел эти выходы, было понятно: генсек уже двумя ногами стоит на краю могилы. 25 июля, во вторую годовщину со дня смерти Владимира Высоцкого, на его могиле на Ваганьковском кладбище было еще больше людей, чем в прошлом году. Задыхаясь в атмосфере маразма, что царил тогда в стране, люди искали и находили источник свежего воздуха на могиле своего кумира — Владимира Высоцкого.

После того как в январе скончался Михаил Сулов, Юрий Андропов активизировал свои действия против команды Брежнева. В день похорон Сулова сотрудники КГБ провели серию арестов. Среди арестованных оказались любовник Галины Брежневой Борис Буряца, председатель Союзгосцирка А. Колеватов и многие другие.

После того как Ю. Андропов в мае переехал с Лубянки на Старую площадь, аресты возобновились с новой силой. В ответ командой Брежнева был разработан дерзкий план ареста Юрия Андропова, который силами своего ведомства должен был осуществить Николай Щелоков. Арест намечался на 10 сентября 1982 года. Но Юрий Андропов и на этот раз оказался гораздо проворнее своих противников: спецгруппа сотрудников МВД, выехавшая для ареста Андропова, была разоружена сотрудниками КГБ и арестована. Андропов победил, и путь к вершинам власти был для него

теперь расчищен. В том сентябре один из самых влиятельных деятелей в команде Брежнева, член Политбюро Андрей Кириленко был по команде Андропова отправлен на пенсию. Причем произошло это без всякого юридического оформления, без широкого оповещения в газетах, практически тайно. По приказу Юрия Андропова Кириленко просто не стали допускать на заседания Политбюро, и униженный Кириленко вынужден был теперь все время проводить дома и утешать себя мыслью, что эта опала не завершилась для него арестом. Между тем аресты в среде влиятельных коррупционеров продолжались: в октябре был арестован директор гастронома № 1, больше известного как «Елисейский», Юрий Соколов.

10 ноября в 9 часов утра на своей даче в Давидово умер Леонид Брежнев. 11 ноября на экстренном Пленуме ЦК КПСС Константин Черненко предложил его участникам избрать на пост генсека Юрия Андропова. Возражавших против этого не нашлось.

Приход к власти в Кремле председателя КГБ Юрия Андропова был встречен в народе с нескрываемым энтузиазмом. Добротню унавоженная им серией громких арестов в среде знаменитых торгашей и партийных работников почва дала прекрасные всходы: люди жаждали видеть на троне человека, способного «огнем и мечом» навести в хиреющей стране долгожданный порядок.

В 1983 году день рождения Владимира Высоцкого — а ему в тот день исполнилось бы 45 лет — прошел иначе, чем в году прошлом. В своем дневнике Валерий Золотухин записал: «Ездили на кладбище... Возложили венок от театра. Народу много. К Нине Максимовне приехала Марина. Все рады друг другу — хорошо. Вечером — действо. Выступали Андрей (Вознесенский), Белла (Ахмадулина), Карякин, Можжев. Много начальства. Прошло хорошо. Как сказала Нина Максимовна: «Наши довольны очень. Как у вас у всех сердца не разорвались?»

Вечером 25 января в Театре на Таганке вопреки запрету со стороны Главного управления культуры Мосгорисполко-

ма (по личному разрешению нового генсека Юрия Андропова) был показан спектакль «Владимир Высоцкий». Таким образом отметил Юрий Любимов день рождения Владимира Высоцкого и приход к власти Юрия Андропова, с которым у него были неплохие личные взаимоотношения. В свое время дочь Андропова собралась было связать свою жизнь с театром и в качестве своего рабочего места избрала Театр на Таганке. Уговоры отца и матери не возымели на строптивую дочь никакого влияния. И тогда в дело вмешался Юрий Любимов. В личной беседе с настойчивой девушкой Любимов сумел тактично отговорить ее от этой затеи. Таким образом, Любимов сумел сделать то, на что не хватило ни сил, ни терпения у Юрия Андропова и его жены. Правда, не став актрисой Таганки, дочь будущего генсека все же связала свою жизнь с этим театром, выйдя замуж за одного из актеров театра. Но это уже было не в прямой компетенции Юрия Любимова. В том январе 83-го в журнале «Литературное обозрение» появилась новая статья Аллы Демидовой о Владимире Высоцком под названием «Роли и годы». После этой статьи Демидова стала абсолютным лидером: за два с половиной года со дня смерти поэта она сумела напечатать о нем в центральной печати три большие статьи. Статьи эти по праву вошли в золотой фонд публикаций о Владимире Высоцком.

Между тем новый генсек развернул беспощадную борьбу с коррупцией в отдельных местах и регионах. Избирательность его была понятна: вести войну на всем необъятном фронте у него не было ни физических сил, ни желания.

Еще в декабре 82-го в МВД СССР с приходом нового министра, чекиста с Украины В. Федорчука, началась крупномасштабная финансовая проверка деятельности прошлого руководства министерства. Результатом этой проверки явились вскрытые факты тысячных растрат, нарушений финансовой и служебной дисциплины со стороны бывшего министра МВД, кровного врага Юрия Андропова — Николая Щелокова. В связи с этим разоблачением Николаю Щелокову не оставалось ничего иного, как внести в кассу ми-

нистерства 124 тысячи рублей и вернуть присвоенные после Олимпийских игр-80 иностранные автомобили. Результаты своей проверки В. Федорчук направил в адрес Главной военной прокуратуры. Не выдержав всего этого, 19 февраля 1983 года покончила жизнь самоубийством жена Н. Щелокова Нора.

В апреле в далекой Бухаре началась раскрутка так называемого «узбекского дела». Началось оно с ареста начальника отдела БХСС УВД Бухарского облисполкома А. Музаффарова.

В июне силами КГБ в Москве была произведена серия арестов среди руководителей столичного Главторга. Одновременно с этим объединенными силами милиции и КГБ по всей необъятной стране были проведены профилактические мероприятия среди празднующихся в рабочее время по улицам советских городов и поселков беспечных граждан, многие из которых были захвачены врасплох и оштрафованы по месту своей работы.

25 июля поклонники Владимира Высоцкого встретили третью годовщину со дня смерти поэта. Ирина Рубанова выпустила дополненное и переработанное издание своей книги-буклета «Владимир Высоцкий». Центральная пресса о Владимире Высоцком в те дни стоически молчала.

Между тем Театр на Таганке лихорадило вместе со страной. Свидетель тех событий В. Смехов вспоминал: «В сентябре — декабре 1983 года соединилось в одной точке множество исключительных обстоятельств. Тяжелая болезнь Любимова, возможность ее излечения в единственной клинике в Лондоне. В сентябре произошел взрыв отрицательных эмоций Запада в адрес граждан СССР (после инцидента с корейским самолетом). Конфликты по ходу постановки в Лондоне и, вольный или невольный, бойкот со стороны нашего посольства. Оскорбительная выходка в адрес Любимова со стороны сотрудника посольства, впоследствии наказанного».

28 августа 1983 года Юрий Андропов в последний раз появился на официальном приеме в Кремле, после чего

окончательно слег в кунцевскую больницу. Его звезда начала свой медленный закат.

31 октября в далеком солнечном Узбекистане, прижатый к стене все новыми и новыми разоблачениями, покончил с собой Шараф Рашидов. Зато в Москве окрыленные болезнью Андропова черненкоовцы вывели из-под удара Николая Щелокова и в декабре назначили его в Министерство обороны военным инспектором. 72-летний Константин Черненко уже примерял на себе одежды нового генсека.

Начало нового, 1984 года началось для Таганки с привычной нервотрепки: Управление культуры вновь запретило показывать спектакль «Владимир Высоцкий» в прежней, любимовской, интерпретации. Спектакль мог пойти только после серьезных изменений. Точно такому же запрету подвергнут был и спектакль «Борис Годунов». Андропов был уже при смерти, и заступиться за многострадальную Таганку было теперь некому.

Тем временем вокруг уехавшего в конце прошлого года в Англию Юрия Любимова начали нагнетаться нешуточные страсти: власть явно подталкивала его к невозвращению на родину. Артисты Таганки, отчаявшиеся найти правду в Управлении культуры и союзном Министерстве культуры, написали коллективное письмо в Политбюро, в котором перечислили свои просьбы: разрешить им премьеру спектакля «Борис Годунов», 25 января отыграть спектакль «Владимир Высоцкий» и вернуть в театр Юрия Любимова. Но письмо это до Политбюро не дошло, а из секретариата ЦК КПСС пришло устное уведомление: прекратите ненужные волнения, продолжайте работать спокойно.

В Англии газета «Стандарт» вручила Юрию Любимову премию за лучшую режиссуру прошедшего года за постановку в Англии спектакля по роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание».

После церемонии вручения премии корреспондент Би-би-си Зиновий Зинник взял у Юрия Любимова интервью, которое в тот же день транслировалось и на СССР.

Любимов: Я очень благодарю актеров, что они поняли великого Достоевского, который, в свою очередь, преклонялся перед английским гением — Шекспиром. И было бы прекрасно, если бы сейчас господа политики так же находили какое-нибудь взаимопонимание, и мы тогда бы смогли более плодотворно работать.

Корреспондент: У вас была довольно оглушительная, по иронии, фраза о том, что вы столько уже наговорили о Советском Союзе...

Любимов: Я столько наговорил у себя на родине, что мне бы лучше помолчать...

Корреспондент: Нет, вы начали с того, что столько говорили у себя на родине, что теперь, вы сказали, я среди вас...

Любимов: Да, я теперь среди вас...

Корреспондент: И надолго?

Любимов: Не знаю. Я так же, как и говорил раньше, говорю, что мое желание работать в театре есть лишь в том случае, если есть хотя бы минимальные условия для работы. К сожалению, надежды мои не оправдались, хотя мне сначала было сказано, что будут постановки «Бориса Годунова» и спектакль о Высоцком, и потом был разговор в очень больших инстанциях, что будет поставлен и «Живой» Можаяева. У меня появилась надежда, что все это будет, но в последний момент закрыли репетиции «Бориса» и запретили вечер памяти поэта, которого десятки миллионов людей считают родным, близким. По-моему, это неразумно, это обижает людей и вызывает нехороший резонанс и у нас, и здесь, в других странах. И мне непонятно, ведь в такой же острой ситуации этот спектакль был разрешен. И я не понимаю, зачем запрещать это сейчас. Это значит, что есть косвенный ответ, что мне работать не дадут.

Корреспондент: А у вас есть возможность сейчас следить за тем, что происходит на родине?

Любимов: Ну конечно. Я позвонил своему родному брату, и он меня огорчил вчера вечером тем, что спектакль, приуроченный к 25 января, к дню рождения Владимира Вы-

соцкого, не пойдет. На кладбище, конечно, весь наш театр пойдет, это запретить никто не может...

Корреспондент: А как относятся ваши друзья к тому, что вы так долго находитесь здесь?

Любимов: Я официально получил разрешение лечиться. Но от таких сообщений вряд ли можно выздороветь.

Корреспондент: Как вы себя сейчас чувствуете?

Любимов: Довольно погано. У меня вспыхнула подагра. Разбогатеть я ведь не сумел, а говорят, что подагра — это болезнь пожилых и богатых людей. Подагра у меня такая, что я даже ходить не мог несколько дней.

Корреспондент: Вы сейчас ставите «Риголетто» во Флоренции?

Любимов: Да, работа идет. Я вот уже должен сдать план режиссерский и сценографию.

Корреспондент: А какая это уже по счету постановка оперы здесь у нас?

Любимов: В СССР я опер пока не ставил. Один балет только с Виноградовым. А здесь поставил уже больше десяти.

Корреспондент: Вы сейчас находитесь в Италии?

Любимов: Да, я там работаю над «Риголетто».

Корреспондент: А если вся эта ситуация продлится надолго, как вы поступите?

Любимов: Мне надо на что-то жить и кормить семью.

Корреспондент: А что бы вам хотелось поставить еще?

Любимов: Мне хотелось бы, чтобы «Борис», который закрыли, шел, и если не там, то здесь. Еще хотелось бы поставить «Бесов», над которыми я работаю уже много лет.

Корреспондент: А это может произойти в ближайшее время или вы сомневаетесь?

Любимов: Думаю, что да. Я не могу пожаловаться на отношение к себе здесь. Оно очень внимательное. Но я хочу работать у себя на Таганке. Я знаю, что им без меня там тяжело. Но я могу только тогда там работать, когда есть хоть какие-нибудь условия для этого. Но когда мне подряд закрывают все мои постановки, то это же бессмысленно — ходить мне в театр и ждать, когда они мне закроют следующую

мою работу! Я отрепетировал на 80% «Театральный роман», но я чувствую, что они это тоже закроют, как закрыли «Высоцкого» и «Бориса».

Корреспондент: А вам не кажется, что ситуация вообще может перемениться?

Любимов: Я надеюсь на чудо. Будет перемена в культурной политике, значит, переменится и моя судьба. Если нет, почему должна перемениться моя судьба? Станет хуже, и не только для меня. Остается надеяться только на разум. Я стараюсь быть оптимистом, потому как это бессмысленно — так разбазаривать свою культуру. Но я не смогу поехать со своими актерами на кладбище завтра утром. Весь театр поедет на могилу поэта, прекрасного поэта, нашего актера, с которым я всю жизнь работал, на могилу Владимира Высоцкого. Очень сожалею, что так сложилась моя судьба. Ни вечера его памяти, ни спектакля его памяти, а только придут люди и будут плакать у могилы. Все это очень грустно...

Юрий Любимов дал это интервью 24 января, а через 16 дней после него, 9 февраля 1984 года, в Москве в кунцевской больнице скончался 69-летний Юрий Андропов. Генеральным секретарем ЦК КПСС стал покладистый Константин Черненко. Все пути назад для Юрия Любимова теперь были практически отрезаны. В театральных кругах пошли гулять слухи о том, что главным режиссером на Таганку будет назначен Анатолий Эфрос. В. Смехов вспоминал: «Множество попыток добиться правды об Эфросе — Москва шумела слухами о его тайном назначении и тайном же соглашении. Артистам своего театра на Малой Бронной Анатолий Васильевич ответил: ничего не знаю, чепуха. Алле Демидовой, Сергею Орскому — всем, кто пробовал напрямую узнать, — тот же ответ. После этого театр пишет письмо министру: просим назначить нашего товарища, кинорежиссера Н. Губенко, временным руководителем художественного совета и всей Таганки. Устно отвечено: кандидатура хорошая, работайте спокойно. Начало марта. Приказ об увольнении Любимова. Затем — исключение из партии. Срочный вызов ведущей группы артистов в Главк: обеспечьте спо-

койствие для дальнейшей жизни театра. 19 марта на спектакле «Товарищ, верь!» (накануне ввода нового главрежа) сама собой произошла церемония прощания с прошлым. После грандиозного успеха пушкинского вечера — объятия и рыдания за кулисами... Первый акт житейской пьесы удался: театр потерял веру. 20 марта в 11 часов — собрание труппы. Для обеспечения спокойствия, для пресечения поступков, которые могут испортить жизнь театру и Юрию Любимову (в соответствии с указаниями начальства), мы попросили всех собраться на час раньше. Логикой и авторитетом ведущая группа убедила возмущенное семейство: никаких реакций, никаких истерик, мы обязаны сберечь самое дорогое — наш репертуар. Только дисциплиной можно достичь доверия руководства, и тогда нам помогут вернуть Юрия Петровича. К сожалению, план был сорван. Мрачная атмосфера, безмолвие народа перед лицом прибывших представителей никого не удивили. Объявлен приказ, директор предоставил слово Эфросу. Умно и обаятельно последний сообщил, что его цель — сохранить все, что он более всего любит и ценит, — дух и творения Юрия Петровича. Но вот, мол, так все случилось, уверен, что мы будем хорошо вместе работать. Будут новые спектакли — другие, чем были у вас, и другие, чем были у меня. Директор спросил: нет ли вопросов, тогда собрание считаю... Не успел. Один за другим выступили несколько человек. Говорили, что сегодня — похороны театра. Спрашивали у Эфроса, как он мог прийти, ни с кем не посоветовавшись. Напомнили ему, что в час его испытаний, пятнадцать лет назад, за него пошли бороться товарищи, а первым среди них был Любимов... Это когда Эфроса снимали с главрежей Театра имени Ленинского комсомола... Эфрос на все вопросы отвечал мягко, печально и одинаково: я вас понимаю, ничего не поделаешь, но поверьте мне, пройдет время, и вы увидите, что все сделано правильно... Я тоже выступил и тоже получил ответ: «Ты прав, Веня, я должен был, наверное, поговорить с теми, кого хорошо знаю, — с Боровским, с Демидовой, с тобой... Я должен был, но... я другой человек. Я люблю работать».

После того как стало известно о назначении А. Эфроса на Таганку, корреспондент русской службы Би-би-си встретился с Юрием Любимовым и взял у него интервью.

Корреспондент: Было ли официальное сообщение о том, что вы уволены из театра?

Любимов: Я получил официальное разрешение лечиться и больше ничего. А эту новость я узнал по телефону. Когда мне позвонили и сказали, что по английскому радио передали весть о том, что меня уволили, я сначала не поверил. Потом я узнал, что артисты моего театра были на приеме у министра культуры Демичева и сказали ему, что боятся за мою судьбу, что на мое место могут быть назначены Эфрос, Захаров, Дунаев и другие, но все они отказываются. Значит, есть еще какая-то солидарность со мной. И вот накануне пришел телекс, что на мое место назначен Анатолий Эфрос, режиссер театра на Малой Бронной. Меня это поразило, так как я подумал: неужели он забыл, как его когда-то выгнали на улицу, и мы все собрались и все-таки его отстояли? Он тогда с группой артистов ушел на Малую Бронную. И вот теперь он согласен на мое место. Мне кажется, что это какое-то недоразумение...

Корреспондент: Вы знали, что артисты вашего театра отказались выбрать заместителя на ваш пост, и вот тогда поступило сообщение, что назначен Эфрос?

Любимов: Этого я не знаю. Я знаю другое: что из-за меня собрали партийное бюро, было приказано меня выгнать из партии, но партийное бюро заседало очень долго и не согласилось. Еще министр культуры Демичев обещал прислать своего представителя, ведь у него на приеме была большая группа актеров театра, но обещания своего не сдержал. Этому факту есть много свидетелей. Впрочем, он поступал так все 20 лет своего правления...

Корреспондент: Театр на Таганке создан именно вами. Как вы представляете будущее этого театра?

Любимов: Будет другой театр. Мейерхольда в свое время расстреляли, но ведь о нем знают, знают о его театре...

Корреспондент: Какие у вас теперь планы?

Любимов: Ну, я теперь безработный... Со мной здесь жена Католлина (венгерская журналистка), 4-летний сын, старший сын в Москве, там же и сестра. Буду, наверное, работать здесь.

Корреспондент: Значит, вы не вернетесь на родину?

Любимов: Вернусь, если будет хоть какая-нибудь гарантия моей безопасности. Ведь в свое время меня уже лишали работы, и я писал письмо на имя Брежнева и заканчивал его словами: «Разрешите мне работать в созданном мною театре». И меня тогда все-таки восстановили. А до этого я безуспешно обивал пороги всех инстанций, и на меня веяло духом «китайщины», это было как раз во времена «культурной революции»...

Между тем ностальгия по брежневским временам, так сильно охватившая высшую номенклатуру в период краткого пребывания Юрия Андропова у власти, теперь находила свой выход в реальных делах и поступках новой верховной власти. 8 марта на торжественном приеме в честь Международного женского дня в Кремле во всем своем великолепии вновь появилась недавно опальная Галина Брежнева. В то же самое время сталинский нарком иностранных дел Вячеслав Молотов при содействии своего бывшего ученика Андрея Громыко был восстановлен в рядах партии.

И все же поворот руля в сторону от жестких андроповских мер у команды Черненко не получился. Страна уже была беременна переменами, и молодые птенцы гнезда Андропова только ожидали своего часа, чтобы в положенный срок принять долгожданные роды. Команда Михаила Горбачева медленно, но уверенно двигалась к власти.

Следователями союзной прокуратуры вкупе со следователями КГБ продолжалось раскручивание дела о коррупции в Узбекистане. В июле в Москве был арестован начальник московского Главторга Николай Трегубов.

В 84-м году в центральной прессе не появилось ни одной крупной положительной статьи о Владимире Высоцком. Тот год был отмечен статьями о Высоцком иного рода

Смена политической власти в Кремле вдохнула новые силы в хулителей усопшего поэта. И в первых рядах этих хулителей вновь был поэт Станислав Куняев.

В июльском номере журнала «Наш современник» (главный редактор Сергей Викулов) появилась статья за подписью С. Куняева под названием «Что тебе поют?» Начав статью с того, что после опубликования в «Литературной газете» его статьи двухлетней давности о Высоцком на его имя пришли горы возмущенных писем от поклонников Высоцкого, Куняев размышлял: «Я отложил письма и задумался... Так вот в чем дело: ты начал спор о вкусах, а замахнулся, сам того не подозревая, на «святая святых». Высоцкий уже не интересовал меня — бесстрашное время расставит все по своим местам. Гораздо интереснее подумать о другом феномене — о читателе, почитателе, слушателе, поклоннике, потребителе... Что это — любовь, уважение, пиетет? Но разве бывает любовь столь беспощадна к чужому мнению? Разве естественно, что любовь к одному явлению культуры закрывает человеку глаза на все остальные имена? Почему эта любовь не просветляет, а ожесточает? А может, это вовсе не любовь, а просто некий агрессивный культ? Почему эти люди ведут себя так, словно за их спиной нет великой поэзии, великой культуры, словно бы лишь вчера они шагнули из небытия в цивилизованный мир, услышали его и отдали ему всю свою душу, ничего больше знать не желая?.. Может быть, массовая культура при сегодняшних средствах распространения стала наркотиком невиданной, незнакомой человечеству силы? Может быть, поэтому так беспощадно быстро сходят со сцены, изнашиваются, вырабатывают запасы своего таланта творцы популярного искусства? Спивается связавшийся с Голливудом Скотт Фицджеральд, разрушаются от постоянных допинговых доз наркотиков кумиры следующего поколения: Элвис Пресли и Дженис Джоплин, Джимми Хендрикс и Джим Моррисон, не выдерживает гастрольно-коммерческих нагрузок Джо Дассен, гибнет от пули фанатика (а фанатизм тоже сила, действующая на тех, кто вызвал ее к жизни) переставший творить Леннон...»

Начав свои глубокомысленные рассуждения издали,

Станислав Куняев в конце концов подводит читателей к главному:

«Сходите на кладбище! Посмотрите, сколько там цветов...»

Таких писем было много, к ним прилагались фотографии надгробия с толпами людей у ограды, и я, загнипнотизированный непрерывным диктатом, действительно собрался на кладбище.

— Ты когда там будешь, — попросил меня мой товарищ, — посмотри, пожалуйста, цела ли там одна ничем не знаменитая могила — она метрах в четырех от Высоцкого, да вот, кстати, погляди на фотографию...

На фотографии в окружении множества людских ног был виден небольшой холмик с полуметровым деревянным столбиком, на котором была выведена скромная надпись: «Майор Н. Петров, умер в 1940 г.»

— Я фотографию делал год назад, — продолжал мой приятель. — Думается, что этой могилы уже не существует.

...Вечерело, народ постепенно расходился. Я смог оглядеться вокруг и увидел то, что можно было предположить. Вокруг была истоптанная ровная земля. Могилы майора Петрова не существовало.

Я не могу себе представить, чтобы поклонники Блока, Твардовского, Заболоцкого или Пастернака могли позволить себе из любви к своему божеству равнодушно топтать ся на чужих могилах.

Конечно, «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», и отношения творца с человеком, открывающим сердце строке, звуку, картине, слышны и не всегда предсказуемы. Но в безбрежном эмоциональном море этой стихии должны мерцать сигналы друг другу, два маяка, две равноправные воли — человека искусства и человека жизни. Ибо, как сказал мудрец, «поэт должен помнить, что в прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в беспомощности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов».

Эта статья в «Нашем современнике» удивительным образом совпала с двумя событиями: лишением в июле Юрия Любимова советского гражданства и волевым решением

вышестоящих органов о передаче всех материалов музея на Таганке (более 12 тысяч единиц хранения), в том числе и материалов о В. Высоцком, в ЦГАЛИ. Мало кто из сведущих людей не понимал, что все эти события тесно связаны между собой и что за спиной «Нашего современника» стоят весьма влиятельные силы со Старой площади. Когда Валерий Золотухин, возмущенный статьей Куняева, начал свои хождения по инстанциям с целью ее опровержения, один из его знакомых передал ему удивленные реплики высокопоставленных деятелей из центрального аппарата КГБ: «А чего Золотухин возникает против «Нашего современника»? Он же русский человек. Захочет — он будет печататься в «Современнике».

Удивление высокопоставленных чекистов и подобные реплики из их уст многое объясняли из того, что происходило в те дни вокруг имени Владимира Высоцкого. Дело в том, что в силу своего полувещейского происхождения и круга тех знакомств, которые он поддерживал при жизни, Высоцкий был недолюбливаем в среде так называемых «русских патриотов». Вокруг него всегда вращались люди, ориентированные в сторону Запада, да и сам он никогда не скрывал своих близких связей со многими деятелями западной литературы, искусства и эмигрантскими кругами... После смерти, став для «западников» чем-то вроде символа, Высоцкий должен был рано или поздно навлечь на себя гнев «русских патриотов», или «почвенников».

После инцидента с корейским самолетом, сбитым советскими силами ПВО в сентябре 1983 года, идеологическая конфронтация между Западом и Востоком вновь обострилась. «Патриоты» перешли в атаку по всему фронту, особенно активизировав свои действия после смерти Юрия Андропова.

25 сентября 1984 года Константин Черненко, выступая на пленуме Союза писателей СССР, заявил: «На Западе любят порассуждать о пользе сопоставления идей и взглядов, развития контактов между людьми. Мы, конечно, за это. Но с чем мы сталкиваемся на практике? С попытками беспардонно вмешиваться в наши внутренние дела, с настоящей

психологической войной. И одна из ее целей — хоть немного расшатать единство деятелей нашей культуры с партией.

К приемам, как вы знаете, прибегают, прямо скажем, неинтеллигентным — лишь подтасовка фактов, подмена понятий. Говорят, например, что социализм «нетерпим» к свободе творчества, что КПСС, мол, перекрывает пути для художественных поисков, требует «единообразия» в литературе и искусстве. Здесь все поставлено с ног на голову. И, разумеется, отнюдь не по неведению. Так что переубеждать наших идейных противников, конечно, дело безнадежное. Но отстаивать и разъяснять наши взгляды, ловить за руку нечистоплотных «критиков» нового строя, активно нести людям правду о социализме, воспитывать советских людей, особенно молодежь, в духе классовой бдительности, готовности к защите нашей великой Родины надо неустанно».

Пламенную речь нового генсека тут же поддержали следующие ораторы, каждый из которых клялся в верности и любви к Центральному комитету партии и обещал приложить все свои силы для борьбы с происками мирового империализма. Лидер московских писателей Феликс Кузнецов, герой борьбы с альманахом «Метрополь», взойдя на трибуну, заявил: «И еще одна тревожная тенденция: наметившаяся игра на понижение нравственных критериев, своего рода агрессия бездуховной, обывательской пошлости в суперсовременных формах, что проявляется в откровенно коммерческих поделках, оскорбляющих достоинство советского человека и достоинство нашей литературы и искусства. А что особенно опасно — эти «диск-жокеи» от литературы и искусства посягают на души нашей молодежи. Эта бесовщина посягает даже на нашу классику и фольклор. Выражая «философию жизни» современного потребителя, они формируют в людях незаторможенные потребительские инстинкты. И в таких формах проявляется сегодня идеологическая борьба».

Борьба за души советской молодежи, которая почему-то имела склонность не к песням членов Союза композиторов СССР, а к песням «беснующихся» рок-певцов, не к книгам почтенных членов Союза писателей СССР, а к «пошлым и

безыдейным» стихам Владимира Высоцкого, — эта борьба в 1983—1984 годах разгорелась с невиданной силой и размахом. Та же статья С. Куняева в «Нашем современнике» носила красноречивое название «Что тебе поют?» и была посвящена не только поклонникам рок-музыки, коих в Советском Союзе всегда было предостаточно. Известный исследователь советской рок-музыки Артем Троицкий, вспоминая те годы, писал: «Зима 1984-го. Профессиональные группы в полном смятении. Каждая должна была выступить перед комиссией Министерства культуры с новой программой, состоящей на 80% из «не своего» материала...

Весной 1984 года пошла вторая волна атак на рок. Главным объектом ее на сей раз были уже не деморализованные профессиональные группы, а «самодеятельность»... Самодеятельные рок-записи были окрещены емким и зловещим словом «магиздат» — по аналогии с диссидентским литературным «самиздатом». Непонятно, откуда появились и распространились со страшной скоростью загадочные «черные списки»: никто точно не знал их происхождения и то, насколько они «официальны», но у чиновников, всегда чувствующих себя увереннее с бумагой в руках, они имели большой успех. В списках, под шапкой «идейно вредные», были перечислены практически все более или менее известные русскоязычные любительские рок-исполнители».

Несомненным является тот факт, что творчество Владимира Высоцкого послужило мощным толчком для развития советской рок-музыки в сторону Слова. Истоки поэзии того же Андрея Макаревича, его желания исполнять песни прежде всего на русском языке лежат во времени 70-х, когда слава певца и поэта Владимира Высоцкого достигла небывалого размаха. В 80-м, когда В. Высоцкого не стало, А. Макаревич напишет песню его памяти:

...Это злая судьба,
Если кто-то опять недопел и кого-то хоронят.
Это — время ушло.
И ушло навсегда.
И случайно вернулось ко мне.

Макаревич не ошибся: время В. Высоцкого действительно ушло вместе с ним, но творчество его явилось той путеводной звездой для новой волны молодых рок-музыкантов, что повела их за собой в сторону серьезного осмысления окружающей их действительности. И не случайно, что в начале 80-х на небосклоне советской рок-музыки появились знаменитые «текстовые» группы — «Аквариум» Бориса Гребенщикова, «Кино» Виктора Цоя, «Алиса» Константина Кинчева, «Зоопарк» Майкла Науменко. Те годы подарили нашей сцене и 24-летнего барда Александра Башлачева, о котором в первой отечественной рок-энциклопедии сказано: «За считанные годы создал около шестидесяти песен, хотя некоторые из них песнями не назовешь — каждая из больших вещей Башлачева («Ванюша», «Егор Николаевич») содержит в себе целый мир, как эпические поэмы древности. Ранние песни написаны под непосредственным влиянием В. Высоцкого, А. Галича, М. Науменко («Зоопарк»)...

В балладах Башлачева нет открытой публицистичности. В их поэтическом зеркале гримасничает мир, где слова живы, а ситуации играют с нами в перевертыши. Поэт говорит: «Вы думаете, что вы хорошие, но это оттого, что давно не смотрели в зеркало. Я ставлю его перед вами — смотрите! Покаяние приведет вас к очищению и правде».

Как истинный поэт, Башлачев предвидел свою судьбу и пропел ее прежде, чем прожил. 17 февраля 1988 года он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна своего дома.

Объявляя поход против той же рок-музыки, партийные идеологи в первую очередь боролись не с чуждой пропагандой западных идей, их пугала осмысленность творчества новоявленных рок-певцов, их идейная преемственность с творчеством умершего, но незабываемого Владимира Высоцкого. Тот же Артем Троицкий писал: «Смешно. И горько: казалось бы, официоз должен трубить в фанфары, радоваться тому, что подростки наконец-то получили в кумиры своих соотечественников, что впервые за пятнадцать лет советская поп-музыка и песни на русском стали популярны и

престижны у молодежи... Но у бюрократов своя извращенная логика и свои представления об интересах страны...»

Чтобы заткнуть глотку рок-певцам новой волны, и создавались «черные списки», которые запрещали официальным органам печати, телевидения и грамзаписи популяризировать крамольные рок-группы, для этого и выдвигалось условие подобным исполнителям использовать в своем репертуаре до 80% песен официального изготовления, то бишь надежных и проверенных по отношению к режиму композиторов и поэтов, для этого и выходили в свет статьи, подобные статье С. Куняева в «Нашем современнике» или в «Советской России» за 8 мая 1984 года под названием «Игра с микрофоном».

Декабрьский номер того же «Нашего современника» разродился подборкой писем-откликов на июльскую статью С. Куняева.

«...Вызывает возмущение поведение поклонников Высоцкого на кладбище. Втаптывание чужих могил — это неуважение к нашим предкам. Печально, что к этим топтунам теперь стали присоединяться и молодожены, заезжающие на кладбище из загса. Заметьте, заезжают к Высоцкому, а не на могилы своих отцов и дедов... Н. Богданов, аппаратчик, поселок Мамонтовка».

«Ни один талант не виноват в крайностях своих поклонников. Знаете, почему я зачеркнула слово «гений»? — потому что решила написать не только о Высоцком. Разве голос Лемешева стал хуже из-за того, что его сумасшедшие поклонницы целовали след от ботинка прославленного тенора? Разве песни Аллы Пугачевой перестали быть драматически насыщенными из-за того, что в ее подъезде целыми днями стоят влюбленные почитательницы? Любовь к таланту принимает порой самые уродливые формы, но в этом ни в коей мере не виноват первоисточник. Т. Салынская, школьница, Москва».

«Герой Высоцкого не знает нормального мира народных, общечеловеческих ценностей. Но ежели судьба обделила — это одно, тут не вина, тут беда. Однако герой и не

помышляет о нормальном мире нормальных ценностей. Возможно, я сужу предвзято. Но отсутствие диалога с Родиной, ответственности перед ней — очень серьезный показатель болезни. Нет душевного родства героя с народом, нет включенности в общее дело. Герой всегда особенный, всегда противопоставленный — заранее и всему. И совсем уже нерусская черта: самореклама. Поза настоящего мужчины, который, как ему и положено, нигде не пролил настоящую слезу...

Я боюсь Мужчины с неприкрытой претензией к жизни: отдай мне мое! Не вижу в нем веры, не вижу идеала. Не вижу, ради чего раздвоенный, страдающий певец встал к микрофону точно к амбразуре.

Герой Высоцкого, претендующий быть Мужчиной, слишком смахивает на мальчика с гитарой из подворотни. Одно в нем устойчиво — качества хорошего кулачного бойца.

И еще одно: «бард» хотел улучшить людей. Но разве от этого легче? Хороши ли средства? Хорош ли его герой, его идеал? Если и была маска, то она приросла, стала лицом — есть у маски такая скверная тенденция прирастать. И надо быть великим мастером, чтобы соблюсти дистанцию. В данном случае — увы... Вот и прижился Высоцкий там, где явно не хотел бы. Сытые «сильные личности» поют его пьяными голосами. Держат за своего... О. Разводова, преподаватель Воронежского университета».

Отделив Владимира Высоцкого от русского народа, авторы подборки добрались и до современной молодежи и письмом старшего библиотекаря Г. Морозова из Калуги раскрыли невольно весь смысл своего мероприятия:

«Всем отделом и всей библиотекой прочитали статью С. Куняева. Вы выразили нашу тревогу за состояние культуры и нравственности молодежи (и уже не только молодежи). Как поэт, оценивая «потребление» музыки, кино, вы не поставили точки над «i», а я позволю себе употребить штамп, набивший оскомину, но точно отражающий суть явления: ЭТО ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ (выделено мной. — Ф. Р.). Как это страшно, что музыку делают оружием разложения!»

Между тем к декабрю 1984 года здоровье Константина Черненко катастрофически ухудшилось. По словам Е. Чазова: «Его состояние осенью 84-го стало настолько тяжелым, что он мог выезжать на несколько дней на работу только после внутривенных введений комплекса лекарств». Умирал режим — умирали столпы этого режима один за другим. 20 декабря после загадочного заболевания ушел из жизни министр обороны СССР Дмитрий Устинов, а за неделю до этого покончил жизнь самоубийством доведенный до отчаяния травлей со стороны бывших своих соратников Николай Щелоков.

После 17-летнего отсутствия вернулась на родину дочь Сталина Светлана Аллилуева, а будущий генсек Михаил Горбачев, прибыв в том декабре в Англию, поразил холодных британцев своей непривычной для члена советского Политбюро коммуникабельностью. До его восшествия на кремлевский престол оставались считанные месяцы.

В первые январские дни 1985 года Валерий Золотухин зафиксировал в своем дневнике:

«7 января. Всю ночь сочинял телеграмму Куняеву, от себя и от коллектива... Первое. С каких пор мертвые в ответе за деяния живых? Почему не мы с вами, живые, а мертвый Высоцкий отвечает за то, что кто-то топчет чье-то захоронение? Даже если такой факт имел место быть, что весьма и весьма сомнительно, он должен будет проверяться народным судом.

Второе: По какому праву на таком беспардонно-циничном, кощунственном противопоставлении мертвых и живых, с одинаковым презрением к тем и другим, вы строите свои низкие, ложные умозаключения?

Делом жизни, тов. Куняев, вы избрали неправое занятие. Золотухин, от имени и по поручению.

8 января. Телеграмму Дупак (директор театра) вывешивать, тем паче давать, испугался — запахло партизанщиной... Если я пошлю телеграмму Куняеву один, я вступлю в эту конкуренцию у гроба, так и начнется перепалка, перепалка... Врагов в литературном мире я уже завел как бы.

Крупин (писатель) и Григорьева (кинорежиссер, снявшая фильм о детских годах В. Шукшина) трезвонят, что Золотухин выступил против. Теперь я думаю звонить Рождественскому по вопросу Куняева и вспомнил формулировку: «Время гудит БАМ — будто шпалой по голове» — это мне принадлежит и напечатано. Как-то Роберт Иванович отнесся к этому, коли до него дошло?! Теперь думаю, не ввязаться ли в драку с Куняевым? Надо вот ознакомиться со второй акцией «Современника», с подборкой писем. И бабахну ему телеграмму от себя лично.

25 января — 47-я годовщина со дня рождения Владимира Высоцкого. В Театре на Таганке состоялся вечер его памяти, на котором выступили те, кому было дорого это имя. Среди них ансамбль «Виртуозы Москвы» под управлением Владимира Спивакова, Михаил Жванецкий, Иннокентий Смоктуновский, Екатерина Максимова, Станислав Исаев, Юлий Ким, Сергей Юрский, Булат Окуджава, Алла Пугачева. По словам В. Золотухина, «вечер прошел замечательно».

10 марта 1985 года в Москве скончался 74-летний Константин Черненко. Новым Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран 54-летний Михаил Горбачев. Свой приход к власти новый генсек начал с широкой кампании по борьбе с алкоголизмом.

Тем временем скульптор Александр Рукавишников заканчивает работу над памятником Владимиру Высоцкому, который должен быть установлен на могиле поэта. Проект этого памятника еще пять лет назад выбрали родители В. Высоцкого. Марина Влади имела другое намерение, но ее желание в расчет никто не принял. Позже она вспоминала: «На мой взгляд, ничто так не напоминает блестящую и такую недолгую жизнь Владимира Высоцкого, как отколовшийся кусок звезды, сплавившийся в воздухе, оставивший огненный след в небе и завершивший свой стремительный полет на могиле поэта. Прямоугольник земли, выступающая из него необработанная порода, сверху — метеорит. И небольшая надпись — «Владимир Высоцкий». И даты.

К несчастью, это не подходило родителям. Они отвергли

мою идею, варварскую и непонятную для них, под предлогом того, что эта тяжесть раздавит их сына. Им нужен был монумент во весь рост, хорошо узнающийся. Я надеялась, что конкурс поможет нам найти компромисс.

Более тридцати работ выставлены в фойе театра. Скульпторы вложили в работу всю душу, каждый по-своему воздавал должное памяти моего мужа. Мы долго рассматривали каждое произведение, это было печально и прекрасно, но каждый выбирает по себе — и родители остановились на очень похожей скульптуре во весь рост. Вся фигура обернута развевающимся знаменем, над головой — гитара, наверху — двухметровой высоты лошади из золоченой бронзы. Ни на одном из проектов мы не сошлись. Я защищала свой выбор, ссылаясь на стихи моего мужа, доказывая, что само расположение могилы со старой церковью сзади, деревьями и в окружении других могил не позволяет устанавливать высокую скульптуру. Потом я сказала, что Высоцкий был поэтом, артистом, а не Героем Советского Союза и что воинственная и реалистическая скульптура, выбранная родителями, будет противоречить его образу...»

12 октября 1985 года памятник, выбранный родителями, был торжественно открыт на могиле Владимира Высоцкого. Марина Влади на этой церемонии не присутствовала. Позднее в своей книге она напишет: «Отныне на твоей могиле возвышается наглая позолоченная статуя, символ социалистического реализма — то есть то, от чего тебя тошнило при жизни. И поскольку она меньше двух метров в высоту, у тебя там вид гнома с озлобленным лицом и гитарой вместо горба, окруженного со всех сторон мордами лошадей. Это уродливо, не лезет ни в какие ворота и просто смешно».

Творение заслуженного художника РСФСР Александра Рукавишникова, известного не только в творческой среде, но и среди спортсменов-каратистов, и архитектора Игоря Воскресенского до сих пор вызывает споры среди друзей и поклонников Владимира Высоцкого.

М. Шемякин: «Мне памятник нравится. Можно было сделать тот заумный памятник-камень, осколок метеори-

та... Но не нужно забывать, что Володя — поэт народный... Этот памятник — как бы произнесенная речь, без которой не обойтись.

Я понимаю, что, может быть, это не шедевр и не совсем то, что хотели бы видеть друзья... Но друзья могут нормально прийти и просто помолчать минуту...

Пусть он слишком расшифрован, если можно так сказать... Но ведь он был сделан уже давно... Памятник был сделан в нужный момент, там есть эта закованность... Люди ведь идут — туда приходит поклониться вся Русская земля, поэтому нужен какой-то образ».

М. Козаков: «Первый взгляд на памятник. Что-то золотое стоит над могилой. Первое ощущение — ощущение медного дешевого цвета. «Ничего, со временем потемнеет, будет чуть лучше», — замечает Алла Демидова.

...Золотой памятник. Фигура Высоцкого вырывается, пытается вырваться, освободиться от пут бронзовой ткани. Дальше нимф над головой. В нимбе отражается затылок. Нет, это только нечто вроде нимба — гитара. Назад от грифа лошадиные морды... «Что за кони мне попались...» Памятник будет нравиться народу, точнее — публике. Литературная безвкусица. Высоцкий, его лицо — совершенно не его. Ощущение, что над верхней губой усы. Он, правда, какой-то период носил усы, носил он и бороду, но на памятнике они ни к чему.

Доказательством «нужной» реакции — фраза Жоры Гречко, недавно прилетевшего из космоса с Джанибековым: «Я думал, что этот памятник не разрешат... Смотри-ка, стоит. Здорово».

Начало 1986 года было для поклонников Владимира Высоцкого малообнадеживающим: в центральной прессе не появилось НИ ОДНОЙ публикации, приуроченной ко дню рождения поэта. Только «дальняя» газета «Вечерняя Одесса» 25 января опубликовала на своих страницах статью Станислава Говорухина под названием «Коль дожить не успел, то хотя бы допеть» да в февральском номере журнала «Катера и яхты» вышла статья В. Ханчина «Вы меня возьмите в

море, моряки». Казалось, что ситуация прошлого года, когда в союзной прессе было опубликовано всего 13 статей, в которых в той или иной мере упоминалось имя Владимира Высоцкого, повторятся с точностью до одного.

В начале того года актеры Театра на Таганке В. Смехов, Л. Филатов и В. Шаповалов, так и не сумевшие сработаться с новым режиссером А. Эфросом, перешли работать в театр «Современник». В мае «Современник» справлял 30-летие своего рождения, и зав. агитпропом Бауманского района Москвы Криницына, присутствовавшая на юбилейном вечере, с тревогой в голосе сетовала на то, что такой прекрасный коллектив принял в свои ряды таких неблагонадежных артистов. В частности, она упомянула В. Смехова, которому она лично год назад запретила читать стихи Высоцкого на вечере в Политехническом музее. Вспоминая ее выступление в «Современнике», сам Смехов горько резюмировал: «В мае 1986 года партийная чиновница гордилась публично тем, что запретила читать стихи Высоцкого в городе Москве».

Но с того момента, как правление нового генсека перевалило за свою годовую отметку, то есть с апреля 1986 года, количество публикаций о Владимире Высоцком стало медленно, но уверенно расти. Энергичные усилия нового идеологического начальника Александра Яковлева начали давать свои первые реальные всходы. В «Огонек» пришел Виталий Коротич, в «Московские новости» Егор Яковлев, в «Советскую культуру» Альберт Беляев. Перестройка родила первого своего ребенка по имени «Гласность». Именно этот «ребенок» вобьет первый гвоздь в крышку гроба не только советской, но и всей мировой коммунистической системы. После своего XXVII съезда, состоявшегося в феврале 86-го, Коммунистическая партия Советского Союза под мудрым руководством нового генсека уверенно двинулась к своему самоуничтожению.

Но агония уходящего режима была ужасной. 26 апреля 1986 года в 1 час 24 минуты ночи на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС произошел взрыв ядерного реактора... По словам академика Велихова: «Чернобыльский взрыв был

хуже Хиросимы, где взорвалась всего одна бомба, а здесь радиоактивных веществ было выброшено в 10 раз больше плюс полтонны плутония». Но в те дни подлинные масштабы катастрофы «отцами гласности» от народа тщательно скрывались. Зато правда о Чернобыле «компенсировалась» другим: с лета того года со страниц средств массовой информации взлетели «ночные бабочки-путаны», заширились наркоманы, заговорили больные СПИДом. Началось активное приобщение граждан СССР к изнанке жизни в родном Отечестве. То, что намного позднее «патриотическая» печать назовет «духовным Чернобылем» или «насильственным вышибанием из советских людей веры и надежды в светлое будущее». По меткому выражению энергичного Генерального секретаря: «Процесс пошел». Изменение жизни в СССР к лучшему началось не с экономики, а с идеологии, не в пример коммунистам Китая. Можно ли было тогда представить, к чему приведет страну подобная перестройка...

Мы все становимся умнее задним числом. И уже в наши дни А. Папушин, оценивая итоги горбачевского правления, горько резюмирует: «Горбачев задумывал «революцию сверху», и, мне кажется, его ошибкой была гласность. Начиная свой НЭП, пользуясь в целях сохранения внутривластной стабильности социалистической риторикой, горбачевское Политбюро тем не менее сказало о демократии и гласности. Необъяснимо «забыв» при этом Ленина, не допускавшего мысли о какой бы то ни было сдаче идеологических позиций.

Я думаю, в конечном счете гласность превратилась в капкан для самих ее инициаторов — и как раз потому, что носила не стратегический, а тактический характер. В противном случае с ней можно было... обождать (!), поддерживая тем временем устойчивость страны и власти и имея в перспективе нормальный, цивилизованный, эволюционный путь развития. Но... вожди перестройки недооценили либо свой народ, либо собственную «подачу». Гласность нанесла смертельный удар по советскому «реальному» социализму. Но она же вышибла общество из колеи, ликвидировала ту инерцию движения (или, как говорят, «застоя»), ко-

торая могла бы стать спасительной в период перестройки. Громоздкий советский поезд сошел с рельсов».

Но вернемся в год 1986-й, в те дни, когда в кабинетах Идеологического отдела ЦК КПСС намечалась кампания по разоблачению сталинских преступлений. Стратегам этой кампании казалось, что, свалив всю вину за развал страны на «вождя всех народов» и его духовного продолжателя Леонида Брежнева, нынешние правители смогут оправдать любые свои прошлые и нынешние ошибки и преступления.

С октября 1986 года в видеосалонах страны начал свою экранную жизнь фильм грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе «Покаяние» — первая ласточка начинавшей свой разбег антисталинской кампании. В конце этого фильма главный герой его, прозревший после самоубийства собственного сына, разрывает могилу отца-преступника и кидает труп в пропасть. Что хотел сказать этим эпизодом режиссер? Предупреждал ли он о возможной духовной гибели людей, мстящих подобным образом своим предкам, или, наоборот, призывал и нас последовать такому примеру?

Конец 1986 года вместил в себя череду событий поистине исторического значения. В сентябре Верховный Суд СССР закончил рассмотрение уголовного дела по фактам преступных деяний директора гастронома № 1 («Елисейский») Юрия Соколова и начальника московского Главторга Николая Трегубова. Слишком откровенничавшего на следствии Соколова режим приговорил к расстрелу, Трегубов, не сдавший никого, получил свои 12 лет строгого режима. Первые «козлы отпущения» были найдены.

В том же сентябре другой «козел отпущения», зять Брежнева Юрий Чурбанов был окончательно уволен из системы МВД. До его громкого ареста оставалось всего три месяца.

Светлана Аллилуева, насмотревшись на жизнь в СССР, так и не прельщенная горбачевской перестройкой, вновь покинула пределы своей бывшей родины. Теперь за кампанией разоблачений преступлений собственного отца она будет наблюдать из далекого зарубежья.

В отличие от добровольно покинувшей СССР Светланы

Аллилуевой, физик Юрий Орлов и американский журналист Данилофф в том же сентябре были попросту вышвырнуты из страны путем обмена на попавшего в лапы ЦРУ чекиста Захарова. Тем самым, подписывая документы о сближении с Западом, советский лидер Михаил Горбачев в то же время развязывал руки КГБ, все еще не разучившегося искать врагов в каждом углу своего Отечества, а за неимением оных хватать тех, кто первым подвернется.

В декабре опальный академик Андрей Сахаров получил официальное прощение и был оповещен об этом в телефонном разговоре с Михаилом Горбачевым. 23 декабря Андрей Сахаров после шестилетней ссылки в Горьком вернулся в Москву. Через несколько лет демократическое движение обретет в его лице своего руководителя и духовного отца. В те же дни, когда А. Сахаров находился между Горьким и Москвой, 17 декабря в далекой Алма-Ате волевым смещением многолетнего «отца нации» Динмухамеда Кунаева вызвало массовое движение недовольства среди казахов. В произошедших волнениях погиб один дружинник, многие участники получили ранения и увечья. Испытанная Чернобылем на молчание гласность и на этот раз как в рот воды набрала. Истинную правду о тех событиях люди узнают только через пятилетие. Разоблачать собственные преступления новая власть не собиралась, зато с удовольствием занялась разоблачением деяний недавнего прошлого. 20 декабря центральная партийная газета «Правда» поместила на своих страницах статью «К 80-летию со дня рождения Л.И. Брежнева». То, о чем раньше говорилось на кухнях в очень узком кругу, теперь было напечатано типографским шрифтом на всю страну:

«...в последние годы жизни и деятельности Л.И. Брежнева получили распространение необъективные оценки достигнутого. Несмотря на то что экономическая ситуация изменилась, не была осознана вся острота и неотложность перестройки управления народным хозяйством, перевода экономики на интенсивные методы развития, активного использования в народном хозяйстве достижений научно-техническо-

го прогресса... Наметился разрыв между словом и делом. Не хватало целеустремленности, решимости в практических действиях.

Это привело к тому, что в 70-е и начале 80-х годов заметно снизились темпы экономического роста...

Все это в значительной степени явилось следствием серьезных недостатков в деятельности партийных и государственных органов. Распространились настроения самодовольства, вседозволенности, стремление приукрасить действительное положение дел...»

Именно с этого момента новая власть взяла уверенный курс на идеологическое ниспровержение предыдущего режима, на разрушение старых государственных структур. К сожалению, ничего нового взамен уничтоженного старого новая власть построить не смогла. Старая поговорка: «ломать — не строить» и в этом случае доказала свою правоту.

«Отрекаясь» в очередной раз от «старого мира», коммунистическая власть лихорадочно искала для себя союзников в деле идеологического ниспровержения прошлого. И одним из таких союзников стал для власти в тот период и Владимир Высоцкий.

С сентября 1986 года количество публикаций в советских средствах массовой информации о жизни и творчестве Владимира Высоцкого заметно увеличилось. По сравнению с прошлым годом, когда количество статей, в которых упоминался В. Высоцкий, исчислялось 13, в этом году количество таких статей перевалило за 50.

Осенью 86-го одна из только что открытых планет (22 км в диаметре) Солнечной системы получила имя Влад Высоцкий, была зарегистрирована под номером 2374 и включена в астрономический календарь за 1986 год. Имя В. Высоцкого в нем было записано на одной странице с такими личностями, как Сергей Есенин, Петр Первый, генерал Чуйков, Долорес Ибаррури.

1987 год стал поворотным годом перестройки. В январе в Москве прошел очередной Пленум ЦК КПСС, на котором Михаил Горбачев впервые выступил с широкой крити-

кой преступлений сталинской поры и ошибок брежневского «застоя». Этот Пленум должен был, по мнению «прорабов перестройки», придать новый импульс начатым в стране реформам и стать их мощным идеологическим прикрытием. Лозунг: «Разоблачение прошлого во имя светлого будущего!» был вынесен на авансцену перестройки. Отныне все должно было служить претворению в жизнь этого лозунга. И не последнюю роль в этой мощной пропагандистской кампании должно было играть и имя Владимира Высоцкого.

Обращение «прорабов перестройки» к Владимиру Высоцкому было неслучайным по многим причинам, но главное заключалось в том, что покойный принадлежал к той плеяде людей, именуемых «шестидесятниками», которые, являясь духовными предтечами перестройки, дожили до своего «звездного часа» и, взмыв на гребень политической власти, получили теперь реальную возможность претворить многие свои замыслы в жизнь. По праву считая В. Высоцкого «своим», они взяли на вооружение его имя в своей святой, как они считали, борьбе за восстановление в СССР ленинского социализма, за придание ему человеческого лица. 49-летие Владимира Высоцкого, которое состоялось в январе 1987 года, было отмечено поистине беспрецедентной пропагандистской кампанией, когда буквально вся центральная печать была полна статьями, посвященными жизни и творчеству безвременно ушедшего поэта и артиста. Один перечень этих изданий уже говорит о многом: «Комсомольская правда» (8 января), «Московские новости» (18 января), «Московский комсомолец» (22 января), «Известия» (25 января), «Труд», «Советский спорт» (25 января), «Советская культура» (27 января), январские номера журналов «Огонек», «Искусство кино», «Литературное обозрение» и, наконец, главная газета советских коммунистов «Правда» за 12 февраля!

К печатным изданиям не преминули присоединиться телевидение и кинематограф. В январе, ко дню рождения В. Высоцкого, Центральное телевидение показало фильм «Монолог», в котором впервые была дана запись выступле-

ния Владимира Высоцкого в передаче «Кинопанорама» в январе 1980 года. В марте на экраны страны вышел документальный фильм о В. Высоцком «Воспоминание», созданный на Киевской киностудии им. А. Довженко.

13 января 1987 года на 62-м году жизни и на третьем году руководства Театром на Таганке скоропостижно скончался Анатолий Эфрос. Многие тогда связали эту смерть с его поистине неблагодарной работой на Таганке, с тем бойкотом, который объявили ему многие артисты как внутри театра, так и вне его. По горячим следам этой смерти понеслись в средствах массовой информации статьи различного толка и направленности. Антитаганковская «Литературная газета» предоставила свои страницы драматургу Виктору Розову. Его статья носила название «Мои тревоги»:

«Эфрос перешел работать на Таганку. Перешел с самыми добрыми намерениями — помочь театру в тяжелые дни, когда коллектив был покинут своим руководителем. И здесь «демократия» достигла самых отвратительных пределов. Началась травля. Прокалывали баллоны на «Жигулях» Эфроса, исписывали бранными, гадкими словами его дубленку, фрондировали открыто и нагло. Мне не забыть, как на прекрасном юбилейном вечере, посвященном 30-летию образования театра «Современник», трое таганских актеров (Смехов, Филатов, Шаповалов. — Ф. Р.), только что принятых в труппу «Современника», пели на сцене пошлейшие куплеты, оскорбительные для Эфроса. Присутствующих на юбилее охватили стыд и чувство, будто все неожиданно оступились и угодили в помойную яму...

Разгул современной черни — да, да! Чернь существует и поныне — она ненавидит всех, кто талантливее ее, чище, лучше, добросовестнее, работоспособнее в конце концов. И сейчас надо быть начеку, чтоб не дать возможности ей разгуляться».

Один из тех, к кому непосредственно были обращены эти строки, — В. Смехов позднее нашел возможность ответить на выпад прославленного драматурга:

«Рецидивом прошлого прозвучала статья В. Розова о

«виновниках» смерти А. В. Эфроса. Бездоказательно и огульно преданы анафеме актеры двух театров, скрыты подлинные факты трагедий, гнев народа по древнему рецепту направлен Розовым на тех, кто якобы «травил», резал дубленку, прокалывал шины: ату «врагов народа», ату «врачей-убийц», ату их, «космополитов-перевертышей»... По одной-две грязных анонимки благодаря «Литгазете» получили представители «черни». И все. Принадлежность статьи Розова «застойным» временам доказана самой газетой. Статьи и письма от театров, от критиков и писателей — все в традициях гласности: просим напечатать! Ответ органа Чаковского — молчание, возвращение писем назад, телефонные отказы объяснить сей рецидив «гласности в одни ворота».

Да, первые реакции были горячими, ибо такова степень оскорбительного высокомерия, очевидной неправды в статье уважаемого драматурга. Общественное мнение дезориентировано как в отношении самого А. В. Эфроса, так и подлинной драмы Мастера. Мастера, добровольно сдавшего Скрипку на попечение злонамеренных чиновников...»

Пока на самом верху решалась судьба нового руководителя, Таганка в феврале съездила во Францию с тремя постановками умершего накануне гастролей А. Эфроса («Вишневый сад», «На дне», «У войны не женское лицо»). По словам А. Демидовой, «театр имел успех, крики «браво», бесконечные вызовы на поклоны, интервью, статьи в газетах, встречи с режиссерами и актерами Парижа, где мы, как и 78-м году, завоевывали сердца зрителей: тогда — любимовскими, теперь — эфросовскими спектаклями...»

После возвращения театра из Франции у него наконец появился новый руководитель — по просьбе актеров им стал бывший таганковец Николай Губенко, находившийся в фаворе у самого Михаила Горбачева. Случилось это в начале марта 1987 года, когда перестройка начинала всюду набирать обороты, гремя всеми своими шестеренками.

14 января в Москве был арестован зять усопшего Леонида Брежнева Юрий Чурбанов. Вопрос об его аресте обсуждался на самом Политбюро, которое большинством голосов

решило продолжить кампанию по поиску «козлов отпущения» для будущих показательных процессов.

Одновременно с заключением под стражу «столпов» прошлого режима в тюрьмах страны началась амнистия политических заключенных — акция, обещанная Михаилом Горбачевым в декабре 86-го Андрею Сахарову.

В марте 1987 года в газете «Московские новости» было опубликовано письмо десяти бывших граждан СССР (В. Аксенов, В. Буковский, А. и О. Зиновьевы, Ю. Любимов, В. Максимов, Э. Неизвестный, Ю. Орлов, Л. Плющ, Э. Кузнецов), объединенных в так называемый «Интернационал сопротивления». Публикация называлась весьма шокирующе для того времени — «Пусть Горбачев представит нам доказательства». Суть публикации заключалась в том, что авторы письма ставили условием своего возвращения в СССР представление им доказательств со стороны советского руководства о том, что перестройка не является очередным надувательством. В ряду этих доказательств стояло неперемное публичное признание Горбачевым военных акций в Чехословакии 68-го и в Афганистане 79-го годов как преступлений со стороны советского режима. Такой наглости от даже бывших своих граждан новая власть не ожидала и простить им этого не могла. Подпись Юрия Любимова под этим письмом практически обрубала ему все надежды на благополучное возвращение его на родину. 26 марта в центральной печати появилась статья обозревателя АПН Г. Петросяна, в которой тот писал: «Режиссер Юрий Любимов дает понять, что хотел бы вернуться домой. И тут же ставит ультиматумы. Раздражение на отдельных лиц он переносит на все и вся, разногласия с отдельными коллегами — на общество. В одном из интервью он признал: «Я нужен там, а не здесь». Однако никто и не собирается заманивать его. Если решение вернуться к нему пришло, он внутренне созрел для него, то Ю. Любимов сам и предпримет соответствующие формальные шаги. Неизвестно, чтобы он таковые предпринимал. За него никто их делать не может и не будет. Прави-

ла одинаковы для всех — и это тоже признак демократизации».

Оскорбленное самолюбие не лучший довод в диалоге с Родиной. Между тем те, кто сумел перешагнуть через свое оскорбленное самолюбие, в тот год побывали на своей родине после многих лет разлуки. На три дня к своей 72-летней матери в Уфу прилетел сбежавший еще в 1961 году Рудольф Нуриев. С кратким визитом посетил СССР певец и композитор Анатолий Днепров.

В то время как Юрий Любимов со товарищи сомневались в горбачевской перестройке, Марина Влади, кажется, приняла ее безоговорочно. Несмотря на то что год назад она снялась в антисоветском фильме «Твист снова в Москве», в феврале 1987 года ее пригласили в Москву на Международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества». Горбачев был заинтересован в пропаганде перестройки за рубежом, поэтому на людей, подобных Марине Влади или Питеру Устинову, им возлагались особенные надежды.

После возвращения М. Влади во Францию ее деятельность по пропаганде горбачевских идей вызвала недовольство со стороны скептически настроенных французов. Советская пресса, в частности газета «Советская культура», в те дни писала: «С негодованием отвергла попытки обвинить участников форума в «подыгрывании Москве» известная французская актриса Марина Влади. По возвращении из советской столицы в интервью радиопрограмме «Европа-1» она отмела попытки радиожурналиста обвинить ее в недальновидности, в том, что, поехав на форум, она стала «заложником» советской политики, ее соучастником и т.п. Как можно позволять себе оскорблять сотни авторитетных людей разных убеждений, приехавших со всего мира на форум, считать их глупцами?»

В Советском Союзе во всех сферах происходят огромные перемены, на них надо смотреть непредвзято. Лучше поехать в Москву, взглянуть на все своими глазами, чем сидеть в Париже и, ничего не замечая, брюзжать, отметила М. Влади».

В то время как М. Влади была в фаворе у новой кремлев-

ской власти, Юрий Любимов, наоборот, таковым в тот год так и не стал. Испытанным орудием против него оставалась «Литературная газета» во главе с негнижим коммунистом Александром Чаковским. Еще год назад, в феврале 86-го, она предоставила свои страницы всегда правильному Михаилу Ульянову, который безапелляционно заявил: «То, что Любимов остался за границей, все мы и актеры Театра на Таганке считаем его личной трагедией. Любимова никто не выгонял, ему не запрещали ставить спектакли. Но он несколько потерял ощущение действительности, попытался диктовать свои условия стране. Такого никогда не было и не будет ни в одном государстве. Все это я говорю от имени актеров, которые его хорошо знают. Так считает его сын. Сам Любимов тяжело переживает случившееся. Но жизнь идет дальше. Потеря такого художника, как Любимов, огорчительна, но не смертельна для нашего искусства».

Подсчет «несмертельных» потерь для нашего искусства со стороны «не потерявшего ощущения действительности», а всегда державшего нос по ветру Михаила Ульянова на этом не закончился. Далее он сказал несколько слов о кинорежиссере Андрее Тарковском: «Ни в одной стране мира Тарковскому не дадут права три раза снимать один и тот же фильм, а у нас позволяли. Ему предлагали экранизировать «Идиота» Ф. Достоевского, о чем может мечтать каждый режиссер, а он предпочел поехать в Италию и ставить там «Ностальгию». Это их личные решения и трагедии, а не какой-то злой умысел страны».

Читая подобные строки, невольно задаешься вопросом: чего же больше в словах М. Ульянова — действительной любви к собственной многострадальной Родине или же гордости за тот режим, что отблагодарил его за труд и послушание всевозможными благами и званиями, включая и звание народного артиста СССР и даже члена Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС?

20 мая 1987 года все та же «Литературная газета» поместила на своих страницах статью собственного корреспондента в ФРГ А. Френкина под выразительным названием

«Татьяна за решеткой», посвященную оперной деятельности Ю. Любимова за рубежом.

«Вот мнение здешних театральных критиков о постановке Юрием Любимовым «Евгения Онегина» в Боннской опере. «Крах режиссерской идеи» — озаглавлена рецензия в «Рейнише пост»...

Иссяк, выдохся, говорят, Любимов... И тяжело очень с ним. Чайковский его, видите ли, не устраивает. Он Пушкина хочет интерпретировать, но без Чайковского. А в итоге пытался придать опере какой-то коварный смысл. Если у него счеты с Советской властью, то сцена Боннской оперы — неподходящее место сводить их.

На скандальный провал постановки в Бонне Любимов реагировал... вторым скандалом, который он устроил уже дирекции Боннской оперы, обвинив ее в срыве. Ему не дали якобы довести свой замысел до конца...

И он, Любимов, не будет отвечать за эту постановку...

В дирекции Боннской оперы клянут теперь Любимова. Но разве не знали эти опытные и искушенные деятели, на что идут? Им отлично было известно, что оперную классику Любимов не раз уже «потрошил» на Западе, до неузнаваемости перекраивая под модерн. Однако же польстились на его скандальную известность: у него ведь здесь уже «имя» по части разрушения литературной и театральной классики. А осквернение классики-то нигде, оказывается, даром не проходит».

Ровно через 8 дней после выхода этой статьи с такой негостеприимной для Юрия Любимова земли, как ФРГ, к нам в Москву прилетел знаменитый посланец — Матиас Руст на своей «Сессне». 28 мая он сделал плавную посадку в сердце нашей Родины — на Красной площади. Быстро оправившись от этого позора Михаилу Горбачеву это помогло основательно потрясти Министерство обороны. 30 мая новым министром стал преданный новому генсеку во всем Дмитрий Язов.

Между тем в средствах массовой информации Союза растет количество публикаций и передач, связанных с име-

нем Владимира Высоцкого. В феврале в газетах и журналах прошла информация о спектакле Ивановского молодежного театра «Мы вращаем Землю», поставленном по песням В. Высоцкого. В связи с этим театру вскоре будет присвоено имя Владимира Высоцкого.

Кажется, положительно решена и судьба музея В. Высоцкого: в апреле исполком Моссовета принял решение об отводе земли для здания музея. Если в феврале 1987 года количество публикаций о поэте в союзной прессе исчислялось всего двумя, в марте — пятью, а в апреле — шестью, то в мае эта цифра достигла 16.

30—31 мая на экранах Центрального телевидения демонстрировался двухсерийный телефильм «Владимир Высоцкий» режиссера А. Торстенсена.

Но имя Владимира Высоцкого гремело не только в пределах его родного Отечества. В апреле в Варшаве в течение двух дней проходил фестиваль песен В. Высоцкого. Песни исполнялись как на русском, так и на польском языках. В результате две первые премии получили Анджей Флисак и Вацлав Кадета.

В середине июля с гастроями в СССР приехал популярный американский певец Билли Джоел. Его концерты были посвящены памяти Владимира Высоцкого. Когда его спросили, почему именно Высоцкому, Джоел ответил: «Я приехал к вам не только для того, чтобы петь. Я хотел понять, чем вы живете. И так вышло, что первое место, куда я пришел в Москве, было кладбище, где похоронен ваш замечательный певец. Это случилось в годовщину его смерти. Честно скажу, у нас в Штатах нет ничего подобного. Я был потрясен. Даже могила Элвиса Пресли не знает таких паломничеств. Здесь люди стоят в гигантской очереди целый день, лишь бы положить к памятнику цветы. Я подошел к двум незнакомым парням и спросил: «Почему?!» И они ответили мне: «Потому, что он говорил правду». Это поразительно... Я бывал и в гостях у мамы Высоцкого Нины Максимовны...»

Ранней осенью 1987 года в свет вышла одна из самых знаменательных публикаций, посвященных Владимиру Вы-

соцкому. В том потоке панегириков о нем, что успели выйти за эти годы, эта публикация была знаменательна тем, что в ней впервые поэт был представлен во всей красе своих не только положительных, но и отрицательных поступков. К имени Станислава Куняева в какой-то мере прибавилось и имя друга детства Владимира Высоцкого драматурга Эдуарда Володарского, опубликовавшего в № 3 альманаха «Современная драматургия» свою пьесу «Мне есть что спеть...» Предисловие к ней написал Е. Евтушенко. Но, как и следовало ожидать, столь беспристрастный взгляд на Владимира Высоцкого и его окружение большинством читателей был встречен в штыки. 29 января 1988 года Юлия Маринова в газете «Литературная Россия» опубликовала статью под лаконичным названием «Я ненавижу сплетни в виде версий...», взяв за название строку из песни В. Высоцкого.

«У драматурга Эдуарда Володарского рука, видимо, не дрогнула...»

Как же удалось Э. Володарскому увидеть настоящее лицо Поэта? Способ, похоже, отыщется в любой поваренной книге (см. «винегрет»). Для приготовления такого лакомого драматургического блюда берутся в равной мере пропорции: реальные факты жизни главного героя, слухи, сплетни, наветы и собственные домыслы, все крошится на мелкие кусочки, тщательно перемешивается и подается под соусом «искренней работы», которая, если верить автору предисловия, для многих, знавших Высоцкого понаслышке... сделает его ближе, роднее, в то же время не впадая в «идолизацию».

...Героя пьесы зовут Владимир... Степанович. Это о нем — Степановиче — скорбят на грандиозных (к вящему изумлению милиции) похоронах вдова Ирина (!), первая жена Маша (!), не расстающийся с флягой спиртного друг Дмитрий (!), заклеянные словом и презрением драматурга Отец, несчастная, когда-то брошенная этим Отцом Мать. Это о нем — Степановиче — судачат собравшиеся под крышей одного купе пассажиры, муссируя различные версии судьбы Владимира. Видимо, этим пассажирам предлагает Володарский свою версию — версию человека посвященного. Уж

он-то знает, уж он-то нам расскажет! Все-все самое интересное. И как репетиции Владимир прогуливал, и как шмотки свои направо-налево раздавал сомнительным друзьям, и как он бесновался, когда его в газете обругали, и как он всем знакомым поэтам свои стихи раздавал и просил, чтобы помогли напечатать, а главное, — вот где изюминка-то, — как он первую жену с двумя детьми бросил, как вторую мучил, как жены эти друг с дружкой ругались, а сами его понять не умели: одна в обычные серые будни тащила, другая — во Францию. Словом, информации для того, чтобы сделать Поэта «ближе», «роднее», хоть отбавляй — отборная, из первых рук, как говорится. Как будто за портьеру подсмотрел или под кровать залег с магнитофоном...»

Публикация Ю. Мариновой была к тому времени не первым возмущенным откликом на труд Э. Володарского. Первым против этой пьесы, как и полагается, восстал отец поэта. 12 ноября 1987 года в газете «Советская культура» было опубликовано его письмо:

«...В солидном литературно-художественном альманахе «Современная драматургия» (№ 3, 1987 г.) печатается пьеса Э. Володарского «Мне есть что спеть...» Это произведение благословил своим предисловием поэт Е. Евтушенко. Как сказано в предисловии, пьеса была написана «сразу, на одном дыхании, буквально в первые недели после того, как Высоцкого не стало...»

Не вдаваясь в дела литературы, я... удивляюсь, что редакция альманаха опубликовала эту пьесу, не поставив в известность и не посоветовавшись с еще сегодня живыми родителями Владимира Высоцкого. Я же, его отец, поставлен в положение, которое ложно и которое вызывает у меня не только страдание, но и гнев. Наверное, можно выводить «собирабельные» образы, у которых нет одного конкретного прототипа. Но отец у Владимира один-единственный, и им являюсь я. И вот я вижу самого себя отраженным в литературе. Что я могу сказать об этом? Все, что касается моей роли в пьесе, моих отношений с начальством, моего отношения к сыну и его песням, есть ложь, выдумка, для меня ос-

корбительные. Я никогда не сидел «на краешке стула» перед вышестоящим начальником, никогда не краснел за сына, не оправдывался за его песни и его поведение. У меня есть свое чувство собственного достоинства, о чем лучше всех знал Володя. У меня, наконец, есть и своя биография, свой опыт жизни, и с этим тоже всегда считался мой сын. Зачем же живого, реального человека выводить как «художественный образ», олицетворяющий трусость, зависимость от начальства и другие совсем не присущие ему черты характера?

Мне кажется, здесь нарушены какие-то главные законы литературы, законы правды и этики. Содрогаюсь, представляю себе, что найдется театр, где эта пьеса будет поставлена («на Высоцкого» зритель пойдет!), и всему этому поверят зрители. Это было бы оскорбительно не только для меня, но и для памяти о моем сыне.

С.В. Высоцкий, гвардии полковник в отставке, член КПСС с 1943 года, ветеран Вооруженных Сил СССР, ветеран труда, участник Великой Отечественной войны.

Таким образом, с осени 1987 года имя Владимира Высоцкого очутилось в центре скандала, затеянного теперь между собой его близкими родственниками и друзьями. И если до этого миллионы поклонников поэта объединились в своем святом гневе против Станислава Куняева, посмевавшегося поднять свой голос против их кумира, то теперь эти поклонники были в смятении, не зная, чью сторону им принять в поднявшейся перепалке. А эпицентр скандала тем временем расширялся.

Еще 15 октября в средствах массовой информации Советского Союза прошла информация о том, что во Франции в издательстве «Файяр» вышла в свет книга Марины Влади «Владимир Высоцкий, или Прерванный полет». После этого сообщения для многих знающих людей стала более понятна логика развития скандала. Дело в том, что неприязненные отношения между Мариной Влади и Эдуардом Володарским были известны давно и многим. Поэтому наивно было бы думать, чтобы такой расчетливый человек, как Влади, не преминула описать этот конфликт в выгодном для се-

бя свете в своей книге. Так оно и оказалось. В своей книге Влади называет Володарского не иначе как «другом детства Высоцкого, приятелем по пьянке, впоследствии оказавшимся предателем» и подробно описывает эпизод, когда после смерти Высоцкого его дом, построенный на дачном участке Володарского, был попросту разрушен бульдозером по желанию Володарского.

«Мебель будет продана, — писала Влади, — а все вещи окажутся в доме твоих бывших друзей. Я хотела отдать дом твоим детям, но у владельца участка (Володарского) были другие планы. Увидев, что им не удастся присвоить дом, они разрушили то, чем не смогли завладеть».

Зная о том, что во Франции готовится к изданию книга М. Влади, Э. Володарский решил, по-видимому, упредить события и вытащил на свет свою пьесу, которая до этого благополучно пролежала в его столе без малого семь лет.

Скандал вокруг имени Владимира Высоцкого в те дни был перекрыт другим громким скандалом, в центре которого стояли первые лица государства. 21 октября на очередном Пленуме ЦК КПСС с критикой в адрес отдельных членов Политбюро и хода реформ выступил 1-й секретарь МГК КПСС Борис Ельцин. Слухи об этом выступлении с быстротой молнии распространились по Москве. Вскоре все они подтвердились.

Б. Ельцин был снят со своего поста, дружно освистан и морально избит своими бывшими соратниками и отправлен на тихую работу в Госстрой. Несмотря на отсутствие зубной пасты в московских магазинах, перестройка уверенно двигалась вперед, на ходу сбрасывая со своих подножек различного рода неверующих и капитулянтов. А чтобы отсутствие зубной пасты не расценивалось людьми как первые симптомы грядущих суровых потрясений, власть компенсировала ее отсутствие новыми пропагандистскими шагами. В декабре 1987 года, к вящему удовлетворению москвичей, Брежневскому району Москвы было вновь возвращено его исконное название — Черемушкинский.

Осенью 1987 года Владимиру Высоцкому была посмерт-

но присуждена Государственная премия СССР в области кинематографии за его кинороли последних лет («Место встречи изменить нельзя», «Маленькие трагедии»). Это была справедливая, но запоздалая награда. Весной того же года фирма «Мелодия» приступила к выпуску 20 пластинок с концертными выступлениями Владимира Высоцкого за 13 лет (1967—1980). В основу этого сериала была положена коллекция звукорежиссера «Мелодии» В. Крыжановского. Составителями серии стали близкие друзья В. Высоцкого — В. Абдулов и И. Шевцов. К октябрю 1987 года к выходу были уже готовы четыре диска: «Сентиментальный боксер», «Спасите наши души!», «Москва — Одесса» и «Песня о друге».

В то же самое время другая награда — Государственная премия РСФСР имени М. Горького в области литературы — тоже нашла своего героя, но уже при жизни. Она досталась поэту Станиславу Куняеву за его 300-страничную книгу «Огонь, мерцающий в сосуде». Из 300 ее страниц 20 были посвящены Владимиру Высоцкому.

«Высоцкий многое отдавал за эстрадный успех. У «златоустого блатаря», по которому, как сказал Вознесенский, должна «рыдать Россия», нет ни одной светлой песни о ней, о ее великой истории, о русском характере, песни, написанной любовью или хотя бы блоковским чувством...

...Знаменитый бард ради эстрадного успеха, «ради красного словца» не шадил наших национальных святынь...

Песни его не боролись с распадом, а, наоборот, эстетически обрамляли его...

...Нынешний ребенок, если он сначала услышит пародию Высоцкого на «Лукоморье», уже едва ли испытает это душеобразующее чувство, прочитав «Лукоморье» настоящее, потому что персонажи его уже безнадежно осмеяны. Сказка умерщвлена...»

Тем временем приближалось 25 января 1988 года — 50-летие Владимира Высоцкого. Дата столь знаменательная, что просто не могла быть не замеченной союзными средствами массовой пропаганды.

С декабря 1987 года некоторые газеты принялись за пуб-

ликацию избранных глав из книги Марины Влади «Владимир Высоцкий, или Прерванный полет». Причем делалось это «пиратским» способом, т.е. без испрашивания согласия на публикацию со стороны автора книги. Вернее, запросы по поводу публикаций к М. Влади приходили чуть ли не от 20 советских изданий, но ни одному из них вдова не дала согласия на публикацию. В результате эти отрывки в декабре 87-го, в обход ее, были опубликованы в «Советской России», а затем уже в газетах «За рубежом», «Неделя» и даже в далеком «Комсомольце Узбекистана». Этой широкомасштабной «пиратской» акцией Марину Влади буквально подталкивали к тому, чтобы она как можно скорее заключила договор на издание своей книги в СССР. И М. Влади заключила такой договор с издательством «Прогресс».

В связи с этой новостью не у всех, кто был близок к В. Высоцкому, поднялось настроение. В январском номере «Аргументов и фактов» отец поэта Семен Владимирович так и заявил: «То, о чем пишет Влади, она, наверное, знает лучше меня. Но вот подход к событиям, которые она описывает, несколько другой, потому что она родилась и воспитывалась в условиях капиталистического общества, и то, что у них модно писать, у нас не принято. Но раз она автор, то обязана отвечать за то, что публикует. К сожалению, она «выдает» многие сенсационные моменты, которые не соответствуют действительности».

Судя по всему, Семен Владимирович к этому времени еще не был знаком с полным переводом книги, иначе его отклик был бы еще более резким и гневным. Ведь в своей книге М. Влади не побоялась в открытую обвинить его во многих грехах перед собственным сыном: «Этот пьяница, этот антисоветчик, этот отступник, этот бесталанный человек, этот мерзавец, этот враг, этот сумасшедший, этот плохой сын, этот отвратительный отец, этот опустившийся человек, который якшается с иностранкой, — это ваш сын, Семен Владимирович. Этот превозносимый публикой актер, признанный творец, этот человек, страстно влюбленный в родную землю, неутомимый труженик, патриот, яс-

новидец, лишенный общения с детьми отец, терпеливый и снисходительный сын, человек, свободный и счастливый в своей личной жизни, — это ваш сын, Семен Владимирович. Ваши медали, тяжело заработанные на войне, не дают вам сегодня права извращать истину. Вы никогда ничего не понимали. Песни вашего сына только резали вам слух. В вашем кругу его образ жизни считали скандальным. И вы предали его. И даже если вы не понимаете размеров вашего деяния, этот поступок был вдвойне преступлением: вы оклеветали человека, и это был ваш собственный сын.

В течение двенадцати лет я старалась примирить вас. Но вас волновало лишь собственное спокойствие. Вы хотели, чтобы его творчество не выходило за общепринятые рамки. Вы никогда по-настоящему не интересовались произведениями вашего сына. Вы никогда не понимали его борьбы, потому что она не вписывалась в ваше представление о жизни. Во время наших ужасных споров о памятнике на могиле меня поразила одна вещь. Вы несколько раз намекали мне, что ваше последнее пристанище будет рядом с сыном. Я ответила резко, что это все-таки могила, а не коммунальная квартира. Но от вашей неожиданной известности, ежедневных знаков народного обожания по отношению к вашему сыну вы вошли во вкус почестей. Поставив этот абсурдный памятник, вы готовитесь высечь там свое имя. Вы, который никогда не поддерживал вашего сына в борьбе за правду, готовитесь разделить с ним посмертную славу».

Но на время празднования 50-летия В. Высоцкого в конце января 88-го все склоки вокруг его имени были на время отставлены в сторону. Во всяком случае, средства массовой пропаганды «притихли» на три недели, не раздувая на своих страницах новые скандалы.

24 января 1988 года во Дворце спорта в Лужниках состоялся вечер под названием «Венок посвящений». 11 тысяч зрителей, собравшихся во Дворце, внимали словам друзей поэта, среди которых были одни и те же лица: А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина, Ю. Мороз, П. Вегин и другие.

На следующий день, 25 января, в день рождения поэта, на доме по Малой Грузинской, 28 состоялось торжественное открытие мемориальной доски. В тот же день в зале Всесоюзного центра фотожурналистики открылась выставка под названием «Сквозь объектив и время: В. С. Высоцкий», на которой было представлено 300 работ, запечатлевших поэта в различные периоды его жизни и творчества. На другой день, 26 января, в издательстве «Книга» состоялось представление книги о В. Высоцком с его стихами, песнями, воспоминаниями о нем его друзей и близких. На этом представлении присутствовала и приехавшая в Москву Марина Влади.

В те дни в различных издательствах страны вышло несколько книг, связанных с именем В. Высоцкого. Среди них книга произведений поэта «Четыре четверти пути», книга А. Демидовой «Владимир Высоцкий. Каким помню и люблю».

Январская пресса подарила поклонникам В. Высоцкого беспрецедентное количество публикаций о поэте — 23 статьи. Кажется, что каждый, кто хоть мельком видел Владимира Высоцкого или стоял с ним рядом, стремился теперь сказать о нем доброе слово и тем самым запечатлеть и свое имя в истории рядом с ним. В № 6 февральского «Огонька» М. Влади по этому поводу горько заметила: «В этот приезд, связанный с 50-летием Владимира Высоцкого, к радости от проявлений всестороннего признания поэта примешивалось чувство грустного недоумения, вызванного доходящими до кликушества выступлениями, интервью и статьями многочисленных друзей и зачастую тех самых людей, которые при жизни отказывали Высоцкому даже не в признании, а в элементарном уважении. Эти люди мелькают на экранах телевизоров, сидят в президиумах вечеров памяти, где из скромности не появляются его истинные и старые друзья и, стесняясь всеобщего ажиотажа, избегают присутствовать я».

К апрелю 1988 года количество подобных «друзей», о которых упомянула М. Влади, развелось, судя по публикациям, столько, что это приобрело поистине анекдотические

формы. Не случайно писатель М. Липскеров в своем фельетоне «Воспоминание», опубликованном в «Клубе 12 стульев» «Литературной газеты», писал: «В последние годы в прессе появилось колоссальное количество воспоминаний людей, друживших с Владимиром Высоцким. По моим подсчетам, с младенчества с ним дружили около ста двадцати тысяч человек, в последующие годы прибавилось еще около четырех миллионов. И каждый из них, судя по воспоминаниям, внес громадный вклад в становление Высоцкого как человека».

Идеологам перестройки нужен был Владимир Высоцкий как герой борьбы с брежневским застоєм и, дав «добро» на популяризацию его имени, они уже не контролировали масштабы этого процесса. Считалось, что чем больше статей о нем выйдет, тем лучше. Вот и бросились газеты и журналы опережать друг друга в освоении такой модной темы, как «Высоцкий», не особенно заботясь о качестве публикуемого материала. Но чем громче били фанфары славословий по адресу безвременно ушедшего поэта, тем печальнее становилось на душе у истинных поклонников его. Вновь с убийственной правотой подтверждалась истина: две вещи мы всегда умели делать на Руси — унижать и возвеличивать. Не успело стихнуть эхо официальных торжеств, как вновь возобновилась перебранка в стане родных и друзей поэта. Открыла же ее статья в «Советской культуре» от 6 февраля, явившаяся ответом на публикацию в этой же газете письма драматурга Э. Володарского (16 января). Статья от 6 февраля называлась: «Прежде чем обвинять других» и была подписана Мариной Влади, Жанной Прохоренко, Всеволодом Абдуловым, Артуром Макаровым, Олегом Халимоновым и Валерием Янковичем, людьми, которые принадлежали к «антиофициальным» друзьям Владимира Высоцкого.

«Дело в том, — писали авторы письма, — что Э. Володарскому, обвиняющему других в неуважении его покойного друга, хорошо бы кое-что вспомнить».

Десять лет назад Владимир Высоцкий мечтал иметь дачу, где бы мог хотя бы короткие сроки спокойно работать. С изысканием подходящего земельного участка возникли

сложности, и тогда Э. Володарский предложил построить дачу на его участке. В писательском дачном кооперативе «Красная Пахра». Заверял, что впоследствии приложит все силы, дабы способствовать разделению этого участка.

Несмотря на все затруднения, дача была построена и обставлена, однако Владимир Высоцкий и его жена провели там вместе всего два дня — вскоре поэта не стало.

Как быть с дачей? Строение нуждалось в законном оформлении. Тогдашнее руководство Моссовета пошло навстречу просьбе вдовы поэта и приняло решение о том, что дача в виде исключения будет передана детям Владимира Высоцкого. Родные и друзья радовались возможности сохранить этот дом, намереваясь создать в нем нечто вроде мемориала.

И вдруг Э. Володарский круто изменил позицию. Началась возня, в которой Э. Володарский повел себя недостойно. Пошли споры, разборы в правлении кооператива, тяжбы...

Сейчас от дома Владимира Высоцкого ничего не осталось. Лишь расписка — обязательство Э. Володарского выплатить некую сумму — стоимость строительных материалов. Выплачена она не была. Э. Володарский объявил, что опротестовывает свое обязательство.

Не хотелось предавать все это огласке. Но коль скоро Э. Володарский выступил апологетом справедливого отношения к его умершему другу, мы сочли дальнейшее умолчание невозможным».

Не прошло и трех недель после публикации этого письма, как 26 февраля 1988 года в газете «Неделя» появилось письмо за подписью детей Владимира Высоцкого, выступивших в защиту известного драматурга. Это было тем более удивительно, что против Э. Володарского еще в ноябре прошлого года выступил отец В. Высоцкого Семен Владимирович. Получалось, что внуки выступили против родного деда. «Обидно, когда имя твоего отца оказывается в центре склочной истории по разделу имущества. Еще горше обида, когда история эта вдруг оказывается выставленной с непонятной целью на всеобщее обозрение. А когда еще твое соб-

ственное имя становится козырной картой в склоке, а ты об этом ничего не знаешь, ты всячески противишься этому!..

Наверное, молчать нельзя...

Драматург Э. Володарский, чье имя оказалось втянутым в историю с наследством, был знаком с В. Высоцким на протяжении семнадцати лет. Именно он предоставил В. Высоцкому возможность построить дачу на своем участке. Все конфликты, связанные с домом, возникли после смерти отца и были невозможны при его жизни. У нас лично не было и нет сейчас никаких претензий к Э. Володарскому — дом В. Высоцкого был разобран вопреки его желанию по решению правления дачного кооператива, денежную компенсацию он выплатил нам за него полностью, есть все необходимые документы, подтверждающие это...

Но хватит об этом. Важнее сказать другое.

Дружба Э. Володарского с отцом была не просто знакомством или приятельством — это была дружба двух творческих людей, близких по духу. Э. Володарский был одним из немногих, если не сказать — единственным литературным соавтором В. Высоцкого: ими был написан сценарий полнометражной приключенческой ленты «Каникулы после войны», в настоящее время готовящейся для постановки. Собирались они и дальше работать в соавторстве над сценариями кинофильмов, вместе придумывали сюжеты, характеры будущих героев. Перед памятью В. Высоцкого он никаких проступков не совершал.

Мы ни в коей мере не хотим сказать, что он был единственным или ближайшим другом отца. Среди его близких было немало людей, в том числе и те, кто упрекает сейчас Э. Володарского в несуществующих грехах.

Пока Владимир Высоцкий был жив, близость к нему объединяла всех. После его смерти она же их разъединила. Это очень грустно. Нам бы очень хотелось, чтобы все раздоры навсегда кончились. Понимаем, что это не так просто сделать, и тем не менее сделать необходимо: взять и помириться перед памятью Владимира Высоцкого, сообща участвовать в создании его полной и правдивой жизненной и

творческой биографии. И для этого нужно прежде всего перестать сводить личные счеты... Аркадий Высоцкий, студент ВГИКа, Никита Высоцкий, актер театра-студии «Современник-2».

Но время уже ушло, и мирить враждующие стороны было к тому периоду поздно. В бой вступала «тяжелая артиллерия» противоположной стороны: за доброе имя Э. Володарского вступились ни много ни мало 23 уважаемых и известных в мире искусства и среди поклонников В. Высоцкого деятеля, письмо которых «Советская культура» опубликовала 5 марта. Среди подписантов были Э. Рязанов, С. Соловьев, Н. Губенко, Ж. Болотова, И. Рубанова, Л. Филатов, Т. Друбич, П. Чухрай, И. Бортник, А. Смирнов, А. Митта и др.

«Уважаемый товарищ Беляев! Нас удивила публикация руководимой Вами газеты от 6 февраля сего года, касающаяся нашего товарища и коллеги Эдуарда Володарского. В газете решительно растаптывается честь и репутация этого известного и талантливого кинодраматурга. И дело не только в содержании публикации, в огульных обвинениях Марины Влади и других лиц, письмо подписавших. Мы могли бы доказательно опровергнуть опубликованное, но понимаем, что разбор и проверка клеветы — дело других учреждений.

Мы переживаем сейчас существенный момент нашей истории, связанный с надеждами на возрождение всего лучшего в человеке. Способствует ли тому упомянутая публикация? Бесцеремонно вторгаясь в личную жизнь художника, делая ее предметом тенденциозного общественного обсуждения, газета творит недоброе дело — плодит сплетни и домыслы... Мы все же надеемся, что это досадная оплошность, которая, разумеется, требует публичных извинений. Иначе болезнь может стать хронической: касаясь мертвых, мы перестаем быть осторожными и терпеливыми с живыми».

Опубликовав это письмо, руководство «Советской культуры», кажется, впервые со дня опубликования первого письма отца от 12 ноября 1987 года понял, что конфликт зашел слишком далеко и, к сожалению, не без их посильной помощи. Поэтому в своем комментарии к «письму 23-х» ре-

дакция газеты заявила: «Хочется сказать — гласность гласностью, но сколько же можно? Ведь отец поэта начал разговор об этике художника, разговор по теме, близкой нашей газете. И сейчас это уже элементарная перепалка, способствовать которой редакция не намерена...»

По мнению многих, на примере этой печальной истории вокруг имени Владимира Высоцкого наглядно подтвердилось пророчество скептиков о том, что перестройка, начатая М. Горбачевым, закономерно перерастет сначала в перепалку, а после в перестрелку. И это пророчество, кажется, начало сбываться еще в том феврале 88-го.

В упомянутом феврале внеочередная сессия Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области приняла решение ходатайствовать перед Верховными Советами Азербайджанской и Армянской ССР о передаче НКАО из состава Азербайджана в состав Армении. Это решение буквально взорвало обстановку в Закавказском регионе.

27 февраля в азербайджанском городе Сумгаите сотни головорезов учинили массовые кровавые погромы над ни в чем не повинными армянами. При прямом попустительстве местных властей эти побоища продолжались в течение двух дней. Москва на этот откровенный геноцид ответила молчанием и отделалась всего лишь легким внушением, вместо того чтобы всей мощью своей государственной машины обрушиться на зачинщиков и участников этого кровавого преступления. Впоследствии это попустительство и беспомощность руководства страны дорого обойдется державе.

Между тем у «прорабов перестройки» к этому времени появились и первые противники, публично обнаружившие себя. 13 марта в газете «Советская Россия» появилось письмо-манифест рядовой преподавательницы химии из Ленинграда Нины Андреевой под красноречивым названием «Не могу поступиться принципами». Это был первый публичный вызов Михаилу Горбачеву и тому политическому курсу, который он проводил в жизнь. И вот тут вся мощь пропагандистского аппарата была обрушена на немолодую женщину. С этого момента началось открытое противоборство

реформаторов и консерваторов в руководстве страны, да и нижние слои населения довольно быстро расслоились на симпатизирующих одной или другой из этих группировок. Наступала всесоюзная «перепалка», выплеснувшаяся на страницы массовой печати.

День публикации статьи Нины Андреевой, 13 марта, Театр на Таганке встретил на гастролях в Мадриде, где проходил Восьмой фестиваль искусств. Эти гастроли театра стали знаменательны тем, что именно на них состоялась долгожданная встреча труппы со своим родителем — Юрием Любимовым. Свидетель этого события В. Смехов писал: «17 марта. С 14 до 15.30 — ожидание вестей из аэропорта. Встреча состоялась, и ее описать невозможно. Пять лет без двух месяцев длилась разлука. Юрий Любимов вместе с женой Катей подробно общался с каждым актером, электриком, костюмером, радистом... Номер нашего директора Николая Дупака на два часа оказался сценой удивительного спектакля».

На этом фестивале Таганка представила зрителям спектакль «Мать», который еще в 1968 году поставил Юрий Любимов. Отправка спектакля опального еще режиссера на фестиваль за пределы страны было многозначительной акцией со стороны Министерства культуры СССР. Без сомнения, этой акцией власти давали понять всем и прежде всего самому Юрию Любимову, что почва для его возвращения на родину уже готова. Это стало понятно еще в феврале этого года, когда журнал «Театр» опубликовал ностальгические воспоминания В. Смехова «Скрипка Мастера» — панегирик Юрию Любимову.

Именно в Мадриде между Ю. Любимовым и временным руководителем театра Н. Губенко была достигнута договоренность о том, что Любимов прилетит в Москву по частному приглашению Губенко в первой половине мая этого года на премьеру своего спектакля «Владимир Высоцкий», который официально разрешен для включения в репертуар театра.

По рассказам сведущих людей, это возможное возвращение Юрия Любимова на родину обсуждалось на самом Политбюро, и голоса разделились поровну: шесть «за», шесть

«против». Спор разрешил седьмой голос «за», который принадлежал Михаилу Горбачеву. Но даже несмотря на «выигрыш» реформаторов, накануне приезда Любимова член Политбюро Александр Яковлев позвонил Николаю Губенко и слезно молил его: «Николай, я умоляю тебя, во избежание ненужных разговоров пусть Любимов не появляется в театре. Если же это произойдет, пусть все пройдет как можно тише, без рекламы». После поражения Нины Андреевой дела консерваторов были совсем плохи. Развитие политической реформы «по Горбачеву» стало набирать обороты, оказавшиеся «на коне» «шестидесятники», к которым относился и Юрий Любимов, стремились вернуть в строй своих бывших «солдат». Готовилась почва для широкомасштабной акции по возвращению на родину всех диссидентов и эмигрантов.

10 мая 1988 года бывший гражданин СССР, а ныне гражданин Израиля (с августа 1987 года), Юрий Любимов вновь ступил на землю своей родины. Встреча была теплой и широко освещалась в советской прессе. Ступив на родную землю, Ю. Любимов не преминул «покаяться» перед властью, которая простила его, за свою подпись под прошлогодним письмом так называемого «Интернационала сопротивления». В интервью газете «Известия» Ю. Любимов сказал: «Когда дал согласие подписать «Манифест 10», тот, который был опубликован в «Московских новостях», то думал, что он будет полезен перестройке. А вышло наоборот. Вам надо только понять, что я не знал о том броском заголовке, который предшествовал этому письму, — в западных газетах их вообще придумывают отдельные люди, им-то и важно, чтобы было позабористее, посенсационнее. Ну а, кроме того, коллективные письма никогда не выражают личных чувств, тем более что мне читали его в конце концов по-английски, — кто-то вставляет какую-то фразу, тебе она может не нравиться, тебе кажется, что нужно вставить не это, а что-то другое... Я долго не мог расхлебаться с этим «Манифестом» там, на Западе, ибо категорически отказывался участвовать в подобного рода коллективных воззваниях. И впредь не со-

бираюсь... Я художник, а не политик... Я сегодня здесь, разговариваю с вами, несмотря на то, что, как я полагаю, решение о моем приезде было делом непростым...»

Все десять дней своего частного пребывания в Москве Юрий Любимов жил на квартире Николая Губенко и Жанны Болотовой на Комсомольском проспекте. Пройдет всего четыре года, и судьба разведет в разные стороны этих людей, сделает их непримиримыми врагами, и тот хлеб, что они делили за общим столом, встанет им поперек горла.

12 мая 1988 года в Театре на Таганке состоялась официальная премьера многострадального спектакля «Владимир Высоцкий». Свершилось то, к чему театр шел на протяжении последних семи лет. 18 мая во главе с Юрием Любимовым «впервые» состоялся прогон «Бориса Годунова».казалось, что впереди театр ждут новые свершения, новые счастливые дни с прежним руководителем. Как показало время, все оказалось иначе, гораздо печальнее и трагичнее ожидаемого.

За две недели до приезда Ю. Любимова на родину, 27 апреля в «Литературной газете» была опубликована статья Станислава Говорухина «Я — опровергаю», в которой известный кинорежиссер брал под защиту честное имя Вадима Туманова, давнего друга Владимира Высоцкого. Статью в «Литературке» предваряла большая фотография В. Высоцкого и В. Туманова.

А желание взять под защиту друга В. Высоцкого и своего друга возникло у С. Говорухина в связи с тем, что вокруг золотодобывающей артели «Печора» и ее руководителя В. Туманова возник нездоровый ажиотаж и прямая угроза уголовной расправы после того, как еще год назад, а точнее, 13 мая 1987 года, в газете «Социалистическая индустрия» появилась статья В. Цекова и В. Капелькина под выразительным названием: «Вам это не снилось». Объясняя цель этой публикации, С. Говорухин писал: «Авторами статьи Цековым и Капелькиным руководила большая, как это, видимо, им казалось, общественная идея: убрать с дороги годами сложившегося малоэффективного способа производства набирающего силы соперника — кооперативное предприятие. Сто-

ит, мол, очистить от таких артелей дорогу — так, видимо, рассуждали авторы, — и наш паровоз без остановки полетит к светлому будущему. Ну а то, что под колеса неуклюжего локомотива попал живой и достойный человек, — это бог с ним! Лес рубят — щепки летят...

Недавно я выступал в одном из городов Севера. Из зрительного зала пришла записка: «Как мог Владимир Высоцкий, такой разборчивый в выборе друзей, заблуждаться по поводу Туманова? Ведь, насколько известно, он посвятил ему несколько песен...» Пришлось ответить:

— «Заблуждался» не только Высоцкий. «Заблуждался» и я. Более того — продолжаю «заблуждаться». Продолжаю его считать честным и порядочным человеком и самым интересным из тех, с кем мне приходится знаться. Он человек перестройки. Перестройки не на словах, а на деле. Когда все мы еще барахтались в гнилом болоте застоя, он уже стоял на живой и твердой почве деловой, трудовой инициативы. Это он и такие, как он, приблизили нынешнее беспокойное время, вселившее в нас надежду на лучший завтрашний день.

Владимир Высоцкий оставил после себя добрую память. За многое я должен быть ему благодарен. И, в частности, за его близкого друга, которого он передал мне, как дорогую эстафету.

Ровно через месяц после этой публикации, 28 мая, газета «Социалистическая индустрия» опубликовала «оперативный» ответ С. Говорухину. Статья называлась броско: «Хочу жить богато». В предисловии к ней писалось: «Письмо в «Литературной газете» сформулировало платформу сил, для нас пока малознакомых. Они отнюдь не требуют поворота к старому, напротив, торопят идти вперед. Вот только кто действительно и куда в данном случае нас зовет?»

И далее авторы статьи приоткрывают завесу над тайной этих «сил»: «Говорухин... не удержался и привел джентльменский набор аргументов в защиту артели. Но походя, скороговоркой. Понадобились они на этот раз лишь для разгона — чтобы легче было выкрикнуть столь же желанный, сколь и уязвимый лозунг: «Хочу жить богато!»

Удивительное дело, не так уж мало людей, исповедую-

щих этот принцип. Но часто ли вам приходилось слышать, чтобы человек, поставив во главу угла богатство, еще и открыто провозгласил, что для этого все средства хороши?

Говорухин это сделал.

Его герой — теперь уже бывший председатель «Печоры» — богат. Очень богат по нашим временам.

Заработная плата Туманова составила в 1984 году 19,4 тысячи рублей, в 1985-м — 22 тысячи, в 1986-м — 21 тысячу. Кроме того, в виде премий ему выплачивалось из «запасного фонда» по пять-шесть тысяч рублей ежегодно. Это только официально учтенные суммы.

Помнится, с начала 70-х, когда популярность Владимира Высоцкого обрела всесоюзные масштабы и за свои концертные выступления он стал получать большие суммы денег, это тоже вызывало у многих его «доброжелателей» зубовой скрежет. «Живет не по средствам», — гневно изрекали они и писали жалобы в вышестоящие инстанции. Суды обязывали артиста выплачивать тысячные штрафы за «левые» концерты и делали ему «последние» предупреждения в связи с его «нетрудовыми» доходами. Не под это ли «колесо» попал теперь и Вадим Туманов, представитель нового класса советских предпринимателей, громко заявивших о себе после того, как в начале 1988 года был принят Закон о кооперации и частнопредпринимательской деятельности? На авансцену перестройки выходил «класс», такой уязвимый для критики в нищей, задавленной 70-летним большевистским рабством стране.

Тем временем, подавив бунт консерваторов, реформаторы с новой силой и энергией взялись за пропаганду идей перестройки. Остро отточенная «борона» гласности вовсю рыхлила десятилетиями нетронутый чернозем «застоя». Со страниц газет и журналов к людям шагнули герои прошлых и новых времен. Протягивая связующую нить между хрущевской «оттепелью» и нынешней горбачевской перестройкой, публицисты заговорили о «механизме торможения» и командно-бюрократической системе, которую теперь вновь надлежало сломать.

Еще с прошлого, 1987 года стало доброй традицией для всех союзных газет клеймить позором сталинские преступления. Но за святым делом разоблачения прошлых злодеяний для многих пропагандистов забылась простая мысль о том, что всякий перебор выходит боком. Череда статей, ниспроверяющих «вождя всех народов» до уровня элементарного уголовного, а то и параноика, сослужила худую службу перестройке. Бездумно ниспроверяя прошлых кумиров, нынешние идеологи так и не смогли придумать новых, без которых наш народ, увы, уже не мыслил своего существования. На пепелище охаянной истории так и не зацвели новые ростки. Взяв к себе в союзники Владимира Высоцкого, новые идеологи так и не вняли его словам:

Осторожно с прошлым, осторожно!
Не разбейте глиняный сосуд!

Одновременно с ниспровержением сталинских времен доставалось «на орехи» и временам брежневским. Перед взором читателя чуть ли не ежедневно вставали карикатурно-уголовные образы Брежнева, Сулова, Щелокова, Рашидова и им подобных. Реакция населения была соответствующей. В июле 88-го студенты МГУ дружно отказались именовать одну из своих стипендий именем Леонида Брежнева. В августе в том же МГУ после многократных обливаний черной краской мемориальной доски с именем Михаила Сулова эту доску в конце концов сняли и выбросили на свалку. В сентябре начался «процесс года» — суд над зятем Брежнева Юрием Чурбановым, освещаемый в прессе со скрупулезностью, достойной ранее разве что съездов КПСС. Череда массовых переименований улиц, площадей, названных в честь одиозных личностей советской истории (особенно в тот год доставалось А. Жданову), прокатилась по городам Союза, начиная от Ленинграда и кончая Казанью. Завершили в том году этот процесс ноябрьское и декабрьское решения официальных властей отменить Указы об увековечении памяти покойных генсеков Леонида Брежнева и Константина Черненко.

Одновременно с процессом ниспровержения кумиров

прошлого шел активный поиск новых героев. «С полком» снимались фильмы опальных режиссеров, из письменных столов вынимались книги гонимых когда-то писателей. Из эмигрантского далека зазывались обратно на родину опальные граждане СССР. Юрий Любимов стал одним из первых, кто откликнулся на эти призывы. Следом за ним должны были решиться Василий Аксенов, Эрнст Неизвестный, Владимир Войнович, Валерий Чалидзе, Владимир Максимов и еще десятка два достойных имен.

19 июня 1988 года в «Московских новостях» была опубликована статья Эльдара Рязанова, в которой тот активно призывал эмигрантов помочь перестройке.

5 августа в «Книжном обозрении» появилась статья Лидии Чуковской под выразительным названием «Верните Солженицыну гражданство!»

В конце июня в Москве начала свою работу 19-я партийная конференция. И хотя в столице впервые за многие годы вдруг пропал сахар, это не огорчило участников конференции: объявляя перестройку, никто не обещал гражданам СССР сладкой жизни.

После этой конференции изменение политической системы в Советском Союзе пошло ускоренными темпами: партия должна была добровольно отказаться от власти в пользу новых представительных органов. Средства массовой информации во весь голос заговорили о реальном разделении властей, упрекая КПСС в ее единоличной узурпации. Но упреки журналистов уходили в пустоту. 1 октября Михаил Горбачев был единогласно избран Председателем Верховного Совета СССР, оставляя за собой и пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

И все же разрушение КПСС, а с ней и государства началось, и теперь ничто уже не могло остановить Коммунистическую партию от добровольного восшествия на эшафот. Михаил Горбачев шел к своей «пирровой победе», в то время как академик Андрей Сахаров шел к своему бессмертию. В том октябре он был избран членом президиума Академии наук СССР 152 голосами «за» и 82 «против».

25 октября 1988 года в газете «Московская правда» было опубликовано письмо молодого актера Театра на Таганке Д. Певцова под весьма броским названием «На волне прежней славы?» В этом письме молодой актер упрекал своих товарищей, и в первую очередь главного режиссера Таганки Николая Губенко, в том, что коллектив театра утратил смелость и остроту гражданских позиций, занимается реанимацией старых спектаклей, вместо того чтобы создавать новые. Неужели нет сегодня в нашей жизни острых и актуальных тем, нуждающихся в пристальном внимании, в жестком и откровенном обсуждении со сцены? — вопрошал в своем письме Д. Певцов. Актер откровенно выражал недовольство тем, что в ближайших планах театра всего-навсего выпуск Юрием Любимовым спектакля «Живой» по Борису Можаеву и постановка тем же Любимовым «Бесов» по Ф. Достоевскому.

Столь откровенный выпад лично против Юрия Любимова и Николая Губенко в пору нового взлета их карьеры не мог быть оставлен без внимания со стороны их сторонников. И вот 27 ноября в той же «Московской правде» Нина Беликова публикует статью под не менее броским, чем у Д. Певцова, названием «Троянский конь у ворот Таганки», в котором ничтоже сумняшеся заявляет: «Тут уже становится ясно, что не ради плодотворных художественных споров предпринят этот эпистолярный дебют. Тогда уж надо сказать о подоплеке этой односторонней дуэли. Она направлена не только против Губенко, но против стремления окончательно закрепить свое начавшееся воссоединение с Ю. Любимовым. Ибо именно соединить коллектив с его создателем и организатором, одареннейшим режиссером советского театра, и стремится Н. Губенко. Это его линия действия и его ясно продуманная цель. И по ней с неумолимой настойчивостью бьет письмо, устрояя всех угрозой тупика и даже чего-то «порочного»...

Но вот наконец, когда восстановлено имя любимовского театра, когда он сдвинулся с мертвой точки, когда Губенко сумел сделать столько, что благодаря ему Любимов не только как символ, но как действующий режиссер вступил

на сцену театра и поставил на ней «Бориса Годунова», а зрители вновь, как прежде, заполнили залы, именно тогда актер этого же театра Д. Певцов решил идти против этого дела, идти грудью, как против того, «с чем невозможно мириться», что его «унижает и лишает желаний работать».

Поиски «тройных коней», «врагов» в своем не только коллективе, но и в Отечестве в те дни было любимым занятием большинства населения нашей необъятной державы. Сталинисты, брежневцы, консерваторы и прочая братия, мешающая перестройке двигаться вперед, не имела права на снисхождение и клеймилась печатным словом позора со страниц большинства газет и в передачах Центрального телевидения. На смену «отщепенцу» Сахарову и диссиденту Солженицыну приходили сталинисты Нина Андреева и Иван Шеховцов. Для многочисленных поклонников Театра на Таганке таким «врагом» отныне должен был стать актер Д. Певцов, осмелившийся вынести сор из такой почитаемой всеми «избы».

25 октября 1988 года, в день выхода статьи Д. Певцова, в издательстве «Прогресс» была сдана в набор книга Марины Влади «Владимир Высоцкий, или Прерванный полет», которая была переведена дочерью Всеволода Абдулова Юлией без единой купюры по сравнению с парижским изданием. 30 ноября книга была подписана в печать и должна была выйти тиражом в 100 тысяч экземпляров.

В отличие от января 1988 года, когда количество публикаций о Владимире Высоцком, приуроченных к его 50-летию, перевалило за два десятка, этот «неюбилейный» январь подарил поклонникам поэта не более пяти публикаций о нем. Преобладающей же темой публикаций тех дней была тема эмиграции, и героями стали эмигранты, начиная от А. Синявского и Г. Владимова и кончая певцами В. Рубашкиным и А. Днепровым.

Не менее часто, чем об эмигрантах, в том январе писали об осужденном 30 декабря 1988 года к 12 годам лишения свободы Юрии Чурбанове, узбекском деле и Леониде Брежнев.

Между тем к дню рождения Владимира Высоцкого в фойе

Театра на Таганке открылась первая организованная дирекцией будущего центра-музея В. Высоцкого фотовыставка Л. Мончинского «Артель. Туманов. Высоцкий. Старатели». В те же дни была смонтирована и вторая экспозиция — «Дети рисуют Высоцкого», которая открылась накануне дня рождения поэта, перед началом вечера «Таганские среды». 25 января в Театре на Таганке состоялся спектакль «Владимир Высоцкий», после которого около ста человек отправились на семинар «Каким быть центру-музею В.С. Высоцкого?» в Доме творчества «Щелыково». 31 января в Советском фонде культуры состоялась пресс-конференция по итогам семинара. За один январь гражданами СССР в фонд создания музея было прислано 12 тысяч рублей, что по тем временам было немалой суммой.

В январе 1989 года в Москву, теперь уже сроком на три месяца, вновь прилетел Юрий Любимов. Газета «Московский комсомолец» на следующий день после этого события поместила статью «Юрий Любимов: Я приехал домой».

«На белом фоне ярко-красным: «Здравствуйте, Юрий Петрович!» Ожидаящие в аэропорту Шереметьево-2 пассажиры удивленно взирают на улыбающихся людей с цветами, фотоаппаратами, кинокамерами, вылавливая знакомые лица Зинаиды Славиной, Вениамина Смехова, Николая Губенко. Смехов просит диспетчера объявить: «Прилетевшего рейсом Будапешт — Москва Любимова встречает Театр на Таганке. Враз и навсегда!» Диспетчер резонно отказывается: слишком непривычны эти «враз и навсегда!» — любимое выражение одного из героев спектакля «Живой» по повести Бориса Можаева «Из жизни Федора Кузькина».

Собственно, «Живой» — одна из целей приезда в Москву... Через месяц после приезда Ю. Любимова — 23 февраля 1989 года — спектакль «Живой» отпраздновал свою долгожданную премьеру в Театре на Таганке.

Этакие по-детски наивные от нахлынувших на них чувств актеры Таганки еще не ведали, что театр их уже стоит одной ногой в могиле, что осталось совсем немного, чтобы и вторая нога его сорвалась с края и увлекла за собой все «те-

ло». Реанимации театра перестройкой, которая сама уже дышала на ладан, так и не произошло. Романтика «шестидесятничества» терпела поражение в этой раздираемой противоречиями стране. Год 1989-й стал годом великих потрясений. 15 февраля советские войска покинули многострадальный Афганистан после девятилетнего пребывания в нем. Но солдаты возвращались в страну, которая не обещала им покоя. Словесная брань политиков вот-вот должна была привести к новой крови. И она пролилась 9 апреля на площади Руставели в Тбилиси. Противостояние реформаторов и консерваторов обострилось до предела. «Прорабы перестройки» понесли первые «потери» — в мае были отстранены от ведения «узбекского дела» Т. Гдян и В. Иванов.

25 мая в Москве открыл свою работу I Съезд народных депутатов СССР. Это эпохальное событие в истории страны транслировалось на протяжении всех 15 дней работы съезда по Центральному телевидению, подробно освещалось в газетах. Этот беспрецедентный прорыв гласности ускорил ход событий в сторону своего логического завершения.

19 июля была создана межрегиональная депутатская группа, и демократическая оппозиция окончательно сформировалась в серьезную силу, противостоящую коммунистическому режиму.

С августа всколыхнулась Прибалтика, намереваясь «достойно» отметить 50-летие пакта Молотова — Риббентропа. С того же лета забурлила и «витрина социализма» — ГДР. Затем — Чехословакия, Румыния. И, наконец, в ноябре рухнула Берлинская стена, а в декабре пули безымянных палачей отправили на тот свет последних тиранов Восточной Европы — супругов Чаушеску.

А в Москве хоронили Андрея Сахарова, смерть которого поставила последнюю точку в горбачевской перестройке.

За чередой всех этих потрясений, обрушившихся на страну, забылось имя Владимира Высоцкого. Ноябрь и декабрь 89-го подарили его поклонникам лишь два упоминания о нем в печати. 25 января 1990 года, в день его 52-летия, в «Московской правде» Т. Глинка с грустью отмечала: «Время, на-

верное, изменилось. «Чтоб не стало по России больше тюрем, чтоб не стало по России лагерей» — этого теперь требуют громко. И по телевидению, и в кино, и в газетах. А что Высоцкий первый на всю страну крикнул, забыли, что ли... «И на нейтральной полосе цветы необычайной красоты» — тоже уже не открытие. Берлинскую стену порушили и ту полосу с Афганом восстановили, наверное? Устарел? В каком-то смысле, может быть. Сбылось, свершилось многое из того, о чем он один только и пел нам. Пел во всю мощь своего голоса, всей своей стремительной, сжигавшей самое себя, обгонявшей время жизнью. И мы словно наматывали бесконечные магнитные ленты на свои души... Он первый сказал нам о том, что нам еще предстояло узнать...

По заученной традиции, отмечаем только круглые даты. Навели глянец и поскучили, глядя на обилие незнакомых, в спецстолах лежавших фотографий...»

Приезд Юрия Любимова в Москву в январе 89-го стал добрым предзнаменованием для остальных эмигрантов. С января в СССР потянулись остальные бывшие граждане — Андрей Синявский, Мария Розанова, Эфраим Севела, Саша Соколов, Наталья Макарова, Владимир Войнович и другие.

30 июня 1989 года секретариат Союза писателей СССР отменил постановление от 1969 года об исключении Александра Солженицына из своих рядов. Справедливость возторжествовала, но «вермонтский отшельник» не торопился возвращаться на родину, предпочитая наблюдать за событиями издалека.

В том же июне Указом Верховного Совета СССР Юрию Любимову было возвращено советское гражданство. Но и он не слишком торопился окончательно осесть на родной земле. «Родина там, где тебе хорошо», — изречет он гораздо позднее и, следуя этой поговорке, будет жить за пределами СССР, приезжая в Москву лишь на время репетиций очередных спектаклей и их премьер. Может быть, трезвое осознание того, что его страна так и не сможет измениться в лучшую сторону благодаря горбачевской перестройке, при-

шло к Ю. Любимову уже тогда, в 89-м? И, может быть, он как «отец» Таганки почувствовал возможный близкий закат своего детища? Ведь возвращение Ю. Любимова в театр в январе 89-го не было столь безоблачным, и прав был Ю. Смелков, заявляя в декабре 88-го, накануне приезда режиссера в Москву, что «если Любимов и появится, то возглавит коллектив, раздираемый внутренними противоречиями, чему свидетельством — письмо Д. Певцова».

Старый «таганковец» В. Смехов, анализируя в декабре 92-го причины гибели своего театра, грустно отметил: «Десять дней, когда Любимов вернулся как гражданин Израиля и гость Губенко (май 1988), были чарующим праздником. В действительности это была точка. Но мы не вняли знаку судьбы. Казалось, что актеры лишь обленились, у Любимова планы грандиозные: он обновит театр, и все пойдет прекрасно. Советниками Юрия Петровича были старые друзья, ставшие исполнителями главных ролей в государстве, демократы (еще без кавычек). Но к искусству это уже не имело отношения. Таганка превратилась в торжественный пункт проката старых спектаклей, прежних побед...»

23 апреля 1989 года Театр на Таганке справлял свое 25-летие. В «Известиях» поэт А. Вознесенский поместил собственную патетическую статью в адрес юбиляра: «Все театры начинаются с вешалки, Таганка с площади. Дух Таганки убиваем. Дух народной воли ныне вырвался из стен, он может победить. В его энергии есть и доля идей театра по имени Таганка».

Как показала действительность, дух Таганки не победил, «площадь» убила театр. И в то время как А. Вознесенский этого еще не осознавал, В. Смехов уже предчувствовал:

«Я в 1989 году выступил с предложением, которое представлялось мне бесспорным, как дважды два — четыре: мы жили достойно, и достойно нужно закончить. Давайте на год распустим труппу, люди трудоустроятся, а потом Любимов создает что-то вроде товарищества и приглашает играть кого хочет... Но добрая Алла Демидова спросила: что будет с теми, кому некуда устроиться? Гуманно и логично. Люби-

мов грубо разговаривает с актерами, но он не жестокий руководитель, он никогда никого не увольнял, в результате труппа разбухла. При том, что активно в ней работают 30—35 человек...»

Не вняв голосу В. Смехова в том 89-м, театр еще на целых три года продлил собственные конвульсии. Результат налицо. По словам А. Минкина: «За четыре года (1988—1992) — одна полуудача («Пир во время чумы») и одна неудача («Самоубийца»).

Естественно, начались дразги. Кто предал — кто не предал? Кто голосовал «за» — кто «против»? Кто кланялся Эфросу — кто хамил? Процесс пошел. Тот же, что и по всей стране.

Да еще Губенко, на свою беду, попал в министры культуры. На что надеялся? Бог его знает. Репутацию потерял, друзей потерял, приобрел призрачную власть, и свору лизоблюдов, и сомнительную (для артиста) честь открывать дверь перед первой леди, и позорную обязанность защищать Ленина.

А Таганка пополнила ряды мертвых театров...»

Почувствовав, что старая Таганка давно умерла, Любимов решил создать новый театр, сохранив костяк «старых» артистов. Но большая часть труппы испугалась такого поворота событий, резонно заключив, что при подобном раскладе их шансы работать в театре равны нулю. И они выступили против желания Любимова, взяв себе в «атаманы» Николая Губенко. Маски были сброшены, и два мастера встали друг против друга, готовые броситься в драку. Многие поклонники Таганки были откровенно поражены этим, не ведая, что черная кошка между двумя режиссерами пробежала не сегодня, а задолго до этого дня. Но в этом заблуждении не было их вины.

«Московский комсомолец» образца января 1992 года. Из статьи С. Ганелиной «Ю. Любимов. Я приехал домой».

«— Юрий Петрович, дайте руку, — раздался голос, кажется, принадлежавший Николаю Губенко. — Я вас выведу к машине.

Юрий Любимов каким-то образом просочился сквозь окружение».

«Московский комсомолец» образца декабря 1992 года. Из интервью Юрия Любимова Н. Дардыкиной:

«Вспоминаю художественный совет — во время первого моего приезда в Москву (май 1988-го) ко мне подошел журналист Минкин, спросил разрешения присутствовать. Я согласился. Но его жестом остановил Губенко: «Вам нельзя». — «А мне разрешил Юрий Петрович», — сказал корреспондент, на что услышал: «Юрий Петрович здесь не хозяин!»

Я встал, чтобы тут же улететь обратно. Думаю, тот мой порыв — уехать — был правильный. Но мне стало неудобно перед пришедшими. Были здесь Альфред Шнитке, историк Юрий Афанасьев, Юрий Карякин, Эдисон Денисов — интересные и дорогие мне люди... Но все-таки я теперь жалею, что не уехал. Никто не понял тогда, почему я стою и раздумываю, — а я раздумывал: уехать бы... Может быть, приехав через год, я сделал бы больше».

В. Золотухин о конфликте двух режиссеров сказал коротко: «Их конфликт восходит ко времени постановки «Бориса Годунова»: у них были разные концепции роли, были столкновения... Чисто творческие. Потом все усугубилось тем, что Любимов вернулся в театр, имея в своей труппе министра культуры. Я не могу себе представить режиссера, которому это облегчило бы работу...»

К началу 1992 года отношения между Ю. Любимовым и Н. Губенко, экс-министром культуры, испортились настолько, что дело порой чуть ли не доходило до драки. В конце января 1992 года Ю. Любимов приказал работникам театра не пускать в театр Н. Губенко для игры в спектакле «Владимир Высоцкий». Н. Губенко, зная об этом, привел с собой к театру фотокорреспондентов, и этот факт на следующий же день стал достоянием широкой общественности. После этого скандала одиннадцать актеров театра (среди которых самым известным был Леонид Филатов) написали в Моссовет на имя Н. Гончара петицию в связи с тем, что Ю. Любимов и мэр Москвы Г. Попов заключили сделку о приватизации театра. Они писали о том, что выбирают своим руководителем Николая Губенко, и обвиняли Ю. Любимова в нечест-

ной игре. «Мы не хотим перечислять все обиды, сердечные боли и унижения, выпавшие на нашу долю после того, как помешали Юрию Петровичу Любимову и Гавриилу Харитоновичу Попову заключить контракт за спиной коллектива и при негласной поддержке целого ряда высокопоставленных чиновников (И.Б. Бугаев, Г. Попов, вице-премьер А. Шохин и другие), который давал бы Ю.П. Любимову право на приватизацию здания Театра на Таганке совместно с его зарубежными партнерами».

В ответ на это письмо президиум Московского городского Совета народных депутатов принял решение «О Театре на Таганке», в котором говорилось: «...принять необходимые решения по выделению театра и разделению имущества Театра на Таганке между двумя театрами».

В разгар скандала на Таганке наступило 25 июля — 12-летие со дня смерти Владимира Высоцкого. В кинотеатре «Горизонт» состоялся вечер его памяти, на который вновь пришли его друзья и поклонники. В тот же день в центре-музее В. Высоцкого (директор Людмила Абрамова) открылась выставка «Мой Гамлет». И не просто выставка — целый спектакль. Книги, рукописи, фотографии, реквизит (перчатки, шпага и череп Йорика). Плотная шерсть костюмов. Потом была встреча-концерт «Не пройдет и полгода». Актеров с Таганки на нем почти не было, в театре начался отпуск, и многие разъехались кто куда, издерганные нервноотрепкой с дележкой имущества. После отпуска все завертелось с новой силой.

10 октября 1992 года министр культуры России Евгений Сидоров поздравил Юрия Любимова с присвоением ему почетного звания «Народный артист России». Приняв это почетное звание, Любимов вновь улетел за границу, чтобы в скором времени вернуться, но уже на развалины Таганки.

В самом конце октября в театре в течение трех дней происходило тайное голосование о разделе театра. Юрий Любимов это мероприятие не разрешил, но оно все равно состоялось по решению Президента России Бориса Ельцина. За разделение театра проголосовало 146 актеров, против —

27, воздержались — 9. Конфликт внутри театра развел по разные стороны баррикады людей, которые раньше были вместе. Филатов и Шацкая заняли сторону Губенко, Золотухин (бывший муж Шацкой) и Смехов приняли сторону Любимова. И только совместная игра всех перечисленных людей в спектакле «Владимир Высоцкий» объединяет их на время. Здесь они все равны перед памятью Высоцкого и вместе его чтят. И если журналист А. Минкин, называя дату смерти Таганки, указывает на год 1984-й, не будет ли верным поправить его и сместить эту дату на четыре года раньше и вывести год 1980-й — год, когда умер Владимир Высоцкий? Воистину смерть этого человека стала концом для многих мифов и началом великих потрясений!

Предтечи

Владимиру Высоцкому суждено было умереть на стыке смены космических эпох, в преддверии большого парада планет. И это не случайно. Парад планет в XX веке должен был начаться в 1982 году, и с этого момента должен был начаться отсчет гибели великого тоталитарного государства — Советского Союза. Но фактически собираться дальние планеты Солнечной системы (Сатурн, Уран, Нептун, Плутон, Прозерпина) в созвездиях прежде всего Скорпиона (знак СССР) и Стрельца начали с 1977 года. С этого периода кризис в жизни и творчестве Владимира Высоцкого стал приобретать необратимый характер.

Будучи рожденным под созвездием Водолея, Владимир Высоцкий должен был первым принять на себя удар уходящей космической эпохи Рыб (началась в 157 г. до н.э.), но своей смертью предвозвестить скорое наступление эпохи Водолея (начнется в 2003 году).

Похороны Владимира Высоцкого, фактически вторые по своей всенародной скорби (так в 1953 году страна хоронила Иосифа Сталина), должны были стать первым сигналом к уходу коммунистического режима в России.

Начинались 80-е — эпоха, по Высоцкому, «великих перемен и революционных ситуаций». И начать эти перемены должны были мы — жители одной шестой части планеты, страны, находящейся под влиянием созвездия Водолея. Высоцкий 80-й унес с собой жизни двух духовных предтеч надвигающихся перемен Запада и Востока: в июле ушел Владимир Высоцкий (Водолей, тритон Воздуха), в декабре — Джон Уинстон Леннон (Весы, тритон Воздуха). Два этих человека, отделенные друг от друга огромными расстояниями, делали одно великое дело — они сеяли семена разума и любви в опустошенные страхом и безверием души людей, живущих по разные стороны океана. «Стены, которые разъединяют, и мосты, которые соединяют», — пел в начале 70-х Джон Леннон. До падения «железного занавеса» и Берлинской стены оставалось целое десятилетие. Но прожить это десятилетие и не отчаяться помогли нам они — Владимир Высоцкий и Джон Леннон. Два человека, жизненные и творческие судьбы которых были так похожи друг на друга. Джон Леннон был на два года моложе Владимира Высоцкого (он родился 9 октября 1940 года в Ливерпуле), но он, как и его московский сверстник, рос в неполной семье (его отец пропал без вести в 42-м году, и мать Джона вышла замуж вторично). Джон рос на попечении одной из сестер матери и в дворовой компании был одним из самых хулиганистых. И если Володя Высоцкий с друзьями с риском для жизни разбирали найденные немецкие гранаты, то Джон с друзьями катался на «колбасе» трамваев, откровенно наслаждаясь тем ужасом, с каким на них смотрели многочисленные прохожие.

Своеобразный характер Джона ни у кого из близких и друзей не находил должного понимания. Впоследствии Джон с горечью писал: «Люди, подобные мне, осознают свою так называемую гениальность в семь, восемь, девять лет. Я всегда удивлялся тому, что меня никто не открывает. В школе учителя не видели, что я умнее других учеников. Они были бездарные и постоянно пичкали меня совершенно ненужной мне информацией...

Я говорил своей тетушке: «Ты выбрасываешь мои чертвы стихи, но ты еще будешь раскаиваться, когда я стану знаменитым!» Однако она все равно продолжала выбрасывать их на помойку...

Почему они не отдали меня в художественную школу? Почему не научили меня? Почему принуждали быть каким-то чертовым ковбоем, как все? Я же был другим. Я всегда был другим. Почему же никто не обращал на меня внимания?..»

Разве не точно такие же строки мог написать о себе и Владимир Высоцкий, родные которого силком тянули его, из лучших якобы побуждений, в инженерный институт, когда он с детства мечтал быть актером?

В 1956 году Владимир Высоцкий, вопреки воле своих родных и близких, поступил в театральную студию, где познакомился со своей первой женой Изой.

В 1957 году Джон Леннон, вопреки желанию своих родных, поступил в Ливерпульский художественный колледж, где познакомился со своей будущей первой женой Синтией.

Как и его далекий московский сверстник, Джон довольно рано приобщился к курению и спиртному. Образ жизни в рабочих кварталах Ливерпуля способствовал этому. После того как в июле 58-го его мать погибла под колесами автомобиля, Джон нашел единственное успокоение: в вине. Даже встреча с Синтией не исправила его: он нередко приходил домой пьяным и раздраженным и вымещал свою злость на молодой жене.

Единственным любимым занятием Джона в те годы была игра на гитаре. В 1955 году он организовал свою первую группу — «Куорримэн». В 1960 году появились «Битлз». С осени 1963 года, после того как группа выступила в концертных залах Лондона и Швеции, началась битломания.

Первоначально тематика и слова ранних песен «Битлз» не отличались ни новизной, ни глубиной смысла. Но с середины 60-х, благодаря прежде всего стараниям Джона, они повернулись к слову.

В 1966 году Джон пишет песню «Никчемный человек»:

Он поистине никчемный человек,
Живет в своем придуманном мире,
Строит свои нереальные планы ни для кого.
У него нет собственной точки зрения,
Он не знает, куда идти и зачем.
Не правда ли, он немного похож на меня и на вас?

В 1971 году Владимир Высоцкий написал «Песню конченого человека»:

Устал бороться с притяжением земли —
Лежу, — так больше расстояние до петли.
И сердце дергается словно не во мне, —
Пора туда, где только ни и только не.

26-летний Джон, как и 27-летний Владимир Высоцкий, был полон антирелигиозной ереси. 4 марта 1966 года Джон Леннон в интервью лондонской газете «Ивнинг стар» заявил: «Христианство уйдет, исчезнет, отслужит. И нечего спорить об этом. Я прав, и время докажет мою правоту. Сегодня мы популярнее Иисуса. И не знаю, что исчезнет раньше — рок-н-ролл или христианство. С Иисусом все было нормально, а вот его апостолы оказались людьми недалекими и заурядными. Именно они исказили христианство, что, по-моему, и ведет его к гибели».

В 1970 году Владимир Высоцкий напишет песню «Я не люблю», в первоначальном варианте которой будет строка: «И мне не жаль распятого Христа».

В скором времени оба они поймут вред и ошибочность своих утверждений и повернутся к Богу. В 1971 году Джон Леннон, вспоминая свое злосчастное интервью 66-го года, скажет: «Я не против Бога, Христа или религии. И не утверждал, что мы выше или лучше. Я верю в Бога, но не как в старика на небе. И верю: то, что люди называют Богом, есть во всех нас...»

Мысли о смерти и мысли о Боге всегда соседствуют в сознании человека. Дыхание близкой смерти приблизило к Богу и Владимира Высоцкого. И хотя в своих воспоминаниях Марина Влади пишет о том, что Высоцкий никогда не верил в Бога, но это утверждение опровергается его поздней

поэзией. К концу жизненного пути с мыслями о смерти к Высоцкому приходили и мысли о Боге, о том небесном суде, перед которым в скором времени ему придется предстать.

Несомненно, поворот Высоцкого к Богу был обусловлен прежде всего изменением восприятия поэтом окружающей его действительности в результате его душевных исканий. Немалую роль в этом повороте сыграли и его первые поездки за рубеж. Это был своеобразный очистительный душ для умонастроения Высоцкого, который к тому времени успел устать от России, вернее, от той России, которую олицетворяли ее верховные правители.

Лобным местом ты красна
Да веревкой склизкою

(1975)

Оказавшись в первый раз за пределами родины на Западе, Высоцкий сначала был поражен его внешним обликом, тем богатством, которым встретила его та же проигравшая в войне Германия. Но, взглядевшись пристальнее в эту роскошь, Высоцкий вскоре увидел и осознал, что за этой роскошью отсутствует главное, что он всегда ценил в отношениях с людьми, — духовность.

В. Смехов вспоминает: «Первый приезд Володи из Парижа: «Ну и город! Сплошной праздник. Карнавал лиц, веселья, искусства, любви, истории...» От радости обрушил на товарищей град подарков. Мне достался гигантский черносерый шарф, как плед. До сих пор в нем греется зимой моя дочь. Второй приезд — и все наоборот. В обыденности растаяло очарование. Город серых клерков, скупердяй на скупердяе, жизнь посвящена добыче франка. Куда девалась щедрость, где эта нежная влюбленность в свою историю... Будни быта, пробки на улицах, и пробкой деячества заткнуты уши... Расстроенный, язвительный, обманутый — таким мне помнится Владимир после вторичного посещения «вечного города».

Затворник Вышенский епископ Феофан в свое время взывал: «Западом и наказывал и накажет нас Господь, а нам

в толк не берется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим, есть уши, но не слышим и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас! Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня...»

В 1977 году Владимир Высоцкий в песне «Случай на таможне» с горечью констатировал: «Так веру в Господа у нас увозят потихоньку». А в 1979 году, будучи в Америке, признался своему двоюродному брату Павлу Леонидову: «У меня эти сволочи из всех песен на записях Бога изымают». Высоцкий никогда не был праведником, наоборот, он был грешником, и во многом более чем кто-либо. Но скольких падших и заблудших подняла с колен жизнь этого великого грешника. За это в первую очередь и воздается ему от Бога, ибо никто, кроме самого Всевышнего, не вправе судить этого человека.

Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед Ним

В ноябре 1966 года Джон Леннон встретил японскую художницу Йоко Оно на выставке ее авангардистских работ в Лондоне. Эта встреча буквально перевернула душу Джона, отныне эта женщина заняла все его мечты и помыслы.

В июле 1967 года Владимир Высоцкий познакомился с французской киноактрисой Мариной Влади во время работы Международного кинофестиваля в Москве. Эта встреча и знакомство станут поворотными в личной и творческой судьбе поэта.

В ноябре 1968 года Джон Леннон официально развелся со своей женой Синтией, на руках у которой остался малолетний сын Джулиан.

В том же ноябре 1968 года жена Владимира Высоцкого Людмила Абрамова ушла из его дома с двумя детьми на руках.

Юношеское пристрастие Джона к алкоголю к середине 60-х вылилось в злоупотребление наркотиками. Позднее он расскажет: «Во время учебы в художественном колледже я был... настоящим пьяницей, пил, не просыхая. Работая над альбомом «Помогите!» (1965), мы бросили пить и пере-

ключились на марихуану. Мне всегда был нужен наркотик, чтобы выжить. Другим — тоже, но мне — больше всех. Я всегда употреблял больше таблеток, да вообще всего больше, потому что я, возможно, самый ненормальный из всех».

В конце 60-х Джон Леннон проходит курс лечения для наркоманов, именуемый «холодной индейкой». В результате этого в ноябре 1969 года рождается песня «Холодная индейка».

Температура повышается.
Сильный жар.
Не вижу будущего.
Не вижу неба.
В ногах — ужасная тяжесть.
Голова как чугун.
Я хотел бы снова стать ребенком,
А если нет, то лучше умереть.
«Холодная индейка» прервала мой бег.
Во всем теле боль.
Гусиная кожа до костей.
Никого не могу видеть.
Оставьте меня одного.
Глаза широко раскрыты.
Невозможно уснуть.
Лишь в одном я твердо уверен:
Я попал в ледяную бездну...
Тридцать шесть часов корчусь от боли.
Умоляю: «Кто-нибудь, освободи меня еще раз.
О, я буду хорошим мальчиком,
Только, пожалуйста, вылечи меня.
Обещаю тебе все, что угодно...»

В том же 1969 году, в очередной раз угодив в больницу, о подобном же взывал и Владимир Высоцкий.

И душа, и голова, кажись, болит, —
Верьте мне, что я не притворяюсь.
Двести тыщ — тому, кто меня вызволит!
Ну и я, конечно, постараюсь...
Я б отсюда в тапочках в тайгу сбежал, —
Где-нибудь зарююсь — и завою!

«Холодная индейка» Джону Леннону так и не помогла: в начале 1970 года он вместе с Йоко Оно вынужден лечь на новое лечение в психиатрическую клинику профессора Ар-

тура Янова в Лос-Анджелесе. Но и это лечение не принесло желаемого облегчения ни Джону, ни Йоко. В сентябре 1973 года они решают расстаться.

К этому же моменту можно отнести и серьезный кризис во взаимоотношениях Владимира Высоцкого и Марины Влади. Ежегодные госпитализации Высоцкого, его безудержное падение вниз поставили на грань разрыва его брак с Влади. И только согласие Высоцкого в начале 1973 года вшить в себя «эспераль» предотвратили новый крах его семейной жизни.

Расставшись в 1973 году с Йоко Оно, Джон Леннон уехал в Калифорнию, где только и делал, что беспробудно пил. И так продолжалось до лета 1974 года, до тех пор, пока Йоко Оно не вернулась к нему вновь.

Политическое мировоззрение и Владимира Высоцкого, и Джона Леннона формировалось тоже почти одинаково: период серьезного осмысления того, что происходит вокруг них, совпал для обоих с концом 60-х. Для Высоцкого первым толчком к этому послужили события в Чехословакии, для Леннона — позорная война во Вьетнаме. Оба шли почти нога в ногу в неприятии многих вещей и событий. Будучи типичным «шестидесятником», Владимир Высоцкий давно и безоговорочно осудил культ личности Сталина. То же самое делал и Джон Леннон. Он говорил: «Мне кажется, что все революции заканчиваются культом отдельной личности, — даже китайцам, похоже, необходима фигура Отца народа. Думаю, и на Кубе с Че и Фиделем произойдет то же самое. В западном коммунистическом движении нам придется вместо фигуры Отца создать свой образ — образ рабочего».

Единственное, в чем, может быть, они принципиально расходились в тот период — это в отношении к происходящему в Китае. Джон Леннон в 1970—1973 годах поддерживал действия Мао Цзедуна, хотя и с оговоркой: «пока не съезжу в Китай и не увижу сам».

Владимир Высоцкий же целиком и полностью поддерживал курс советского правительства на конфронтацию с

Китаем и по мере своих сил и возможностей помогал ему в этом. В конце концов за цикл своих «антикитайских» песен Владимир Высоцкий был объявлен в Китае чуть ли не «врагом нации № 1».

Джона Леннона душили оковы его общества, которое он считал антигуманным, олицетворяющим собой ненависть, насилие, угнетение, войну, смерть. Он жаждал революции и в то же время боялся ее. Он сознавал необходимость кардинальных перемен, но при этом настойчиво требовал исключить насилие при создании действительно демократического общества. Он говорил: «Хорошо, русские сделали революцию... Посмотрите, сейчас там гнет, нищета и т.д. Каждый раз, когда происходит революция, царствует жестокость, насилие. Вы стреляете в тех, кто не взял верх над вами и не отобрал у вас власть. Но и вам придется восстанавливать разрушенные структуры, а значит, создавать новый истеблишмент, то есть вы возвращаетесь в тот же мешок... Жестокость порождает жестокость, это всеобщий закон. Кто-то скажет, что ситуация меняется в зависимости от места и обстоятельств. Иногда жестокость считают оправданной, но это компромисс. А я считаю, что с миром нельзя идти на компромисс...

Истеблишмент любит провоцировать военные игры. Он стремится заставить вас думать, что единственный путь — жестокость. Покажите мне насильственную революцию, которая принесла бы мир и свободу, вот тогда я скажу: «О'кей, вы правы». Два миллиона лет мы жили в жестокости... Так почему бы не попытаться изменить мир?»

Точно такое же неприятие насилия в любых его формах проповедовал в последние годы своей жизни и Владимир Высоцкий. Если в первом варианте его песни «Я не люблю» (1970) звучала строка: «И если надо, выстрелю в упор», то в дальнейшем он изменил ее, и теперь она звучала: «Я также против выстрелов в упор».

Будучи по своей натуре бунтарем, человеком, жаждущим перемен, Высоцкий в то же время боялся, что вместе с желанными переменами может прийти и насилие, прису-

щее каждой революции. В 1977 году, будучи во Франции, он был приглашен на один из митингов, созданных левацкими и анархо-экстремистскими организациями, и обещал даже выступить там со своими песнями. Но, увидев эти экзальтированные толпы молодых людей и прочитав их инфантильные лозунги на плакатах, он убрал свою гитару и ушел с митинга. «Этим людям нужен учебник истории», — сказал Высоцкий на прощание, и возбужденная толпа, жаждавшая насилия и разрушения, так и не дождалась его песен.

Бескомпромиссная творческая и жизненная позиция как Джона Леннона, так и Владимира Высоцкого, политическая и социальная направленность их творчества не могли не привлечь к себе пристального внимания со стороны спецслужб. На Джона Леннона, к примеру, американское ФБР собирало секретную информацию о его сексуальных и наркотических пристрастиях с целью последующей компрометации. А начался этот сбор информации с того момента, как в ФБР поступило письмо от сенатора Южной Каролины Строма Тармонда, который предупреждал канцелярию президента о том, что Леннон собирается присоединиться к движению хиппи, чтобы сорвать проводимый в Майами съезд республиканцев в знак протеста против войны во Вьетнаме. Белый дом дал команду ФБР начать слежку за неблагонадежным музыкантом. ФБР рьяно охотилось за содержанием его мусорных корзин, агенты посещали его концерты, исследовалось содержание его песен, анализировались его фото, пристально рассматривались его финансовые дела.

Не меньшее внимание, чем уделяло ФБР Джону Леннону, уделял и КГБ Владимиру Высоцкому. Почти о каждом его шаге ретивые стукачи, внедренные в его близкое окружение, регулярно докладывали на Лубянку, почти на каждый его концерт местными чекистами составлялся подробный рапорт с перечислением всего того, о чем говорил со сцены и пел Высоцкий, о разговорах вокруг его творчества в кулуарах зала.

Одной из любимых книг Джона Леннона была книга

Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Величайшей мечтой Джона с детских лет было написать «Алису» самому.

В 1975 году с этим замечательным произведением встретился в работе и Владимир Высоцкий. 30 песен написал он для дискоспектакля, поставленного по этой книге на Центральном радио. Ни один спектакль или фильм не был больше удостоен со стороны Высоцкого таким количеством песен, как «Алиса в Стране чудес».

С 1971 года Джон Леннон жил и работал в Нью-Йорке, городе, который он полюбил и который, по его словам, наиболее соответствовал его характеру и привычкам.

В середине 70-х, впервые посетив США, Владимир Высоцкий полюбил именно Нью-Йорк. «Это истинно мой город!» — часто говорил он своим друзьям.

Последние годы жизни Джона Леннона и Владимира Высоцкого прошли для обоих по-разному.

Джон Леннон, с 1974 года воссоединившись с Йоко Оно, ушел из активной творческой жизни, стал затворником, целиком и полностью посвятив себя семье. 9 октября 1975 года (в день его рождения) у него родился сын Шон. Через пять лет затворничества, летом 1980 года, Джон и Йоко вновь явили себя миру и, полные новых творческих планов и надежд, приступили к записи нового альбома песен.

Последние годы жизни Владимира Высоцкого, в отличие от умиротворенных лет семейного затворничества Джона Леннона, были, наоборот, ускоренной гонкой со Смертью. Родить ребенка Марина Влади не захотела. Свое нежелание она объявила просто: «Наше положение, и без того трудное, было бы совершенно невыносимым, если бы между нами было маленькое существо. Он был бы не связью, а препятствием, он воплотил бы в своем существовании все противоречия, которыми мы болели. Мотаясь между Востоком и Западом, он никогда не смог бы найти своих настоящих корней. Надо сказать, что семья твоей бывшей жены долгие годы внушала тебе, что нервная болезнь, которой тогда страдал твой старший сын, есть следствие твоего алкоголизма. Но

даже когда выяснилось, что это не так, тебе не удалось уговорить меня».

«Я умру этим летом» — написал Владимир Высоцкий весной 1980 года в одном из последних своих стихотворений. Эти его слова оказались пророческими: 25 июля он скончался.

В августе 1980 года ясновидящий Дезайи Холт предупредил Джона Леннона, чтобы он остерегался людей, носящих имена Белл, Ричард и Марк. «Королей убивают их придворные», — изрек Леннон в сентябрьском интервью журналу «Ньюсуик».

8 декабря 1980 года в 22 часа 50 минут у порога собственного дома Джон Леннон был смертельно ранен пятью выстрелами, произведенными молодым человеком по имени МАРК Чапмэн. Через несколько минут после этого в госпитале Джон Леннон скончался. Он пережил Владимира Высоцкого на 136 дней.

Убийца

По словам лечащего врача Владимира Высоцкого Михаила Буянова, Высоцкий уже в 1965 году был тяжелым алкоголиком. Невинные забавы тринадцатилетнего мальчишки, впервые принявшего в компании вина, через десять лет привели к хронической болезни. А ведь еще мудрый Платон предостерегал юношей до 18 лет от пагубного влияния алкоголя, ибо не годится, как писал философ, «к огню добавлять огня».

К концу жизни, уже не делая секрета из своей болезни, Высоцкий признавался Марине Влади: «Я уже пьян до того, как выпью. Потому что меня заносит. Потому что я на самом деле болен».

Вадим Туманов, касаясь этой же темы, вспоминал: «Иногда при нем скажу: а, этот... пьянь поганая». У Высоцкого глаза становятся такие виноватые, такие грустные. «Да это же я не про тебя, Володя...»

Внутри Высоцкого как бы жили два разных человека,

два его Я, одно из которых толкало его наверх, к свету, другое — упорно убивало в нем личность, тянуло в пропасть. Точнее, чем он сам об этом написал, вряд ли скажешь:

Во мне два Я — два полюса планеты,
 Два разных человека, два врага..
 И я борюсь, давлю в себе мерзавца, —
 О, участь беспокойная моя! —
 Боюсь ошибки, может оказаться,
 Что я давлю не то второе Я...
 Искореню, похороню, зарюю, —
 Очищусь, ничего не скрою я!
 Мне чуждо это Я мое второе, —
 Нет, это не мое второе Я!

Владимир Высоцкий тем самым повторил судьбу многих российских поэтов, особенно трагическую судьбу Сергея Есенина, на могилу которого он так часто приходил в молодости и с кем позднее разделил землю Ваганьковского кладбища. В книге «Высоцкий на Таганке» есть прекрасное сравнение двух гениальных людей XX века: «С Есениным у Высоцкого вообще своя родственность. Нетрудно заметить самым поверхностным взглядом — немногие поэты имеют судьбу, так легко становящуюся легендой. Они эту легенду как бы сами и творят — еще при жизни. Другая родственность глубже и еще заслуживает изучения. В ней и «кабацкие мотивы», и та любовь — тоска по родине, которая не покидает нигде, ни за рубежом, ни дома. У каждого свой «черный человек» и своя «Русь уходящая», и нежность к слову, и надрыв, и внутренняя песенность слуха, и — временами — неизлечимая, ничем не заливаемая тоска».

Тоску эту и Есенин, и Высоцкий заливали одним — водкой. Мариенгоф писал о тяжком недуге Сергея Есенина: «В последние месяцы своего трагического существования Есенин бывал человеком не больше одного часа в сутки.

От первой, утренней рюмки уже темнело его сознание. А за первой, как железное правило, шли — вторая, третья, четвертая, пятая...

Время от времени Есенина клали в больницу, где самые знаменитые врачи лечили его самыми новейшими способа-

ми. Они помогали так же мало, как и самые старейшие способы, которыми тоже пытались его лечить...»

Есенинская трагедия чрезвычайно проста. Врачи это называли «клиникой», он и сам в «Черном человеке» сказал откровенно:

Осыпает мозги алкоголь..

Но не являлось ли это пьянство своего рода отдушиной, тем средством, которое помогало Есенину или тому же Высоцкому снять с себя то колоссальное напряжение, которое наваливалось на них в периоды гениальных поэтических или иных озарений? И не прав ли М. Буянов, заявляя: «Художник всегда независим, он не повинует начальникам, он сам по себе, он свято исполняет свое предназначение, он всегда неуправляем и непослушен. Он даже пьет, чтобы от него отвязались, чтобы не уподобляли себе».

Сергей Есенин, как и Владимир Высоцкий, был истинно народным поэтом, вкушавшим от официальных властей лишь тычки и зуботычины, но в народе имевшим стойкую любовь и признание. Он, как и Высоцкий, был женат на иностранке, что придавало его имени еще большую сенсационность и служило возникновению все новых и новых скандалов.

10 мая 1922 года, через неделю после того, как Сергей Есенин и Айседора Дункан поженились (Дункан в то время было 45 лет, Есенину — 27), они уезжают сначала в Европу, затем в Америку.

На Есенина за граница не произвела приятного впечатления, о чем он не преминул сообщить своей супруге. Начинаются первые скандалы. Есенин стал пить, и это несмотря на «сухой закон» в Америке...

Самый грандиозный скандал разразился в парижском отеле «Крийон». Крупнейшие американские газеты, такие, как «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд», сразу же откликнулись на скандал в Париже, поместив сообщение о нем под огромными заголовками: «Айседорин поэт впадает в бешенство в парижском отеле», «Он рехнулся!» («Поэт разносит в щепки мебель в отеле. Танцовщица заявляет, что

брак между ними невозможен»). Действительно, в номере, где остановились Дункан и Есенин, в ночь с 16 на 17 февраля 1923 года была разрушена вся мебель, разбиты зеркала и стекла, разорваны шторы — короче, был совершен настоящий погром. Наутро 17-го не только газеты, но и весь Париж занят исключительно погромом в отеле «Крийон»...

После этого скандала Есенин уезжает в Германию, бросая Дункан. И, как судачат злые языки, прихватывает с собой «в качестве сувенира» очаровательную 17-летнюю служанку Айседоры.

В конце марта Дункан на автомобиле прибывает в Берлин. Встреча ее и Есенина бурно отмечается в ресторане отеля «Адлон» и заканчивается новой ссорой, битьем посуды и попытками сокрушить мебель.

После этого наступает новое примирение, и 27 мая, вернувшись в Париж, Дункан устраивает Есенина в частную и очень престижную лечебницу «Маисон де Сантэ» в пригороде Парижа. В ней Есенин пробыл всего три дня, после чего выписался...

Основываясь на подобных безрассудных поступках Есенина, многие характеризуют его не только как алкоголика, но и как сумасшедшего. Был ли он таким на самом деле? Если был, то тогда остается только поражаться, как такой человек мог писать истинные поэтические шедевры. Например, в последнюю свою психиатрическую лечебницу Есенин лег 28 ноября 1925 года. И уже 28 ноября из-под его пера появляется стихотворение «Клен ты мой опавший» — шедевр. Неужели подобное мог сотворить умалишенный? Или, быть может, создание гениальных творений — это удел только умалишенных, людей «не от мира сего»? Хватило ведь духу ленинградскому «Клиническому архиву гениальности и одаренности (эвропатологии)» в 1925 году отнести к разряду «ненормальных» таких писателей, как Лев Толстой, Глеб Успенский, Лермонтов, Пушкин, Загоскин, Некрасов, Горький, Белинский, Гончаров, Блок, Фет, Бальзак, Стендаль, Эдгар По, Вольтер, Гюго, Кант, Гегель...

Что касается Глеба Успенского или Загоскина, не знаю, но вот Эдгар По, к примеру, был единственным тяжелым

алкоголиком среди ведущих американских писателей XIX века и умер от перепоя в Балтиморе в 1849 году в возрасте всего лишь 40 лет. Да и вообще чуть ли не вся американская литература была создана алкоголиками. Из шести американских писателей — нобелевских лауреатов по литературе трое — Синклер Льюис, Юджин О'Нил и Уильям Фолкнер — в течение длительных периодов жизни были запойными пьяницами, алкоголиками. Двое других — Эрнест Хемингуэй и Джон Стейнбек — тоже много пили.

Если же проводить параллель между русскими и американцами в отношении приверженности к алкоголю, то можно обнаружить много сходного. По мнению В. Коваленко: «Наука сегодня склоняется к мнению, что пристрастие людей к алкоголю определяется преимущественно генетически... Видно, вся восточнославянская популяция в генетическом отношении очень неблагоприятна в смысле восприимчивости к алкоголизму... Как известно, русские в генетическом отношении — в отличие, допустим, от австралийских аборигенов, туркмен, евреев и японцев — нация очень неоднородная, похожая в этом смысле на американцев...»

К сожалению, видимо, случившиеся в прошлом «крововливания» в славянскую популяцию, и без того охочую до питья, не ослабили русскую предрасположенность к алкоголизму (что неминуемо произошло бы, если бы русские перемешались с японцами), а еще более усугубили ее. Рискаю оскорбить нашего доброго северного соседа, осмелюсь высказать предположение, что «виновата» в этом может быть финская «добавка». Ибо финны, как всеми отмечается, очень падки к спиртному».

Не этими ли генетическими корнями объясняется сходство алкогольных пристрастий американца Хемингуэя и русского Шолохова? Хемингуэй был страстным любителем вина и, живя на Кубе, регулярно перед завтраком употреблял шампанское. Столь же страстно любил «шипучий напиток» и Михаил Шолохов. И. Шкал, близко знавший классика советской литературы, рассказывал: «Шолохов, бывая на моей квартире, обязательно пил. Я поражался, как он пьет.

Шолохов пьянел, но только тихо пьянел. Иногда буйст-

вовал. Близкий ему человек показал мне выбоину в дверном косяке своей квартиры. Это Шолохов бросил в пьяном виде тарелку. Тарелка попала в угол и оставила метку. Пил он только шампанское. Мог выпить за сутки бутылок шесть. Хотя к шампанскому он пристрастился уже в 50-е годы, а до этого пил все.

У Шолохова был невероятно сильный организм. Страшно курил: и трубку, и папиросы. В последнее время он стал алкоголиком, самым настоящим, запойным: две недели пьет, а потом месяц не пьет и даже не ест ничего, кроме простокваши. Я это все видел. Мы с ним даже поссорились из-за этого. Я дерзнул поговорить с ним на эту тему. Произошло это уже после моей реабилитации, в 1955 году. «Мишенька, ведь ты же принадлежишь народу. Остановись». Он выслушал меня, покачал головой и сказал: «Илья, не заботься о моем здоровье больше, чем я сам». И хотя внешне сохранились наши отношения прекрасными, внутренне они с того момента похолодели. Иногда даже Шолохов без водки и не писал...» Мы помним, как обиделся на своего лучшего друга Артура Макарова Владимир Высоцкий, когда тот предрек ему, что при такой «запойной» жизни Высоцкий скоро будет «полтинники сшибать на опохмелку у ВТО». Правда, позднее Высоцкий осознал, что друзья хотят ему только добра, но это его уже не остановило. А ведь перед его глазами был достойный пример Павла Леонидова, о котором вспоминала Л. Абрамова: «Он был сыном двоюродной сестры Семена Владимировича (отца Высоцкого) и был примером человека, который вылез из того, от чего никто не мог вылезти. Пашей гордились врачи. И каждый раз, когда Володя задумывался, сможет ли он сам остановиться, он говорил: «Ну, ничего. Есть врачи, есть Паша. Его вылечили, и я тоже...»

В свое время американский поэт Джон О'Хара зарекся от пьянства в 48 лет, после того как угодил в больницу, истекая кровью от прободения язвы. Высоцкий в 1969 году тоже заглянул в глаза смерти, но расстаться с пагубной страстью так и не смог. Что же так влекло его к этому убийственному зелью? Сама психиатрия немногим сильнее в определении

точной причины пьянства. Пристрастие к алкоголю, подобно любому пристрастию, опирается на уверенность, что можно изменить себя, проглотив некую материальную субстанцию. Таким образом, подобно многому другому, что мы вытворяем с собой в этой одурманивающей культуре, пьянство — один из способов самоодурманивания. Люди пьют из-за наследственной предрасположенности, вкусовых пристрастий, социальной принадлежности. Они пьют, потому что утомлены, скучают, встревожены. Люди пьют по многим причинам и, в частности, подчиняясь желанию «почувствовать себя лучше». Пьянство обрубает связи, порождающие беспокойство. Алкоголь действует не как стимулятор, а как успокоительное. Но именно это «разбалтывающее», расслабляющее, замедляющее реакцию действие алкоголя, разрушающего так много ложных ассоциаций и устраняющего ограничители, увеличивает радушие и временную свободу от столь многих уз, напряжения, обязательств.

На Руси, где вино, а с XVI века и водка были напитками традиционными, пьянство никогда не считалось чем-то из ряда вон выходящим. К пьяницам здесь всегда относились снисходительно, ведь в вине топили свои горести и обмывали радости все слои населения без исключения. Безбожно пили водку цари и царицы (Иван Грозный и Елизавета), и премьер-министры, и даже дочь Генерального секретаря ЦК КПСС (А. Рыков и Г. Брежнева).

Галину Брежневу дважды подвергали принудительному лечению от алкоголизма, но женский организм плохо поддавался такому лечению, и все заканчивалось безрезультатно.

Царь в той державе был без лоску —
Небрит, небрежен, как и мы:
Стрельнет, как надо, папироску, —
Ну, словом, свой, ну, словом, в доску, —
И этим бередил умы..
И у него, конечно, дочка —
Уже на выданье была
Хорошая — в нефрите почка,
Так как с рождения пила

(1970)

Отметим, что и сын Леонида Брежнева Юрий, заместитель министра внешней торговли СССР, в свое время тоже лечился от алкоголизма в Институте имени Сербского. А Галина Брежнева и по сей день не бросила давнего пристрастия к алкоголю и часто в хмельном бреду начинает говорить о желании развестись со своим опальным мужем Юрием Чурбановым и выйти замуж вновь. Когда Галина пьяна, ее настойчивые попытки поехать в Москву (она живет на даче) решительно пресекаются небольшой охраной, которая все еще следит за сохранением порядка на том участке привилегированных дач, который местное население до сих пор называет «Царским селом» или «Малой землей».

На Западе, где ко всему относятся практично и прекрасно понимают, какой колоссальный вред обществу наносит пьянство, вкладывают немалые деньги в антиалкогольную кампанию. Многие знаменитости Запада, переболевшие когда-то этой болезнью, теперь открыто пропагандируют трезвый образ жизни и призывают к этому тех своих коллег, кто еще не успел одуматься. В подобных кампаниях участвуют такие знаменитости, как Элизабет Тейлор и экс-битлз Ринго Старр, который совсем недавно закончил очередной курс лечения от алкоголизма.

В нашей больной стране этого пока нет, лишь делаются робкие попытки кое-кого из артистов исповедаться в средствах массовой информации о своем пагубном пристрастии, как это сделали Д. Харатьян, В. Листьев, М. Боярский. Последний был наиболее откровенен и рассказал: «Мне, кроме водки, пива и компании, ничего не нужно. Я всегда с собою в разладе. Я человек пьющий, неуравновешенный. После пьянки вообще боюсь жить на свете... Для меня это проблема номер один. Самое прекрасное состояние — когда я с друзьями на работе. Когда работы нет — я совсем потерял. Руками делать ничего не умею: как капот у машины открывается, забываю, какую кнопку на магнитофоне нажать, не знаю. Единственное, что я умею делать профессионально, — это пить. Водку достану где угодно... То, что я пью давно и здорово, все знают. Я вообще невменяемый... Две

вещи сразу делать не умею: или пить, или работать. Пьяный человек на экране сразу заметен».

В. Листьеву в борьбе с пагубным пристрастием повезло больше, чем он не преминул поделиться со всеми: «У меня одна серьезная слабость — работа. А от большого недостатка — пристрастия к алкоголю — я избавился. Почти год не пью. И не тянет. Видимо, свою цистерну уже выпил».

Так же откровенен в своей проблеме со спиртным был в одном из интервью и коллега Владимира Высоцкого по Театру на Таганке Борис Хмельницкий: «Выпить я уважаю. Но только в свободное от работы время. Пожалуй, припомню только один случай, когда «принял на грудь» накануне спектакля. Да и то лишь потому, что день недели перепутал. Ведь выпить и идти на сцену — это же сплошное мучение. Зачем измываться над собой и зрителями? Но когда я пью, удовольствия не получаю. Думаю, идет это не от распушенности, а от той нервной нагрузки, которая выпадает на сцене, на съемочной площадке. Примешь сто грамм — и полегчает. Поэтому я — убежденный пьяница. Не знаю, что такое похмельный синдром. Могу пить, могу не пить — хоть неделю, хоть две. А алкоголизм — это страшная болезнь, к тому же трудноизлечимая. Я видел это на примере своих товарищей, которые уходили из жизни, не в силах справиться с властью рюмки. Не доведи, как говорится, Господь...

Моя первая рюмка случилась только на втором курсе театрального института, когда мы сдали первый акт спектакля «Добрый человек из Сезуана». Потом постепенно втянулся. Это понятно: ВТО, Дом кино, «поклонники таланта»...

Шампанское я не очень люблю. А вот коньяка, водки иной раз по девятьсот грамм приходилось принимать на нос, по литру. Но чем старше становлюсь, тем труднее берется эта планка... Перед любовным свиданием или во время него обязательно люблю выпить. Тонус поднимается, жизнь кажется прекрасной и удивительной. Женщина — особенно соблазнительной... Правда, случалось пару раз, что, готовясь к бурной ночи, слишком много «принимал на

грудь», сил своих не рассчитывал. Потом каялся: вот идиот, такая женщина была прекрасная, а я перебрал...

Когда сидим теплой мужской компанией, я говорю примерно так: «Мои друзья, я безумно рад вас видеть. Тебя, Толя Ромашин, тебя, Ивар Кальныныш, тебя, Виталик Шаповалов... Давайте выпивать весело, но не будем никому мешать. И не станем торопиться туда, куда ушли Володя Высоцкий, Олег Даль, Гена Шпаликов, Марис Лиепа...»

Назвав алкоголь Гигантским Убийцей, Эрнест Хемингуэй был прав: позволяя человеку под своим влиянием ослабиться, забыть на время свои тревоги и заботы, он в конце концов требовал за это слишком большую плату, а именно — человеческую жизнь. В 30 лет, накинув петлю на шею, покончил жизнь самоубийством Сергей Есенин; то же самое, но в 37 лет, сделал Геннадий Шпаликов; в пьяной драке погиб от рук своей любовницы 34-летний Николай Рубцов; не доходя нескольких сот метров до своего дома, упал и замерз на улице талантливый костромской художник Николай Шувалов; в 40 лет погиб запойный пьяница Джек Лондон; в 58 лет бросился с моста на лед замерзшей Миссисипи самый известный из американских поэтов-пьяниц Джон Барримен...

Если же алкоголь и не толкал человека на путь самоубийства, он все равно забирал его здоровье и сводил в могилу раньше положенного срока. Американские писатели Фицджеральд и Ринг Ларднер были знамениты, образованны, но безнадежно больны алкоголизмом и умерли один — в 44 года, другой — в 48. Еще меньше прожили шотландский поэт Роберт Бернс (37 лет) и поэт из Уэльса Дилан Томас (39 лет). В 38 лет умерла в пустой холодной квартире забытая всеми, талантливая советская киноактриса Изольда Извицкая, в 58 лет скончалась легенда советского экрана Валентина Серова. Гигантский Убийца собрал обильную жатву. Кто будет следующим в этом длинном, кажется, бесконечном списке жертв?..

Справочный материал

Список произведений и публичных выступлений Владимира Высоцкого

до 1961 года

Всегда, везде любой стишок — эпиграмма на Р. Вильдана
Вы обращались с нами строго — июнь 1960, посвящение преподавателям

Давно я красивый товар ищущу!

Двадцать четыре часа, все сутки — 1956

Две гитары за стеной жалобно не ныли — 1956, посвящение

А. Лихитченко

Красавчик наш, гуляка — 1954, посвящение А. Утевскому

Кто не читал Оскара Уайльда — эпиграмма на Р. Вильдана

Нам, а не студентам филармонии

Нам посылку прислали из далекой Японии

Напившись, ты умрешь под забором — эпиграмма на И. Кохановского

Отец за сына приготовил урок — 1958, июнь

Подарки нам шлют не из русской Смоленщины

Пришли подарки нашей школе

Приятно спать и видеть в снах

Среди планет, среди комет — 1956

Суров же ты, климат Охотский — 1960

Тебе сказал недавно: коли

Толпится народ у отдела «Рыбсбыт» — 1958, июнь

Ты вынесла адовы муки!

1961 год

Город уши заткнул и уснуть захотел
Красное, зеленое, желтое, лиловое — (вторая песня В. Высоцкого)

Не делили мы тебя и не ласкали — («Татуировка» — первая песня В. Высоцкого)

О нашей встрече что там говорить

Ты уехала на короткий срок

У тебя глаза как нож

Что же ты, зараза, бровь себе подбривала — («Рыжая шалава»)

Я был душой дурного общества

Я вырос в ленинградскую блокаду

1962 год

Весна еще в начале — июнь, к/ф «Мой папа капитан»

В тот вечер я не пил, не ел — сп. «Микрорайон»

Где твои 17 лет? — посвящение Л. Кочаряну

Говорят, арестован добрый парень за три слова

За меня невеста отрыдает честно

Кто с утра сегодня пьян? — эпиграмма на Л. Кочаряна

Лежит камень в степи — посвящение А. Макарову

Мы вместе грабили одну и ту же хату

Нам вчера прислали из рук вон плохую весть

Нам ни к чему сюжеты и интриги

Позабыв про дела и тревоги

Помню, я однажды и в «очко», и в «шtos» играл

Правда ведь, обидно, если завязал

Сгорели мы по недоразумению

У меня гитара есть («Серебряные струны»)

Эй, шофер, вези в Бутырский хутор

Это был воскресный день

Я был слесарь шестого разряда

Я в деле и со мною нож

Я женщин не бил до семнадцати лет

Я любил и женщин, и проказы

1963 год

Бог накормит пятью хлебами мого

В наш тесный круг не каждый попадал

Вот раньше жизнь: и вверх, и вниз

В Пекине очень мрачная погода — 16 июля

Все позади: и КПЗ, и суд

В этом доме большом раньше пьянка была — посвящение

Г. Епифанцеву

Дайте собакам мяса

Дорога, дорога, счета нет столбам

Если бы водка была на одного

Зачем мне считаться шпаной и бандитом — («Антисемиты»)

Здесь сидел ты, Валет

Как в старинной русской сказке — посвящение А. Макарову

Катерина, Катя, Катенька!

Кучера из МУРа укатали Сивку

На возраст молодой мой не смотри

Ну о чем с тобою говорить

Парня спасем, парня — в детдом

Сегодня в нашей комплексной бригаде

Твердил он нам: «Моя она!»

То была не интрижка

Ты на нарах сидел

У меня долги перед друзьями

Я однажды гулял по столице

1964 год

Впрочем, о чем? О невесте я

Всего лишь час дают на артобстрел — («Штрафбаты»)

Вцепились они в высоту, как в свое

Вы мне не поверите и просто не поймете

В холода, в холода

Есть на Земле предостаточно рас

Жил-был добрый дурачина-простофиля — посвящение

Н.С. Хрущеву

Жил я с матерью и батей
 И фюрер кричал, от «завода» бледней — 18 ноября
 Какой-то вояка заехал в Монако
 Люди говорили морю «До свиданья»
 Мао Цзедун — большой шалун
 Мне ребята сказали про такую наколку
 Мне этот бой не забыть нипочем — июль, сп. «Звезды для лейтенанта»
 Мой первый срок я выдержать не смог
 Моя метрика где-то в архиве пылится
 На братских могилах не ставят крестов — сп. «Павшие и живые»
 На границе с Турцией или с Пакистаном
 Наш Федя с детства связан был с землею
 Нынче все срока закончены — июль
 Он был хирургом, даже нейро
 Предо мной любой факир — ну просто карлик
 Потеряю истинную веру — («Отберите орден у Насера»)
 Сегодня я с большой охотой — («Нинка»), июль
 Сколько лет, сколько лет
 Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог — к/ф «Я родом из детства»
 Сколько я ни старался
 Так оно и есть, словно встарь
 Тропы еще в антимир не протоптаны
 Хоть бы облачко, хоть бы тучка
 Я рос, как вся дворовая шпана

1965 год

А ну-ка пей-ка кому не лень
 В куски разлетелась корона — сп. «Десять дней, которые потрясли мир»
 Возле города Пекина
 Десять тысяч, и всего один забег
 До магазина или в «Каму» — сп. «Десять дней...»
 Как все, как это было
 Как-то раз, цитаты Мао прочитав

Корабли постоят и ложатся на курс — лето, сп. «Последний парад»
 Мой друг поедет в Магадан — посвящение И. Кохановскому
 Мой сосед объездил весь Союз
 Наши добрые зрители — к/ф «Последний жулик»
 О вкусах не спорят, есть тысяча мнений — к/ф «Последний жулик»
 Один музыкант объяснил мне пространно
 Ой, где был я вчера
 Опасаясь контрразведки
 Перед выездом в загранку
 Пока вы здесь в ванночке с кафелем
 Прожить полвека — это не пустяк — посвящение К. Си-монову
 Свои обиды каждый человек
 Сидели, пили вразнобой
 Сказал себе я: «Брось писать!»
 Смех, веселье, радость
 Солдат всегда здоров — май, сп. «Павшие и живые»
 Сыт я по горло, до подбородка — посвящение И. Коханов-скому
 У вина достоинства, говорят, целебные
 У меня запой от одиночества
 У нас вчера с позавчера — к/ф «Война под крышами»

1966 год

А люди все роптали и роптали
 Андрей, Кузьма! А что Максим — сп. «Пугачев»
 А у дельфина
 В далеком созвездии Тау-Кита
 В заповедных и дремучих — к/ф «Короткие встречи»
 В королевстве, где все тихо и складно
 В Ленинграде городе, у Пяти Углов
 Вот главный вход, но только вот — зима 1966/67
 Вот и кончился процесс
 Вот что: жизнь прекрасна, товарищи — к/ф «Последний жулик»

В ресторане по стенкам висят тут и там
 Все мои товарищи пропали, разбежались
 В суету городов и в потоки машин — к/ф «Вертикаль»
 В тридевятом государстве
 Говорят, лезу прямо под нож
 Гололед на Земле, гололед
 Гром прогремел, золяция идет — к/ф «Интервенция»
 Дела! Меня замучили дела — октябрь, посвящение В. Абду-
 лову
 День-деньской я с тобой, за тобой
 Дорога, дорога, счета нет шагам — к/ф «Саша-Сашенька»
 Если друг оказался вдруг — к/ф «Вертикаль»
 Здесь вам не равнина — к/ф «Вертикаль»
 Здравствуй, Коля, милый мой
 И вкусы, и запросы мои странны
 Каждому хочется малость погреться
 Как ныне собирается вещей Олег
 Как призывный набат прозвучали в ночи — сп. «Павшие и
 живые»
 Кто сказал: «Все сгорело дотла» — к/ф «Сыновья уходят в
 бой»
 Мерцал закат как блеск клинка — к/ф «Вертикаль»
 Мяч затаился в стриженной траве
 Наверно, я погиб — («Она была в Париже»), посвящение
 Л. Лужиной
 Наши предки — люди темные и грубые
 Небо этого дня ясное — к/ф «Война под крышами»
 Не пиши мне про любовь
 Ну вот, исчезла дрожь в руках — к/ф «Белый взрыв»
 Почему все не так? Вроде все, как всегда — к/ф «Сыновья
 уходят в бой»
 — Рядовой Борисов! — Я!
 Сегодня не слышно биенья сердец — к/ф «Сыновья уходят в
 бой»
 Стоял тот дом, всем жителям знакомый — к/ф «Саша-Са-
 шенька»
 Удар, удар, еще удар!
 У домашних и хищных зверей
 У нее все свое — и белье, и жильё

Чем славится индийская культура
 Что же будет-то, а?
 Экспресс Москва — Варшава
 Я раньше был большой любитель выпить
 Я слышал на Савеловском вокзале
 Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы?» — («Скалолазка»),
 к/ф «Вертикаль»
 Я тут подвиг совершил

Публичные выступления

4 января — Москва, Институт русского языка и литературы
 19 января — Москва, ДК МГУ на Ленинских горах
 19 января — Москва, химический факультет МГУ — в
 группе исполнителей
 март — Ленинград, ЛГУ им. Жданова
 5 апреля — Москва, Политехнический музей
 июль — Тбилиси, редакция газеты «Заря Востока», с 24 июня
 по 6 июля, с театром
 сентябрь — Москва, МЭЛЗ
 декабрь — Москва, Гидропроект
 без даты — Москва, ВПИИНИИ им. Жука

1967 год

А ну отдай мой каменный топор
 Беда! Теперь мне кажется... — посвящение В. Абдулову
 Без запретов и следов — к/ф «Точка отсчета»
 Бросьте скуку, как корку арбузную
 Бывало, Пушкина читал всю ночь до зорь я
 В Африке, в районе Сенегала
 В голове моей тучи безумных идей
 Возвращаюсь с работы
 Вот вы докатились до сороковых — посвящение О. Ефре-
 мову
 Вот и разошлись пути-дороги вдруг — посвящение В. Абра-
 мову, к/ф «Капитан»
 В сон мне — желтые огни — зима 1967/68

Говорят в Одессе дети
Долго же шел ты, в конверте листок — к/ф «Внимание, цунами»

Долго Троя в положении осадном
До нашей эры соблюдалось чувство меры
Едешь ли в поезде, в автомобиле
Если я богат, как царь морской
Запомню, запомню, запомню тот вечер
Здесь лапы у елей дрожат на весу — сп. «Свой остров»
Змеи, змеи кругом, будь им пусто
И душа, и голова, кажись, болит
Как все, мы веселы бываем и угрюмы — к/ф «Интервенция»
Копи! Ладно, мысли свои вздорные копи
Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса
На краю края земли, где небо ясное — январь
На реке ль, на озере
Не заманишь меня на эстрадный концерт
Не писать мне повестей, романов
Она на двор, он со двора
Отпустите мне грехи мои тяжкие
От скучных шабашей смертельно уставши
Переворот в мозгах из края в край
Побудьте день вы в милицейской шкуре
Полчаса до атаки — 21 октября, сп. «Иван Макарович»
Профессионалам зарплата навалом
Сижу ли я, пишу ли я
Теперь я не избавлюсь от покоя
Ты думаешь, что мне не по годам — посвящение И. Кохановскому

У дойки, где почетные граждане
Уже не стало таких старух
У меня друзья очень странные — посвящение В. и С. Савичам

У моря, у порта живет одна девчонка
Уходим под воду в нейтральной воде
Что сегодня мне суды и заседания
Эта ночь для меня вне закона
Я изучил все ноты от и до
Я помню райвоенкомат

Публичные выступления

1 января — Ленинград, ДК пищевиков, клуб «Восток», гостиница «Астория»
март — Ленинград, медицинское училище
15 апреля — Ленинград, ЛЭТИ (17 часов)
22 апреля — Ленинград, СКВ АП, школа № 156
6 мая — Ленинград, ВАМИ
19 мая — Москва, МКБ «Стрела»
23 мая — Горький
24 мая — Куйбышев, молодежный клуб, филармония
31 мая — Москва, ВТО
июнь — Москва, Дом актера ВТО
июнь — Гатчина, ЛИЯФ
17 июня — Ленинград, Дом актера ВТО
31 июля — Москва, ЦДЛ
22 октября — Ленинград, ЦНИИС
ноябрь — Дубна, ДК «Мир»
ноябрь — Москва, ИАЭ им. Курчатова (с Ю. Гагариным)
15 ноября — Ленинград, ДК пищевиков, клуб «Восток»
17 ноября — Москва, ВНИИП «Агат» («Алмаз»)
29 ноября — Куйбышев, Политехнический институт, Дворец спорта (два концерта)
20 декабря — Ленинград, ДК пищевиков, клуб «Восток»
без даты — Куйбышев, КПТИ
без даты — Москва, Энергосельпром
без даты — Москва, Российская АН
без даты — Москва, НИИ связи
без даты — Москва, СКВ «Стрела»
без даты — Москва, ЦДЛ

1968 год

Будут и стихи, и математика — посвящение Н. Высоцкому
Была пора — я рвался в первый ряд
Было так: я любил и страдал — к/ф «Опасные гастроли»
Был стол, который мне не описать

Был шторм, канаты рвали кожу с рук — посвящение А. Га-
рагуле

Вдох глубокий, руки шире — сп. «Последний парад»

В желтой жаркой Африке — сп. «Свой остров»

Видно, острая заноза

Вина налиты, карты розданы

В который раз лечу Москва — Одесса

Всего один мотив доносит с корабля

В томленьи одиноком

В царстве троллей главный тролль — посвящение Ю. Лю-
бимову

Высох ты и бесподобно жилист

Грязь сегодня еще непролазней

Давно смолкли залпы орудий — к/ф «Карантин»

Дамы, господа! Других не вижу здесь — к/ф «Опасные гас-
роли»

Друг в порядке, он, словом, при деле — посвящение И. Коха-
новскому

Запретили все цари всем царевичам

И сегодня, и намедни только бредни

Их восемь, нас — двое — 24 февраля, сп. «Звезды для лейте-
нанта»

Как-то вечером патриции

Камнем грусть висит на мне

Красивых любят чаще и прилежней

Кто кончил жизнь трагически

Маринка! Слушай, милая Маринка! — посвящение М. Влади

Может быть, выпив поллитру

На острове необитаемом

На стол колоду, господа

Нас тянет на дно как балласты

На судне бунт, над нами чайки реют

Нат Пинкертон — вот с детства мой кумир

Не космос — метры грунта надо мною

Не однажды встречал на пути подлецов

Не сгрызть меня — невеста я

Она была чиста, как снег зимой — сп. «Преступление и на-
казание»

Отгремели раскаты боев

При всякой погоде — раз надо, так надо

Протои ты мне баньку, хозяйюшка — между 17 июля и
29 августа

Рвуть из сил из всех сухожилий — между 7 июля и 29 августа

Склоны жизни прямые до жути

Сколько чудес за туманами кроется

Служили два товарища — посвящение В. Смехову

Слушай, Ваня, хватит спать

Считать по-нашему, мы выпили немного

Там были генеральши, были жены офицеров

Темнота впереди. Подожди! — к/ф «Сыновья уходят в бой»

То ли в избу и запеть — посвящение М. Влади

Четыре года рыскал в море наш корсар — 4-летие Таганки,
посвящение Ю. Любимову

Что случилось с пятым «а»?

Я лежу в изоляторе

Я раздул плечо, трибуны замерли

Я скоро будудохнуть от тоски

Я счас взорвусь, как триста тонн тротила

Я теперь в дураках, не уйти мне с земли

Я — «Як» — истребитель, мотор мой звенит — посвящение
Ю. Любимову

Публичные выступления

январь — Фрязино, РТИ АН СССР

19 января — Москва, химический факультет МГУ

21 января — Москва, НИКФИ

26 января — Москва, НИКФИ

февраль, до 24-го — Балашиха, кафе «Молодость»

февраль — Ленинград, ДК им. Газа

март — Ленинград, Энергосетьпроект

12 марта — Архангельск, Дом офицеров

13 марта — Архангельск, АЛТИ, Дом офицеров

14 марта — Архангельск, АЛТИ

22 мая — Киев, дома у Г. Лубенца

28 декабря — Москва, кинотеатр «Арктика»

30 декабря — Москва, МИИЗ

без даты — Москва, английская школа

без даты — Москва, завод им. Орджоникидзе

1969 год

Антимиры пять лет подряд — к 5-летию Театра на Таганке

Был развеселый розовый восход — к/ф «Ветер надежды»

Вагоны всякие, для всех пригодные

Вагоны не обедают

В Москву я вылетаю из Одессы — к 60-летию В. Плучека

Вот в набат забили

Даешь пять лет! Ну да! Короткий срок — к 5-летию Театра на Таганке

Жили-были в Индии с самой старины

И не пишется, и не поется

Как счастье зыбко — опять ошибка

Нет рядом никого, как ни дыши — посвящение М. Влади

Нынче в МУРе все в порядке

Один чудак из партии геологов

Подумаешь, с женой не очень ладно

Пословица звучит витиевато

Реже, меньше ноют раны

Сколько слухов наши уши поражает

Смеюсь навзрыд, как у кривых зеркал

Сон мне снится: вот те на

Сто сарацинов я убил во славу ей

Ты идешь по кромке ледника — памяти М. Хергиани

Я не волнуюсь и не трушу

Я не люблю фатального исхода

Я самый непьющий из всех мужиков

Публичные выступления

без даты — Алма-Ата, АН Казахской ССР

без даты — Ленинград, ЛТИ БП (бумажной промышленности)

без даты — Москва, Энергостройпроект

1970 год

Благодать или благословенье

Боксы и хоккеи — мне на какого черта

Болтаюсь сам в себе, как камень в торбе

В одной державе с населеньем

Вот ведь какая не нервная

Вот и настал этот час опять

Вот послали нас всем миром, мы и плачем

В прекрасном зале Гранд Опера

Долой дебаты об антагонизме — посвящение В. Дунскому и Ю. Фриду

Если болен глобально ты — посвящение Г. Ронинсону

Здравствуй, «Юность», это я

Как в селе Большие Вилы

Как спорт поднятые тяжести не ново

Капитана в тот день называли на «ты» — к/ф «Земля Санникова»

Когда я спотыкаюсь на стихах

Комментатор из своей кабины

Лошадей 20 тысяч в машинах зажаты — экипажу теплохода «Шота Руставели»

Может быть, моряком по призванию

Надо с кем-то рассорить кого-то — 23 марта

Нараспашку при любой погоде

Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты

Не покупают никакой еды — август

Нет меня, я покинул Расею

Нет острых ощущений — посвящение В. Абдулову

Но, боже, как же далеки

Оплавляются свечи на старинный паркет — к/ф «Длинное, длинное дело»

Покидаем теплый край навсегда — зима 1970/71

Полководец с шеею короткой

Пытаются противники рекорды повторить

Разбег, толчок — и стыдно подниматься

Свет Новый не единожды открыт

*Товарищи ученые, доценты с кандидатами
У вас все вместе — и долги, и мненье
Целуя знамя в пропыленный шелк
Чтоб не было следов, повсюду подмели
Эврика! Ура! Известно точно
Я весь в свету, доступен всем глазам
Я все чаще думаю о судьях
Я несла свою беду — к/ф «Жизнь и смерть дворянина Чер-
топханова»*

*Я первый смерил жизнь обратным счетом — посвящение
Ю. Гагарину*

*Я скачу, но я скачу иначе
Я скачу позади на полслова
Я склонен думать, гражданин судья
Я стою. Стою спиной к строю
Я твердо на земле стою*

Публичные выступления

февраль — Москва, Онкологический центр

февраль — Москва, Госснаб СССР

апрель — Москва, клуб МВД

август — Макеевка, шахта Нарядная

август — Макеевка, ДК шахты Бутовская-Глубокая

август — Макеевка, ДК

29 августа — Чимкент, филармония, летний театр ЦПКиО
(3 концерта)

30 августа — Чимкент, филармония, Дворец цементни-
ков, летний театр

31 августа — Чимкент, филармония, летний театр ЦПКиО
(всего 3 концерта)

сентябрь (октябрь) — Зыряновск (Казахская ССР)

сентябрь (октябрь) — Белые Воды (Казахская ССР)

октябрь — Лениногорск (Казахская ССР)

октябрь — Москва, РТИ АН СССР

октябрь — Усть-Каменогорск, Дорожно-строительный
институт

14 октября — Усть-Каменогорск, ЦДК

15 октября — Чимкент, кинотеатр «Мир» (4 концерта)

ноябрь — Москва, ЦНИИС

7 декабря — Москва, Союз художников (с М. Влади)

без даты — Москва, НИИ (2-я Фрунзенская ул.)

без даты — Москва, УВКХ

без даты — Москва, УВКХ

1971 год

Будет так: некролог даст «Вечерка»

Вот в плащах, подобных плащ-палаткам

Вот она, вот она, при свечах тишина

Все было не так, как хотелось вначале

Всем на свете выходят сроки — к/ф «Морские ворота»

Да, сегодня я в ударе, не иначе — посвящение Л. Яшину

Есть телевизор, подайте трибуну

Зарыты в нашу память на века

Иногда как-то вдруг вспоминается

Истома ящерицей ползает в костях

Миф этот в детстве каждый прочел

Мне бы те годочки миновать

Мне в ресторане вечером вчера — зима 1971/72

Не надо, братцы, мелочиться

Нет прохода и давно в мире от нахалов

*Неужели мы заперты в замкнутый круг — к/ф «Черный
принц»*

Общеприемлемые перлы

Он вышел. Зал взбесился на мгноенье

Отбросив прочь своей деревянный посох

Парад-алле! Не видно кресел, мест

Произошел необъяснимый катаклизм

Так дымно, что в зеркале нет отраженья

Так случилось — мужчины ушли — к/ф «Точка отсчета»

Хорошо, что за ревом не слышалось звука

Что случилось? Почему кричат?

Шагают актеры в ряд

*Это смертельно почти, кроме шуток
Я бегу, топчу, скользя
Я все вопросы освещу сполна
Я оглох от ударов ладоней*

Публичные выступления

1 марта — Киев, ВПКИ
1 июля — Владивосток, Дом моряков
август — Ижевск (конец месяца)
сентябрь — Киев, ЗНИИ
сентябрь — Киев, школа № 49
сентябрь — Киев, Институт кибернетики
сентябрь — Киев
13 сентября — Киев, ДК завода шампанских вин
14 сентября — Киев, Институт электросварки им. Патона
15 сентября — Киев, Институт электродинамики
17 сентября — Киев, завод «Арсенал»
18 сентября — Киев, завод «Ленинская кузница»
19 сентября — Киев, ВИСП
20 сентября — Киев, НИИ РЭ
21 сентября — Киев, ДСК-3
22 сентября — Киев, ВНИИ стройконструкций, ДСК-3
23 сентября — Киев, ИМиВ
24 сентября — Киев, ИФАН УССР
30 октября — Электросталь
17 ноября — Москва, ЦСУ
ноябрь — Кишинев (с театром)
29 ноября — Электросталь
30 ноября — Москва, НИИ растениеводства (16 ч.)
декабрь — Москва, РТИН СССР; Жуковский, ДК; Москва, ВЭИ им. Ленина
17 декабря — Москва, ЦСУ
без даты — Кемерово
без даты — Киев
без даты — Москва, Госстрах

1972 год

*Бегают по лесу стаи зверей — т/ф «Люди и манекены»
Вдоль обрыва, по-над пропастью — «Кони привередливые»,
к/ф «Земля Санникова»
В заповеднике, вот в каком — забыл
Все года и века и эпохи подряд — к/ф «Земля Санникова»
В тиши перевала, где скалы ветрам не помеха
Жил-был один чудак — посвящение А. Галичу
За нашей спиной остались паденья, закаты
Как по Волге-матушке — сп. «Необычайные приключения
на волжском пароходе»
Куда идешь ты, темное зверье
Кузькин Федя сам не свой — к 8-летию Театра на Таганке
Люблю тебя сейчас — посвящение М. Влади
Мишка Шифман башковит
Мосты сгорели, углубились броды
Мы манекены, мы без крови и без кожи — т/ф «Люди и манекены»
Он не вышел ни званием, ни ростом
От границы мы Землю вертели назад — сп. «Пристегните ремни»
Проделав брешь в затишье
Проложите, проложите хоть тоннель по дну реки
Прошла пора вступлений и прелюдий
Прошу прощения заранее
Только прилетели, сразу сели
Шут был вор, он воровал минуты — посвящение Л. Енгибарову
Я вам мозги не пудрю
Я вышел ростом и лицом
Я кричал: «Вы что там, обалдели?!»
Я полмира почти через злые бои
Я только малость объясню в стихе
Я шагал вперед неутомимо — посвящение Л. Енгибарову*

Публичные выступления

- февраль — Москва, ВНИИ телевидения и радиовещания
 29 февраля — Москва
 март — Москва, НИИ растениеводства
 29 марта — Москва, ГНИИ ХТЭОС
 3 апреля — Москва, НИИ растениеводства
 8 апреля — Мытищи, НИИОХ
 12 апреля — Мытищи, НИИОХ
 22 апреля — Москва, Министерство морфлота, ДК им. Но-
 гина
 22 апреля — Кишинев
 24 апреля — Киев, КЗНИИЭП
 24 апреля — Киев, Зеленый театр
 25 апреля — Мытищи, НИИОХ
 май — Таллин (17—18 мая)
 июнь — Гагры, Зеленый театр
 июнь — Ленинград, Институт токов высокой частоты
 июнь — Ленинград, ВАМИ
 23 июня — Ленинград, Адмиралтейский завод (с театром)
 24 июня — Ленинград, ЛОМО
 24 июня — Гатчина, ЛИЯФ
 25 июня — Гатчина, ЛИЯФ
 26 июня — Гатчина, ЛИЯФ
 27 июня — Гатчина, ЛИЯФ
 июль (до 3-го) — Ленинград, Невский машзавод (с теат-
 ром)
 июль — Ленинград, Фарфоровый завод
 1 июля — Сосново, у озера Лампушка
 2 сентября — Харьков
 октябрь — Фрязино, РТИ АН СССР
 октябрь — Киев, Институт электросварки им. Патона
 14 октября — Киев, Институт ботаники
 декабрь — Москва, МНИТИ
 декабрь — Фрязино, РТИ АН СССР
 без даты — Жданов
 без даты — Москва, ИПУ
 без даты — Москва, ДК им. Луначарского

- без даты — Москва, ВНИИРО
 без даты — Тюмень
 без даты — Уфа, НИИ
 без даты — Фрязино, ДК НИИ «Исток»
 без даты — Хомонхо, прииск

1973 год

- Ах, в поднебесье летал лебедь черный* — к/ф «Одиножды один»
Ах, дороги узкие, вкось, наперерез
Ах, не стойте в гордыне — к/ф «Одиножды один»
В день, когда мы, поддержкой Земли заручась — к/ф «Морские ворота»
В дорогу живо — или в гроб ложись — к/ф «Единственная дорога»
В нас вера есть, и не в одних богов
В наш век сплошного электричества
В один присест хула и комплименты
Водой наполненные горсти — к/ф «Единственная дорога»
Вот твой билет, вот твой вагон — к/ф «Бегство мистера Мак-Кинли»
Вот это да! Вот это да! — к/ф «Бегство мистера Мак-Кинли»
Во хмелю слегка лесом правил я — к/ф «Единственная»
Гули-гули-гуленьки — к/ф «Одиножды один»
Дурацкий сон, как кистенем
Если где-то в глухой беспокойной ночи — к/ф «Единственная дорога»
Еще асфальт на растопило
Жил-был учитель скромный Кокильон — к/ф «Бегство мистера Мак-Кинли»
Жили-были на море — к/ф «Контрабанда»
Жил я славно в первой трети
Зря ты, Ванечка, бредешь вдоль оврага — к/ф «Одиножды один»
Как во городе во главном

Когда лакоют святые свой нектар — к/ф «Бегство мистера Мак-Кинли»

Когда я отпою и отыграю

Кто старше нас на четверть века — к/ф «Одиножды один»

Кто-то высмотрел плод, что неспел — к/ф «Бегство мистера Мак-Кинли»

Куда все делось и откуда все берется

Мажорный светофор, трехцветье, трио

Мы без этих колес, словно птицы без крыл

Мы все живем как будто

Мы рвем, и не найти концов — к/ф «Бегство мистера Мак-Кинли»

На дистанции четверка первачей — 30 октября

Не дерись, коль не умеешь — к/ф «Одиножды один»

Не могу ни выпить, ни забыться

Неправда, над нами не бездна, не мрак — к/ф «Знаки Зодиака»

Нет друга, но смогу ли — радиоспектакль «Зеленый фургон»

Не хватайтесь за чужие талии — к/ф «Ветер надежды»

Ожидание длилось, а проводы были недолги

Ой, Вань, смотри, какие клоуны

Погода славная, а это главное — к/ф «Бегство мистера Мак-Кинли»

По миру люди маленькие носятся — к/ф «Бегство мистера Мак-Кинли»

Расскажу я вам, браточки

Российские йоги в огне не горят

Сам виноват: и слезы лью, и охаю

Себя от надоевшей славы спрятав

Семь дней усталый старый бог — к/ф «Бегство мистера Мак-Кинли»

Сначала было слово печали и тоски — к/ф «Контрабанда»

Спасибо вам, мои корреспонденты

Там, у соседа, пир горой — лето, посвящение В. Золотухину

Хитрованская Речь Посполитая

Что за дом притих, погружен во мрак

Шар огненный все проскозил

Штормит весь вечер — посвящение А. Галичу

Я бодрствую, но вещей сон мне снится

Я вчера закончил ковку

Я из дела ушел

Я при жизни был рослым и стройным — май

Я теперь на девок крепкий

Публичные выступления

3 января — Ленинград, английская школа № 21

февраль — Ленинград, клуб-магазин «Эврика»

февраль — Москва, ВНИИСТ

4 февраля — Новокузнецк, Драмтеатр им. С. Орджоникидзе

5—7 февраля — Новокузнецк, Драмтеатр им. С. Орджоникидзе

февраль — Луховицы

3 февраля — Ленинград, Военторг

28 февраля — Ленинград, ДК пишевииков, клуб «Восток»

февраль — Горловка, ПТУ

февраль — Макеевка и Донецк

16 марта — Жданов, ДК машиностроителей, ДК «Искра», спортивный манеж «Азовсталь»

март — Новокузнецк, несколько концертов

20 марта — Ленинград, Гипрошахт

21 марта — Ташкент

22 марта — Ленинград, ВАМИ

23 марта — Ленинград, Гипрошахт

май — Москва, НИИОСП

30 июня — Мытищи, НИИОХ

август — Владивосток (с театром)

август — Дальнегорск, Кавалерово, Арсеньев, Спасск, Артем, Находка, бухта Врангеля, Уссурийск, Партизанск

сентябрь — Ленинград, НПО «Вектор»

сентябрь — Ташкент (с театром) с 13 по 27 сентября

сентябрь — Чирчик, Дворец химиков

сентябрь — Алма-Ата, НИИ стройорганизаций

30 сентября — Алма-Ата, Общевойсковое училище

9 октября — Алма-Ата, ИЯФ АН КССР

- октябрь — Фрязино, ИРЭ АН СССР
 30 октября — Москва, ЦСУ
 октябрь — Москва, Мосстрой-9
 ноябрь — Киев, спецшкола № 69
 ноябрь — Киев, техникум радиоэлектроники
 14 ноября — Киев, Гипросельстройиндустрия
 15 ноября — Киев, Укргеобурнефтьразведка
 декабрь — Москва, ГЦТК
 24 декабря — Москва, издательство «Мысль»
 28 декабря — Москва, НИИ металлургии
 без даты — Таллин, Театральный институт (сентябрь — октябрь)
 без даты — Москва, Институт медбиопроблем
 без даты — Фрязино, ИРВ АН СССР
 без даты — Ленинград, Институт им. Плеханова

1974 год

- Во груди душа словно ерзает* — к/ф «Иван да Марья»
Вот я вошел и дверь прикрыл
Всю войну под завязку — посвящение Н. Скоморохову, сп. «Звезды для лейтенанта»
Выходи, я тебе посвящу серенаду — к/ф «Иван да Марья»
Если в этот скорбный час — к/ф «Иван да Марья»
Еще ни холодов, ни льдин — посвящение В. Шукшину
Как да во лесу дремучем — к/ф «Иван да Марья»
Легавым быть? Готов был умереть я — к 10-летию Театра на Таганке
Мы верные, испытанные кони
Мы взлетали, как утки — сп. «Звезды для лейтенанта»
Мы все воспитаны в презренье к воровству
Мы не тратим из казны — к/ф «Иван да Марья»
На голос на плацу, на вахтпараде — к/ф «Иван да Марья»
«Не бросать! Не топтать!»
Нежная правда в красивых одеждах ходила — посвящение Б. Окуджаве
Не отдавайте в физику детей
Не сдержат меня уговорами — к/ф «Иван да Марья»

- Ни пуха ни пера! Всеобщее ура!* — к/ф «Иван да Марья»
Ну чем же мы, солдаты, виноваты — к/ф «Иван да Марья»
Отчего не бросилась, Марьюшка, в реку ты — к/ф «Иван да Марья»
Подходи, народ, смелее — к/ф «Иван да Марья»
Реет над темно-синей волной — сп. «Авантюристы»
С головою бы в омут, да сразу б
Ты, звонарь-пономарь, не кемарь — к/ф «Иван да Марья»
Эй, народ честной, незадачливый — к/ф «Иван да Марья»
Я еще не в угаре, не втиснулся в роль — сп. «Звезды для лейтенанта»
Я уверен, как ни разу в жизни

Публичные выступления

- 1 февраля — Москва, ЦНИИЭП жилища
 1 марта — Москва, клуб Останкинского пивзавода
 6 марта — Москва, Министерство гражданской авиации (с актерами театра)
 март — Рязань (с театром)
 29 марта — Москва, ДК им. Луначарского
 апрель — Москва, ЦИАМ
 12 апреля — Москва, НИИ радио
 апрель — Калинин
 23 апреля — Москва, 10-летие Театра на Таганке
 лето — Венгрия, войсковая часть
 26 июня — Гатчина, ЛИЯФ
 26 июня — 4 июля — Набережные Челны, КамАЗ (с театром)
 июль (начало) — Нижнекамск
 8 июля — Москва, издательство «Мысль»
 июль — Москва, издательство «Мысль»
 август — Белград
 10 сентября — Вильнюс, Институт топливной аппаратуры
 12 сентября — Вильнюс, ВНИИРИП
 сентябрь — Рига, завод «Компрессор», Ригасельмаш, ПТО «Радиотехника» (до 26-го)

- 3 октября — Москва, издательство «Мысль»
 октябрь — Ленинград, ВАМИ
 октябрь — Ленинград, Дом актера ВТО
 октябрь — Ленинград, Гипрошахт
 октябрь — Ленинград, Лентелевидение
 октябрь — Ленинград, ЛГУ им. Жданова
 8 октября — Ленинград, Лентелевидение
 12 октября — Павловск
 13 октября — Гатчина, ЛИЯФ
 17 октября — Павловск, ДК
 19 октября — Гатчина, ЛИЯФ
 21 октября — Ленинград, Энергосетьпроект
 25 октября — Ленинград, Дом ученых в Лесном
 26 октября — Ленинград, больница им. Г. И. Чудновской
 9 ноября — Москва, издательство «Мысль»
 3 декабря — Рига, Институт электроники
 11 декабря — Москва, ВНИИмонтажспецстрой
 без даты — Москва, НИИ общей патологии
 без даты — Москва, больница № 60
 без даты — Обнинск, Дом ученых
 без даты — Тюмень

1975 год

- А помнишь, Кира* — письмо к К. Ласкари
Ах, как же я соскучилась без дела — дискоспектакль «Алиса в Стране чудес»
Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу — посвящение И. Бортнику
Ах, на кого я только шляп не надевал — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Ах, проявите интерес к моей персоне — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Баю-баю-баюшки-баю — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
В забавах ратных целый век — к/ф «Стрелы Робин Гуда»
Вот кролик белый, он бежит — д/сп. «Алиса в Стране чудес»

- В порт не заходят пароходы*
Все должны до одного — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Горю от нетерпения представить вам явление — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Граждане! Зачем толкаетесь?
Догонит ли в воздухе или шалишь? — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
До миллиона далеко — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Если рыщут за твоею непокорной головой — к/ф «Стрелы Робин Гуда»
Замок временем скрыт и укутан, укрыт — к/ф «Стрелы Робин Гуда»
Как во смутной волости — к/ф «Сказ про то, как царь Петр арапа женил»
Как засмотрится мне нынче — посвящение М. Шемякину, к/ф «Сказ про то...»
Когда вода Всемирного потопа — к/ф «Стрелы Робин Гуда»
Когда провалишься сквозь землю от стыда — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Король, что тыщу лет назад — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Кто там крадется вдоль стены
Миледи, зря вы обижаетесь на зайца — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Мимо баб я пройти не могу — к/ф «Иван да Марья»
Мы браво и плотно сомкнули ряды — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Над Шереметьево, в ноябре, третьего — посвящение В. Румянцеву
Не зря лягушата сидят — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Послушайте все, ого-го, эге-гей — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Приподнимем занавес за краешек — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Прохладным утром или в зной — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Прошу запомнить многих — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Прошу не путать гусеницу синюю — д/сп. «Алиса в Стране чудес»

- Слезливое море вокруг разлилось* — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Спасите! Спасите! О ужас! О ужас! — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Средь оплывших свечей и вечерних молитв — к/ф «Стрелы Робин Гуда»
Таких имен в помине нет — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Толстушка Мэри Энн была — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Торопись! Тощий гриф над странюю кружит — к/ф «Стрелы Робин Гуда»
Трубят рога: «Скорей! Скорей!» — к/ф «Стрелы Робин Гуда»
У Джимми и Билли всего в изобилье — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Хорошо смотреть вперед — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Час зачатья я помню не точно — к/ф «Вторая попытка Виктора Крохина»
Чтобы не попасть в капкан — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Что сидишь ты сиднем — к/ф «Иван да Марья»
Эй, вы, синегубые! Эй, холодноносые! — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Эй, кто там крикнул «ой-ой-ой»? — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Я Робин Гусь, неробкий гусь — д/сп. «Алиса в Стране чудес»
Я страшно скучаю, я просто без сил — д/сп. «Алиса в Стране чудес»

Публичные выступления

- январь — Сочи (до 29 января, с театром)
 8 февраля — Киев, ИК АН УССР
 8 февраля — Киев, Гипросельстройиндустрия
 март — Таллин (с 20 по 31 марта)
 март — Таллин, Дом печати
 апрель — Москва, МГУ
 3 мая — Харьков
 июнь (начало) — Венгрия, советское посольство
 4 июня — Венгрия, войсковая часть
 4 июля — Москва, ЦНИиЭИуголь

- июль — Ленинград (с театром)
 август — Псков (с театром)
 сентябрь — София (с театром)
 27 сентября — 10 октября — Ростов-на-Дону (с театром)
 октябрь — Ростов-на-Дону, Волгодонский завод
 октябрь — Ростов-на-Дону, редакция газеты «Молот»
 октябрь — Ростов-на-Дону, санэпидемстанция
 9 октября — Ростов-на-Дону, завод «Гранит»
 октябрь — Азов
 ноябрь — Загорск (театр)
 декабрь — Москва, ДК «Красная звезда»
 без даты — Монино, Военно-воздушная академия
 без даты — Гатчина, ЛИЯФ
 без даты — Свердловск
 без даты — Череповец, ДК «Металлург»

1976 год

- Благословенная Богом страна*
Был побег на рывок — посвящение В. Туманову
Быть может, о нем не узнают в стране — посвящение Л. Кэрроллу
Вдруг словно канули во мрак
Вот послал Господь родителям сыночка — к/ф «Ветер надежды»
В тайгу! На санях, на развалюхах
Вы в огне, да и в море вовеки не сыщете брода — к/ф «Ветер надежды»
Грезится мне наяву или в бреду
Дорогая передача! Во субботу, чуть не плача
Живет живучий парень Барри — к/ф «Вооружен и очень опасен»
Живу я в лучшем из миров
Жил я славно в первой трети (второй вариант)
Заказана погода нам удачею самой — к/ф «Ветер надежды»
Запоминайте: приметы — это суета — к/ф «Вооружен и очень опасен»
Икру на блюде доедаю подчистую

Какой был бал! — к/ф «Точка отсчета»
 Как тут быть — никого не спросить
 Куда ни втисну душу я, куда себя ни дену
 Лихие карбонарии, закушав водку килечкой
 Мне скулы от досады сводит
 Мы говорим не «шторма», а «шторма» — к/ф «Ветер надежды»
 Напрасно я лицо свое разбил
 На стене висели в рамках
 На уровне фантастики и бреда
 Наши помехи эпохе под стать
 Не грусти! Забудь за дверью грусть — к/ф «Вооружен и очень опасен»
 Не нашел Сатана денька
 Ну вот, исчезла дрожь в руках — к/ф «Белый взрыв»
 Общаюсь с тишиной я
 Открытые двери больниц, жандармерий — посвящение
 М. Шемякину
 Приехал я на выставку извне — 26 октября, посвящение
 В. Плотникову
 Расскажи, дорогой, что случилось с тобой — к/ф «Вооружен и очень опасен»
 Сам я из Ростова, я вообще подкидыш
 У профессиональных игроков
 Холодно. Метет кругом
 Часов, минут, секунд нули
 Это был великий момент, без сомнения
 Этот день будет первым всегда и везде — к/ф «Ветер надежд»
 Я был и слаб, и уязвим
 Я вам расскажу про то, что будет
 Я прожил целый день в миру потустороннем

Публичные выступления

январь — Ленинград, НИИ ДОМЭН
 8 января — Обнинск, Дом ученых
 23 января — Ивантеевка, ДК «Юбилейный»

январь — Ивантеевка
 февраль (начало) — Москва, ВНИИ телевидения и радиовещания
 февраль — Москва, театр «Ромэн»
 10 февраля — Дубна
 6 марта — Москва, МВТУ им. Баумана (2 концерта)
 28 марта — Подольск, завод ОХМЗ («Гиредмет»), Дубовицы, ДК ВИ животноводства
 6 июня — Калинин, Политехнический институт (2 концерта)
 6 июня — Калинин, Университет
 6 июня — Калинин, Академия ПВО
 июнь — Калинин, интервью «Смене»
 12 июня — Коломна, ДК тепловозостроительного завода (3 концерта)
 15 июня — Ленинград, ДК им. Дзержинского
 16 июня — Ленинград, ДК им. Дзержинского (2 концерта)
 17 июня — Ленинград, ДК им. Дзержинского (2 концерта)
 июнь — Харьков (с театром)
 июнь (после 20-го) — Харьков, редакция газеты «Красное знамя»
 27 июня — Коломна
 28 июня — Коломна
 29 июня — Коломна, ДК им. Ленина (3 концерта)
 июль — Омск (с театром), Иркутск
 июль (после 21-го) — Вильнюс (с театром)
 август — Красноярск (до 5 августа, с театром)
 август — Коломна
 сентябрь — Белград (с 9 сентября, фестиваль театров БИТЕФ-76)
 9—14 октября — Будапешт (с театром)
 23 ноября — Москва, МВТУ им. Баумана
 23 ноября — Москва, ДК потребительской кооперации (2 концерта)
 25 ноября — Ленинград, ВАМИ
 28 ноября — Москва, ДК завода «Красный богатырь» (2 концерта)
 без даты — Гатчина, ЛИЯФ
 без даты — Ленинград, ВАМИ
 без даты — Москва, клуб ВВС

без даты — Москва, Институт хирургии
 без даты — Подольск, завод ОХМЗ
 без даты — Чкаловск (Московская область), авиагородок

1977 год

Ах, как тебе родиться пофартило — к 60-летию Ю. Любимова

Богиня! Афродита! — сп. «Авантюристы»

Бродят по свету люди разные

В младенчестве нас матери пугали — посвящение В. Туманову

Врач вызнал все, хоть я ему

Все, что тривиально, и все, что банально — сп. «Авантюристы»

В стае диких гусей был второй

Всю туманную серую краску

Дорога сломала степь напополам — сп. «Авантюристы»

Еще бы не бояться мне полетов

Жили-были, спроси у отца

И кто вы суть? Безликие кликуши — посвящение М. Шемякину

Лунный свет отражен, чист и нестерпим — к/ф «Ветер надежды»

Мест не хватит, уж больно вы ловки — сп. «Авантюристы»

Много во мне мамино

Мы из породы битых, но живучих — к 50-летию О. Ефремова

Под собою ног не чую, и качается земля — посвящение

В. Туманову

Поэт под других иронично, любя

Пожары над страной — к/ф «Забудьте слово «смерть»

По речке жизни плавал честный Грека

Рты подвездов, уши арок — т/ф «Люди и манекены»

Словно бритва, рассвет полоснул по глазам

Слушай сказку, сынок, вместо всех повестей — посвящение

В. Туманову

Снова печь барахлит у моих «Жигулей»

Собрались двуногие в круг у огня

Спи, дитя, мой бэби, бай — сп. «Авантюристы»

Ты роли выпекала как из теста — посвящение З. Славина

Этот шум — не начало конца

Я верю в нашу общую звезду — посвящение М. Влади

Я на виду и действием, и взглядом

Я умру, говорят

Публичные выступления

7 января — Москва, АЗЛК

январь — Сочи (с театром)

март — Москва, кинотеатр «Орбита»

март — Москва, Союзмашпроект (2 концерта)

20 мая — Донецк, Драмтеатр им. Артема

май — Донецк, политехникум

май — Макеевка, ДК металлургов

май — Дзержинск, ДК «Украина» (2 концерта)

28 мая — Москва, МВТУ им. Баумана

июль (после 3-го) — Брянск (с театром)

июль — Курск (с театром)

июль — Белгород (с театром)

август — Орел (с театром)

август — Вороново, пансионат Госплана и Госстроя

август — Уссурийск (с театром)

август — Находка (с театром)

август — Владивосток (с театром)

3 сентября — Харьков

11 сентября — Париж (на празднике «Юманите»)

11 сентября — Париж (с группой советских поэтов)

28 сентября — Горловка, ПТУ

30 сентября — Москва, Театр на Таганке (60-летие Ю. Любимова)

1 октября — Москва, МХАТ (50-летие О. Ефремова)

октябрь — Казань, Дворец спорта (несколько концертов)

12 октября — Казань, Молодежный центр (2 концерта с ВИА)

15 октября — Казань, Молодежный центр

- 17 октября — Казань, Молодежный центр (2 концерта)
 17 октября — Казань, Дом актера ВТО
 18 октября — Казань, Молодежный центр (2 концерта)
 26 октября — Париж, «Павийон де Пари» (группа из 10 поэтов)
 ноябрь — Москва, Гипроугольавтоматизация
 ноябрь — Париж (с 11 по 15 ноября, с театром)
 ноябрь — Лион (с театром)
 ноябрь — Марсель (с театром)
 15 декабря — Париж, на Монмартре
 15 декабря — Париж
 16 декабря — Париж
 17 декабря — Париж
 декабрь — Москва, Кунцево, ДК им. Ильича
 без даты — Венгрия, советское посольство
 без даты — Ленинград, Дом Черных в Лесном
 без даты — Москва, клуб НИИ «Пульсар»
 без даты — Подольск, ЦКБ нефтеаппаратуры
 без даты — Сумы
 без даты — Свердловск
 без даты — Ярославль

1978 год

- Ах, время как махорочка* — посвящение Г. Вайнеру
Ах, порвалась на гитаре струна
Гранд-опера лишилась гранда — посвящение М. Барышникову
Живет на свете человек — посвящение Б. Серушу
Когда об стену я разбил лицо и члены
Мне судьба — до последней черты, до креста
На Филиппинах бархатный сезон
Не ведаю, за телом ли поспела ли
Не чопорно и не по-светски — 24 января
Новые левые — мальчики brave
Однажды я, накушавшись от пуза — 25 июля, посвящение М. Шемякину

- Подшит крахмальный подворотничок*
Прохода нет от этих начитанных болванов — сп. «Турандот, или Конгресс обелителей»
Стареем, брат, ты говоришь
Ты ровно десять пятилеток в драке — к 50-летию Ю. Яковлева
Упрямо я стремлюсь ко дну
Что может быть ясней, загадочней
Я думал: «Это все!» Без сожаленья
Я дышал синевой, белый пар выдыхал
Я когда-то умру (второй вариант)
Я скольжу по коричневой пленке

Публичные выступления

- январь — Сумы
 4 января — Дубна, НИКИМП (3 концерта)
 январь — Калинин (с театром)
 21 января — Северодонецк, ледовый Дворец спорта (4 концерта)
 22 января — Северодонецк, Дворец спорта (4 концерта)
 23 января — Северодонецк, Дворец спорта (4 концерта)
 24 января — Северодонецк, Дворец спорта (3 концерта)
 25 января — Ворошиловград, ДК им. Ленина (1 концерт, 21 ч.)
 25 января — Северодонецк, НИИ УВМ
 9 февраля — Москва, НИИ стройфизики
 февраль — Берлин (2—19 февраля, с театром)
 февраль — Ростов
 7 февраля — Москва, МВТУ им. Баумана
 13 марта — Москва, МВТУ им. Баумана
 17 марта — Москва, МАМИ
 19 марта — Москва, МВТУ им. Баумана (2 концерта)
 апрель — Москва, издательство «Известия»
 2 апреля — Харьков
 апрель — Череповец (с 12 по 16 апреля, СКЗ «Алмаз», 17 концертов)

- апрель — Белгород, ДК завода «Энергомаш», 17—19 апреля (5 концертов)
 23 апреля — Зеленоград, ДК «Вече»
 28 апреля — Запорожье (с 28 по 30 апреля 10 концертов во Дворце спорта)
 1 мая — Запорожье, Дворец спорта «Юность» (3 концерта с ВИА «Фестиваль»)
 май — Харьков
 май — Калинин (26 мая с театром)
 30 мая — Киев, Театр музкомедии
 22 июня — Москва, Театр на Таганке, сп. «В поисках жанра»
 июль — Берлин (с 14 по 18 июля с театром)
 июль — Тюмень (с театром)
 июль — Новосибирск (с 19-го с театром)
 июль — Кемерово (с театром)
 июль — Новокузнецк (с театром)
 август — Сочи (с 11-го с театром)
 август — Пятигорск, Зеленый театр
 20—26 сентября — Ставрополь, цирк (за 7 дней — 21 концерт)
 27 сентября — Кисловодск
 27 сентября — Ставрополь, цирк (3 концерта)
 3—6 октября — Грозный, Стадион ручных игр (за 4 дня — 15 концертов)
 11 октября — Ленинград, ДК им. Дзержинского
 октябрь — Троицк, Дом ученых
 19 октября — Москва, геофак МГУ
 22 октября — Москва, геофак МГУ (2 концерта)
 28 октября — Москва, геофак МГУ
 29 октября — Москва, больница № 60
 3 ноября — Москва, геофак МГУ
 12 ноября — Москва, театр им. Вахтангова
 ноябрь — Обнинск (28 ноября с театром)
 1 декабря — Красногорск, ДК КМЗ
 9 декабря — Менделеев, ВНИИФТРИ (2 концерта)
 10 декабря — Менделеев, ВНИИФТРИ (2 концерта)
 10 декабря — Зеленоград, ДК Института метеорологии
 22 декабря — Москва, НИКИМП
 26 декабря — Томилино, ТЗПП

- 29 декабря — Железнодорожный, ДОК-6
 без даты — Ленинград, СКБ АП
 без даты — Подольск, ДК «Октябрь» (2 концерта), ДК им. Маркса (2 концерта)

1979 год

- А мы живем в мертвящей пустоте
 Ах, откуда у меня грубые замашки
 Вот уже не маячат над городом аэролаты — к/ф «Мерседес» уходит от погони»*
Гражданин! А сколько ж я не пел? — посвящение А. и Г. Вайнерам
*Давайте я спою вам в подражание рок-н-ролла
 Да! Не валовой сбор — тоже вал — посвящение С. Долецкому*
*Дождь вонзил свои бивни
 Жора и Аркадий Вайнер
 Казалось мне, я превозмог
 Меня опять ударило в озноб
 Мой черный человек в костюме сером
 Мы бдительны, мы тайн не разболтаем
 Не поймешь, откуда дрожь
 Не потому, что ощущаю лень я — посвящение А. Кацаю
 Неужто здесь сошелся клином белый свет
 Пятнадцать лет — не дата, так — к 15-летию Театра на Таганке
 Пятнадцать — это срок, хоть не на нарах — к 15-летию Театра на Таганке
 Растревожили в логове старое зло
 Сбивают из досок столы во дворе — к/ф «Мерседес» уходит от погони»*
*Слева бесы, справа бесы
 Чту Фауста ли, Дориана Грея ли
 Я вам, ребята, на мозги не капаю
 Я не спел в кино, хоть хотел — посвящение А. и Г. Вайнерам*
*Я никогда не верил в миражи
 Я спокоен — он все мне поведал*

Публичные выступления

- 1 января — Нью-Йорк, Бруклин Колледж, Вайтмэн Холл
- 19 января — Нью-Йорк, Куинс Колледж, Голд Сентер
- 20 января — Бостон, Темпл Сентер, Охабет Шалом
- 20 января — Нью-Джерси, Хэмилтон Миддлскул
- 21 января — Балтимор, Информационный центр
- 21 января — Филадельфия, 1009 Анрах Авеню, Тиккет Информейшн Холл
- 25 января — Лос-Анджелес, Файярфэкс Хайскул
- 26 января — Торонто, «Инн Он зе Парк»
- 27 января — Детройт, Лазруп Хайскул
- 28 января — Чикаго, 5959 Норт Шеридан Род
- 3 февраля — Москва, НИИ прикладной механики
- 7 февраля — Москва, ЦНИИ промзданий
- 10 февраля — Дубна, ДК «Мир» (2 концерта)
- 11 февраля — Дубна, ДК «Октябрь» (2 концерта)
- 17 февраля — Москва, ЦНИИ промзданий
- февраль — Воронеж
- февраль — Ярославль
- февраль — Ярославль, Шинный завод
- 8 февраля — Ярославль, Дворец спорта моторного завода
- март — Москва, НИКИМП
- март — Раменское, ДК «Сатурн» (2 концерта)
- 26 марта — Москва, МВТУ им. Баумана (3 концерта)
- 5 апреля — Кельн, для работников посольства
- 23 апреля — Москва, Театр на Таганке (15-летие)
- апрель — Москва, ДК «Москворечье»
- апрель — Ижевск
- 27 апреля — Ижевск, Дворец спорта (сп. «В поисках жанра»)
- 28 апреля — Ижевск, Дом актера
- 29 апреля — Глазов
- 30 апреля — Глазов
- 3 мая — Москва, п/я у метро «Сокол»

- 28 мая — Москва, ГипроНИИмаш
- июнь — Москва, МГУ
- 9 июня — Минск, Гипроводхоз
- 10 июня — Минск, МИМС, Гипроводхоз
- июнь — Олехновичи
- июнь — Новгород (с театром)
- июнь — Боровичи (с театром)
- 2 июля — Рим, ресторан «Да Отелло»
- 14 июля — Москва, МИНХ им. Плеханова
- июль — Заравшан, ДК «Золотая долина»
- 21 июля — Учкудук, ДК «Современник» (4 концерта)
- 26 июля — Навои, ДК «Фархад»
- 27—28 июля — Навои, ДК «Фархад»
- 29 августа — Минск, БелНИИтопливо, БелНИИгипро-сельстрой
- 30 августа — Минск, Гипроводхоз (3 концерта)
- сентябрь — Тбилиси, ДК «Строитель»
- сентябрь — Тбилиси, ТНИИСГЭИ
- 7 сентября — Тбилиси, Дворец спорта
- 11 сентября — Тбилиси, НИИМИОН
- сентябрь — Тбилиси, НИИМИОН
- 15 сентября — Тбилиси, Дворец спорта (3 концерта)
- 16—19 сентября — Тбилиси, Дворец спорта (за 4 дня — 12 концертов)
- октябрь — Тбилиси, Дворец спорта, Электровозостроительный завод (до 8-го)
- 1 октября — Тбилиси, НИИпищепрома (2 концерта)
- 30 октября — Москва, ЦСУ
- 29 ноября — Москва, библиотека № 60
- 4 декабря — Торонто
- декабрь — Москва, издательство «Прогресс», МИНХ им. Плеханова
- 27 декабря — Москва, ИАЭ им. Курчатова
- 29 декабря — Протвино
- 30 декабря — Протвино
- без даты — Кентау
- без даты — Уфа, НИИ

1980 год

Жан, Жак, Гийом, Густав — нормальные французы

Здравствуйте, Аркадий Вайнер

И снизу лед, и сверху — маюсь между — 20 июля, посвящение М. Влади

Как зайдешь в бистро-столовку — посвящение М. Шемякину

Мне снятся крысы, хоботы и черти — 1 июня

Мы строим школу — к/ф «Наше призвание»

Проскакали всю страну — к/ф «Зеленый фургон»

Стоит много на кону

У знамени сломано древко

Шел я, брел я, наступал то с пятки, то с носка — 14 июля

Датировка остальных (более 50) поэтических произведений В. Высоцкого затруднительна.

Публичные выступления

январь — Курган (по 13 января, с театром)

январь — Пермь (с театром)

январь — Москва, ДК им. Чкалова

20 января — Москва, ЦДЛ, вечер братьев Вайнеров

22 января — Москва, запись на ЦТ

1 февраля — Москва, ВНИИЭТО

20 февраля — Жуковский, филиал МФТИ

20 февраля — Долгопрудный, МФТИ, факультет аэромеханики

21 февраля — Долгопрудный

21 февраля — Москва, МИФИ

23 февраля — Долгопрудный, МФТИ

23 февраля — Москва, ИКТП

25 февраля — Москва, 31-я больница «Олимпийская поликлиника»

27 февраля — Москва, МВТУ им. Баумана

28 февраля — Долгопрудный, МФТИ

29 февраля — Москва, ИКТП

29 февраля — Долгопрудный, МФТИ

март — Москва, МИНХ им. Плеханова

17 марта — Москва, МАМИ

27 марта — Москва, ДК «Коммуна», клуб «Диапазон»

28 марта — Москва, школа № 779, Институт психологии

апрель — Москва, Академия химзащиты им. Тимошенко

7 апреля — Москва, МИЭМ

13 апреля — Москва, ДК МАИ

15 апреля — Москва, Мосгорхимпроект (4 концерта)

16 апреля — Ленинград, малая сцена БДТ

17 апреля — Ленинград, НИИ

18 апреля — Ватуткин, в/ч 44910

28 апреля — Москва, НИИ витамин

29 апреля — Троицк, ИФВД

май — Варшава

17 июня — Калининград

18 июня — Калининград

20 июня — Калининград

21 июня — Калининград, Дворец спорта «Юность»

22 июня — Калининград, Дворец спорта «Юность»

июль — Калининград

3 июля — Люберцы, ДК

3 июля — Лыткарино, ДК «Мир»

14 июля — Москва, НИИЭМ

16 июля — Болшево, ДК им. Ленина

17 июля — Болшево, ДК им. Ленина

без даты — Москва, МИСИ

без даты — Москва, ВПТИтяжмаш

без даты — Протвино, Дом ученых

Использованная литература

Книги

- М. Влади «Прерванный полет»
А. Утевский «На Большом Каретном»
В. Аксенов «Московская сага»
П. Леонидов «Высоцкий и другие»
В. Высоцкий «Роман о девочках»
В. Золотухин «Дребезги»
Л. Абрамова «Факты его биографии»
В. Смехов «Записки заключенного с Таганки»
В. Перевозчиков «Живая жизнь» (части 1, 2, 3)
И. Рубанова «Владимир Высоцкий»
Ю. Андреев «Наша — авторская»
А. Троицкий «Рок в СССР»
Е. Чазов «Здоровье и власть»
А. Блинова «Экран и В. Высоцкий»
Н. Эйдельман «Грань веков»
«Олег Даль» (Воспоминания о нем)
Р. Медведев «Личность и эпоха»

Отдельные авторы

- В. Тендряков «На блаженном острове коммунизма»
И. Клемешев «Феномен Андропова»
В. Смехов «Портрет на фоне голоса»
М. Шемякин «Вспоминай всегда про Вовку!»

Журналы

- «Вагант», 1990, № 6, 11, 12
«Вагант», 1991, № 1, 2, 6, 7
«Вагант», 1992, № 1, 3, 5, 9, 10
«Театральная жизнь», 1988
«Театральная жизнь», 1989, май
«Вопросы литературы», 1989, № 6
«Студенческий меридиан», 1989 г.
«Искусство кино», 1986, № 11
«Юность», 1987, № 9
«Театр», 1988, № 6
«Литературное обозрение», 1987, январь
«Столица», 1990, август
«Театральная жизнь», 1987, апрель
«Столица», 1992, № 29
«Наш современник», 1984, № 7
«Москва», 1993, февраль

Газеты

- «Литературная Россия», 20 октября 1989 г.
«Социалистическая индустрия», 31 марта 1988 г.
«Труд», 14 марта 1991 г.
«Советский спорт», январь 1988 г.
«Литературная газета», 6 июля 1989 г.
«Комсомольская правда», 4 января 1992 г.
«Неделя», 10 ноября 1989 г.
«Московские новости», 5 марта 1989 г.
«Частная жизнь», ноябрь 1992 г.
«Труд», 24 января 1988 г.
«Вечерний клуб», 17 октября 1992 г.
«Неделя», 17 апреля 1992 г.
«Собеседник», ноябрь 1988 г.
«Советская культура», 19 января 1988 г.
«Независимая газета», 2 сентября 1992 г.
«Новый взгляд», сентябрь 1992 г.
«Неделя», 20 августа 1992 г.

- «Московская правда», 1 октября 1992 г.
 «Книжное обозрение», 27 июля 1990 г.
 «Российская газета», 25 июля 1991 г.
 «Независимая газета», 19 января 1991 г.
 «Собеседник», 14 мая 1992 г.
 «Начало», 20 сентября 1991 г.
 «Начало», август 1991 г.
 «Комсомольская правда», 11 января 1992 г.
 «Куранты», 15 февраля 1992 г.
 «Новый взгляд», ноябрь 1992 г.
 «Мегаполис-экспресс», июль 1991 г.
 «Московская правда», 26 декабря 1992 г.

Содержание

Часть первая

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО	5
От автора	5
1938—1964	7
1965 год	52
1966 год	61
1967 год	70
1968 год	86
1969 год	112
1970 год	124
1971 год	132
1972 год	148
1973 год	156
1974 год	175
1975 год	186
1976 год	204
1977 год	215
1978 год	229
1979 год	252
1980 год	279
Покой и воля	328

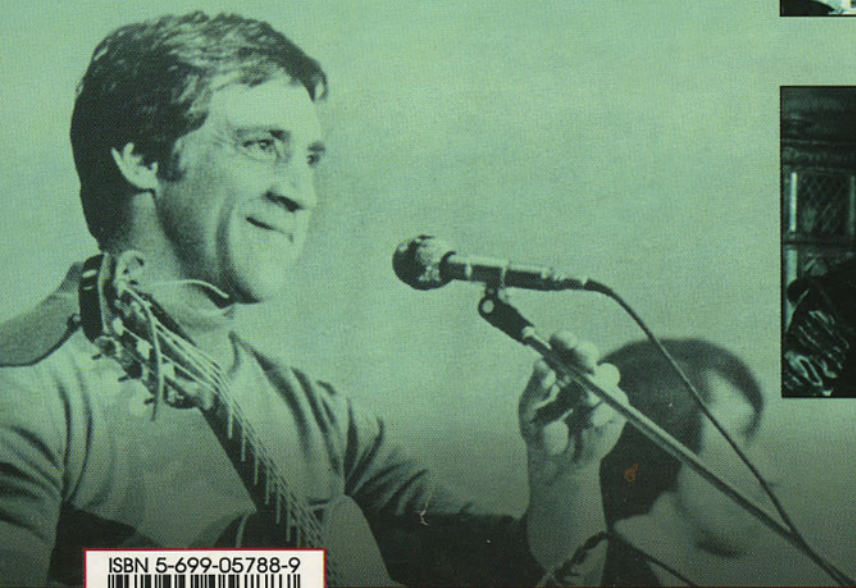
Часть вторая

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ	330
Предтечи	416
Убийца	427
Справочный материал	437
Список произведений и публичных выступлений Владимира Высоцкого	437
Использованная литература	476

Владимир Высоцкий. По лезвию бритвы

Имя Владимира Высоцкого не нуждается в представлении. Популярность замечательного барда, поэта, актера еще при его жизни перешагнула все мыслимые пределы. Хриплый голос певца был знаком любому жителю страны, звучал с магнитофонных пленок и в столице, и в малой деревеньке. На спектакли Таганки с участием В. Высоцкого ломились толпы зрителей. Но его жизнь отнюдь не была гладкой и благополучной. Номенклатурная власть, высокие чиновники боялись чрезмерной популярности барда и всячески старались «не пущать» его в массы. В скольких фильмах он не снялся, сколько стихов осталось в столе поэта, не увидев света при его жизни...

Да и сам бард изрядно усложнял свое существование роковыми пристрастиями... Обо всем этом — книга Ф. Раззакова. В ней, как и во всякой честной книге, — и свет, и тень...

ISBN 5-699-05788-9

9 785699 057887 >